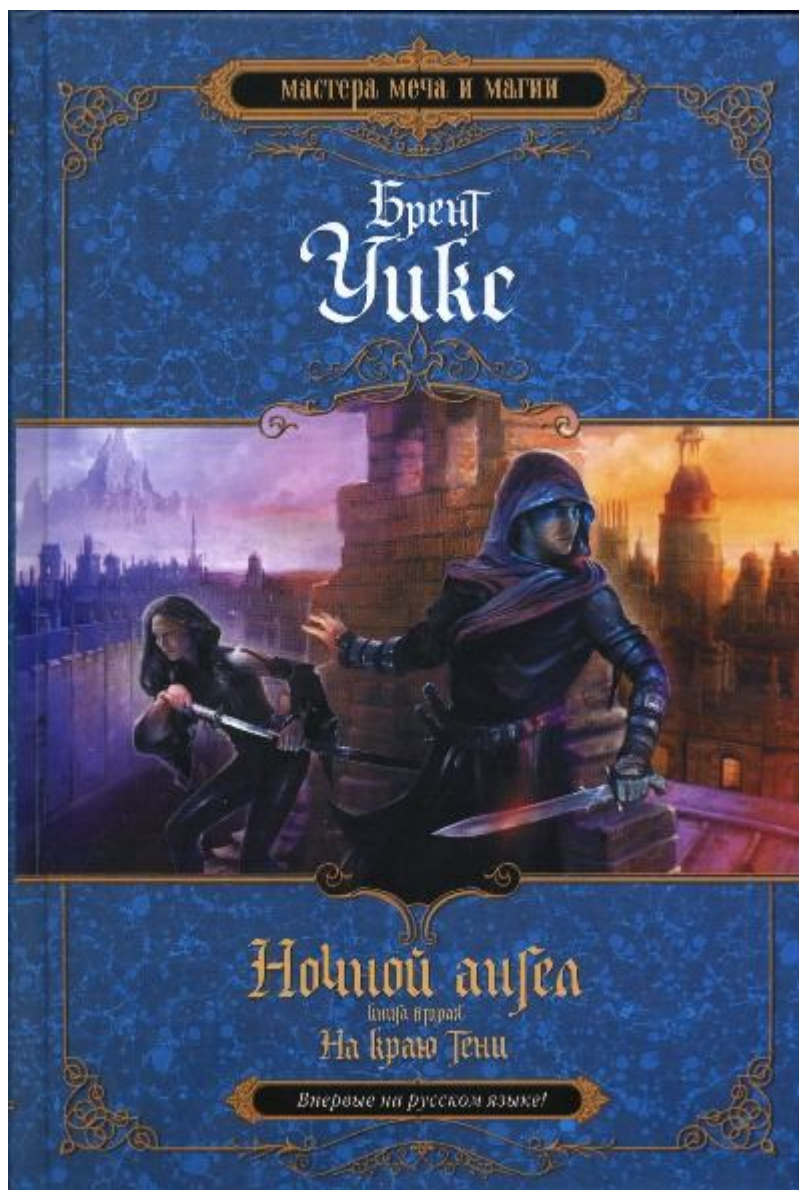

Брент Уикс На краю тени

Ночной ангел – 2

- Alex1979, OCR & ReadCheck - Tramell <http://oldmaglib.com>

«Брент Уикс "Ночной ангел. Книга 2. На краю тени"»: Эксмо, Домино; Москва, СПб;

2010

ISBN 978-5-699-44020-7

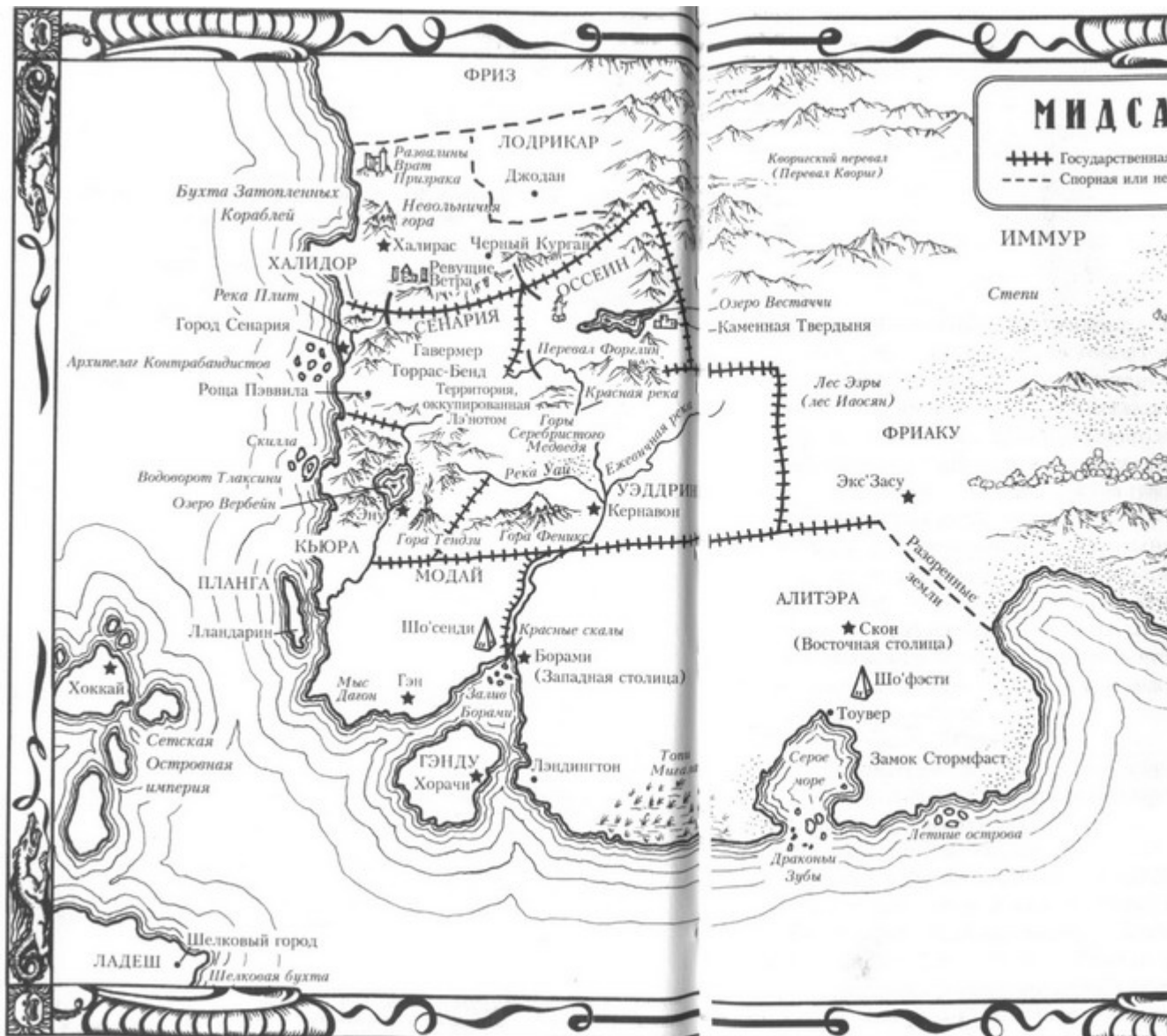
Аннотация

Черные дела творятся в мире Мидсайру. Предательство следует за предательством. Трон Сенарни незаконно захвачен Гэротом Урсулом, объявившим себя королем-богом. Логан Джайр, законный наследник, вынужден скрываться в подземных норах от преследования жестокой власти. Кайлар Стерн, профессиональный убийца и обладатель колдовского таланта, решает навсегда расстаться с профессией и перекроить судьбу. Но, узнав о судьбе Логана, своего лучшего друга, Кайлар встает перед мучительным выбором: или отказаться от Пути тени и жить в покое, или пойти на великий риск и совершить последнее в своей жизни, решающее убийство.

Брент Уикс «На краю тени»

Посвящается Кристи, за то, что не ведала сомнений, даже когда они одолевали меня.

И Кевину — ведь старший брат обязан сделать младшего сильным. Ты научил меня как раз тому, что нужно.

— Мы предлагаем тебе контракт, — сказала Мамочка К.

Этим утром, как и всегда, она была похожа на королеву: гордая осанка, роскошное платье идеального покроя. Волосы, седые у корней, безупречно уложены. Под глазами — темные круги. Кайлар понял, что с начала халидорского вторжения те из лидеров Са'каге, кто выжил, если и спали, то урывками.

— И тебе доброго утра, — откликнулся он, располагаясь в мягком кресле кабинета.

Мамочка К. не обернулась. Ее взгляд был устремлен в окно. Прошедший ночью дождь погасил большинство пожаров, однако многие еще окутывали город малиновым рассветом. Воды реки Плит, разделявшие богатую восточную часть Сенарии и Крольчатник, кроваво багровели. Не верилось, что это всего лишь отблески подернутого дымкой солнца, ведь за неделю после битвы халидорцы истребили тысячи людей.

Мамочка К. добавила:

— Один совет: жертва знает, что будет покушение.

— Откуда?! — не удержался Кайлар.

Са'каге обычно такой небрежности не допускали.

— Мы сами ему сказали.

Кайлар потерял виски. Возможно ли? Да, но только в том случае, если попытка чревата провалом. Этим Са'каге отведет от себя любые подозрения. Значит, жертва — завоеватель Сенарии, король-бог Халидора Гэрот Урсуул. И никто другой.

— Я пришел только затем, чтобы получить свои деньги, — сказал Кайлар, — ибо все дома Дарзо — мои укрытия — сгорели дотла. Мне нужны средства на подкуп стражи городских ворот.

Еще ребенком он часть заработка вкладывал, отдавая Мамочке К. Уж на несколько-то взяток у нее должно быть с лихвой.

Мамочка К., молча прошуршав листочками рисовой бумаги на столе, нашла один и протянула Кайлару. Итак, что у нас там? Участие в контрабандном ввозе дурманных трав. Доли в пивоварне и других делах, часть ценных бумаг ростовщика. Скаковая лошадь. Ряд грузов, таких как шелка и драгоценные камни. Законных, если не считать, что Са'каге предпочитало платить двадцать процентов взятками, нежели пятьдесят налогами. Умопомрачительно длинные столбики информации. Кайлар не понимал и половины.

— У меня есть дом? — наконец спросил он.

— Был, — ответила Мамочка К. — В этой колонке значатся товары и ценности, утраченные в огне и грабежах.

Рядом со всеми, кроме двух экспедиций за шелками и дурманом, стояли галочки. Почти все, чем владел Кайлар, пропало безвозвратно.

— Экспедиций можно ждать месяцами, да и вернутся ли теперь — неизвестно. Если король-бог продолжит захват гражданских судов, не вернутся точно. Конечно, был бы он мертв...

Кайлар сразу понял, куда она клонит.

— Из бумаги следует, что моя доля, несмотря ни на что, составляет от десяти до пятнадцати тысяч. Продаю ее тебе за тысячу. Мне хватит.

Мамочка К. будто не слышала.

— Чтобы убить наверняка, нужен третий мокрушник. Пятьдесят тысяч гандеров за одно убийство, Кайлар. С такими деньгами можешь ехать вместе с Эленой и Ули на все четыре стороны. Мир повернется к лучшему, и работать тебе больше не придется никогда. Это в последний раз.

Он колебался всего секунду.

— У вас каждый раз — последний. С меня хватит.

— Это из-за Элены, — догадалась Мамочка К.

— Как по-твоему, может ли человек измениться? — ответил Кайлар вопросом на вопрос.

Она посмотрела на Кайлара печальным взглядом.

— Нет. И в конце концов возненавидит всех, кто его об этом попросит.

Кайлар встал и направился к двери. В коридоре он налетел на Джарла. Тот ухмылялся так знакомо — Кайлар помнил эту улыбку еще с тех пор, когда они вместе мальчишками росли на улице. Ничего хорошего она не предвещала. Джарл был одет не иначе как по последней моде: длинная, свободная в плечах туника и узкие брюки, заправленные в сапоги.

Чем-то он смутно напоминал халидорца. Тонкие замысловатые косички волос венчали золотые бусинки, красиво оттенявшие черную кожу.

— Для тебя есть классная работа, — понизив голос, сказал Джарл, не слишком, однако, заботясь, что подслушивают.

— Надеюсь, обойдется без убийств? — уточнил Кайлар.

— Не совсем.

— Ваше святейшество, все трусы в строю и готовы искупить свою вину, — объявил вюрдмайстер Неф Дада, и голос его разлетелся над толпой.

Сгорбленный, с лицом в прожилках вен и темных пятнах, старик вонял смертью, которую не подпускал к себе только магией. Сейчас он хрипло дышал, взойдя на помост в огромном дворе сенарийского замка. На плечи, закутанные в черный плащ, ниспадали двенадцать узловатых шнурков — по числу шу'ра, которыми владел вюрдмайстер. Неф с трудом преклонил колени и протянул королю-богу пучок соломин.

Гэрот Урсуул стоял на помосте, проводя смотр войск. Место впереди и в центре занимали почти две сотни грааварских горцев — высоких, грудь колесом, голубоглазых варваров с короткими черными волосами и длинными усами. По бокам стояли другие элитные горские племена, штурмом бравшие замок. Остальные части регулярной армии, вошедшие в Сенарию после освобождения, замерли позади.

Над рекой Плит, по обе стороны замка, поднимался туман и вползал под ржавые зубья решетки городских ворот, остужая толпу. Грааварцы были разбиты на пятнадцать групп, по тринадцать человек в каждой, и не имели при себе ни оружия, ни доспехов, ни туник. Они стояли в одних штанах, с окаменелыми бледными лицами и, вместо того чтобы дрожать в прохладе осеннего утра, покрывались потом.

Когда король-бог инспектировал войска, они всегда стояли как по струнке, однако сегодня, несмотря на тысячи зевак, тишина резала слух. Гэрот собрал всех до единого солдат и позволил наблюдать за происходящим сенарийской знати, их слугам и даже простолюдинам. Майстеры, в черно-красных коротких плащах, стояли плечом к плечу с вюрдмайстерами и солдатами, крестьянами, бондарями, знатью, рабами и прислугой, моряками и сенарийскими шпионами.

Король-бог был одет в просторный белый плащ, отороченный горностаем на плечах, отчего они казались еще шире. Под плащом скрывались белая туника без рукавов и свободные белые штаны. Мертвенно-бледное халидорское лицо на фоне сплошной белизны делало Гэрота похожим на призрак и приковывало все внимание к виру, игравшему по коже. К рукам короля-бога поднимались черные завитки энергии. Огромные узлы вздымались и опадали. Узлы, ошетилившиеся шипами. Колючки двигались не только взад-вперед, но и вверх и вниз, волнообразно, выдавливаясь из кожи и царапая ее внизу своими копиями. Однако руками вир не ограничивался. Сгустки энергии обрамляли лицо владыки и поднимались еще выше, до самой бритой головы, где впивались в кожу, формируя колючую, дрожащую черную корону. По щекам правителя струилась кровь.

Большинство сенарийцев видели короля-бога впервые и были потрясены. Они вздрагивали каждый раз, когда взгляд Урсуула падал в толпу. Именно этого он и добивался.

Наконец Гэрот выбрал одну из соломин, предложенных Нефом Дадой, и переломил ее пополам. Выбросив одну половинку, добавил к ней двенадцать целых.

— Пусть теперь слово молвит Хали! — Сильный голос правителя вибрировал энергией.

Он дал знак грааварцам подниматься на платформу. При освобождении они получили приказ удерживать двор и расправиться с сенарийской знатью. Тем не менее горцев обратили в бегство, а Тэра Грэзин и ее приближенные улизнули. На свирепых грааварцев совсем не похоже. Неприемлемо, необъяснимо. Гэрот не понимал, что заставило людей отчаянно драться в один день и бежать на следующий.

Зато он понимал другое: это позор. Всю прошедшую неделю грааварцы чистили конюшни, вычерпывали выгребные ямы и драили полы. Им не позволялось спать, и по ночам

они натирали до блеска оружие и доспехи. Сегодня горцы загладят вину и в течение года будут жаждать доказать свой героизм. Приближаясь вместе с Нефом к первой группе, Гэрот успокоил вир. Когда люди начнут тянуть соломинки, пусть думают, что милуют одних и обрекают других вовсе не магия и не воля Гэрота. Напротив, это просто судьба, неумолимые последствия их собственной трусости.

Король-бог поднял руки, и все халидорцы в едином порыве стали молиться:

— Хали вас, Халивос рас ен ме, Хали мевирту рапт, реку виртум дефите!

Слова утихли, и к Гэроту подошел первый солдат. От силы лет шестнадцать, над губой — едва заметный пушок. У него подкашивались ноги, взгляд метался между соломинками и ледяным лицом короля-бога. В свете восходящего солнца голая грудь блестела от пота, мышцы сводило судорогой. Он потянул соломинку. Длинная.

Напряжение волной покинуло его, но лишь наполовину. Юноша рядом с ним — по виду как две капли, должно быть, старший брат — облизал пересохшие губы и схватил вторую соломинку. Короткая.

Тошнотворный выдох облегчения прокатился над отрядом, и тысячи зрителей, не видя соломинки, догадались: короткая. Горец, вытащивший ее, посмотрел на младшего брата. Тот отвел глаза. Осужденный на смерть, еще не веря, бросил взгляд на короля-бога и протянул ему короткую соломинку.

Гэрот шагнул назад.

— Хали молвила слово, — объявил он.

Послышался всеобщий вдох, и Гэрот кивнул отряду.

Воины, как один, подступили к юноше, и избиение началось. Не остался в стороне даже брат.

Дело пошло бы куда быстрее, будь у них рукавицы или древки копий. Либо мечи — для ударов плашмя. Однако Гэрот решил, что так лучше. Когда брызнет кровь, ей не место на одежде воинов. Она должна быть у них на коже. Пусть почувствуют тепло крови юноши, когда он умирает. Пусть узнают цену трусости. Халидорцы с поля боя не бегут.

Отряд набросился на несчастного с неожиданным энтузиазмом. Круг замкнулся, крики стали громче. Что-то отвратительно интимное было в том, как обнаженная плоть бьет по обнаженной плоти. Обреченный исчез из виду. Только мелькали локти да ноги. Спустя мгновения брызнула кровь. Юноша, который вытащил короткую соломинку, стал воплощением слабости отряда. На него пал выбор Хали. Каких-то две минуты, и он был мертв.

Отряд, весь в кровавых пятнах, тяжело дыша, прекратил экзекуцию. На труп под ногами никто не смотрел. Зато правитель удостоил взглядом каждого, задержав его на брате. Стоя над трупом, Гэрот протянул руку. Из запястья вырвался вир, превратился в рваную когтистую лапу и обхватил голову трупа. Когти сжались, и череп лопнул. От мерзкого чавкающего звука десятки сенарийцев не сдержали рвоты.

— Ваша жертва принята. Отныне вы чисты, — объявил Гэрот Урсуул, салютуя отряду.

Воины, салютовав королю-богу в ответ, заняли прежнее место в строю. Тело оттащили в сторону.

Урсуул двинулся к следующему отряду. Остальные четырнадцать экзекуций будут уныло похожи друг на друга. Хотя напряжение по-прежнему искрой прошивало каждый отряд — ведь наверняка те, кто закончил, лишатся друзей и родных в других группах, — Гэрот уже потерял к происходящему интерес.

— Неф, расскажи, что узнал о ночном ангеле, который убил моего сына.

Сенарийский замок значился у Кайлара далеко не первым в списке мест для посещений. Он загримировался кожевником: пятна краски на руках до локтя, заляпанная шерстяная туника, несколько капель особых духов, которые изобрел его учитель, ныне покойный Дарзо Блинт. Правда, вонял Кайлар чуть слабее, чем настоящий кожевник. Дарзо всегда предпочитал маскироваться под кожевников, свинопасов, нищих и бродяг, тех, кого

приличные люди стараются не замечать, чуя неизбежный аромат. Духи Кайлар нанес только на верхнюю одежду. Если придется вернуться к прежнему облику, ее можно сбросить. Какой-то запах все равно останется, ну так любая маскировка не без изъянов. Главное в искусстве перевоплощений — чтобы недостатки и работа сочетались.

Восточный королевский мост сгорел во время штурма и, хотя мастера его почти восстановили, был по-прежнему закрыт, поэтому Кайлар прошел по Западному. Халидорская стража едва удостоила его взглядом. Казалось, все внимание — даже мастеров — было приковано к помосту в центре замкового двора и отряду горцев, стоявших на холоде голыми по пояс. Кайлар не задержал взгляда на платформе, ища источники угроз. Все еще сомневался: что, если мастера заметят его *талант*? Хотя и подозревал, что не смогут, пока он не начнет его использовать. Именно поэтому Кайлар пришел в обличье кожевника. Если мастер подойдет совсем близко, остается надежда, что земные запахи перебьют магические.

Ворота с двух сторон охраняли четыре стражника, по шесть стояло на каждом сегменте крепостной стены ромбовидного замка. В строю, во внутреннем дворе, — пожалуй, около тысячи воинов, не считая двухсот грааварских горцев. В многотысячной толпе через равные промежутки располагались полсотни мастеров. В центре действия, на временной платформе, — ряд сенарийской знати, изуродованные трупы и король-бог Гэрот Урсуул собственной персоной, беседующий с вюрдмайстером. Как ни странно, несмотря на всех солдат и мастеров, это был, пожалуй, лучший шанс убить правителя.

Но Кайлар пришел сюда не убивать. Ему предстояло изучить одного человека. Разглядывая толпу, он быстро нашел того, кого описывал Джарл. Толстяк, рыжая борода острым клинышком, на южнохалидорский манер. Большой крючковатый нос, дряблый подбородок и огромные мохнатые брови. Барон Кироф, вассал рода Джайров. Из сенарийской знати он одним из первых пал ниц перед Гэротом Урсуулом. Почему бы и нет? Хозяин мертв, да и собственные земли рядом с городом.

Кайлар придвинулся ближе. Барон Кироф потел и все время вытирал ладони о тунику, нервно беседуя с халидорскими вельможами. Кайлар осторожно пробирався за спиной вонючего кузнеца, когда тот вдруг резко ударил его локтем в солнечное сплетение.

Дыхание перехватило. Кайлар согнулся, и ка'кари в его ладони тут же превратился в кинжал.

— Хочешь лучше видеть, надо раньше приходить, как все! — рявкнул кузнец.

Он сложил руки на груди, демонстрируя могучие бицепсы.

Кайлар усилием воли заставил ка'кари раствориться в коже, извинился, потупив взор. Кузнец, ухмыльнувшись, вернулся к зрелищу.

Кайлар устроился поудобней. Теперь барон Кироф был как на ладони. Король-бог прошел половину отрядов, и букмекеры Са'каге уже принимали ставки, на какой номер из тринадцати выпадет смертельный жребий в каждой группе. Халидорские солдаты внимательно наблюдали за происходящим. Сколько сенарийцев умрут сегодня вечером за бездушные букмекеров, думал Кайлар, когда солдаты Халидора отправятся бродить по городу, мстя от горя за своих погибших? Са'каге умудрялось испоганить все, к чему прикасалось.

«Я должен выбраться из этого проклятого города!»

В следующем отряде соломинки вытянули уже десять человек. Короткая все не попадалась. Стоило посмотреть, как среди оставшихся нарастало отчаяние, когда судьба щадила соседей одного за другим, а собственные шансы злоедеюще убывали. Одиннадцатый воин, лет сорока, жилистый и крепко сбитый, вытянул короткую соломинку. Вручая ее королю-богу, он пожевал кончик уса, но ничем иным не выдал своих чувств.

Неф глянул туда, где на платформе сидели герцогиня Джадвин и ее муж.

— Я исследовал тронный зал и почувствовал то, с чем раньше никогда не сталкивался. Весь замок пропитан магией, убившей столько наших мастеров. Однако есть места в тронном зале, которые не... пахнут. Будто сразу после пожара в доме заходишь в одну из

комнат, а там — свежий воздух.

Кровь летела во все стороны, и Гэрот полагал, что жертва уже мертва, однако отряд все бил и бил. Бил остервенело.

— Судя по тому, что мы знаем, на серебряный ка'кари не похоже, — заметил Гэрот.

— Нет, ваше святейшество. Видимо, есть седьмой, тайный ка'кари. Думаю, он нейтрализует магию, и владеет им ночной ангел.

Пока Гэрот размышлял над этим, шеренги перестроились, оставив труп перед собой. Лицо воина превратилось в сплошное кровавое месиво. Впечатляющая работа. Либо отряд решил яро выслужиться, либо все просто ненавидели беднягу. Гэрот кивнул, польщенный. Он снова расправил когти вира и сокрушил череп трупа.

— Ваша жертва принята. Отныне вы чисты.

Два телохранителя короля-бога оттащили труп к краю платформы. Даже если сенарийцы и не разглядят смерть каждого сейчас, то увидят последствия — гору трупов в грязи и запекшейся крови.

На подходе был следующий отряд, и Гэрот спросил:

— Ка'кари, что скрывали семьсот лет? Какую власть он дарует? Возможность прятаться? Мне-то зачем?

— Ваше святейшество, с этим ка'кари вы либо ваш шпион можете проникнуть в сердце Часовни и взять любое из сокровищ. Незаметно. Возможно, ваш шпион сумеет вторгнуться в Лес Эзры и забрать все самое ценное, что есть в этом семисотлетнем мире. После чего не будет нужды ни в армиях, ни в умении и хитрости. Одним ударом можно взять за глотку всю Мидсайру.

«Мой шпион». Нет сомнений, храбрый Неф добровольно возьмет на себя столь опасную задачу. Мысль о таком ка'кари захватила Гэрота сразу на несколько смертей: еще одного юноши, двух человек в расцвете сил и закаленного в боях ветерана с одной из высших наград, пожалованной самим королем-богом. Только у него в глазах читалось что-то сродни измене.

— Проверь, — сказал Гэрот.

Интересно, знает ли Хали о седьмом ка'кари? А Дориан, его первый признанный сын? Дориан, его наследник. Дориан, пророк. Дориан, предатель. Он в Сенарии, Гэрот не сомневался. Только Дориан мог принести сюда Кьюрох, волшебный меч Джорсина Алкестеса. Какой-то маг явился с ним лишь на мгновение и, сразив полсотни мастеров и трех вюрдмастеров, исчез бесследно. Неф, конечно, ждал, что Гэрот начнет расспрашивать о мече, однако тот давно отчаялся найти Кьюрох. Дориан не дурак. Он бы ни за что не принес Кьюрох в самое пекло, зная, что может его потерять. Как обхитрить человека, который видит будущее?!

Король-бог, прищурившись, расплющил очередную голову. Каждый раз на белоснежных одеждах появлялась свежая кровь. Намеренно. Однако это же и раздражало, ибо ничего нет величественного в том, что брызги крови попадают тебе в глаз.

— Ваша жертва принята, — сообщил он воинам. — Отныне вы чисты.

Пока отряд занимал свое место на плацу, Гэрот стоял у переднего края платформы. За все время смотра он ни разу не повернулся лицом к сенарийцам, которые сидели за его спиной. Теперь соизволил.

Вир, вспыхнув, сразу ожил. Черные завитки поползли к лицу, клубясь, окутали руки и пронзили ноги. Вылезали даже из зрачков. На мгновение Гэрот позволил завиткам всосать свет и явился неестественным пятном тьмы в брезжившем рассвете. Затем положил этому конец. Знать Сенарии должна его видеть.

Глаза всех собравшихся зрителей были широко раскрыты. Но людей ошеломили не только вир и присущее Гэроту величие. Скорее трупы, сложенные как дрова и обрамляющие короля-бога с трех сторон. Ни дать ни взять, портрет. Мало того, еще и белые одежды, забрызганные кровью и мозгами. Невиданной мощью король-бог внушал благоговейный трепет и был ужасен в своем величии. Пожалуй, герцогиня Трудана Джадвин нарисует ему

эту картину — если останется жива.

Король-бог разглядывал сенарийскую знать, а те, в свою очередь, не сводили глаз с Гэрота. Интересно, кто-нибудь подсчитал, сколько их? Как-никак тринадцать.

Он протянул пучок соломин.

— Тяните! — бросил Гэрот. — Хали вас очистит.

На сей раз он не допустит, чтобы судьба решала, кто умрет. Военачальник Гхер посмотрел на короля-бога.

— Ваше святейшество, здесь, должно быть, какая-то... — начал он и осекся.

Короли-боги не ошибаются. Гхер побледнел как полотно и стал тянуть соломинку. Длинная. Какое облегчение! Ему не сразу пришло в голову, что хорошо бы скрыть столь явные эмоции.

Остальные, в большинстве своем менее знатные, управляли государственными делами при последнем короле, Алейне Гандере IX. Подкупить любого было проще некуда. Однако хоть они и не оправдали надежд короля-бога, убивать пеонов не имело смысла.

Гэрот обратил свой взор на вспотевшую Трудану Джадвин. Она была в ряду двенадцатой, а ее муж — последним.

Король-бог сделал паузу. Он позволил им взглянуть друг на друга. И они, и все те, кто наблюдал, знали: один из Джадвинов умрет, и кто именно, зависит от выбора Труданы.

Гэрот объявил:

— Среди собравшейся здесь знати только вы, герцог Джадвин, не состояли у меня на службе. Следовательно, и не подводили — это очевидно. Чего не скажешь о вашей жене.

— Что это значит?! — воскликнул герцог и посмотрел на Трудану.

— Разве вы не знали, что она изменила вам с принцем? А затем убила его по моему приказу? — сказал Гэрот.

Как прекрасно стоять в самом центре сугубо личной, напряженной сцены! Лицо герцога, бледное от страха, посерело. Он был явно менее проницателен, чем большинство рогоносцев. Гэрот видел, как момент истины крушит бедолагу. Все легкие подозрения, которые тот когда-либо отметал, любая невнятная отговорка, когда-либо звучавшая, теперь били наотмашь.

Занятно, что Трудана Джадвин стояла с убитым видом. Ни намек на лицемерие, ожидаемое Гэротом. Он-то думал, что укажет она пальцем на мужа — вот, мол, чья вина. И поведает почему. Однако ее виноватые глаза говорили обратное. Гэрот мог только догадываться, что герцог был мужем порядочным, и Трудана это знала. Изменила потому, что поддавалась похоти, и теперь два десятка лет лжи стали непомерным грузом.

— Трудана, — проговорил король-бог, опережая остальных. — Ты служила хорошо, однако могла бы лучше. Вот твоя награда и наказание. — Он протянул ей соломинки. — Короткая слева.

Она взглянула в черные от вира глаза Гэрота, затем на соломинки и, наконец, в глаза мужа. Бессмертное мгновение. Гэрот знал, что печальный взгляд герцога будет преследовать Трудану Джадвин всю оставшуюся жизнь. Король-бог не сомневался, каков будет выбор, но Трудана, очевидно, полагала, что способна пожертвовать собой.

Собрав все мужество, она потянулась к короткой соломинке, затем остановилась. Бросив взгляд на мужа, отвела глаза и вытащила длинную.

Герцог взвыл. Это было чудесно. Звук пронзил навывлет сердце каждого сенарийца в замковом дворе. Самый верный тон, чтобы донести послание короля-бога: следующим может стать любой из вас.

Пока вельможи, включая Трудану, бледные как смерть, обступали герцога, проклиная себя за участие в бойне, тот повернулся к жене.

— Я люблю тебя, Трудана, — молвил он.

Герцог закрыл лицо плащом и исчез в толпе экзекуторов.

Король-бог только улыбнулся.

Пока Трудана Джадвин колебалась, Кайлар отметил, что, прими он работу Мамочки К., удар бы нанес именно сейчас. Все взоры были обращены к платформе.

Кайлар повернулся к барону Кирофу, изучая, как на его лице выглядят шок и ужас, когда заметил, что на стене позади барона осталось всего пятеро стражников. Он быстро пересчитал: шестеро. И один из них держал в руке лук и пригоршню стрел.

В центре двора послышался резкий треск, и Кайлар мельком увидел, как ломается и падает задняя секция временной платформы. Что-то сверкнуло разноцветными искрами и взлетело в воздух. Все как один обернулись посмотреть. Кайлар, напротив, отвернулся. Искрившая бомба взорвалась тихо, с огромной ослепительно-белой вспышкой. Когда, ослепнув, сотни горожан и воинов разом вскрикнули, Кайлар увидел шестого солдата на стене, оттягивающего тетиву со стрелой. Это был Джонус Рубщик, мокрушник, за которым числилось пятьдесят убийств. Стрела с золотым наконечником полетела к королю-богу.

Король-бог закрывал глаза ладонями, однако защитные поля уже пузырились вокруг Гэрота. Стрела вонзилась во внешний щит и, когда тот лопнул, взорвалась яркой вспышкой. Новая стрела была уже в пути. Она прошла сквозь дырявый щит и ударила в следующий. Пузыри лопались один за другим — Джонус Рубщик стрелял невероятно быстро. Он использовал свой *талант*, подвесив запасные стрелы в воздухе так, что, как только отпускал тетиву, пальцы уже держали новую стрелу. Щиты разбивались быстрее, чем их латал король-бог.

Ослепленные люди кричали. Полсотни мастеров во дворе вскидывали вверх щиты, сбивая с ног людей поблизости.

Мокрушник, прятаясь под платформой, прыгнул на нее со стороны, невидимой Гэроту. Он помешкал, глядя, как последний дрожащий пузырь надувается в дюймах от тела короля-бога, и Кайлар увидел, что это вовсе не мокрушник. Еще ребенок, лет четырнадцати. Ученик Джонуса Рубщика. Он даже не прыгнул. Стоял как вкопанный. Кайлар услышал неподалеку звон тетивы, и мальчишка упал — как только лопнул последний щит.

Люди устремились к воротам, топча соседей. Часть ослепленных мастеров в панике метали зеленые ракеты. Куда попало — в толпу и в солдат вокруг. Один из телохранителей короля-бога попытался прикрыть его. Потрясенный Гэрот неверно истолковал движение, и молот вира обрушился на горца-великана, попутно сметая с платформы сенарийскую знать.

Кайлар обернулся, чтобы выяснить, кто убил ученика Джонуса Рубщика. Рядом, не более чем в десяти шагах, стоял Хью Висельник, мясник, уничтоживший всю семью Логана Джайра. И лучший мокрушник в городе, раз уж мертв Дарзо Блинт.

Джонус Рубщик уже бежал, ни секунды не жалея о погибшем ученике. Хью выпустил вторую стрелу, и она вонзилась в спину Джонуса. Мокрушник покачнулся и, упав со стены, исчез из виду, но Кайлар не сомневался: убит.

Хью Висельник предал Са'каге, а сейчас спас короля-бога. Раньше чем Кайлар это осознал, ка'кари нырнул ему в ладонь.

«Стоп. Как же так? Я не захотел убивать создателя плана уничтожения Сенарии, зато сейчас намерен убить телохранителя?»

Конечно, называть Хью Висельника телохранителем — все равно что называть медведя пушистым зверьком. Однако смысл остался прежним. Ка'кари вновь растворился под кожей.

Пригнувшись так, чтобы Хью не видел его лица, Кайлар влился в толпу сенарийцев, в панике хлынувших через ворота замка.

2

Пожары, превратившие город в развалины, миновали имение Джадвинов. Кайлар подошел к хорошо охраняемому входу, и стража безмолвно открыла ворота. Он лишь остановился, чтобы сорвать обличье кожевника и отдраить спиртом вонючее тело. Кайлар не сомневался, что опередил герцогиню, однако весть о смерти герцога долетела быстрее. На руках у стражников были черные повязки.

— Это правда? — спросил один из них.

Кайлар кивнул и зашагал мимо дома к хижине, где жили Кромуиллы. Элена была последней, кого они удочерили. Остальные родные Элены, сестры и братья, подались к другим торговцам или прислуживали другим знатым семьям. Только приемная мать Элены все еще служила Джадвинам. Кайлар, Ули и Элена жили здесь с начала битвы. Укрытия Кайлара сгорели или стали недоступны, но нельзя было допустить, чтобы кто-то узнал, что он жив.

Кайлар не хотел жить в переполненных прибежищах Са'каге. Никто не желал ходить по улицам, где шатаются банды халидорцев.

Хижина была пуста, и Кайлар прошел в дом, на кухню. Одиннадцатилетняя Ули стояла на табуретке и, склонившись над лоханью мыльной воды, драила сковородки. Кайлар одной рукой поднял взвизгнувшую Ули, развернул ее и уселся на табурет. Затем сурово посмотрел на девочку.

— Как мой наказ? Хорошо присматривала за Эленой?

Ули вздохнула.

— Я пыталась, но, боюсь, это бесполезно.

Оба рассмеялись. Ули воспитали в Сенарийском замке как сироту, и она не подозревала о своем происхождении. Правда заключалась в том, что Ули была дочерью Мамочки К. и Дарзо Блинта. Дарзо узнал о ней только в последние дни жизни, и Кайлар обещал позаботиться о девочке. Сначала он испытал неловкость, объясняя Ули, что не приходится ей отцом, и никак не ожидал, что дальше отношения легко наладятся.

— Бесполезно? Я тебе покажу «бесполезно»! — послышалось в ответ.

Элена внесла огромный котел с остатками подгоревшего мяса и водрузила его рядом со стопкой тарелок Ули.

Ули застонала, и Элена злорадно хихикнула. Кайлар восхитился, как она изменилась всего за неделю. А может, изменился его взгляд на Элену? Шрамы, которые в детстве ей нанес Крыс, никуда не делись: полные губы перечеркнуты крестом, шрам на щеке и полумесяц от брови до уголка рта. Только Кайлар их почти не замечал. Сейчас он видел лишь блеск кожи, ясные умные глаза, которые лучились счастьем. А что усмешка кривая, так шрам тут ни при чем. Намеренное озорство. И как это женщина может выглядеть так прелестно в скромном платье служанки и фартуке?

Элена схватила фартук с крючка и с хищным блеском в глазах посмотрела на Кайлара.

— О нет! Только не я, — взмолился Кайлар.

Она накинула фартук ему на шею и медленно, маняще потянула к себе. Глядя Кайлару прямо в глаза, провела языком по губам. Он завороченно смотрел, не в силах отвести взгляд.

— Мне кажется, — тихо сказала Элена, и ее руки заскользили по его бокам, — что...

Ули громко кашлянула, но парочка не удостоила ее вниманием.

Элена тесно прижалась к Кайлару, положила руки ему на пояс и потянулась губами к его губам. Он почувствовал ее сладковатый запах.

— ...так гораздо лучше!

Она крепко завязала фартук и внезапно отпустила Кайлара, шагнув назад.

— Вот теперь ты готов мне помочь. Выбирай, что хочешь: резать лук или чистить картошку?

Глядя на его возмущенное лицо, обе расхохотались.

Кайлар бросился к ней. Элена попыталась увернуться, но он использовал *талант*. Как-никак тренировался всю прошедшую неделю. И хотя до сих пор удавалось вытянуть руки лишь на шаг сверх отведенного природой, сейчас этого хватило. Он прижал к себе Элену и поцеловал. Едва обозначив борьбу, та ответила на поцелуй с не меньшей страстью. На какой-то миг весь окружающий мир растворился в нежности ее губ и прикосновении двух разгоряченных тел.

Ули демонстративно изобразила, будто ее тошнит, и Кайлар плеснул на нее водой из-под грязных тарелок. Раздался возмущенный вопль. Элена высвободилась и закрыла рот

ладошкой, сдерживая смех.

Кайлар угодил точнехонько Ули в лицо. В отместку она тоже плеснула в него водой. Кайлар увертываться не стал.

— Ладно, малявка, мы квиты. Объявляю перемирие. Ну, где там ваша картошка?

Все трое включились в несложную рутину кухонной работы. Кайлар, убедившись, что их не подслушивают, рассказал Элен о неудавшемся покушении на Урсуула. Возможно, и нет ничего скучнее для влюбленных, чем делиться новостями, но Кайлар всю жизнь отвергал скучноватую роскошь каждодневной любви. Мокрушник должен оставить все, не задумываясь, учил Дарзо. Убийца всегда одинок. Нет уж. Гораздо ценней поделиться с человеком, которому ты небезразличен. Хотя бы сказать ему правду, и только.

Простое человеческое общение — вот ради чего Кайлар закончил свой путь по тени. Полжизни он провел, неустанно тренируясь, чтобы стать идеальным убийцей. Больше убивать Кайлар не хотел.

— Им нужен был третий, — объяснял Кайлар, — чтобы вести наблюдение и прикрыть убийцу с кинжалом. С моей помощью мы бы справились. Случай выдался на редкость удобный. Согласись я, король-бог и Хью Висельник были бы уже мертвы, а мы бы разбогатели на пятьдесят тысяч гандеров. — Он вздохнул. — Гандеры. Пожалуй, скоро их перестанут так называть, ведь рода Гандеров больше не существует.

Кайлар вздохнул.

— Хочешь знать, правильно ли поступил? — спросила Элена.

— Да.

— Кайлар, в этой жизни всегда будут люди, мерзкие настолько, что, по-нашему, заслуживают смерти. Помнишь, в замке, когда Рот тебя... обижал? Я его тогда чуть не убила. Еще бы немного, и... не знаю. Зато знаю, как убийства исковеркали твою душу. Сам рассказывал. И не важно, сколько добра принесли они миру, ибо тебя разрушают. Смотреть на это спокойно я не могу. И не буду. Потому что слишком о тебе забочусь.

Элена, прежде чем покинуть город вместе с Кайларом, выдвинула одно непереносимое условие: он откажется от насилия и перестанет убивать. Кайлар до сих пор пребывал в замешательстве, пытаясь понять, верным ли путем идет Элена. А с другой стороны, он достаточно насмотрелся, чтобы сказать: путь Дарзо и Мамошки К. порочен.

— Ты действительно веришь, что насилие порождает насилие? И если я перестану убивать, то невинных в конце концов погибнет меньше?

— Конечно, — ответила Элена.

— Что ж, хорошо, — сказал Кайлар. — Сегодня вечером мне нужно сделать одну работу, а утром сможем выехать.

3

Дыра — самое страшное место в тюрьме, которую сенарийцы называли Утробой. Вход в Утробу представлял собой лик дьявола, вырезанный из черного огнеупорного стекла, и арестантов сбрасывали прямо в раскрытую пасть. Сама Дыра представляла собой место, где вряд ли кто-либо сумел бы насладиться искусством камнетеса. Здесь царил животный страх перед замкнутым пространством, мраком и жуткими завываниями ветра, доносящимися из глубины. Каждый знал: узник Дыры недостоин чистой смерти. Ему оставались безжалостная жара, испарения серы и вонь человеческих отходов в трех ипостасях: дерьма, мертвецов и немытой плоти. Где-то высоко над головой, по другую сторону решетки, отделявшей людей-животных от прочих заключенных Утробы, тускло горел одинокий факел.

Вместе с Логаном Джайром Дыру разделяли одиннадцать мужчин и одна женщина. Они ненавидели Логана за то, что у него есть кинжал, за сильное тело и культурную речь. Как-то получилось, что даже в этом кошмарном зверинце, среди уродов и извращенцев Логан остался другим, обособленным от всех.

Логан сидел спиной к стене. Одной на всех, потому что Дыра была круглой. В центре

зияла дыра поменьше, шириной пять шагов, уходившая в бездну. Стены бездны — строго отвесные, целиком из огнеупорного стекла. Глубины не знал никто. Когда узники пинали дерьмо в дыру, то не слышали ни звука. Покидали Дыру только ядреный смрад сероводородного ада и прерывистые стенания то ли ветра, то ли призраков, а может, и душ мертвых под пыткой — кто знает? — сводившие с ума.

Сначала Логан удивлялся, почему сокамерники испражняются у стены и только потом сбрасывают дерьмо в дыру, если вообще сбрасывают. Однако быстро понял: надо быть безумцем, чтобы сидеть на корточках у края пропасти. Здесь нельзя позволить себе ничего такого, что сделает тебя уязвимым. Если одному из обитателей Дыры приходилось идти мимо другого, он, полный подозрений, шаркал быстро, рычал, шипел и сыпал проклятиями так, что слова теряли смысл. Столкнуть в Дыру — простейший способ убить сокамерника.

Хуже того, ширина каменного уступа, окружавшего Дыру, составляла всего три шага. И он имел наклон к Дыре. В этой «полке» заключался весь мир обитателей Дыры. Тонкая и скользкая дорога к смерти.

С начала битвы Логан не спал уже неделю. Он удивленно моргнул. Целых семь дней! Логан начинал слабеть. Даже Фин, на долю которого досталось едва ли не все последнее мясо, голодал уже четыре дня.

— Ты принес нам несчастье, Тринадцатый, — сказал Фин, бросая свирепый взгляд через бездну. — Стоило тебе появиться, и сразу перестали кормить.

Только Фин называл его «Тринадцатым». Остальные приняли имя, которым он назвал себя в минуты безумия: Король.

— Точнее, с тех пор как ты сожрал последнего охранника? — спросил Логан. — Может, все-таки дело в этом?

Послышались сдавленные смешки. От всех, кроме простофили Зубастика, который безучастно улыбнулся сквозь зубы, сточенные до острейших клыков. Фин смолчал, продолжая жевать и растягивать веревку в руках. Он уже носил на себе целый моток, настолько толстый, что тот почти скрывал тело — жилистое, как и сами веревки. Больше всего сокамерники боялись именно Фина. Правда, Логан не назвал бы его лидером, поскольку это предполагало некий общественный строй. Люди же в Дыре походили на зверей: косматые, с телом, грязным настолько, что Логан не понимал, какого цвета была кожа до тюрьмы. Глаза дикие, уши ловят малейшие звуки. Спали все чутко. В тот день, когда он прибыл, они съели двоих.

«Прибыл?! Скорее, впрыгнул. Хотя мог бы умереть благородно. Теперь здесь навсегда. Точнее, пока не съедят. О боги, они меня съедят!»

Какое-то движение по другую сторону Дыры отвлекло его от волны ужаса и отчаяния. Это была Лили. Только она не жалась к стене. Бесстрашная. На Дыру — ноль внимания. К ней кто-то подошел и схватил за платье.

— Джейк, не сейчас, — бросила Лили одноглазому. Джейк помешкал, но Лили подняла бровь, и он, выругавшись, уронил руку. Лили под села к Логану. Простая женщина, неопределенного возраста. Может, лет пятидесяти. А может, двадцати: большинство зубов на месте.

Она долго молчала. Затем, когда интерес к ее маневру угас, рассеянно поскребла у себя между ног и спросила:

— Что надумал делать?

Голос звучал молодо.

— Буду отсюда выбираться, чтобы вернуть себе страну, — ответил Логан.

— Держись этого бреда насчет короля, — сказала Лили. — Заставь их думать, что ты сумасшедший. Вижу, озираешься по сторонам, как потерявшийся мальчишка. Не забывай: вокруг одни животные. Хочешь жить, стань чудовищем. То, что намереваешься сохранить, закопай поглубже. Вот тогда делай то, что надумал.

Лили хлопнула его по колену и вернулась к Джейку. Джейк оседлал ее мгновенно. Животным было все равно. Они даже не смотрели.

Дориан держался в седле только чудом, по наитию. Его снова охватывало безумие. Внешний мир казался далеким и ничтожным, погребенным в тумане. Зато видения, полные жизни, трепетали где-то рядом. Игра была в разгаре, кусочки мозаики двигались, и Дориан заглянул так далеко, как никогда. Ночной ангел сбежит в Кернавон, его сила растет, но он ею не пользуется.

«Что же ты, мальчик, делаешь?»

Дориан ухватился за ту жизнь и проследил ее к началу. Однажды он разговаривал с Кайларом и предсказал ему смерть. Теперь-то ясно, почему он не смог предвидеть, что ночной ангел и умрет, и останется жив. Его смутил Дарзо. Дориан видел жизнь Дарзо, пересекающую другие жизни. Видел, но не понял.

Очень хотелось попытаться пройти через все жизни Дарзо — вплоть до самой первой, когда он получил ка'кари, который теперь носил в себе Кайлар. Заманчиво — а вдруг отыщется и жизнь Безумца Эзры? Ведь она должна сверкать так ярко, что пропустить невозможно. И можно пойти вслед за Эзрой, узнать то, что он знал. Понять и то, как Эзра всему научился. Семь столетий назад он сотворил ка'кари, который сделал Кайлара бессмертным. Осталось всего три шага до одного из самых уважаемых и проклинаемых магов в истории. Три шага! Соблазнительно, однако требуется время. Возможно, месяцы. Зато чему бы он научился! Просто дух захватывает.

«Ты узнал бы о прошлом, когда трещит по швам настоящее. Сосредоточься, Дориан, не отвлекайся».

Снова уцепившись за жизнь Кайлара, Дориан проследил ее от детства в Крольчатнике и дружбы Кайлара с Эленой и Джарлом. Вот изнасиловали Джарла, изуродовали Элену. Первое убийство на счету Кайлара — в одиннадцать лет. Ученичество у Дарзо, наставления Мамочки К., мягкое и благотворное влияние графа Дрейка. Дружба Кайлара с Логаном, новая встреча с Эленой. Вот он крадет ка'кари, схватка в замке, убийство учителя. Находит Рота Урсуула.

«Мой младший брат! Таким же чудовищем был и я когда-то. Сосредоточься, Дориан».

Кажется, что-то послышалось. Вопль, движение в земном мире? Нет, он больше не даст себе отвлечься. Только-только что-то нащупал. Вот оно! Дориан наблюдал, как Кайлар отравляет Мамочку К., из справедливости, и дает ей противоядие — из милосердия.

Дориан видел, какие дорожки избирает юноша, но без знания почему, ему не угадать линию жизни в будущем. Кайлар уже выбирал куда менее очевидные, иногда невероятные варианты. Решая, кем пожертвовать, любимой девушкой или наставником, он жертвует собой. Бык выставил рога, а Кайлар прыгнул выше, над головой быка. Именно в Кайларе вся загвоздка. В ту же секунду Дориан увидел обнаженную душу мальчишки.

«Все, Кайлар, теперь от меня никуда не денешься. Вижу тебя насквозь».

Внезапная боль пронзила руку, но Дориан вцепился в жертву мертвой хваткой и уже не отпускал. Кайлар стремился соединить вместе жестокие реалии улицы и благочестивые порывы графа Дрейка (сумел же как-то заразить!). Заразить? Словечко Кайлара. Выходит, подобно Дарзо, он иногда в сострадании видел слабость.

«С тобой будет чертовски непросто. Верно, дружок?»

Дориан рассмеялся, глядя, как Кайлар справляется с недееспособным Са'каге Кернавона, как он собирает травы, платит налоги, ссорится с Эленой. Пытается стать нормальным человеком. Получается не очень-то, давление нарастает. Кайлар надевает серый плащ и выходит на крышу.

«Забавно. Это невзирая на то, что раньше уже сделал другой выбор».

И вот однажды ночью раздается стук в дверь, и на пороге Джарл, чтобы снова распять Кайлара между любимой девушкой и жизнью, которую он должен был ненавидеть. Обязательства. Честь. Предательство. Кайлар — это Тень в Сумерках, растущий колосс, одной ногой в дневном свете, а другой — в ночной тьме. Однако тень — зверь эфемерный, и сумерки могут сгущаться в ночь либо светлеть, превращаясь в день. Кайлар открывает

Джарлу дверь, будущее рушится...

— Черт тебя дери, Дориан! — отвечает ему оплеуху Фейр.

Дориан внезапно понимает, что Фейр проделал это уже не раз.

Челюсть ноет с обеих сторон. И с левой рукой что-то стряслось. Он озирается по сторонам — в голове полный сумбур, — пытаюсь нащупать верный ход времени.

Из руки торчит черное древко. Стрела халидорского горца. Отравленная.

Фейр снова бьет его по щеке.

— Все! Хватит! — кричит Дориан, размахивая руками, отчего левая взрывается болью.

Он со стоном крепко зажмуривает глаза. Все без толку, уже вернулся. Рассудок на месте.

— Что случилось?

— Рейдеры, — ответил Фейр.

— Кучка идиотов. Норовят привезти домой хоть что-то, чем можно похвастать, — вставил Солон.

«Что-то», конечно, это уши Солона, Фейра и Дориана. Из четырех трупов у одного на шее уже болтались два уха в виде ожерелья. Вроде свежие.

— Они все убиты? — спросил Дориан.

Солон невесело кивнул, и перед глазами Дориана встал сюжет короткой битвы. Атака началась, когда Фейр и Дориан обустроивали лагерь. Солнце опускалось в ущелье, и отряд рейдеров появился со стороны Дрожащих Гор. Видимо, рассчитывали, что солнце ослепит. Атаку прикрывали два лучника, однако первые стрелы просвистели мимо.

После чего исход сражения был предreshен. Солон владел мечом как бог, а Фейр, человек-гора, невероятно сильный и быстрый, был мастером клинка второй ступени. Солон позволил Фейру разобраться с рейдерами, вооруженными мечами. Сам он, хоть и не уберег Дориана от стрелы, убил обоих лучников магией. На все про все ушло минуты две, не больше.

— Надо же, они из клана Чурак, — заметил Солон, подойдя к юноше в черных татуировках. — Те, что перебили всех негодяев из клана Храагл, охранявших халидорский обоз, который мы преследуем.

— Я думал, Ревущие Ветра неприступны, — сказал Фейр. — Как же рейдеры оказались по эту сторону границы?

Солон покачал головой, и Дориан вновь поразился его волосам. Ровного черного цвета, если не считать корней. С тех пор как Солон убил Кьюрохом полсотни мастеров (и чуть не погубил себя чрезмерной магией), он начал седесть. И это была не старческая проседь, а белоснежные волосы — резкий контраст с лицом человека в расцвете сил, красавца с оливковой кожей. Поначалу Солон жаловался, что зрение — стоило помахать Кьюрохом — либо было черно-белым, либо представляло собой дикое смешение красок. Теперь, кажется, оно начало проясняться.

— Да, неприступны, — ответил Солон. — Непроходимы для любой армии. Тем не менее ближе к осени отдельные рейдеры взбираются на горы. Многих ветра сдувают со скал, но если юноши удачливы и сильны, их ничто не остановит. Ну что там со стрелой, Дориан?

Хотя все трое были магами, речь шла не о помощи. Ведь Дориан был Хот'саларом, далеко не последним членом Братства лекарей.

Из раны вместо крови вдруг засочилась вода.

— Что это? — спросил Фейр, побледнев.

— Влага из крови, которая уже отравлена. Она должна прилипнуть к стреле, когда будешь вытаскивать, — пояснил Дориан.

— Я?! — переспросил Фейр с брезгливой гримасой.

— Да ладно тебе, — фыркнул Солон.

Он подошел и выдернул стрелу. Дориан охнул от боли, и Фейру пришлось его подхватить. Солон глянул на стрелу. Зазубрины стали плоскими, изогнулись так, чтобы не разрывалась плоть. Древко было покрыто черной коркой. Яд превратился в кристаллическую

структуру, увеличив диаметр древка втрое.

Дориан тяжело дышал, а потоки магии светлячками затанцевали в воздухе. Будто сотни пауков принялись плести блестящие паутинки, гобелены света. Потрясающее зрелище. Теоретически любой маг способен вылечить себя сам, однако по неведомой причине чаще всего это сопровождается нестерпимой болью. Когда маг исцеляет кого-то, он лишает пациента чувств. Когда лечит себя, любое онемение может стать роковым и привести к смерти. Что любопытно, маги-женщины, магини, таких проблем не ведают. Они лечат себя запросто.

— Ты неподражаем, — восхитился Солон. — Как ты это делаешь?

— Сосредоточиться, и только, — ответил Дориан. — В моей жизни практики хоть отбавляй.

Улыбнувшись, он встряхнулся, будто сбрасывая усталость. Лицо внезапно ожило, и Дориан снова стал самим собой, что случалось все реже.

Солон сжал кулаки от бессилия. Безумию Дориана не было предела. Того и гляди окончательно превратится в бормочущего идиота из тех, что спят под забором или в хлеву. Его перестанут уважать, потом замечать. Потом он станет приходить в себя не чаще чем пару раз в год, и скорее всего эти драгоценные мгновения придут, когда рядом не будет никого, с кем можно было бы поделиться полученными знаниями.

— Прекрати! — одернул Солон Дориан. — Только что меня посетило откровение.

Он еле заметно ухмыльнулся, давая понять, что не шутит.

— Мы идем неправильной дорогой. Во всяком случае, ты. — Дориан указал на Фейра. — Тебе нужно следовать за Кьюрохом, на юг Кьюры.

— Как это понимать? — удивился Фейр. — Я считал, мы и следуем за мечом. Так или иначе, мое место рядом с вами.

— Солон, ты и я должны идти на север, к Ревущим Ветрам, — продолжил Дориан.

— Подожди! — вскричал Фейр.

Однако глаза Дориана уже остекленели.

— Замечательно, — пробормотал Фейр. — Просто нет слов. Клянусь, он это делает нарочно.

4

Когда Джарл присоединился к ним в маленькой хижине Кромвиллей, было уже за полночь. Он опоздал более чем на час. Приемная мать Элены отдыхала в общей спальне, поэтому Кайлар, Ули и Элена сидели в передней. Ули спала на плече у Кайлара, но от испуга резко выпрямилась.

«Во что же я втягиваю эту кроху?» — подумал Кайлар, обняв ее покрепче.

— Извини, — сказал Джарл. — Бледнокожие... наказывают Крольчатник за попытку убить Правителя. Я хотел туда вернуться, чтобы кое-что проверить, но они перекрыли мосты. Сегодня взяткой не отделаться.

Кайлар понимал, что Джарл опускает детали, потому что в комнате ребенок, но, зная, сколь плохи были дела в Крольчатнике до покушения, с трудом представлял себе, каково там сейчас.

А если бы короля-бога удалось убить? Что тогда? Хуже, наверное, не придумаешь. Насилие и впрямь порождает насилие.

— Значит ли это, что работа отменяется? — спросил он, чтобы Элена и Ули больше не задавали вопросов о Крольчатнике.

— В силе, — сказал Джарл и вручил Элене кошелек. Тот выглядел подозрительно легким. — Я позволил себе подкупить стражу ворот заранее. Цена уже взлетела. Гарантирую, что завтра будет еще дороже. Есть у вас список, когда на этой неделе заступает в караул наша подкупленная охрана?

Джарл развязал тюк и достал кремовую тунику, брюки и черные сапоги.

— Помню наизусть, — ответил Кайлар.

— Послушай, — сказала Елена. — Насколько я знаю, Кайлар обычно берется за такие работы, где не ведаешь, почему делает то, что делает. Однако мне нужно понять. Почему кто-то платит Кайлару пятьсот гандеров, чтобы он притворился мертвым? Это же целое состояние!

— Только не для халидорского герцога. Мне представляется так, — сказал Джарл. — Герцоги Халидора не чета нашим герцогам, потому что дворянские сословия там всегда ниже мастеров. Однако мастерам тоже нужны люди, чтобы управлять крестьянами, ну и так далее. Поэтому герцог Варгун богат, но должен отстаивать каждую пядь своей власти. Он приехал в Сенарию, надеясь продвинуться, только вот место, на которое он метил, — начальника королевской стражи — пожаловано лейтенанту Хурину Гхеру, ныне военачальнику Гхеру.

— Расплатились с предателем за то, что во время битвы он повел сенарийскую знать в засаду, — процедил Кайлар.

— Точно. Военачальник Гхер, чтобы собрать деньги Са'каге, предназначенные для взяток, вместе с группой самых преданных людей раз в неделю, утром, идет в доки. Якобы с дозором. Завтра утром он увидит, как его соперник, герцог Варгун, совершит убийство мелкого сенарийского дворянина, барона Кирофа. Военачальник Гхер с удовольствием арестует герцога. Пройдет несколько дней или недель, и «мертвый» барон Кироф объявится. Гхера за необоснованный арест герцога разжалуют, и, скорее всего, герцог Варгун займет его место. Многие могут пойти не так, как задумано, поэтому Кайлар и получит пятьсот гандеров.

— Ужасно все запутано, — сказала Елена.

— Поверь мне, это семечки, — ответил Джарл, — когда дело доходит до халидорской политики.

— Как же Са'каге намерено использовать это в своих интересах? — спросил Кайлар.

Джарл ухмыльнулся.

— Мы пытались схватить барона Кирофа, но, очевидно, герцог не так глуп. Кироф уже исчез.

— Са'каге хотело похитить барона? Зачем? — спросила Елена.

Кайлар пояснил:

— Если бы Са'каге сцапало Кирофа, оно могло бы шантажировать военачальника. Гхер, зная, что обречен, если Кироф объявится, оказался бы во власти Са'каге.

— Знаешь, — сказала Елена, — иногда я пытаюсь представить себе, каким был бы город без Са'каге, и не могу. Хочу отсюда выбраться, Кайлар. Могу я сегодня пойти с вами?

— Для взрослого не хватит места, — ответил за друга Джарл. — Так или иначе, к рассвету они вернутся. Ули? Кайлар? Готовы?

Кайлар кивнул, Ули с мрачным видом вторила ему.

Спустя два часа они уже были возле доков, готовые разделиться. Девочка спрячется под доком, у плота, замаскированного под бревно сплава. Кайлар упадет в воду, схватится за шест, который протянет Ули, и вне поля зрения всплывет на поверхность. Места на маленьком плотике еле хватит для Ули на корточках. После того как Кайлар вынырнет, «бревна» поплывут вниз по течению. Несколько сотен шагов — и соседний док. Там они пристанут к берегу.

— А если ничего не выйдет? Если и вправду что-то случится? — спросила Ули.

Ее щеки порозовели от холода ночи, и она казалась совсем ребенком.

— Тогда передай Элене, что мне очень жаль.

Кайлар разгладил тунику на груди. Руки дрожали.

— Кайлар, мне страшно.

— Ули, — глядя в ее большие карие глаза, начал он. — Я хотел тебе сказать... то есть я хочу... — Он отвел взгляд. — Надеюсь, ты не будешь звать меня по имени, пока не сделаем работу? — Кайлар погладил ее по голове. Ули это ненавидела. — Как я выгляжу?

— Как барон Кироф... если сильно прищуриться.

Это ему, конечно же, за то, что погладил.

— Говорил я тебе когда-нибудь, что ты не ребенок, а одно наказание? — спросил он.

Ули только ухмыльнулась.

Еще несколько часов, и доки оживут: толпы грузчиков и матросов начнут готовить грузы к восходу солнца. Пока все было тихо, только плескались волны. С ночной охраной дока расплатились сполна, однако больший страх внушали бродившие поблизости группы халидорских солдат, жаждавшие крови. К счастью, сегодня почти все они, похоже, были в Крольчатнике.

— Что ж, тогда до встречи в ином мире, — сказал Кайлар, ухмыляясь.

Не стоило так говорить. Глаза Ули наполнились слезами.

— Ну иди же, — добавил он, смягчившись. — Все будет хорошо.

Когда Ули скрылась из виду, лицо Кайлара стало меняться.

Оно постепенно обрело второй подбородок и рыжую халидорскую бороду. Нос вырос и стал крючковатым, брови распушились широкими кустами. Ни дать ни взять — настоящий барон Кироф.

Он вытащил ручное зеркальце, посмотрелся в него и нахмурился. Не коротковат ли иллюзорный нос? Кайлар открыл рот, улыбнулся, нахмурился и подмигнул, оценивая работу мышц лица. Не блестяще, но сойдет. Ули помогла бы подправить ему лицо, но чем меньше она будет знать о его скромных талантах, тем лучше. Кайлар направился к доку.

— Милостивые боги! — воскликнул герцог Тенсер Варгун при виде Кайлара. — Это вы?

Герцог потел. Даже при свете факелов в конце дока его лицо было мертвенно-бледным.

— Герцог Варгун, я получил вашу записку, — громко сказал Кайлар, протягивая руку и сжимая запястье герцога. Он понизил голос. — Бояться нечего. Только делайте все, как договаривались.

— Барон Кироф, благодарю вас, — слегка театрально произнес герцог. Он тоже понизил голос. — Да вы, смотрю, актер.

— Да. И не перестарайтесь.

— Я раньше никого не убивал.

— Надеюсь, первый будет не сегодня, — сказал Кайлар.

Он посмотрел на украшенный бриллиантами кинжал за поясом герцога. Семейная ценность. Необъяснимая потеря кинжала станет одним из доказательств того, что герцог действительно убил барона.

— Если убьете, значит, тюрьма, и не из комфортных. Впрочем, можно отменить договоренность.

Кайлар, беседуя, размахивал руками, как заправский барон Кироф, когда тот нервничал.

— Нет-нет. — Герцог словно пытался убедить себя. — Выделали такое раньше?

— Подставлял ли кого-то, притворяясь другим человеком? Конечно. Притворялся ли мертвым? Очень редко.

— Не беспокойтесь, — сказал герцог. — Я... — Тенсер бросил взгляд за спину Кайлара, и его голос стал напряженным от страха. — Они идут.

Кайлар отшатнулся от герцога, будто испугавшись.

— Это угроза? — пролаял он.

Имитация голоса барона желала много лучшего, но кровь искупит все актерские огрехи. Герцог схватил его за руку.

— Будете делать, как я велю!

— А то что? Я все сообщу королю-богу!

Теперь они наверняка привлекли внимание стражников.

— Вы ничего не скажете!

Кайлар отдернул руку.

— Вы недостаточно умны, чтобы взойти на трон, герцог Варгун! Вы трус и... — Он понизил голос. — Один удар. Пузырь с кровью прямо над сердцем. За мной — все остальное. Кайлар скривил лицо в ухмылке и повернулся.

Герцог схватил Кайлара за руку и, дернув, развернул к себе лицом. Затем яростно ударил кинжалом — нет, не в овечий пузырь с кровью. Прямо в живот. Раз, другой. Затем еще и еще. Отшатнувшись, Кайлар глянул вниз. Шелковая кремовая туника пропитывалась черно-красной кровью. Руки Тенсера в крови, на голубом плаще — пятна красного.

— Что вы делаете? — с кашлем выдохнул Кайлар, едва расслышав свисток в дальнем конце дока.

Он покачнулся, хватаясь за перила, чтобы не упасть. Тенсер, весь в поту, с черными веревками длинных волос, будто не слышал. Неуверенный, что-то бормочущий вельможа бесследно исчез. Он схватил Кайлара пятерней за волосы. Прямо скажем, удачно. Дюймом ближе, и уничтожил бы иллюзорное лицо.

Когда шаги тяжело застучали по доку, герцог Варгун позволил «барону» упасть на колени. В глазах Кайлара потемнело от боли. Он смутно видел, как военачальник Гхер бежит, выхватив меч, за ним два стражника. Герцог Варгун провел кинжалом по горлу Кайлара. Хлынула кровь. Затем, с удалью дровосека, последний раз вонзающего топор в дерево, прежде чем его повалить, герцог всадил кинжал в плечо Кайлара.

— Прекратить! Прекратить, или оба умрете! — взревел военачальник Гхер.

Герцог Варгун поставил сапог из телячьей кожи на плечо Кайлара и улыбнулся. Затем, резко двинув ногой, сбросил тело в реку.

То ли вода была такой холодной, то ли от потери крови Кайлар сразу лишился чувств. Он еще дышал в полете, но только одним легким. В доли секунды воздух пузырьками вырвался изо рта.

Кайлар в агонии вдохнул мутную, грязную воду Плита. Вяло побарахтался, но лишь какое-то мгновение. Затем наступили тишина и покой. Боль в теле пульсировала где-то очень далеко. Что-то ткнуло его, и он попытался это схватить. Инстинктивно. Кажется, так было нужно. Почему-то он еще помнил о каком-то шесте.

Шевельнулась ли рука вообще, Кайлар сказать не мог. Мир не почернел и не погрузился во тьму. В глазах стояла белая пелена — мозг требовал кислорода, но из шеи лилась кровь. Вот опять что-то ткнуло. Прочь, назойливое... Вода обволакивала теплым, идеально спокойным облаком.

Герцог Тенсер Варгун оторвал взгляд от ненасытной реки и поднял руки. Медленно повернулся и сказал:

— Я безоружен. Сдаюсь! — Затем улыбнулся, будто не в силах сдержаться. — И добрый вечер, военачальник.

5

«Как поступит король-бог? Шкуру снимет или изнасилует?» Ви Совари, сидя в приемных покоях замка Сенарии рядом с тронным залом, напрягала слух — что там говорит король-бог? — и попутно флиртовала со стражником, который пялился на нее помимо собственной воли. Все, что удастся узнать о причине вызова, может спасти ей жизнь. Хью Висельник, учитель Ви, только что привел герцога Тенсера Варгуна, одного из халидорских вельмож. Очевидно, герцог убил кого-то из сенарийской знати.

Для короля, который метил в боги, возникла интересная дилемма. Тенсер Варгун — преданный вассал, но если его отпустить, то налицо серьезные последствия. Сенарийская знать, пав на колени перед Гэротом, тем самым сохранила часть земель, однако может найти в себе мужество и взбунтоваться. Ну а те, кто скрывался, получают новое доказательство жестокости Халидора, чтобы призвать под свои знамена больше сторонников.

«Но почему здесь учитель?»

Хью излучал добродушное самодовольство, цену которому Ви знала прекрасно.

Она закинула ногу на ногу, вновь привлекая внимание охранника. В терминах боя, как учил ее Хью Висельник, это ложная атака. Скрестила ноги — привлекла внимание, отвернулась — значит, никакого риска. Наклонилась вперед — предоставила обзор. У ложбинки груди — своя магия.

Ви пришла в облегающем платье лазурного цвета, легком, почти прозрачном. Свои цели она изложила мастеру Пиккуну откровенно, и портной сделал платье просто, без вышивки. Разве что чуть-чуть, в халидорском стиле, по кайме и на запястьях шли рунические надписи из древней эротической поэмы. Ни кружев, ни рюшей, одни чистые линии и изгибы. Мастер Пиккун был старым греховодником, и только это платье он объявил достойным короля-бога.

— У него десятки жен, — фыркнул портной. — Пусть эти самки разговаривают шелком. Ты будешь петь сладким голосом плоти.

Если стражник ничем не лучше большинства мужчин, он уставится секунды на три-четыре, перепроверит, что никто не видит, и будет пялиться снова. Фокус в том, что... пора!

Она вдруг подняла глаза и поймала стражника, когда тот решился взглянуть вторично. Ви буквально пригвоздила его к стене. Прежде чем стражник смог отвести глаза, она встала и пошла к нему.

Конечно, он халидорец — на это Ви настроилась заранее. Их чувство личного пространства скромнее, чем у сенарийцев. Чтобы проткнуть шарик личного пространства, со всеми сопутствующими оттенками значений, надо подойти так близко, чтобы он почувал не только запах духов, но и само дыхание. Ви перешла границу и не отпускала охранника взглядом еще секунду, пока тот не созрел.

— Простите, — напряженно проговорила она, по-прежнему глядя ему в глаза. — Могу я здесь присесть?

— Я... не смотрел. То есть...

Ви присела на стул, в шаге от двери. Плечики вперед, ангельское личико кверху. Белокурые волосы искусно заплетены в косички и уложены, чтобы не мешать обзору.

Соблазн был чересчур велик. Взгляд стражника опустился с ее глаз на ложбинку и снова подпрыгнул к лицу.

— Ну пожалуйста, — добавила она с легкой улыбкой, означавшей: «Да, я видела» и «Нет, не возражаю».

Он прочистил горло.

— Гм... думаю, ничего страшного.

Ви мгновенно о нем забыла и прислушалась.

— ...не могу идти прямо в Дыру, это расстроит замысел, — сказал чей-то тенор.

Должно быть, герцог Варгун, однако голос твердый. «Что? Откуда такая уверенность?»

Ви услышала, как отвечает учитель, но слов не разобрала. Потом заговорил король-бог, и она уловила только обрывки:

— ...общие камеры, пока не закончится следствие... затем Дыра...

— Да, ваше святейшество, — сказал герцог Варгун.

У Ви кружилась голова. Что бы они ни задумали, халидорский герцог, судя по голосу, никак не напоминал заключенного, молившего о пощаде. Скорее, послушного вассала, исполняющего некий высокий замысел. За который в конце ждет награда.

Времени на то, чтобы связать одно с другим, не оставалось. Двери распахнулись, и учитель вывел герцога из тронного зала. Опровергая догадки Ви, герцог выглядел побитым — и физически, и морально. Одежды грязные и мятые, глаза в пол.

Хью Висельник, проходя мимо Ви, обернулся. Черты лица мокрушника были столь утонченными, что и красивым-то назвать мало. Прекрасные белокурые волосы до самых плеч, большие глаза и тело как изваяние бога. Просто великолепен в свои тридцать с лишним. Он улыбнулся дьявольской улыбкой и сказал:

— Король-бог готов тебя принять.

По спине Ви пробежал холодок, однако она сразу встала и вошла в тронный зал. Именно здесь последний король династии Гандеров нанял ее, чтобы убить Кайлара Стерна. В то время как Ви обучалась у Хью Висельника, Кайлар служил в учениках у другого великого мокрушника в городе, Дарзо Блинта, которого больше уважали, в равной степени боялись и меньше поносили, чем ее учителя. Убийство Кайлара должно было стать шедевром, последним убийством в ее ученичестве. Оно приносило свободу. Свободу от хозяина, Хью Висельника.

Она все испортила, и позднее, в тот самый день, именно в этом зале некий ночной ангел, как его называли, убил тридцать халидорцев, пять ведьм и даже сына короля-бога. Ви казалось, кроме нее, никто больше не подозревает, что ночной ангел — Кайлар.

«О Нисос! Кайлар шагнул в легенду в тот же день, когда был у меня под кинжалом. Эту легенду я могла бы убить в зародыше».

Сейчас о битве ничего не напоминало. Тронный зал отмыли от следов крови, огня и магии. С двух сторон арочный потолок поддерживали по семь колонн, а стены украшали толстые халидорские гобелены, защищая от осенней прохлады. Король-бог сидел на троне, окруженный стражей, вюрдмайстерами в черно-красных плащах, слугами и советниками.

Ви ждала, что ее вызовут, но о причине не догадывалась. Знает ли король-бог, что Кайлар — ночной ангел? Накажут ли ее за то, что позволила убить сына Гэрота? Захочет ли мужчина, у которого десятки жен, трахнуть еще одну красивую девчонку? Или просто любопытно взглянуть на единственную в городе женщину-мокрушника?

— Думаешь, умнее всех, Виридиана Совари? — спросил король-бог.

Гэрот Урсуул оказался моложе, чем она себе представляла. Может, лет пятьдесят, и все еще энергичен. Руки толстые, плотно сложен. Лысый как яйцо. Взгляд тяжелый, точно жернова.

— Простите меня, ваше святейшество, — начала она вопросительной интонацией, затем передумала. — Да. И зовут меня Ви.

Король-бог поманил ее к себе. Ви взошла по четырнадцати ступенькам и встала прямо напротив трона. Гэрот окинул ее взглядом — не исподтишка, как часто делают все мужчины, не пылко, не нагло. Смотрел, как смотрят на мешок с зерном, пытаясь определить вес.

— Сними платье, — приказал он.

Нотки в голосе не давали пищи для размышлений. Так и о погоде говорят. Хочет, чтобы обольстила? Бог с ним, если трахнет. Ви уже грела постель одному чудовищу, чего теперь-то ломаться? Гэроту Урсуулу противиться не стоит. Король он, бог или чудовище. Правда, оставался один способ.

Ви подчинилась мгновенно. В две секунды платье мастера Пиккуна соскользнуло на пол. Нижнего белья Ви не носила. Небывалая покорность. Ставить ей это в вину он не мог, но Ви знала, что внезапная нагота не так возбуждает. Другое дело, когда раздеваешься медленно, рвешь кружевное нижнее белье. Пусть Урсуул думает о ней как о неумелой соблазнительнице, пусть думает, что потаскушка. Пусть думает, что хочет. Ви чувствовала на себе взгляды каждого слуги, советника, вюрдмайстера, придворного и стражника в зале. Да плевать. Нагота — ее броня. Она ослепила слюнявых дураков. Увидев тело, они позабыли все на свете.

Гэрот Урсуул вновь окинул ее взглядом.

— Не вижу в тебе никакой забавы, — сказал король-бог. — Ты уже шлюха.

Почему-то слова этого внушающего страх человека колючками впились в душу. Она стоит перед ним, голая, а он начисто потерял интерес. Добивалась-то именно этого, а все равно задело больно.

— Все женщины — шлюхи, — ответила Ви. — Не важно, что продается: тела, улыбки и очарование, годы беременности или покорность мужчине. Мир делает женщину шлюхой, но условия ставит она, ваше святейшество.

Казалось, его озадачила внезапная горячность, но удивление прошло быстро.

— Думала, я не увижу, что ты сделала с моим стражником? Думала, можешь подслушивать *меня*?

— Конечно, так и думала, — отрезала Ви, только это была уже не дерзость, а фарс.

«Он меня видел? Сквозь стену?»

Надо продолжать браваду, иначе размажет по стенке. Если хочешь выиграть у короля-бога, надо играть так, будто презираешь жизнь. Впрочем, Ви слышала об игроках, которые в азарте теряли все.

Король-бог хихикнул, и придворные подхватили.

— «Конечно, так и думала», — передразнил он. — Ты мне нравишься, мулина. Убивать я тебя сегодня не буду. Немногие женщины готовы препираться с королем, и еще меньше — с богом.

— Я не из тех женщин, которых вы только и встречали, — сорвалось с языка у Ви.

Улыбка Гэрота поблекла.

— Высоковато себя ценишь. За это я тебя сломаю. Только не сегодня. Нам не дает покоя ваше Са'каге. Отправляйся к своим маленьким друзьям из преступного мира и выясни, кто настоящий шинга. Не подставное лицо. Выясни и убей.

Ви впервые почувствовала себя обнаженной. Броня дрогнула. Бог или человек, Гэрот Урсуул обладал колоссальной уверенностью. Заявил, что ломает, и тут же не выказал ни малейшей тревоги по поводу того, что она не подчинится. А ведь это не блеф. И не высокомерие. Простая демонстрация исключительного права с позиции невероятной силы. Теперь придворные взирали на нее, как собаки под столом короля — на отличный кусок мяса, который вот-вот упадет на пол. Интересно, думала Ви, король-бог отдаст ее одному из них или всем сразу?

— Знаешь ли ты, — сказал Гэрот, — что родилась ведьмой? Как говорят южане, *талантливой*? Вот же твой стимул. Убьешь шингу, посчитаем за шедевр ученика. Станешь не только мокрушником-учителем, но и будешь готовиться под моим началом. Я дам тебе такую силу, о которой Хью Висельник и не мечтает. Власть над ним, если хочешь. Но если подведешь... Что ж. — Тонкая улыбка скользнула по губам Гэрота. — Лучше не подводи. А теперь убирайся.

Ви пошла к выходу, сердце колотилось как бешеное. Успех означал предательство собственного мира. Предать сенарийское Са'каге, самый опасный из преступных миров в Мидсайру! Да нужна ли ей такая награда за убийство лидера? Тренироваться вместе с королем-богом, чтобы стать ведьмой? Его слова представлялись паутиной, все крепче и крепче привязывающей Ви к Гэроту. Почти осязаемо. Чары наброшены, как сеть. Борись, если сможешь. Ее мутило. Оставалось лишь одно — покорность. Как ни велика цена успеха, провал еще хуже. Об этом теперь знали все.

— Ви! — окликнул король-бог.

Она замерла на полпути к двери, чувствуя, как вся дрожит оттого, что этот Ужас назвал ее по имени. Однако Гэрот улыбался. Теперь его взгляд скользил по обнаженному телу совсем по-мужски. Что-то тенью мелькнуло в воздухе, и она машинально поймала комок одежды.

— Возьми свое платье, — сказал он.

6

— Такое чувство, будто неделю вдыхал древесные опилки, — сказал Кайлар.

— Речная вода. Пять минут, — отозвалась Ули.

Скуп. Зло.

Кайлар с трудом разлепил глаза, однако так ничего и не увидел.

— Значит, ты меня вытащила. Где мы, Ули?

— Вдохни.

Она вела себя сурово. Значит, он напугал ее до смерти.

Кайлар сделал полвдоха, прежде чем закашляться от смрада. Эллинг Мамочки К. на Плите.

— Что может быть лучше теплых нечистот прохладной ночью, — съязвила Ули.

Кайлар заворочался.

— Я решил, это твое дыхание.

— Пахнет так же, как ты выглядишь, — отрезала она.

— Ты должна быть вежливой.

— Ты должен быть мертвым. Спи.

— По-твоему, разумно заставлять других ходить по струнке?

— Тебе нужно спать. Никуда я тебя ходить не заставляю.

Кайлар рассмеялся. Боль тут же напомнила о себе.

— Вот видишь? — сказала Ули.

— Кто взял кинжал, ты?

— Какой еще кинжал?

Кайлар схватил ее за тунику.

— Ой, тот самый, который я рычагом вытаскивала из твоего плеча? — спросила она.

Неудивительно, что плечо болит. Он не помнил Ули такой злой и говорливой. Надо аккуратнее, не то расплачется. Одно дело — чувствовать себя болваном, и совсем другое — болваном беспомощным.

— Долго я... отсутствовал?

— День и ночь.

Кайлар тихо выругался. Второй раз Ули видела, как его убивают, видела искалеченное тело. Если она была твердо уверена, что Кайлар вернется, это радует. Он, конечно, обещал, но сам-то знать наверняка не мог. Знал только, что однажды воскрес. Волк, странный желтоглазый человек, которого Кайлар встретил между жизнью и смертью, никаких гарантий не давал. И действительно, сейчас он его не встретил вовсе. Кайлар надеялся задать Волку несколько вопросов. Например, сколько жизней получил всего. Что, если только две?

— Где Елена? — спросил он.

— Ушла искать фургон. Стража, подкупленная Джарлом, будет на посту еще час.

Елена пошла за фургоном в одиночку? Черт, как же он устал. Похоже, Ули вот-вот заплачет. Кем надо быть, чтобы втянуть в такое маленькую девочку? Кайлар привык думать, что он не ахти какая замена отцу, но все же лучше, чем ничего.

— Ты должен уснуть, — сурово напомнила Ули.

— Убедись...

Он был настолько плох, что не сумел закончить мысль, тем более составить предложение.

— Не волнуйся, я о тебе позабочусь, — сказала Ули.

— Ули!

— Да?

— Ты просто умница! Здорово постаралась. Я тебе обязан. Спасибо. Извини.

Кайлар мог поклясться, что воздух рядом с девочкой потеплел, стал липковато-сладким. Он застонал. Ему захотелось сказать что-то умное, значимое, в манере Дарзо. Однако раньше, чем нашлись слова, он заснул.

7

Когда днем Калдроса Уин заняла очередь у таверны и борделя «Развратные девицы», в ней уже стояли две сотни женщин. Спустя два часа, когда очередь сдвинулась, она была втрое больше. Отчаяние привело сюда представительниц самых разных сословий Крольчатника: от цеховых крысят, юных, лет по десять, знавших, что Мамочка К. их не возьмет, до женщин, еще месяц назад живших на богатой восточной стороне, но потерявших в огне дома и согнанных в Крольчатник. Одни плакали. Другие стояли с безучастными

лицами, крепче закутавшись в платки. Некоторые — старожилы Крольчатника — смеялись и шутили с подружками.

Только у Мамочки К. проститутки могли получить самую безопасную работу. Они обменивались байками, как Госпожа Наслаждений управлялась с новой, халидорской клиентурой. Одна уверяла, что если побьют извращенцы, то в качестве оплаты синяки закроют серебром. Другая божилась, что золотом, но ей никто не поверил.

Когда герцогиня Тэра Грэзин — ее отец, старый герцог, был убит при штурме замка — вывела из города силы сопротивления, ее сторонники, уходя, сожгли свои дома и лавки. Пожары, конечно же, не прекратились. Без крова в городе остались тысячи. Больше всего пострадал Крольчатник, где, как овцы в загоне, скопились бедняки. Они умирали сотнями, без счета. Шли дни, пожары все полыхали.

Халидорцы хотели оживить восточную часть как можно быстрее. Если бездомных там считали обузой, их под конвоем препровождали в Крольчатник. Лишенных собственности аристократов и ремесленников охватило отчаяние, но что это меняло? Крольчатник стал им приговором.

Почти месяц король-бог позволял солдатам делать в Крольчатнике все, что заблагорассудится. Они могли нагрянуть толпой, чтобы удовлетворить свои прихоти. Читая нараспев молитву проклятой Хали, убивали, насиловали, крали скудные пожитки Кроликов лишь затем, чтобы выкинуть их в реку и посмеяться. Казалось, хуже быть не может, однако за покушением последовали репрессии.

Халидорцы четким строем прошли через Крольчатник, квартал за кварталом. Они заставили матерей выбирать, кто из детей останется жить, остальных предали мечу. Женщин насиловали перед семьями. Забавлялись, разрывая людей на части. Если кто сопротивлялся, всех сгоняли в одно место и прилюдно казнили десятками.

Ходили слухи о безопасных убежищах в сердце Крольчатника, под землей, но попасть туда могли только люди с хорошими связями в Са'каге. Солдаты устраивали облавы каждую ночь, иногда и днем. Красота стала проклятием. Многие женщины потеряли мужей, любовников или даже защитников-братьев. Сопротивление означало смерть.

Потому-то и подались они в бордели Мамочки К., единственные безопасные места в Крольчатнике. Коли все равно будут насиловать, посчитали многие, так уж лучше не задаром. Очевидно, бордели тоже остались не внакладе. Часть халидорцев не рисковала ходить в Крольчатник. Другие хотели увериться, что переспят с женщиной чистой и красивой.

Тем не менее вакансий уже было совсем мало — и никто не задавался вопросом, откуда они брались вообще.

Калдроса держалась до последнего. Она никогда не предполагала, что подобное произойдет с ней. Тот вюрдмайстер, Неф Дада, нанял ее специально, ведь она — бывший пират Сета, брошенная в Крольчатнике несколько лет назад. Не ходила в море уже десять лет — и никогда не была капитаном, хотя убедила вюрдмайстера в обратном. Зато была уроженкой Сета и обещала, что проведет халидорский корабль через архипелаг Контрабандистов и далее, по реке Плит, до замка. Взамен ей обещали корабль.

Хорошая цена за неприглядную работу. Калдроса Уин не присягала на верность Сенарии, однако то, что она услужила халидорцам, могло кинуть в дрожь любого.

Может, они бы и исполнили свою часть сделки, подарив Калдросе эту морскую корову — баржу, не стоившую и гвоздей, ее скреплявших. Может, удалось бы набрать и команду. Да только при вторжении какой-то мерзавец потопил корабль.

Калдроса смогла доплыть до берега, чего не скажешь о двухстах сородичах в доспехах, которые теперь кормили рыб. Четыре изнасилования, затем Томман, который дважды избил ее до полусмерти, — и вот она здесь. — Имя?

У двери стояла девушка с пером и бумагой. Лет восемнадцать, моложе Калдросы на добрый десяток. Вид потрясающий: длинные ноги, тонкая талия и полные губы. Волосы, зубы — все безупречно. Добил Калдросу сладковатый аромат муската — до чего же мерзко,

должно быть, пахла она сама! Ее охватило отчаяние.

— Калдроса Уин.

— Род занятий, особые таланты?

— Я была пиратом.

Девушка вскинула голову.

— Уроженка Сета?

Калдроса кивнула, и девушка отправила ее на второй этаж. Еще через полчаса она зашла в одну из тесных спален.

Там сидела девушка, столь же юная и прекрасная, как и на входе. Блондинка — невысокая, но фигуристая, с большими глазами и в удивительном наряде.

— Меня зовут Дейдра. Подстилкой для мужчин когда-нибудь работала?

— Нет. Всегда брала их на абордаж.

Дейдра хихикнула, и даже это было очень мило.

— Гм, настоящая морская разбойница?

Калдроса тронула кольца клана, четыре маленьких звена полумесяцем на левой скуле.

— Клан Тетсу острова Хоккай.

Она указала на капитанскую цепочку, которую надела, как только получила работу для Халидора. Выбрала лучшее, что могла себе позволить, — серебряную, в «елочку». Цепочка свисала от мочки левого уха до нижнего из колец клана. Такая цепочка — для капитана торгового флота, незнатного рода. Дерзкие капитаны-пираты и военные носили цепочки от мочки до мочки, за головой — труднее сорвать в битве.

— Капитан пиратов, — уточнила она. — Только ни разу не поймали. Если поймают, то либо повесят, либо вырвут кольца — и в ссылку. Многие до сих пор спорят, что лучше.

— Почему завязала?

— Я столкнулась с королевским охотником на пиратов Сета — за пару часов до шторма. Мы почти ушли, но налетели на скалы архипелага Контрабандистов. Чем только потом не занималась.

Калдроса не стала уточнять, что под «занятиями» скрывались и замужество, и работа на Халидор.

— Сиськи покажи.

Калдроса развязала шнурки и приспустила платье.

— Черт возьми! — оценила Дейдра. — Очень хорошо. Думаю, ты отлично справишься.

— Но вы здесь все так прекрасны, — возразила Калдроса.

Она не могла поверить, что удача повернулась к ней лицом.

Дейдра улыбнулась.

— Красивыми мы стали. Все девочки Мамочки К. должны быть прелестны, и ты не исключение. Посмотри на себя. Сплошная экзотика. Клановые кольца, оливковая кожа. Загар даже на сиськах!

Калдроса вдруг поблагодарила судьбу за то, что упорно ходила полуголой по кораблю, чтобы халидорские солдаты пялились на нее. Правда, изрядно подгорела, зато потом кожа потемнела и загар уже не сходил.

— Не знаю, как тебе удалось загореть, но смотри, поддерживай. И разговаривай как пират. Хочешь работать на Мамочку К., оставайся морской разбойницей Сета. Муж или любовник есть?

Калдроса замялась.

— Муж, — призналась она. — Чуть концы не отдал, когда избивал в последний раз.

— Если пришла сюда, то назад к нему дороги нет. Мужчина может простить женщину, которая ради него уходит в проститутки, но не простит, если уходит и приходит.

— Дело того стоит, — ответила Калдроса. — Стоит, чтобы спасти ему жизнь.

— И еще одно. Все равно рано или поздно спросишь. Мы не знаем, почему бледнокожие это делают. В любой стране есть извращенцы, которым нравится истязать проституток, но здесь совсем другое. Кое-кто сначала поимеет, а затем начнет бить, будто

чем-то недоволен. Кто-то и пальцем не тронет, но потом будет хвастать, что бил, и, не жалуясь, заплатит Мамочке К. Однако всегда они будут произносить одни и те же слова. Ты их слышала?

Калдроса кивнула.

— «Хали вас» или что-то в этом роде.

— Старохалидорский язык, то ли заклятие, то ли молитва. Или что-то другое. Не думай об этом. Не оправдывайся. Они животные. Мы как можем защитим тебя, да и деньги хорошие, но тебе придется встречать их каждый день. Сумеешь?

Слова застряли в горле у Калдросы, и она опять кивнула.

— Тогда иди к мастеру Пиккуну и скажи, что хочешь три костюма девушки-пирата. Сперва пусть снимет мерку, а трахнет уже потом.

Брови Калдросы взлетели.

— Иначе не увидишь платьев.

— С нами больше ничего уже не случится? — спросила Элена.

В последнюю ночь после трех недель пути они лежали в фургоне, глядя на звезды. Завтра их ждет Кернавон, а с ним новая жизнь.

— Все неприятности я оставил в Сенарии. Ну, кроме двух, которые мне навязались, — отозвался Кайлар.

— Но-но! — воскликнула Ули.

Девчонка невероятно смышленная, как и ее мать, Мамочка К. А ведь ей всего-навсего одиннадцать.

— Навязались? — переспросила Элена, приподнимаясь на локте. — Насколько помню, это мой фургон.

Пожалуй, что и так. Фургон дал Джарл, а Мамочка К. загрузила его травами, с которыми Кайлар мог открыть аптеку.

— Кто и навязался, так это ты.

— Я? — удивился Кайлар.

— Представлял собой такое жалкое зрелище, что было просто стыдно за тебя. Хотелось только одного — чтобы перестал упрашивать.

— Ну, я-то думал, ты совсем беспомощна... — начал Кайлар.

— И теперь более высокого мнения обо мне, — перебила Элена и, довольная, снова закуталась в одеяло.

— Если бы, — вздохнул Кайлар. — У тебя такая крепкая защита, что хорошо, если раз в тысячу лет найдется счастливчик, которому с тобой повезет.

Элена ахнула и резко встала.

— Кайлар Таддеус Стерн!

Тот хихикнул.

— Таддеус? Знавал я одного Таддеуса. Отличный парень.

— Я тоже знавала. Мало того что дурак, так еще и слепой.

— Да ну? — В глазах Кайлара плясали чертики. — Тот, которого я знал, был знаменит своими огромными...

— Кайлар! — прервала Элена, наклоняясь к Ули.

— Что у него огромного? — спросила Ули.

— Все-таки доигрался, — сказала Элена. — Что у него, Кайлар, огромного?

— Ступни. И ты, кстати, знаешь, что говорят о больших ступнях. — Он игриво подмигнул Элене.

— И что же? — спросила Ули.

— Большим ступням — большие туфли, — сказал Кайлар.

Он завернулся в собственное одеяло, такой же довольный, как и Элена минуту назад.

— Не понимаю, — сказала Ули. — Что это значит, Элена?

Кайлар злорадно хихикнул.

— Скажу, когда повзрослеешь, — ответила Элена.
— Не желаю ждать, когда повзрослею. Хочу знать сейчас.
Элена промолчала. Вместо ответа она ударила Кайлара по руке. Тот заворчал.
— Что, будете бороться? — Ули выбралась из-под одеяла и села между ними. — Это всегда заканчивается поцелуями. Фи, как некрасиво.
Наморщив личико, она зачмокала.
— Опять тут как тут наш маленький контрацептив, — с досадой сказал Кайлар.
Как ни любил он Ули, однако был убежден, что только из-за нее, после трех замечательных недель в пути с любимой девушкой, по-прежнему оставался девственником.
— Можешь повторить? — смеясь, попросила девочку Элена и тем самым благоразумно замяла вопрос о противозачаточных средствах.
Ули вновь сморщила личико, почмокала, и вскоре все трое, позабыв обо всем, смеялись, пихались и щекотали друг друга.
Уже потом, насмеявшись так, что болели бока, Кайлар прислушался к дыханию обеих девушек. Элена обладала даром засыпать, как только голова касалась подушки, Ули отставала от нее ненамного. Сегодня он бодрствовал, но не жалел об этом, каждой клеточкой чувствуя жар любви. Элена заворчалась, уткнулась носом ему в грудь. Кайлар вдохнул аромат ее волос. Кажется, еще ни разу в жизни он не чувствовал себя так хорошо, в согласии с душой. Элена, конечно, облюбовывает его, да и ладно. Даже приятно.
Кайлар впервые в жизни ощущал себя хорошим человеком. Он всегда все делал хорошо: открывал замки, карабкался, прятался, дрался, менял внешность, травил и убивал. Но никогда не чувствовал себя хорошо. До Элены. Она смотрела на него, и в ее глазах он видел себя. Нет, не мерзкого Кайлара, не убийцу. Мужчину, заменившего ей отца. Возлюбленного, который говорил, что Элена прекрасна, и та поверила — впервые в жизни. Человека, способного что-то дать.
Именно такого человека видела Элена, когда смотрела на Кайлара. Она думала о нем так хорошо, что тот не мог понять: то ли сам уже в это верит, то ли Элена сошла с ума. Вера — великое дело!
Завтра они приедут в Кернавон и остановятся на время у родственницы Элены, тетушки Меа. С ее помощью — а тетя была акушеркой и знала травы — Кайлар обустроит небольшую лавку-аптеку. Затем склонит Элену, возражавшую все слабее, к внебрачной связи, и Путь теней навсегда останется позади.

8

Дней через двенадцать или, может, пятнадцать Логан все же сдался. Он заснул. Сквозь сон слышались голоса. Они шептались, но в каменном мешке Дыры звуки доносились до слуха отчетливо.
— У него кинжал.
— Если навалимся все разом, не поможет. Глянь-ка, сколько на нем мяса!
— Тише, — сказал кто-то.
Логан знал, что надо шевельнуться, проверить кинжал, открыть глаза. Но он так устал! Нельзя же вечно бодрствовать. Это невыносимо.
Послышался женский голос, крик сквозь ладонь, зажимающую рот. Потом шлепок, и крик оборвался. Новый шлепок, затем еще и еще.
— Полегче, Фин. Убьешь Лили, сожрем тебя на хрен. Других щелок у нас нет.
Фин осыпал бранью Гнусавого, затем сказал:
— Еще раз крикнешь, сука, выдеру все волосы и ногти. Трахаться можно и без них. Понятно?
Голос затих, жара спала, вой стал глуше. Даже вонь исчезла. Логан видел сон. Ему снилась брачная ночь. Он женился на девушке, которую почти не знал. В спальне, во время беседы, робкий, как и пятнадцатилетняя прелестница напротив, Логан вдруг почувствовал,

что в сердце зарождается надежда. Вот девушка, которую он может полюбить, и она принадлежит ему. Дженин будет его женой, однажды станет королевой, и Логан знал, что полюбит.

«Прекрати сейчас же. Дженин мертва». В глазах девушки Логан прочитал, что она тоже сумеет его полюбить. Что их супружеское ложе станет местом, где царить будет радость, а не долг. Когда он глянул на нее как на жену, щеки Дженин зарделись румянцем. Взгляд требовал ее — не надменно, а уверенно и нежно, — радуясь красоте, и, когда Логан притянул девушку к себе, она упала в его объятия. И губы ее были горячи.

Казалось, прошла всего секунда. По лестнице застучали тяжелые шаги. Логан разорвал объятия, дверь стрельнула нараспашку, и в комнату ворвались халидорские солдаты...

Глаза Логана вдруг открылись, и его кулаки сами собой заработали — когда сверху на него обрушились тела.

Завязалась борьба, зрелище было жалкое. Логан не ел две недели, силенок осталось — как у щенка. Однако и сокамерники годами и месяцами держались только на хлебе и воде. Изможденные и голодные — тени людей, которыми когда-то были. Борьба протекала медленно и неуклюже.

Логан оттолкнул одного и ткнул кулаком в челюсть другого, однако тут же навалились еще двое, скользкие и грязные от дерьма и пота. Фин уселся ему на бедро, а Джейк длинными ногтями рвал лицо. Страхнув еще одного, Логан ухитрился встать и отбросил Джейка.

Тот упал в Дыру и исчез. Драка тут же закончилась.

— Ты зачем это сделал? — возмутился Гнусавый. — Мы могли бы его съесть. Ты же мясо выбросил, говнюк!

На мгновение их ярость вспыхнула, и Логан решил, что они нападут еще раз. Он потянулся к бедру. Кинжал исчез.

С другой стороны Дыры на Логана смотрел Фин, острием кинжала ковыряясь в деснах, кровоточащих от цинги.

Логан считал, что у обитателей Дыры нет общества, но оказался не прав. Люди здесь тоже разбивались на лагеря. На сильных и слабых, животных и чудовищ. Фин был главарем животных, которые занимали место в соответствии с преступлениями. Сначала убийцы, потом насильники, после них работоторговцы и, в конце, педофилы. Чудовищ представляли трое. Первый — Йимбо, рыжеволосый, с широкой костью кьюрец, которому отрезали язык. Второй — Таттс, бледный лодрикарец, весь в татуировках. Мог бы говорить, но всегда молчал. И третий — Зубастик, уродливый простофиля, с широченными плечами, кривым позвоночником и зубами, сточенными до острейших клыков. Чудовища выживали только благодаря готовности драться и страху других перед ними.

Сейчас, когда все голодали, тонкие ниточки социума рвались. У Логана не было ни друзей, ни кинжала, ни места. Среди животных — волк без стаи. Среди чудовищ — собака без стального клыка.

Он пытался увидеть в сокамерниках людей. Униженных и оскорбленных, дурных и порочных, но — людей. Пытался узреть в них что-то доброе, некий след от богов или бога, который их создал. Однако в сумраке Дыры видел только животных и чудовищ.

Логан пересел к Зубастiku. Тот одарил его улыбкой простака, ужасным оскалом клыков.

Затем послышался звук, от которого все оцепенели. По коридору над Чертовой Задницей гулко грохали шаги. Логан юркнул под узкий навес — прикроет. Над ними, в свете факела, появилось лицо.

— Ну и ну! — воскликнул стражник.

Явно халидорец, бледный и черноволосый. Громадный, с разбитым носом.

Стражник открыл решетку, глаз не спуская с заключенных, находившихся в пятнадцати футах под ним. Фин даже не стал разматывать веревки.

— Я тут подумал, вдруг уже кто-то умер, — сказал стражник. — Сильно, небось,

оголодали.

Он полез в мешок и вытащил большую буханку хлеба. Обитатели Дыры смотрели на него так жадно, что он рассмеялся.

— Ну, тогда держите.

Стражник бросил буханку, однако она полетела в Дыру.

Заключенные вскрикнули, посчитав это промахом. Стражник достал еще буханку и снова швырнул в Дыру. Все узники, даже Фин и Лили, столпились вокруг Дыры. Очередная буханка зацепила пальцы Гнусавого, и тот чуть не кувыркнулся в Дыру вместе с хлебом.

Стражник засмеялся, закрыл решетку и ушел, насвистывая веселенький мотивчик. Часть узников не могла сдержать слезы.

Стражник больше не вернулся. Дни тянулись в агонии. Логан никогда не ведал такой изнуряющей слабости.

Спустя четыре ночи — если термин имел еще смысл, то Логан считал, что сейчас ночь, потому что большинство обитателей Дыры спали, а в то время, которое узники называли днем, ветра завывали пронзительней и громче, — Фин перерезал глотку одному из своих педофилов. Вмиг все проснулись и стали драться за тело. Гнусавый начал бить по Зубастiku, чтобы заставить его выпустить из рук некий окровавленный ошметок (Логан старался не думать, что это). Зубастик оставил кусок и бросился на обидчика. Гнусавый попытался отбиться, однако Зубастик сладил с ним, как с ребенком. Убрав с пути руки Гнусавого, простофиля впился острыми зубами ему в шею.

Из возникшей над телом свалки вылетела целая нога и шмякнулась рядом с Логаном. Когда Струп бросился за добычей, Логан схватил ее. К своему ужасу, он глаз не сводил со Струпа, пока тот не отступил, смутившись.

Логан оттащил ногу к стене и, глядя на нее, заплакал. Потому что, сколько ни смотрел, видел только мясо.

9

Кернавон в сравнении с Сенарией казался раем. Ни Крольчатника, ни резкого деления на имущих и неимущих. Ни захватнических армий, ни смрадного запаха пепла и смерти, ни безучастных взглядов отчаявшихся людей. Столица Уэддрина, которой правила уже двадцать вторая королева кряду, процветала.

Двадцать две королевы! Мысль показалась Кайлару странной, пока он не осознал, что Мамочка К. властвовала над Са'каге, а значит, и над улицами Сенарии уже более двадцати лет.

— По какому делу? — спросил стражник городских ворот, поглядывая на фургон.

Кайлар никогда не видел столько голубоглазых людей с яркими волосами всевозможных цветов — от почти белых до огненно-рыжих. Местные жители были ростом выше, чем сенарийцы.

— Я продаю и покупаю лекарственные травы. Мы приехали сюда, чтобы открыть аптекарское дело, — ответил Кайлар.

— Откуда?

— Из Сенарии.

Стражник впал в задумчивость.

— Слышал, там все очень плохо. Если решите открыть лавку на южной стороне, будьте осторожны. Кварталы там довольно хулиганские...

Он умолк, заведя шрамы на лице Элены.

Кайлара охватила ярость. Только шрамы портили идеальную красоту Элены. Ослепительная улыбка, темно-карие глаза, бросавшие вызов скучной простоте слова «коричневые». Глаза, описать которые под силу только поэту, а воспеть — легиону бардов. Кожа молила о ласке, изгибы тела ее требовали. Да как он мог, при такой красоте, заметить только шрамы? Однако ни слова — иначе скандал. Стражник моргнул.

— М-да, проезжайте.

— Спасибо.

Кайлара не волновало Са'каге Кернавона. Так себе мафия, по мелочи: карманники, грабители, уличные проститутки, ставки на собачьи бои и травлю быков собаками. Часть борделей и притонов для азартных игр вели дела, не имея связей с Са'каге. Детская уличная банда Кайлара и та была куда организованней местной преступности.

Они ехали через город, озираясь по сторонам и глаза на людей, словно какая деревенщина. Кернавон стоял у слияния трех рек: Белой, Красной и Ежевичной, в городе пышно цвела торговля, и по улицам сновали толпы людей с тугими кошельками. Вот крепкий, с оливковой кожей сетец в широких коротких штанах и белой тунике, а вот рыжеволосые кьюрцы, каждый с двумя мечами и странной манерой вплетать в волосы разноцветные прядки. Фургон миновал нескольких жителей Ладеша и иммурца с миндалевидными глазами. Троица даже придумала игру: они исподтишка указывали пальцем на встречаемых и пытались угадать, откуда те родом.

— Как насчет этого? — спросила Ули, указывая на человека неопределенного вида в суконных одеждах.

Кайлар нахмурился.

— Вот-вот, хвастунишка! Давайте-ка послушаем, — поддержала Елена, ехидно усмехаясь. — Ули, не подсказывай!

О человеке толком сказать было нечего. Татуировок нет, обычные для Кернавона туника и брюки, короткая стрижка темных волос, и нос не как у модайских патрициев. Ничего определенного. Даже такой темный загар мог быть у представителей полдюжины стран.

— Ах да, — вспомнил Кайлар. — Он из Алитэры.

— Докажи, — потребовала Елена.

— Только у алитэрцев такой самодовольный вид.

— Не верю.

— Спроси его, — предложил Кайлар.

Елена покачала головой и спряталась в фургон, внезапно застенчившись.

— Эй, мастер! — крикнула Ули, когда фургон проезжал мимо. — Вы откуда?

Человек обернулся и гордо выпрямил спину.

— Я родом из Алитэры, самой великой, по воле бога, нации в Мидсайру!

— Вы хотели сказать, богов, — заметил уэддринец, с которым он торговался.

— Нет! В отличие от вас, уэддринские неучи, алитэрцы что думают, то и говорят, — сказал торговец, и они мгновенно заспорили о религии, перейдя на политику. Про девочку забыли.

— Я изрядно удивлен, — сказал Кайлар.

Елена тяжело вздохнула.

— Ты, вероятно, сам алитэрец.

Кайлар рассмеялся, однако от этого «вероятно» стало горько во рту. «Вероятно», потому что он был цеховым крысенком, сиротой. Может, рожденным в рабстве. Кто знает? Кайлар не мог даже предположить, кто его родители. Почему они его бросили?

Уже умерли? Или еще живы? Пока Джарл копил гроши, чтобы вырваться из цеха, Кайлар фантазировал, что же заставило его знатных родителей отказаться от любимого дитя. Глупо и бесполезно. Он-то думал, что давно забыл об этом.

Ближе всех к роли отца был Дарзо — и Кайлар стал тем, кого все люди проклинали: отцеубийцей. Что он теперь? Лопнувшая струна, не связанная с прошлым.

Нет, конечно, это неправда. У него есть Ули и Елена. И свобода, чтобы любить. Свобода не задаром, однако цена того стоила.

— Тебе плохо? — спросила Елена с беспокойством в карих глазах.

— Нет, — ответил Кайлар. — С тех пор как мы вместе, я на седьмом небе!

За несколько минут они проехали северные рынки и углубились в портовый квартал.

Даже здесь почти все дома были каменные — огромная разница с Сенарией, где считалось, что камень слишком дорог, и дома строили из дерева и рисовой бумаги. На ступеньках домов, складов и мельниц празднично сидела местная шпана, угрюмо наблюдая за фургоном с видом подростков, желающих что-то доказать.

— Ты уверена, что мы едем правильно? — спросил Кайлар.

Элена поморщилась:

— А разве нет?

Кайлар продолжал вести фургон, однако это не имело значения. К ним, постояв, двинулись шесть малолеток — во главе парень с гнилыми зубами и черными веревками жирных волос. Из-под ступенек и мусорных куч они достали оружие. Уличное, для драки — дубинки, ножи и обрывки тяжелых цепей. Главарь встал перед фургоном и схватил уздечку ближайшей лошади.

— Что ж, милая, — заметил Кайлар. — Настало время встретиться дружественное нам местное Са'каге.

— Кайлар, вспомни, что обещал! — сказала Элена, беря его за руку.

— Ты ведь не ждешь, что я и впрямь...

Увидев ее взгляд, он осекся.

— Салют! — бросил главарь, постукивая дубинкой по ладони.

Он широко улыбался, скаля два черных передних зуба.

— Милая, — сказал Кайлар, не замечая парня. — Ты должна понять: это не тот случай.

— Другие тоже проходят через подобное, и никто не умирает.

— Все останутся живы, если сделаем по-моему, — ответил Кайлар.

Чернозубый прочистил глотку. Грязь в его облике, похоже, прописалась навсегда, а два выступающих кривых, полусгнивших передних зуба, казалось, заполняли собой все его лицо.

— Извините, голубки. Не хотелось бы прерывать...

— Можешь и подождать, — ответил Кайлар тоном, не терпящим возражений, и снова повернулся к Элене: — Милая, послушай.

— Либо делай то, что обещал, либо то, что всегда, — ответила Элена.

— Не разрешаешь?

— Нет.

— Простите, — снова напомнил о себе главарь. — Это...

— Дай-ка угадаю, — сказал Кайлар, передразнивая его развязность и акцент. — Это платная дорога, и мы должны оплатить проезд.

— Гм... верно.

— Знаешь, как я догадался?

— Хотел тебя спросить об этом... эй, хватит болтать! Я Том Грей, и здесь...

— Твоя дорога. Никто не спорит. Сколько? — любопытствовал Кайлар.

Том Грей нахмурился.

— Тринадцать серебряных.

Кайлар вслух посчитал людей: семеро.

— Погоди. Разве это не ущемляет твоих сообщников? На каждого по одному серебряному, а тебе — целых шесть?

Том Грей побледнел. Остальные бросили на него сердитые взгляды. Кайлар был, конечно, прав: мелкие воришки.

— Я дам вам семь.

Он вытащил маленький кошелек и бросил каждому по серебряной монете.

— Получаете так много и без всяких усилий. Стоит ли рисковать? Том вряд ли дал бы вам больше.

— Стойте! — воскликнул Том. — Если он, не жалея, дал нам так много, значит, есть и еще. Давайте его обчистим.

Однако малолетки не купились. Пожав плечами и покачав головами, они зашаркали обратно к ступенькам.

— Эй! Вы куда? — крикнул Том.

Кайлар дернул поводья, и лошади тронулись. Тому пришлось отпрыгнуть в сторону, чтобы не затоптали. Приземлившись, он вывернул лодыжку. Кайлар закусил нижнюю губу, чтобы стать похожим на гнилозубого Тома, и беспомощно поднял руки. Вместе с Ули смеялись и малолетки.

10

Они переночевали на постоялом дворе, где их рано утром нашла тетушка Меа и через лабиринт переулков провела к своему дому. Ей было едва за сорок, хотя по виду — лет на десять старше. Почти двадцать лет назад овдовела, сразу после того, как родился сын Брайан. Муж успешно торговал коврами, и дом был большой. «Можете оставаться столько, сколько пожелаете», — уверила она Кайлара и Элену. Тетушка Меа была знахаркой и акушеркой, с неприметным лицом, огоньком в глазах и плечами портового грузчика.

— Итак, — сказала тетушка, когда все позавтракали яйцами с ветчиной, — как долго вы двое женаты?

— Около года, — ответил Кайлар.

Он взглянул на Элену: ну конечно же, залилась краской. Тетушка Меа приняла это за смущение и рассмеялась.

— Я так понимаю, ты слишком молода, чтобы стать родной матерью этой юной леди. Ули, как ты нашла себе новых маму с папой?

Кайлар откинулся на спинку стула, подавив желание ответить. Начнет отвечать за всех, будет выглядеть не только глупо, но и подозрительно. Иногда гораздо лучше, когда все идет своим чередом. Пока возможно.

— На войне, — ответила Ули.

Она сглотнула, опустила взгляд в тарелку и больше не проронила ни слова. Искренний вид Ули говорил о том, что вряд ли это ложь. Няню убили, когда шло сражение за город. Временами Ули до сих пор плакала по няне.

— Во время штурма она была в замке, — пояснила Елена.

Тетя Меа отложила нож и ложку — в Кернавоне не пользовались вилкой, что раздражало Кайлара.

— Вот что, Ули, я скажу. Мы о тебе позаботимся как следует. Здесь безопасно, у тебя даже будет своя комната.

— А игрушки? — спросила Ули.

При виде открытого, полного надежды лица Ули сердце Кайлара заныло. Маленьким девочкам надо бы играть с куклами — ну почему он ни разу не дарил ей куклу? — а не вылавливать из реки полутрупы.

Тетушка Меа рассмеялась.

— И конечно, игрушки.

— Тетя Меа, — сказала Елена. — Мы и так вам причиняем неудобства. У нас есть деньги на игрушки, и Ули может остаться с нами. Вы уже...

— И слышать не хочу, — возразила тетя Меа. — Кроме того, вы новобрачные и прежде всего нуждаетесь в личной жизни. Хотя, бог знает, Гэвин и я ухитрились вспахать борозду по несколько раз, когда вместе с его родителями делили однокомнатную хибару.

Элена стала пунцовой, однако тетя Меа продолжала:

— Но, полагаю, в одиннадцать-то вряд ли будешь притворяться, что не замечаешь шума по ночам.

Теперь вспыхнул Кайлар. Тетушка Меа посмотрела на него, затем на Ули, которая сидела с озадаченным видом.

— Хотите сказать, что ни разу — с тех пор как покинули Сенарию? — уточнила тетушка. — Да ладно. Наверняка уединялись по утрам, когда Ули еще спала. Нет? Сколько в пути, говорите? Три недели? Целая вечность для вас, молодых. Хорошо. Сегодня днем Ули и

я пойдем на длительную прогулку. Кровать в вашей комнате слегка поскрипывает, но если о подобном слишком беспокоиться, то ведь у Ули никогда не будет маленького братика.

— Я вас умоляю... — Кайлар покачал головой.

Элена оскорбилась.

— Гм, — выдохнула тетушка Меа, глядя на племянницу. — Что ж. Если позавтракали, почему бы теперь не познакомиться с моим сыном?

Брайан Смит работал в лавке, пристроенной к дому. Он унаследовал простые черты матери и широкие плечи. Завидев гостей, Брайан швырнул обруч для бочки, которому придавал форму, в общую кучу и снял рукавицы.

— С добрым утром, — буркнул он.

Его глаза сразу устремились к Элене. Быстрый взгляд на лицо в шрамах, затем — слишком оценивающий — на ее прелести. Не мельком, как мужчины невольно окидывают каждую женщину. Такому взгляду Кайлар не придавал бы значения. Брайан надолго задержал взгляд на груди Элены.

— Рад встрече, — процедил он, протягивая Кайлару руку.

Брайан смотрел на него, взвешивая, оценивая. Довольно предсказуемо он попытался сжать до хруста ладонь Кайлара.

Струйка *таланта* позаботилась об этом. Без малейшего напряжения на лице или в предплечье Кайлар сдавил могучую лапу до грани перелома. Еще чуть-чуть, и все косточки ладони Брайана рассыпались бы. Спустя мгновение Кайлар отступил, просто уравнив с ним силы — ладонь к ладони, мускул к мускулу, глаза в глаза, — несмотря на то что смотрел снизу вверх, а Брайан был на треть тяжелее. Паника в глазах Брайана уступила место вопросу: почудилась ему начальная сила хватки Кайлара или нет?

— Кайлар! — проворчала Элена сквозь стиснутые зубы. Можно подумать, он обращал на себя внимание.

Однако Кайлар не отвел глаза. Здесь явно что-то решалось, пусть и глупое, примитивное и первобытное, тем не менее очень важное.

Элене не понравилось, что ее не принимают в расчет.

— Полагаю, в следующий раз вы будете меряться... — Она вдруг умолкла, смутившись.

Рукопожатие наконец закончилось.

— Хорошая мысль, — поддержал Кайлар, ослабляя ремень. — Что скажешь, Брайан?

Брайан милостиво рассмеялся. Остальные подхватили, но Кайлар не сомневался — друга в лице Брайана он не обрел.

— Что ж, рад встрече, — снова повторил Брайан. — У меня большой заказ. Надо закончить. — Он кивнул и, тайком размяв пальцы, взял в руки молот.

Остаток утра и весь день тетушка Меа водила их по Кернавону. Город был крупнее, чем Сенария, однако не выглядел столь хаотично. Большинство улиц, мощеные и широкие, пропускали одновременно два фургона и множество пешеходов. Торговцев, чьи лавки захватывали проезжую часть, быстро наказывали, и нарушать пытались единицы. Где бы ни проезжали два фургона, внезапные столкновения сразу собирали толпу. Тем не менее здесь существовали, и очень долго, общепринятые стандарты, по которым все фургоны ехали по шестидюймовой колее в мостовой. Даже нечистоты на улицах текли по трубам, снабженным решетками. Обычной городской вони почти не было.

Замок Кернавон возвышался над северной частью. Иногда за цвет гранита его называли Голубым Гигантом. Голубые стены без признаков кладки были ровными и гладкими как стекло, не считая бесчисленных бойниц и отверстий в замковых воротах. Двести лет назад, по словам тетушки Меа, восемнадцать человек шесть дней удерживали замок против пятитысячного войска.

Замок, конечно же, окружали прекрасные дома. Чем ближе к докам, тем город становился грязнее и населенней. Как и везде, богатым и знатным нравилось жить вдали от остальных, которым, в свою очередь, хотелось обосноваться поближе к богатым. Однако

здесь граница проходила нечетко — в отличие от Сенарии, где по закону бедным отводился западный берег Плита. Те, кто делал деньги в Кернавоне, могли перебраться в места для богатых. Шанс продвинуться, казалось, заряжал энергией целый город.

Главным пороком Кернавона стала жадность. В воображении каждый торговец мнил себя императором грядущей торговой империи. Пороком Сенарии была зависть. Здесь империй никто не строил. Все что-то пытались урвать друг у друга.

— Ты ужасно молчалив, — заметила Элена.

— Здесь все иначе, — ответил Кайлар. — Сенарию поразила болезнь еще до прихода Халидора. Тут лучше. Пожалуй, можно и обосноваться.

О боги, он собирался стать одним из тех торговцев, которых презирал. Сбор трав и продажа лекарств — вот и все, что он может, помимо умения убивать. Но ведь надо и мечтать. Так о чем же? О том, чтобы открыть вторую лавку? Чтобы подмять под себя всю торговлю лекарственными травами в городе? Однажды Кайлар держал в руках будущее целой страны. Лишь одно предательство, убийство человека, которого потом так и так прикончили, — и все бы переменялось.

«Если бы убил, Логан остался бы жив...»

Тетушка Меа повела их домой, и Кайлар попытался направить мысли в торговую колею. В фургоне он спрятал немного золота и все травы, его богатство и судьбу. Задумай разбойники ограбить их по пути, даже не знали бы, чем поживиться.

— Ну вот, дом чуть дальше по этой улице, — сказала тетя Меа. — Брайана нет, закупает продукты. Мы с Ули пойдем в небольшую лавку за сладостями, чтобы дать вам время познакомиться заново.

Пока Элена краснела, тетушка подмигнула Кайлару. Вдруг ее лицо помрачнело.

— Что такое?

Кайлар глянул в сторону дома. В воздух поднимались струйки дыма, быстро превращаясь в клубы.

Он побежал к дому тетушки Меа вместе с толпой — пожар в городе так опасен, что все хватали ведра и бежали на помощь. Пока добирались, пламя уже охватило всю конюшню. Что-то спасти было слишком поздно. Люди поливали водой близлежащие здания, а Кайлар молча держал за руки Элену и Ули.

Конюшня сгорела дотла. Две лошади и тетушкина старая кляча превратились в вонючие холмики обгорелого мяса. Мало что осталось и от фургона. Поджигатель нашел сундучок с золотом. Богатство и судьба дымом улетели в небо.

Остался только длинный тонкий ящик, привязанный к оси фургона. Замок был нетронут. Кайлар открыл ящик. В нем лежали серые одежды мокрушника и меч Возмездия — целехонек, даже дымом не пропах. Меч явно насмеялся над бессилием Кайлара.

11

— Плохие новости, ваше святейшество, — доложил Неф Дада, войдя в покои короля-бога.

К кровати была привязана девушка знатного рода, Магдалина Дрейк. Сквозь кляп во рту доносились всхлипы. Оба — и она, и король-бог — пока были одеты.

Гэрот сидел на постели рядом с девушкой и гладил ножом ее голые икры.

— Что такое?

— Один из наших шпионов в Часовне, Джесси аль'Гвайдин, мертва. Последний раз ее видели в деревне Торрас-Бенд.

— Ее что, убил Темный Охотник?

— Полагаю, да. Наш человек сказал, что Джесси собиралась его изучать, — ответил Неф.

— То есть она пошла в лес и не вернулась.

— Да, ваше святейшество, — подтвердил Неф.

Он потер сутулую спину — чтобы напомнить королю-богу не только о своих годах, но и о тяготах службы Гэроту.

Король-бог яростно ударил ножом в матрац между ног Магдалины, так высоко, что Нефу показалось — в девушку. Она пронзительно завизжала и дернулась, пытаясь увернуться. Гэрот небрежно рассек матрац дальше к ступням, прорезая платье до подола и взметая в воздух перья.

Внезапно он успокоился. Оставил нож, снова запахнул разрезанное платье и нежно положил руку на голое бедро девушки. Та непроизвольно вздрогнула.

— Нет слов, как трудно посылать шпионов в Часовню. Ну почему, Неф, они настойчиво бросают жизни на ветер?

— По той же причине, по которой сначала идут к нам, ваше святейшество: из-за честолубия.

Гэрот устало глянул на вюрдмайстера.

— Это риторический вопрос.

— Но есть и хорошая новость, — добавил Неф и слегка выпрямился, забывая о спине. — Мы взяли в плен ладешского барда по имени Аристархос. Полагаю, вам захочется допросить его лично.

— Почему?

— Потому что я его *смотрел*. И то, что видел он, удивительно.

Гэрот сузил глаза.

— Выкладывай.

— Он убежден, что видел носителя ка'кари. Черного ка'кари.

— Хватит на меня смотреть! — рявкнул Стефан, бывший любовник Ви, толстый торговец одеждой. Он клялся, что может ей сказать, кто шинга.

Ви лежала под ним и двигалась с ловкостью атлета и опытом куртизанки, обученной самой Мамочкой К. Однако ее глаза были совершенно бесстрастны. Она не притворялась, что получает удовольствие, отчего у Стефана возникали проблемы. Как и большинство мужчин, он больше болтал, чем занимался делом.

Стефан отвалился от Ви, резкий запах пота пробивался сквозь аромат благовоний. Ви, не удержавшись, снисходительно улыбнулась.

— Я-то думала, покажешь, на что способен.

Стефан вспыхнул.

Интересно, подумалось Ви, почему она над ним издевается? Ведь не лучше и не хуже других мужчин. Надо ведь выяснить, что он хотел сказать. Дразнить не стоит, это лишь затянет дело.

— Распусти волосы, — сказал он.

— Забудь о волосах.

О Нисос. Почему они не дают им покоя? Ви перевернулась и покачала бедрами, увлекая его *талантом*. Дальше Стефан обо всем забыл.

Учитель, Хью Висельник, привел ее к Мамочке К., когда Ви исполнилось пятнадцать. Куртизанка, понаблюдав, как мокрушник совокупляется с ученицей, заметила:

— Да ты, похоже, детка, ничего не чувствуешь. Это так?

Соврать Мамочке К.? Немыслимо. Ви призналась: да, ее секс был совершенно лишен чувств.

— Что ж, — сказала Мамочка К. — Лучше уже не станешь, но нам подвластно все преодолеть. Магия секса — старейшая из магий. С твоими сиськами и *талантом* я еще успею слепить из тебя нечто пикантное.

И сейчас Ви применяла свои навыки, шепотом проклиная женоподобного идиота. Слова и цель не совпадали — ей, как и всем женщинам с *талантом*, чтобы его использовать, надо было говорить. Неважно что.

Стефан застонал, как животное, и кончил почти мгновенно. Пока он лежал в

прострации, Ви в отместку насухо вытерлась его изящным плащом и села на постели, скрестив ноги, — под броней наготы.

— Рассказывай, толстяк, — бросила она, глядя на его бледные жировые складки с таким отвращением, что Стефан, устыдившись, отвернулся.

— Ей-богу, неужели ты должна...

— Рассказывай.

Стефан прикрыл глаза.

— Обычно он принимал связных, которые приходили в мой дом. Иногда я подслушивал обрывки фраз, но он всегда был крайне осторожен. Сжег несколько полученных им писем, для разговора со связными всегда выходил из дома. Однако в ночь вторже... освобождения вызвал связного и написал записку. Сейчас.

Прежде чем пойти к столу, Стефан завернулся в плащ. Он достал листок кьюрской рисовой бумаги и протянул его Ви. Листок был чистым.

— Поднеси к свету, — сказал он.

Ви приблизила бумагу к фонарю и рассмотрела слабые отпечатки.

«Спаси, если сумеешь, Логана Джайра, — гласил аккуратный мелкий почерк, — а также девочку и женщину со шрамами. Вознагражу тебя так, что и не снилось».

Вместо имени стояли два символа. Глаз с тяжелым веком, очерчивающий звезду, нарисовали, не отрывая пера от бумаги.

Рядом — звезда с девятью лучами. Первый — символ Са'каге, второй — шинги. Вместе они означали, что в распоряжении получателя — все ресурсы Са'каге.

— Написав записку, он ушел, — продолжил Стефан, — и больше не возвращался. Я сказал, что люблю его, а он даже не удостоил меня взглядом.

— Имя, толстяк. Назови его имя.

— Джарл, — ответил он. — Да простят меня боги... шинга — Джарл.

В полутьме одного из беднейших домов-укрытий, с тараканами и крысами — как и повсюду в Крольчатнике, — Джарл и Мамочка К. встречались с призраком. Тот улыбнулся, втаскивая себя в комнату. Правая нога была в шинах, и он не мог согнуть колено. Правая рука висела на повязке. Сквозь бинты вокруг локтя сочилась кровь. На костыль человек не опирался, а держал его в правой руке. Использовать костыль со стороны разбитого колена он не мог и потому скорее прыгал, чем хромал. Седой, с коротко остриженными волосами, жилистый и мускулистый. Несмотря на серое, искаженное болью лицо, призрак улыбался.

— Гвинвера, — сказал он. — Приятно видеть, что годы тебя пощадили.

Она улыбнулась и, не комментируя его вид — а выглядел он так, будто спал в сточной канаве, и отличная одежда была вся грязной и воняла, — ответила:

— Рада слышать, что не потерял сладкоречив.

Допрыгав до стула, Брэнт Агон сел.

— Слухи о моей гибели и все такое прочее...

— Брэнт, это Джарл, новый шинга. Джарл, это баронет Брэнт Агон, бывший лорд, генерал Сенарии.

— Что я могу для вас сделать, лорд и генерал? — спросил Джарл.

— Ты слишком любезен. Я пришел сюда таким, каким ты меня видишь, не намного лучше. Выгляжу попрошайкой и пришел просить. Я сражался на границах этой страны, всех, какие есть. Сражался на дуэлях. Вел отряды из двух воинов и вел кампании с пятью тысячами. Халидор рассеял наши армии, однако сила Сенарии — в Са'каге, и король-бог это знает. Он уничтожит тебя, если не уничтожишь его первым. Тебе нужны воины, и я — воин. Есть мокрушники, но они не всесильны. Ты же видел несколько недель назад — могут и все испортить. С другой стороны, под моим началом твои воины станут более умелыми и тренированными, будут лучше убивать. Только дай мне место и назначь командовать людьми.

Джарл откинулся на спинку стула и сцепил пальцы. Он долго и пристально смотрел на

Агона. Мамочка К. притихла. Она долго была шингой и не могла позволить Джарлу допускать оплошности, но все-таки решилась. Пусть Джарл получит жизнь, власть и мудрость. Она будет помогать до тех пор, пока ему эта помощь нужна.

— Почему вы здесь, лорд Агон? — спросил Джарл. — Почему я? У Тэры Грэзин есть армия. Пойди вы своей дорогой, Са'каге уже годы назад было бы стерто с лица земли.

Мамочка К. встала:

— Мы слышали, вас убили из засады.

— Меня пощадил Рот Урсуул, — с горечью ответил Брэнт, — в награду за мою глупость. Ведь это я подал мысль, чтобы Логан Джайр взял в жены Дженин Гандер. Думал, если укрепить королевский род, это предотвратит войну. Однако их тоже убили.

— Халидор никогда бы не оставил их в живых, — заметила Мамочка К. — На самом деле для Дженин это счастье. Ее могли взять для утех Урсуула, и по рассказам, что я слышала...

— Я кое-как уполз домой, — прервал Агон, не желая слушать оправдания. — Жену забрали. Не знаю, убили или взяли для «утех».

— Ох, Брэнт, прости.

Посуровев лицом, он продолжал, не глядя на Мамочку К.:

— Я решил выжить и принести хоть какую-то пользу, шинга. Знатные дома хотят, как обычно, воевать. Герцогиня Грэзин попробует взойти на трон интригами. У них нет желания победить. У меня — есть. У тебя, надеюсь, тоже. Если не победить, так убить как можно больше халидорцев.

— Ты хочешь мне служить или стать партнером? — спросил Джарл.

— Да плевать, — ответил Брэнт.

— И что же дальше, если победим? — допытывался Джарл. — Возьмешься за старое и попытаешься нас устранить?

— Возможно, вы решите, что я слишком опасен, и тоже меня убьете. — Брэнт едва заметно улыбнулся. — Сейчас это меня не беспокоит.

— Что ж, ясно. — Джарл в раздумьях пробежался пальцами по тонким косичкам. — Верность, Брэнт, не разделить. Будешь служить мне и никому другому. Принимаешь?

— Все, кому я клялся в верности, уже мертвы, — ответил Брэнт, пожимая плечами. — Кроме, наверное, жены. Однако есть вопросы. Если ты новый шинга, то кто же тогда прежний? Жив ли еще? Сколько фронтов в этой войне?

Джарл промолчал.

— Я прежняя шинга, — ответила Мамочка К. — Ухожу на покой, и не потому, что Джарл заставляет. Я готовила его годами, однако события ускорили выбор. Наша сила, Брэнт, — Крольчатник, но люди там умирают. Голод — уже забота, однако следом надвигается чума. Короля-бога не волнует, что там происходит. Если мы хотим выжить, а под «мы» я понимаю и Са'каге, и Сенарию, и каждую обездоленную душу в Крольчатнике, — надо что-то менять. Туда еще можно доставить лодки и фургоны. Солдаты проверяют, нет ли в грузах оружия, и требуют взятки, но это можно пережить. Беда в том, что каждый фургон с продовольствием грабят по дороге. Люди голодают, и нет охраны, чтобы пресечь мародерство. Разворуют хоть один фургон, та же участь ждет и остальные. Если так пойдет и дальше, торговцы прекратят любые поставки. Тогда умрут все. Мы уже к этому близки.

— И что же вы собираетесь делать? — спросил Брэнт.

— Мы намерены создать теневое правительство. Меня знают все, — сказала Мамочка К. — Я могу нанять бандитов охранять вагоны, могу рассматривать споры и руководить постройкой убежищ.

— Значит, вы становитесь мишенью, — заметил Брэнт.

— Я и без того мишень, — возразила Мамочка К. — Мы потеряли часть мокрушников, но это не значит, что они убиты. Мокрушники дают обет покорности шинге, скрепленный магией. Король-бог эту связь разбил. Я узнала, что Хью Висельник доложил обо мне

королю-богу. Гэрот не верит, что женщина способна быть шингой, и теперь ищет настоящего. Однако в любой день он может передумать — не важно, действую я открыто или остаюсь в тени. Здесь мои руки коротки, поэтому я могу без оглядки делать то, что нужно.

Мамочка К. была спокойна, как и всякий бывалый солдат перед битвой. Она видела, что Брэнт Агон изумлен.

— Назовите мои обязанности.

Джарл сказал:

— Возьмешь моих лучших людей и сделаешь из них охотников за ведьмами. После чего хочу, чтобы ты организовал оборону на случай, если армия войдет в Крольчатник. У халидорцев есть колдуны и солдаты. К ним переметнулась часть наших лучших воинов. Сам я жив до сих пор только потому, что они не знают, кто я. Добро пожаловать на борт!

— С удовольствием.

Брэнт Агон неуклюже поклонился и вслед за громадным телохранителем пошел к выходу.

Когда он ушел, Джарл повернулся к Мамочке К.

— Ты не говорила мне, что вы знаете друг друга.

— Не уверена, что знаю именно такого Брэнта Агона, — отозвалась она.

— Не увиливай.

Легкая улыбка тронула губы Мамочки К., она была довольна и даже горда, что Джарл принимает командование на себя.

— Тридцать лет назад Брэнт в меня влюбился. Я тогда была наивной, думала, что тоже его люблю. А вышло так, что погубила.

— Ты его любила? — спросил Джарл.

Вопрос стал для Мамочки К. доказательством, что выбор преемника сделан верный. Джарл найдет лазейки. Правда, одно дело — восхищаться его способностями, и совсем другое — испытывать их на себе.

Она вновь улыбнулась, но улыбка не коснулась глаз. Джарла вряд ли проведешь и на секунду, однако после стольких лет маска притворства возникала сама собой.

— Не знаю. Не помню. Так ли уж это важно?

12

— Говорят, что Гаэлан выбросил голубой ка'кари в море, породив Тлаксини Мальстрим, — сказал Неф Дада. — Если так, то он, может, там и до сих пор. Однако неясно, как нам его получить обратно. Белый потерял уже шесть столетий. Зеленый ка'кари Хротан увез в Ладеш, где и потерял. Я проверил: Хротан прибыл в Ладеш около двухсот двадцати лет назад, однако больше мне ничего не известно. Серебряный ка'кари потеряли во времена Столетней войны, и он может быть где угодно, от Алитэры до Кьюры, если только Гаррик не умудрился его уничтожить. Красный выбросил Феррик в недра горы Эшвинд, ныне вулкан Тенджи. Это в Кьюре. Коричневый ка'кари, по слухам, находится в школе творцов в Оссеине, однако сомневаюсь.

— Почему? — спросил Гэрот Урсуул.

— Вряд ли они удержались бы, чтобы не попробовать. Владея силой земли, эти подмастерья-творцы мгновенно стали бы во сто крат искусней. Рано или поздно что-нибудь да сотворили бы, и тогда бы стало ясно: творят на уровне древних зодчих. Этого не случилось. Либо мастера школы менее честолобивы, чем я предполагал, либо ка'кари там нет и в помине. По другим слухам, оно связано с Голубым Гигантом — замком Кернавона. Воспринимаю это как пустую похвальбу. Прятать ка'кари в замке не вполне разумно.

— Зато есть надежная ниточка к красному?

— Когда вюрдмайстер Квинтус проезжал Кьюру, он говорил, что извержения вулкана Тенджи отчасти магические. И с этим, и с голубым загвоздка одна, если доберемся: будет ли

ка'кари, подверженные так долго силам природы, в целостности и сохранности.

— Не густо, Неф.

— Это ведь не ракушки собирать. — Голос вюрдмайстера звучал подобострастно, и он это ненавидел.

— Редкая проницательность, — вздохнул Гэрот. — А что с черным?

— Не более чем намеки. Нет упоминаний даже в самых древних книгах. Если то, что я видел, правда и ладешец не бредит, значит, на моей памяти это самый тщательно хранимый секрет.

— В том-то и цель секрета, разве нет? — заметил Гэрот.

— Что?

— Приведи нашего ладешского соловья. И мне нужен порошок.

Элена хотела, чтобы он продал меч. Минуло десять ночей, и они играли свои роли словно деревянные куклы. Вот только даже куклам со временем приходится менять роли.

— Ты на него, Кайлар, даже не смотришь. Меч просто лежит в сундуке под кроватью.

Ее темные брови сошлись, образуя тревожные морщинки.

Кайлар сел на кровать, потирая виски. Он так от этого устал. Да от всего! Неужели и впрямь она ждет ответа? Конечно ждет. Почему женщины свято верят, что разговоры о проблеме ее решат? Трупы тоже проблема. От жары разлагаются, гниют и распространяют заразу на все живое. Лучше закопать и двигаться дальше.

Как Дарзо. Корм для червей.

— Это был меч моего учителя. Он передал его мне, — запоздало ответил Кайлар.

— Ты много чего получал от учителя, и побои — не на последнем месте. Он был злым человеком.

Где-то шевельнулась ярость.

— Да что ты знаешь о Дарзо Блинте? Он был великим человеком. Умер, чтобы дать мне возможность...

— Хорошо, хорошо! Давай говорить о том, что я знаю, — сказала Элена.

Сейчас опять расплечется, черт ее дери. Расстроена вконец. Как и он сам. Хуже того, слезами она не пытается на него влиять.

— Мы разорены. Сами потеряли все, да еще из-за нас пострадали тетушка Меа и Брайан. У нас есть способ многое исправить, и они этого заслуживают. В том, что те юнцы подожгли конюшню, целиком наша вина.

— Хочешь сказать, моя вина, — заметил Кайлар.

В своей комнатке плакала Ули. Девочка слышала через стену, как они кричат друг на друга.

Разберись он с Томом Греем по-своему, тот бы от испуга обходил дом тети Меа за пять кварталов. Кайлар знал музыку улиц. Он говорил языком силы, играл нежные аккорды угроз, навевал страх в сердца людей. Однако ноты песен, которым его учил Дарзо, не представляли собой силлогизмов. Не было ни тезы, ни антитезы, которые в гармонии создают синтез. Это другая музыка. Музыка логики слишком аристократична для улиц, чересчур тонка. Все нюансы не в такт.

Когда бы мокрушник ни играл, его лейтмотив — страдания, ибо каждый понимает, что такое боль. Жестоко, зато без нюансов. Кайлар мог разобраться со всей хулиганской шестеркой вместе с Томом Греем, не выказывая своего *таланта*. Остались бы юнцы с синяками да удивленными лицами, и только. Но даже если бы Элена и позволила, могли Кайлар этим воспользоваться? Что, если бы она увидела его радость?

Он посмотрел ей в лицо. Элена была так прекрасна, что пришлось сдержать слезы.

«О чем это они? Какого черта?»

Кайлар вскипел:

— Почему бы нам не прекратить всю эту чепуху? Я говорю, что меч бесценен, а ты — что вполне хватит, чтобы открыть лавку. Я говорю, что продать его не могу, но объяснить

почему не в силах. Поэтому ты говоришь, что я на самом деле хочу быть мокрушником и меня удерживает только твоя воля. После чего начинаешь плакать. Так почему бы тебе не заплакать сразу? И я бы тебя обнял, и мы бы час целовались, и ты бы меня остановила, чтобы далеко не заходил. И ты спокойно уснешь, пока я буду лежать с открытыми глазами и болью в яйцах. Нельзя ли сразу перепрыгнуть к части с поцелуями? Потому что в нашей с тобой несчастной жизни я наслаждаюсь лишь тогда, когда думаю, что ты получаешь не меньшее удовольствие, и возможно, сегодня мы — наконец-то! — переспим. Что скажешь?

Элена стерпела.

Он видел, как ее глаза наполнились слезами, однако она не заплакала.

— Скажу, что люблю тебя, Кайлар, — тихо и спокойно ответила Элена, и тревожные морщинки исчезли. — Я в тебя верю, и я с тобой, несмотря ни на что. Я люблю тебя. Слышишь? Люблю. Просто не могу понять, почему нельзя продать меч... — Она вздохнула. — Но принять это могу. Ладно, больше вспоминать о нем не буду.

Итак, теперь он действительно стал подонком. Сидит на богатстве, вместо того чтобы содержать жену и дочь и отплатить людям, которые из-за него пострадали. А она собирается его принять. Как благородно.

«Она меня совсем не знает. Только думает, что знает. Ничего подобного. Приняла меня, считая, что Кайлар — всего лишь поздняя, грязноватая версия Азота. Я не грязь, а дерьмо. Убиваю людей, потому что нравится».

— Милый, пойдем в постель, — сказала Элена.

Она стала раздеваться, и холмики груди сквозь ночную сорочку, изгибы бедер и длинные ноги возбудили его, как обычно. При свече ее кожа блестела, и взгляд Кайлара застыл на одном из сосков. Элена задула свечу. Он уже был в исподнем и хотел ее. Хотел так страстно, что задрожал.

Кайлар лежал на боку, не трогая Элену. Проклятый ка'кари наградил его отличным зрением, даже в темноте. Проклятый, потому что он ее по-прежнему видел. Видел боль на лице. Похоть была оковами, и он чувствовал себя ее рабом. Похоть внушала Кайлару отвращение, и, когда Элена повернулась и прикоснулась к нему, он даже не шевельнулся. Затем лег на спину и уставился в потолок.

Судя по всему, сразу к последней части. Открытые глаза и боль в яйцах.

«Меня тут не должно быть. Что я делаю? Счастье — не для убийц. Я не в силах измениться. Ничтожество, пустое место. Аптекарь без лекарств, отец, который не отец. И муж — не муж, и наемный убийца, что не убивает.

Меч — это я. Вот почему от него не избавиться. Меч в ножнах, который стоит счастья, пылится на дне сундука. Не просто бесполезен. Хуже — мусор».

Он сел на постели, затем встал. Нагнулся под кровать и вытащил узкий сундук.

Элена села, когда он стал накидывать серый плащ мокрушника.

— Милый? — окликнула она.

Он оделся в секунды — Блинт тренировал даже это. К рукам и ногам пристегнул ножи, закрепил серию звездочек на запястье и привязал к пояснице крюк. Запахнул полы плаща так, чтобы приглушал все звуки, перекинул за спину меч Возмездия и натянул черную шелковую маску.

— Милый, — повторила Элена суровым голосом. — Что ты делаешь?

Кайлар не пошел к двери и не спустился по ступенькам. Нет, не сегодня. Вместо этого он открыл окно. Приятно пахнуло воздухом. Свобода. Он подобрал полные легкие и задержал дыхание, словно мог эту свободу оставить у себя. Ироничная мысль. Он разом выдохнул и глянул на Элену.

— То, что и всегда, любимая, — ответил Кайлар. — Все порчу.

Всплеск *таланта* — и он прыгнул в ночь.

Ферлу Халиусу опять нашли дерьмовую обязанность. Отряд, в котором он служил, при вторжении разбили, после чего Ферлу поручали только никчемные задания: сбросить трупы

с шаткого, наполовину сожженного моста, помочь поварам доставить провизию в замок, помочь мастерам возвести, по воле короля-бога, новую стену вокруг города, удвоить и утроить обязанности стражи. И хоть бы раз тебе задание для избранных, как на Ванденском мосту, где после каждой смены стражники взятками приносили домой недельное жалованье — только за то, что пропускали всяких жуликов. А теперь еще вот это.

Он с отвращением посмотрел на пленника: толстый, с холеными ручками знатного южанина, хотя борода — в халидорском стиле. Крючковатый нос и брови как две щетки. Пленник не сводил с Ферла озабоченного взгляда.

Заговаривать с пленником Ферлу не полагалось. И знать, кто он такой, тоже. Однако с самого начала предчувствия были мрачные — как только капитан сообщил, что его хотят видеть вюрдмайстеры. Ферла требовали по имени, и немедленно.

Никакому халидорцу не пожелаешь такое услышать. Ферл подумал, что речь пойдет о его маленьком сувенире, мече с рукояткой в виде дракона, который он взял на мосту. Однако вызвали не за этим. Он чуть не обмочился, заведя, что перед ним вюрдмайстер из Лодрикара, сам Неф Дада. Нормальными вюрдмайстеров не назовешь, однако Неф был страшен даже среди них. Пока вюрдмайстер говорил, Ферл не сводил глаз с двенадцати узловатых шнурков, означавших число шу'ра, которыми владел Неф. Смотреть вюрдмайстеру в лицо не позволял обуявший Ферла ужас.

Неф дал поручение одному только Ферлу. Он запретил обсуждать поручение с другими солдатами, запретил даже общаться с ними до времени. Ферла с вельможей заточили в доме какого-то торговца на восточной стороне. Часть дома мастера спешно превратили в тюрьму. Невероятно. Сами мастера! Причина могла быть только одна: особая важность. Сделать все требовалось мгновенно, в тайне от всех. Затем Ферла оставили с запасом провианта на месяцы вперед и запретили выходить из дома.

Это никак не могло ему понравиться. Ферл Халиус не слыл дураком в отряде, не собирался быть им и сейчас. Из разговоров с вельможей он выяснил, что того зовут барон Кироф. Барон утверждал, что не знает, почему его упрятали в тюрьму. Уверял, что невиновен и предан Халидору. То, что он бросал слова на ветер, общаясь с простым солдатом, говорило Ферлу, что Кироф умом не блещет.

Нарушив приказ, Ферл незаметно смылся и выяснил: все считают, что барон Кироф убит, а славный халидорский герцог, Тенсер Варгун, гниет в Утробе за убийство сенарийского аристократа. Который, однако, живет и здравствует.

Вот тогда-то Ферл и понял, что его подставили. Воображение отказывалось рисовать картинку, в которой для него все кончается добром. Зачем назначать человека без отряда? Потому что можно убить, никто и не заметит. Придет время, и барона Кирофа либо отпустят, либо убьют. Раз живой, когда считается мертвым, значит, зачем-то еще нужен. Других причин нет. А Ферл? Ферл будет только доказательством лжи вюрдмайстеров.

Эх, надо было возвращаться в Халидор. Ему предлагали работу — стеречь быков вещевого обоза. И ведь почти согласился. Теперь, наверное, уже ехал бы по дороге в свой клан. Однако всех, кто сопровождал сокровища в Халидор, тщательно обыскивали, что означало потерю драгоценного меча. И он остался, уверенный, что сможет еще подкопнуть, пока город грабят. Болван.

— Я должен тебя убить, — сказал Ферл. — Убить им всем назло.

Толстяк побледнел. Он был уверен, что Ферл не шутит.

— Послушай, окорок, — продолжил Ферл, — если бы вюрдмайстеры тебе сказали: будешь жить, если совершишь, кто тебя похитил. Соврал бы?

— Что за глупые вопросы? — ответил барон Кироф.

Выходит, знали, что Кироф подыграет.

— Ты же смелый. Правда, окорок?

— Что за слово? — отозвался барон. — Не могу понять акцента. Почему вы настойчиво говорите мне «сорок»?

— Окорок. О-ко-рок!

— Мне не сорок. Мне тридцать шесть.

Ферл резко сунул руку между прутьями решетки, ухватил жировую складку и сжал ее со всей силы. Глаза барона стали круглыми, он взвизгнул и попытался вырваться, однако Ферл держал его крепко, прижимая к прутьям.

— Окорок! Окорок!

Другой рукой Ферл схватил Кирофа за обвислую щеку. Сжал. Барон затрепыхался, пытаясь отбиться, но был слишком слаб. Он взвыл.

— Окорок! — снова крикнул Ферл в лицо барону. Затем отпустил.

Кироф упал на кровать, потер щеку и жировую складку. В его глазах туманом стояли слезы.

— Окорок? — вымолвил он уязвленно.

Хорошо, что у Ферла под рукой не было копья.

— Поднимай свой толстый зад, — бросил он. — Мы уходим.

13

Кайлар прыгал с крыши на крышу, пролетал над миром внизу, просто двигался, и сердце наполнялось радостью. Дома Сенарии строились либо в кьюрском стиле, из смеси бамбука и рисовой соломы, с крутыми глиняными крышами, либо из красного кирпича, дерева и тростника. Не очень-то попрыгаешь с крыши на крышу. Здесь, за сотни миль от рисовых плантаций, зимы бесснежные и все крыши плоские, целиком из глины, с крепкими деревянными подпорками. Для человека с *талантами* Кайлара одно удовольствие.

Кайлар наслаждался — силой мышц, вкусом ночного воздуха и тайной энергией, позволявшей тенью двигаться сквозь ночь. Все как надо. Ничего нет удобней серых одежд мокрушника. Сшитые лучшим портным Сенарии, мастером Пиккуном, они двигались вместе с ним. Крапчатые цвета размывали силуэт — даже человека без *таланта* нелегко заметить.

Кайлар отбежал к краю здания, задержался. Повертел шеей, размял спину. До крыши склада футов двадцать, не меньше. Он выдохнул и рванулся вперед, крыша поскрипывала под ногами. Прыжок — и ноги продолжали работать, словно Кайлар бежал по воздуху, над переулком. Он перескочил на крышу склада легко, с запасом в шесть футов.

Кайлар промчался к стене, туда, где крыша поднималась к надстройке, третьему этажу. Прыгнуть и ухватиться за край? Слишком высоко. Вместо этого он побежал вверх по стене, насколько возможно, и прыгнул. Потянулся к выступающей кровельной балке и промахнулся. Пальцы оказались ниже на полфута.

Раздалось еле слышное шипение, и фантомные руки вцепились в балку. Кайлар сделал переворот и встал на балку шириной в три дюйма. Секунду ловил равновесие, затем шагнул на крышу.

Он покачал руку и радостно вскрикнул. Три раза! Неплохо. Совсем неплохо. В следующий раз надо попробовать невидимкой. Кайлар начал понимать слова учителя о том, сколько еще предстоит изучить, когда он сумеет использовать *талант*. Казалось, переключить *талант* от прыжков к фантомным рукам — уже на грани способностей. А если невидимкой да на полной скорости? Что ж, теперь только и осталось, что тренироваться. Времени хоть отбавляй. Разве нет?

Для чего? Ради чего тренироваться?

От этой мысли ночной воздух с трех рек стал прогорклым. Чувство свободы рассеялось как туман. Он тренировался впустую. Тренировался, потому что не мог лежать рядом с Эленой, наедине со своими мыслями, эмоциями и похотью, враждующими между собой. Ему то хотелось разорвать на Элене одежды и взять ее грубо, то встряхнуть и обругать. Кайлара страшил такой накал чувств, то, как они перехлестывали через край. Какая уж тут любовь. От одной мысли становилось не по себе.

Кайлар перепрыгнул еще один большой пролет с парочкой внизу, шедшей рука об руку. Услышал их удивленные возгласы (что-то пролетело над нами?), громко рассмеялся, и

все мысли растворились в пьянящем коктейле действия, движения и свободы.

Незаметно проходя мимо мелкой шайки, которая ждала в засаде, не завернет ли в их переулочек какой-нибудь пьяница, Кайлар ожил окончательно. Сейчас ему не требовались скрытые возможности. Все чувства настроены и отточены, все фибры тела и души наготове — если бандиты его заметят, он использует силу, прыгнет, атакует, убежит, спрячется, нырнет. Да что угодно. Крадясь за бандитом, державшим в одной руке нож, а в другой — винный мех, он почуял его запах. Кайлару приходилось дышать с ним в такт, чтобы не услышал, выверять каждый шаг, наблюдать за сменой бликов, когда луна то исчезала в облаках, то появлялась вновь. Он внимательно смотрел за лицами всех четверых юнцов, пока те шутили, болтали и передавали по кругу трубку с дурманом.

— Эй, заткнитесь! — сказал ближайший к Кайлару парень. — Если, идиоты, будете все время болтать, нам никто не попадетсЯ.

Остальные примолкли. Взгляд бандита скользнул прямо над Кайларом, и тот едва не охнул, увидев его глаза. Что-то в них было. Что-то темное. Отчего где-то в глубине души шевельнулось раздражение.

Из таверны в конце переулочка нетвердо шагнул человек. Прислонился к стене, затем повернулся и побрел к засаде.

«Что я делаю? — Кайлар осознал, что у него нет даже плана. — Я сошел с ума. Отсюда надо убираться».

Он не нарушил слова, данного Элене. Пока еще. В конце концов, не выходить из дома по ночам — такого никогда не обещал. Он поклялся не убивать.

Надо уходить. Прямо сейчас. Если пьяного начнут избивать, он не знает, что будет делать. Или, вернее, знает точно.

Из пор радужной масляной пленкой засочился ка'кари. Он мгновенно покрыл черным кожу вместе с одеждой, скрыв Кайлара целиком.

Один из хулиганов по другую сторону переулочка нахмурился и открыл рот, но передумал и покачал головой, убежденный, что почудилось.

Кайлар прыгнул вверх на пять футов и схватился за край крыши. Подтянулся и бросился бежать. А когда услышал крик — не дубинкой ли ударили по телу? — не остановился. И не оглянулся.

Четыре квартала пролетели одним махом. Кайлар все еще убегал, направляясь к дому тетушки Меа, когда заметил девушку, которую преследовали три негодЯ.

Какого черта она здесь делает так поздно? В этой части города любой обязан знать, как неразумно для девушки — конечно же, прелестной и золотоволосой — гулять в одиночку.

Златовласка бросила взгляд через плечо, и Кайлар увидел заплаканное лицо. Чудесно. Какая-то глупая и нервная девчонка, которой именно сейчас вздумалось глупить и нервничать.

Он остановился.

«Проклятье! Ты не можешь спасти весь мир, Кайлар. Ведь ты не настоящий ночной ангел, а всего лишь тень. Тени ничего не могут трогать».

Кайлар снова выругался, и громко. На улице внизу все четверо персонажей этой маленькой мелодрамы глянули вверх, на крышу, но, конечно же, ничего не увидели. Не заметили и то, как он спрыгнул и последовал за ними.

Если девчонку поймают, придется их убить. Ведь чтобы ее защитить, так или иначе придется сделать им больно. Отдубасить невидимкой? И пусть распространяют слухи? Рано и поздно кто-нибудь сложит два и два, и все полетит к чертям. Нет уж. Если поймают и придется нарушить клятву Элене, он пойдет до конца. Остается одно: устроить так, чтобы негодЯ не догнали девушку.

Златовласку наконец-то посетила первая за всю ночь здравая мысль — девушка побежала. Преследователи разделились и рванули за ней. Кайлар снял со спины меч Возмездия, пока в ножнах. Соизмеряя шаг, побежал за одним из негодЯев и зачехленным мечом ударил его сзади по ноге. Юнец с размаху грохнулся оземь, и его напарник едва успел

бросить взгляд через плечо, как сам встретился с землей.

Оба чертыхнулись, но ума им явно не хватало. Они вскочили, бросились в погоню и очень скоро снова полетели наземь. На сей раз Кайлар сделал одному подножку и столкнул их между собой. Негодяи покатались клубком, слышалась ругань, и они принялись награждать друг друга тумаками. Когда же наконец поднялись, девчонки и след простыл.

Кайлар потерял из виду и ее, и последнего бандита. Он прыгнул на крышу и помчался за девочкой. На бегу расстался с невидимостью, чтобы весь *талант* использовать на скорость. Перелетев несколько крыш, Кайлар снова увидел Златовласку. Она была в квартале от дома, одиноко стоявшего в темном переулке. В окне горел фонарь. Несомненно, ее дом.

Затем Кайлар увидел и последнего бандита, который собирался перерезать ей дорогу. Времени не оставалось. Кайлар был все еще в квартале от них. Он рванулся к краю здания и прыгнул над Златовлаской, налету выхватывая меч Возмездия. Затем приземлился в узком переулке, прямо перед бандитом.

Парень вытащил нож, и в темном омуте его глаз Кайлар увидел глубокую, бессмысленную ненависть. И пренебрежение. Этот человек убивал раньше и собирался убить Златовласку именно сегодня. Кайлар не ведал, откуда ему стало это ясно, но знал наверняка. И видя тьму, что требовала смерти, вдруг понял, что видел ее раньше. Видел в глазах принца Урсуула. Тогда он решил, что, должно быть, показалось.

Удивленный бандит и ночной ангел взирали друг на друга. На мгновение повисла тишина.

— Мама! Папа! — крикнула девочка, пробежав переулок.

Бандит бросился вперед, и меч Возмездия молнией ударил его в солнечное сплетение, пригвоздив к стене.

За углом распахнулась дверь, и плачущую навзрыд Златовласку проводили в дом. Девочка сквозь слезы извинялась и умоляла ее простить. Кайлар сделал вывод, что она повздорила с родителями из-за пустяков, о которых уже никто не помнил, и в горячности хлопнула дверью.

Бандит судорожно дернулся. Он силился вздохнуть, но не мог, поскольку меч сломал ребра и они уперлись в диафрагму. Ноги безвольно болтались. Должно быть, Кайлар перебил позвоночник, и бандит давно бы упал, если бы не меч.

Парень был уже мертв, он просто этого еще не понял.

«Что я наделал, черт возьми?»

Кайлар выдернул меч Возмездия, и бандит рухнул на землю. Кайлар хладнокровно вонзил меч в сердце. Теперь он скомпрометирован. Оставлять здесь тело нельзя — это непрофессионально: его найдут, и хрупкое счастье за окнами этого дома вмиг разрушится. На стене осталось немного крови. Кайлар промокнул ее плащом убитого и замазал грязью.

В доме царили радость и согласие. Мать подала на стол чайник оотая и квохтала о том, как они переживали за дочь. Девочка рассказывала, как ее преследовали, а она, испугавшись до смерти, бежала и что-то заставляло попадать всех бандитов.

Кайлар ощутил прилив гордости, на смену которой пришло недовольство оттого, что слишком все было слащаво и по-домашнему.

Впрочем, это не недовольство. Кайлар был взволнован. Взволнован и одинок до глубины души. Перед ним закрыли дверь, оставили на улице одного, рядом с мертвым. Он присыпал грязью кровь на земле и тряпками заткнул раны в трупе.

— Слава богу, — облегченно вздохнула мать. — Мы с отцом все время за тебя молились.

«Это я, — подумал Кайлар, взваливая тело на плечо, — отвечаю на молитвы каждого. Кроме Элены».

— Почему все норовят уничтожить ка'кари, Неф? — Король-бог вышагивал по одной из парадных.

— Ваше святейшество, южане частенько поступают нелогично.

— Однако эти герои, которые, по общему мнению, уничтожили ка'кари, — Гаррик Проклятие Тени, Гаэлан Звездный Огонь, Феррик Пламенное Сердце, — безусловно, маги. Конечно, не уровня мастеров, но с *талантом*. Такие воины и сами могли носить в себе ка'кари. И не делали этого? Выходит, что как минимум три воина предпочли уничтожить артефакты, которые могли их сделать вдесятеро сильнее? Великие люди не настолько бескорыстны.

— Ваше святейшество, — сказал Неф Дада. — Вы пытаетесь повторить ход мысли людей, которые исповедуют слабость как добродетель. Они ставят сострадание выше справедливости, милосердие — выше силы. Это ущербная философия, своего рода безумие. Конечно, они делают необъяснимое. Посмотрите, как одержимо Тэра Грэзин стремится к гибели.

Король-бог отмахнулся.

— Тэра Грэзин просто дура, чего не скажешь о других южанах. Иначе мои праотцы взяли бы над ними верх еще столетия назад.

— Так бы и случилось, — возразил Неф Дада, — если б не нашествия из Фриза.

Гэрот отклонил и эту мысль. Обычный мастер всегда сильнее обычного мага и часто имеет в ремесле больше компаньонов. К тому же Братство мастера не дробилось на враждующие школы, разбросанные по всей Мидсайру. Армии Халидора ничуть не уступали большинству других и были даже лучше многих. Несмотря на такие преимущества, амбициозные планы короля-бога срывались раз за разом.

— Что-то я настроен... враждебно, — сказал Гэрот.

— Враждебно, ваше святейшество? — Неф кашлянул и засопел.

— Возможно, эти южане и впрямь верят в то, что заявляют о милосердии и защите слабых, хотя наш опыт в Сенарии говорит мне, что нет. Однако зов власти, Неф, отвергнуть нелегко. Не исключаю, что один из праведников их веры и уничтожил ка'кари, который мог использовать. Но как могли исчезнуть, или их скрывали, да еще так долго, все шесть ка'кари? Ведь речь идет о поколениях праведников — и каждый новый хранитель не менее благороден, чем предшественник! Не вижу смысла. Кто-нибудь да должен оступиться.

— Время от времени ка'кари всплывали.

— Да, но с каждым веком все реже. Последний раз — пятьдесят лет назад, — заметил Гэрот. — Некто явно пытался уничтожить или хотя бы спрятать ка'кари. Это единственное, что похоже на правду.

— Значит, некто запасал ка'кари в течение семи столетий? — с каменным лицом спросил Неф.

— Конечно, не кто-то один, — сказал Гэрот, — а некая... группа. Я нахожу, что куда легче сохранить конспирацию в небольшой группе, нежели среди всех когда-либо живших праведников-южан. — Он прервался, развивая мысль. — Подумай об их подлинных именах: Проклятие Тени, Пламенное Сердце, Звездный Огонь — это же не прозвища. Это вымышленные имена. Если я прав, то может статься, что Гаррик Проклятие Тени, Феррик Пламенное Сердце и Гаэлан Звездный Огонь были аватарами этой группы.

— И их аватара сейчас?.. — спросил Неф. Гэрот улыбнулся.

— Уже получила имя. Сегодня утром ладешский соловей запел. Тот, кто ходил с ка'кари по этим залам, кто убил моего сына, был либо Дарзо Блинтом, либо его учеником, Кайларом Стерном. Дарзо Блинт мертв. Значит, если аватара — Кайлар Стерн... — Гэрот встал как вкопанный. — Это объясняет, почему те герои охотно уничтожали ка'кари. Они не могли использовать их. Потому что с одним уже были связаны. Они носили в себе черный ка'кари.

— Ваше святейшество, а возможно ли, что они берегли другие ка'кари вместо того, чтобы их уничтожать?

Гэрот поразмыслил.

— Возможно. И не исключено, что Кайлара с ними ничто не связывает.

— Тогда они могут пытаться добавить черный ка'кари в свою коллекцию, —

предположил Неф.

— Мы не можем этого знать. Да и вообще ничего, пока не заполучим Кайлара Стерна. Мой соловей станет идеальным убийцей. Тем временем, Неф, свяжись со всеми нашими мастерами и агентами в южных землях и прикажи быть начеку. Доставь мне Кайлара Стерна. И плевать, какой ценой. Пусть даже это будет стоить мне целого королевства. Живым или мертвым, неважно. Главное — принеси мне проклятый ка'кари.

14

Первые недели в Дыре стали самыми мрачными, пока Логан не превратился в чудовище, заключив сделку с дьяволом и собственным телом. В тот ужасный день он съел доставшееся ему мясо и, когда Фин убил Струпа, снова полакомился плотью. За то мясо Логану пришлось убить Долговязого Тома, и убийство сделало его чудовищем. Теперь он в безопасности, но радости это не принесло. Просто выжить — мало. Логан начал жить дикой, первобытной частью своей натуры, однако не мог позволить себе превратиться в дикаря окончательно.

Мясом Логан поделился. Часть отдал Лили — не за секс, как другие узники Дыры, а из любезности. За тот совет, который сохранил в нем человека. Поделится и с остальными чудовищами: Таттсом, Йимбо и Зубастиком. Для себя он приберет отборные кусочки — те, что мог съесть без омерзения. Одно дело — ноги-руки, и совсем другое — сердце человека. Логан не мог себе позволить есть мозги, глаза и высасывать костный мозг. Он знал, что, если станет гораздо хуже, ему придется перейти эту тонкую грань, но пока, раз уж так низко опустился, нужно делиться — из великодушия и безразличия.

Фин убьет его при первой возможности, а вот чудовищам он безразличен, и привлечь их на свою сторону можно. Речь, конечно, не о преданности, но важна каждая мелочь.

Совсем иной коленкор — Зубастик. Логан оставался рядом с ним. Он понял, что простофиля если и предаст, то последним, хотя быстро узнал, за что Зубастик получил свое прозвище. Каждую ночь тот скрипел зубами. Так громко, что Логан даже удивился, как еще остались коренные.

На третью неделю Логан проснулся от внезапной тишины и вслушался в темноту. Зубастик, перестав скрежетать, наострил уши. Его слух оказался лучше, потому что только спустя миг Логан услышал звук шагов.

Над решеткой показались два халидорских стражника и с отвращением посмотрели вниз. Тот, которого все ненавидели, открыл решетку и, как всегда, стал бросать хлеб в Дыру. Животные и чудовища, даже Логан, встали вокруг Дыры, надеясь, что повезет с неточным броском. Случилось подобное только раз или два, но и этого хватало, чтобы сохранять надежду.

— Смотри, — сказал стражник.

Он разломил последнюю буханку и помочился на нее. Затем бросил.

Логан, самый высокий, поймал большой кусок и мгновенно его сожрал, невзирая на вонь и теплую влагу, капавшую с подбородка. Плевать на унижение.

Халидорец взревел от восторга. Напарник робко засмеялся.

На следующий день второй стражник вернулся — один и с хлебом. Он стал бросать узникам чистые буханки, по одной на каждого. Отведя глаза, стражник заговорил с сильным акцентом, пообещав, что будет всегда приносить заключенным хлеб, если его смена не будет совпадать со сменой Горхи.

Это дало узникам силы и надежду, а также имя человека, которого они ненавидели больше всех на свете.

Хоть и очень медленно, но социум возрождался. В ту ночь все были так ошеломлены, что даже не пытались стянуть хлеб друг у друга. А окрепнув, стали драться. Через пару дней безмолвный Йимбо сцепился с Финном и был убит. Логан наблюдал, выискивая шанс достать Финна, однако схватка закончилась слишком быстро. Превосходство Финну обеспечивал

кинжал.

Когда появился хлеб, Логан позаботился о том, чтобы получать больше всех — и не только по статусу. Надо оставаться сильным. Уже исчезли последние граммы жира, и теперь сохли мышцы.

Хоть он и превратился в клубок сухожилий и крепких мускулов, большое тело требовало пищи. Тем не менее Логан делился, чем мог, с Лили, Зубастиком и Таттсом.

За два с лишним месяца в тюрьме Логан преобразился. Все больше нервничал по поводу Фина, с его проклятой веревкой из сухожилий, становившейся все длиннее. Спал и просыпался от звуков демонов, которые, как ему иногда представлялось, завывали. Он был уверен: это не ветер. Либо демоны, либо души тех бедолаг, которых бросали в Дыру веками. В голове стучало с ритмом завываний. Челюсть болела. Ночь напролет он скрежетал зубами.

— Зубастик, — как-то раз окликнул он. — Подойди ко мне.

Тот безучастно посмотрел на Логана.

Логан придвинулся и очень медленно взял в руки челюсть Зубастика — боялся, что тот укусит. Не приведи бог: инфекция в Дыре означала смерть. И все равно он не отступил. Зубастик озадачился, но позволил Логану помассировать челюсть. Вскоре лицо простофили изменилось. Напряжение, которое Логан считал следствием уродства, ушло, и Зубастик расслабился.

Логан закончил. Простак вдруг зарычал и схватил благодетеля. Сейчас умру, подумалось Логану, однако Зубастик лишь сграбастал его в охапку. А когда отпустил, Логан понял, что обрел друга на всю жизнь. Неважно, что скотская жизнь в Дыре коротка и жестока. Он бы заплакал, да не было слез.

Ей придется убить Джарла.

Ви стояла у дома Хью Висельника, прислонившись головой к дверному косяку. Надо войти, встретиться с Хью лицом к лицу, собрать вещи и уйти, чтобы убить Джарла. Так просто! И конец ученичеству, она больше никогда не увидит Хью. Возможно, даже убьет его, если захочет король-бог.

Весь год, пока Ви изучала ремесло у Мамочки К., Джарл был ей единственным другом. Старался помогать, особенно в первые недели, когда ничего не получалось. За красивые ладешские черты, острый язычок, ум и теплоту Джарла любили все, и не только люди, что выстраивались в очередь за его услугами. (Образно говоря, конечно. Мамочка К. никогда не потерпит такой глупости, как очередь в «Синий боров».) Однако Ви всегда чувствовала между ней и Джарлом особую связь.

Хватит думать. Работа есть работа. Ви еще раз проверила дверь на ловушки. Ни одной. Хью всегда беспечен, когда развлекается. Стоя за косяком, она медленно открыла дверь и показала в проеме раскрытые ладони. Иногда Хью перебарщивал с наркотиками и тогда нападал первым, не задавая вопросов. Все было тихо, и девушка вошла.

В передней царил бардак. Хью, голый по пояс, сидел в углу, в кресле-качалке. Кресло, однако, не качалось, и глаза учителя были закрыты. Не спит, конечно. В руках Хью держал вязальные крючки и небольшую, почти готовую белую шерстяную шапочку. На этот раз — детский чепчик. Проклятый извращенец.

Притворившись, что верит в его сон, Ви заглянула в спальню. На постели лежали две девицы. Не обращая на них внимания, она стала собирать вещи.

Найти Джарла труда не составит. Сам пригласит: достаточно пустить слух, что она хочет его видеть. Телохранители проверят, нет ли оружия, однако после того, как Ви проведет с Джарлом время наедине, расслабятся. Или Джарл их отпустит, и тогда она возьмет его голыми руками. Задача в том, как ей сдержаться и его не убить.

Убивать Ви не собиралась. К черту короля-бога. Однако тот простит непослушание, если только Ви совершит нечто такое, что обрадует его еще больше.

Она открыла широкий шкаф и выдвинула ящик. В нем лежала коллекция париков, лучших, что можно купить за деньги. Ви стала знатоком: ухаживала за ними, улучшала,

надевала их мгновенно и весьма решительно. Хвост под париком иногда тянул так сильно, что болела голова, но Ви казалось, так удобней. Однажды у Мамочки К. Ви познакомили с *талантливой* куртизанкой, которая сказала, что может научить ее с помощью *таланта* менять цвет волос или прическу, однако Ви это не заинтересовало. Телом можно поделиться с кем угодно, но к волосам у нее было особое отношение. Она даже не любила, когда трогали парики. Хотя терпела. Если выходила на панель, то надевала парик, чтобы изменить немного внешность: за пределами Кьюры огненно-рыжие волосы были редкостью. Шла убивать — завязывала волосы в тот самый тугий хвостик. Разумно, под контролем, эффективно — как она сама. Распускала их Ви лишь на несколько минут перед сном, если была одна и в безопасности.

Выбрав отличный черный парик с прямыми волосами до подбородка и еще один, с длинными и волнистыми, Ви схватила тушь для бровей и косметику, чтобы затемнить цвет лица. Потом упаковала оружие.

Она туго завязывала переметные сумы, когда чья-то рука схватила ее за грудь и резко сжала. Ви охнула от неожиданности и боли. Хью Висельник хихикнул, прижимаясь всем телом к ее спине.

— Привет, красотка. Где была? — спросил он, скользя руками по бедрам.

— Работала. Забыл? — с трудом повернувшись, ответила она.

Если дает повернуться, значит, еще под кайфом.

Он облапил ее, и секунду отвращение и ненависть боролись со знакомым чувством покорности перед неизбежным. Хью запрокинул ей голову и уткнулся носом в шею. Ви не сопротивлялась. Он нежно ее поцеловал, затем вдруг остановился.

— У тебя не те духи, что я люблю, — заметил Хью, еще добродушно, однако с удивленной ноткой в голосе: как она могла так сглупить?

Ви прекрасно знала: он вот-вот взорвется.

— Я работала. На короля-бога.

Она не дала страху вкрасаться в голос ни на йоту. Страх для Хью — что кусок окровавленного мяса для стаи бродячих собак.

— О-о! — выдохнул Хью, вдруг снова подобрев. Его глаза широко раскрылись. — У меня тут маленькая вечеринка. Празднуемой махнул рукой на спальню. — Взял графиню и... черт, не помню. Но та, другая, просто дикая кошка. Присоединишься?

— Что празднуем? — спросила Ви.

— Дарзо! — воскликнул Хью.

Он вдруг выпустил Ви и затанцевал по комнате. Сделал маленький кружок, цапнул со стола гриб, запихнул его в рот, попытался схватить еще один, но промахнулся.

— Дарзо Блинт мертв! — Хью засмеялся.

Ви подобрала с пола гриб.

Хью всегда ненавидел Дарзо Блинта. О них говорили как о лучших мокрушниках в городе, но обычно имя Дарзо шло первым. Хью за это убивал людей, однако устранить соперника ни разу не пытался. Ви знала: если бы считал, что может убить Дарзо, убил бы.

— С ним дружила Мамочка К. Она не поверила, что Дарзо мертв, взяла людей туда, где он был похоронен, — и вот, свершилось! Труп, труп и еще раз труп! — Хью снова засмеялся и выхватил гриб из рук Ви. — В отличие от его ученика. Облажалась ты с той работой. — Он взял бутылку с маковой настойкой и отхлебнул. — Знаешь, я собирался его убить, лишь бы позлить призрака Дарзо. Ухлопал сотню крон на взятки, а он, оказывается, слинял из города. Ух ты! — Хью пошатнулся. — Забористая штука. Помоги мне сесть.

У Ви перехватило дыхание. Вот и ответ! Кайлар Стерн — ночной ангел. Он убил сына Гэрота. Только убийство Кайлара может обрадовать короля-бога настолько, что тот простит ей Джарла. Она схватила руку Хью и аккуратно усадила его в кресло.

— Где он, учитель? Куда уехал?

— Знаешь, ты что-то редко стала заходить. И это после всего, что я для тебя сделал, сучка.

Лицо Хью исказилось, и он грубо притянул ее к себе на колени. Минуты перед отключкой были самыми опасными. Хью мог возиться вяло и неумело, как пьяный, а затем использовать сокрушительную силу *таланта*, случайно поранить или даже убить. Поэтому она упала в его объятия, боясь пошевелиться, заставив онеметь все чувства. Хью отвлекся, попытался Ви приласкать, но вместо этого пошарил рукой в складках ее туники.

— Где ученик Блинта, хозяин? — повторила Ви. — Куда он уехал?

— В Кернавон. Отказался продолжить Путь теней. Кто теперь лучший?

— Ты, конечно, — сказала Ви, соскальзывая с его колен. — Ты всегда был лучшим.

— Виридиана, — произнес Хью.

Девушка замерла. Учитель никогда не называл ее полным именем. Она осторожно повернулась. Неужели грибы так безобидны, а опийное вино — всего лишь вода? Не в первый раз он притворялся пьяным, чтобы прощупать ее на верность. Однако веки Хью были полузакрыты, тело в кресле совершенно расслаблено.

— Я люблю тебя, — добавил он. — У этих шлюх нет ничего...

Он умолк на полуслове и мерно задышал.

Ви вдруг захотелось вымыться. Она схватила меч и переметные сумки. Затем остановилась.

Хью в отключке. Можно вытащить лезвие и менее чем за секунду пронзить его сердце. Он заслужил это больше сотни раз. Заслужил во сто крат худшую кару. Ви взялась за рукоятку и стала медленно, бесшумно вытаскивать меч. Обернулась и взглянула на учителя, вспоминая, как он унижал ее тысячи раз. Осквернял, пока не сломал.

Стало трудно дышать.

Ви повернулась на каблуках, зачехлила меч и перекинула сумки через плечо. Дошла почти до двери, затем помедлила. Вернулась в спальню. Девицы уже не спали. Одна под кайфом, со стеклянным взглядом. Вторая с криво торчащими зубами, грудастая.

— Хью устал, — сказала Ви. — Шансов выжить у вас, что у монеты упасть на ребро. Можете уйти, он сейчас спит.

— Ты просто ревнива, — отозвалась та, что с торчащими зубами, — Хочешь его только для себя.

— Дело ваше, — бросила Ви и вышла вон.

15

— Так я не понял: Са'каге в состоянии войны или нет? — спросил Брэнт.

Джарл заерзал на стуле. Мамочка К. промолчала. Пусть сам ведет беседу.

Дом-укрытие превратился в штаб. Брэнт принес карты. Он собирал данные по силе халидорских войск, отмечая места дислокации каждой части, складов и пути доставки продовольствия. Кроме того, воссоздал схему военной иерархии Халидора, сделав ссылки на то, где у Са'каге есть информаторы, с оценками надежности и доступности источников.

— На этот вопрос ответить труднее, чем... — начал Джарл.

— Нет, — прервал Брэнт. — Вовсе нет.

— По моим ощущениям, что-то вроде войны...

— Ощущениям? Ты командующий или поэт, а, подружка?

— Подружка? Как это понимать?

Мамочка К. встала.

— Сядь! — в один голос велели мужчины.

Нахмурившись, они посмотрели друг на друга. Мамочка К. фыркнула и села на место.

Спустя мгновение Джарл повторил:

— Я жду ответа.

— У тебя есть член или ты их только сосешь? — пояснил Брэнт.

— Надеешься, что повезет? — спросил Джарл.

— Ответ неверный, — сказал Брэнт, качая головой. — Настоящий полководец никогда

не бывает дешевой...

Джарл ударил его в лицо. Генерал рухнул на пол. Юноша встал над ним и вытащил меч.

— Вот как я командую, Брэнт. Враги меня недооценивают, и я бью их, когда они этого не ждут. Я слушаю тебя, но ты мне служишь. Услышу еще раз о члене, скормлю тебе твой собственный. — Лицо Джарла было спокойным. Меч завис над пахом Брэнта. — И это не пустая угроза.

Нащупав костыль, Брэнт поднялся с помощью Джарла и отряхнул одежду.

— Что ж, поучительно. Я тронут. Пожалуй, напишу поэму. Так каков ответ?..

От «поэмы» Джарл завелся снова. Он уже собрался что-то возразить, когда увидел, как дрогнули губы Мамочки К. Значит, шутка. Так сказать, армейский юмор. Он покачал головой.

Милостивые боги, генерал оказался с бульдожьей хваткой.

— Мы в состоянии войны, — сказал Джарл, чувствуя себя неуютно от мысли, что уступил.

— Ты держишь Са'каге в ежовых рукавицах или как? — спросил Брэнт. — У меня серьезные проблемы. А значит, и у тебя тоже.

— Не слишком, — ответил Джарл. — Годовой доход падает, управление рассыпается: люди не отвечают перед вышестоящими... все такое прочее. Очень многие считают, что режим оккупации смягчается, и хотят, как и прежде, заниматься ремеслом.

— Звучит вполне разумно. Что противопоставишь? Есть генеральный план?

Джарл нахмурился. Никакого генерального плана не было. Похоже, Брэнт считает это несусветной глупостью.

— Мы... то есть я собирался посмотреть, что они предпримут. Хотел узнать о них больше и уж затем что-то противопоставить.

— Думаешь, это хорошая мысль — позволять врагу обложить тебя со всех сторон уловками, а затем вынужденно отвечать с позиции слабого? — спросил Брэнт.

— Вопрос явно риторический, генерал, — сказал Джарл.

— Спасибо, — бросил Агон. Мамочка К. подавила улыбку.

— Что ты предлагаешь? — спросил Джарл.

— Гвинвера управляла Са'каге в обстановке строжайшей секретности, с карманными шингами?

Джарл кивнул.

— И кто был карманным шингой с начала вторжения Халидора?

Джарл поморщился.

— Ну, я еще в точности никого не назначал.

— В точности? — Брэнт изогнул кустистую седую бровь.

— Брэнт, — вмешалась Мамочка К., — чуть повежливей.

Генерал, морщась, поправил руку на перевязи.

— Джарл, взгляни на происходящее глазами обывателей. У них больше месяца нет вожака. Даже плохого. Никакого. Скромное правительство Гвинверы помогало каждому и до сих пор справляется хорошо, однако твои разбойники в Са'каге — извини, люди — плывут со всеми в одной лодке. Так зачем продолжать оплачивать сборы? Гвинвера смогла быть теневой шингой, потому что подобных угроз не возникало. Сегодня мы имеем дело с войной. Тебе нужна армия. Армии нужен командующий. Ты должен стать этим командующим и не можешь при этом оставаться в тени.

— Если объявлю, кто я такой, меня убьют.

— Попытаются, — согласился Брэнт. — И у них получится, если ты не сможешь собрать вокруг знающих людей, беззаветно тебе преданных. Людей, готовых за тебя убивать и умереть.

— У нас тут не солдаты из добропорядочных семей, в которых воспитывали верность, храбрость и чувство долга, — заметил Джарл. — Речь идет о ворах, проститутках и

карманниках, о людях, которые думают только о себе.

— Именно так и будет, — проговорила Мамочка К. настолько тихо, что Джарл едва слышал, — пока ты не увидишь в них тех, кем они могут стать, и не заставишь их разглядеть это в себе.

— Когда я был генералом, мои лучшие солдаты приходили из Крольчатника, — сказал Брэнт. — Они становились лучшими, потому что прошли суровую школу.

— Что ты конкретно предлагаешь? — спросил Джарл.

— Выйди за привычные рамки, — сказал Брэнт. — Преподнеси своим изгоям мечту о лучшей жизни, о лучшем будущем для их детей, дай возможность увидеть себя героями — и у тебя будет армия. — Он умолк, чтобы все представили себе эту перспективу.

Сердце Джарла колотилось, мозг лихорадочно соображал. Это было дерзко. Грандиозно. Использовать власть не просто затем, чтобы ее сохранить. Перед Джарлом уже вырисовывались очертания плана, фрагменты речей слагались в единое целое. О, это было соблазнительно. Брэнт не просто предложил Джарлу дать изгоям мечту, генерал дал мечту и Джарлу. Он станет иным шингой. Благородным. Почитаемым. Если все получится, он сможет даже получить титулы от представителей знатных родов, которые вернет к власти. О боги, какой соблазн!

Но тогда придется выйти из тени. Сейчас он засекречен. Все считали, что Джарл — просто отошедший от занятий проституцией мальчик по вызову. Лишь с десятков людей знали, что он шинга.

— Джарл, — мягко проговорила Мамочка К. — Мечты не всегда несбыточны.

Он перевел взгляд с Мамочки К. на Брэнта, стараясь угадать, как хорошо они читают его мысли. Мамочка К., скорее всего, видит его насквозь. И подозрительно молчит, но стоит ли за это на нее сердиться? Она была с ним терпелива куда больше, чем заслуживал Джарл.

«Выйди за привычные рамки».

Элена сказала, что не представляет себе Сенарию без Са'каге, оскверняющего все вокруг, а вот Джарл мог. Это будет город, где рождение ребенка на западной стороне не станет ему приговором: безнадега, эксплуатация, годы в цехах, бедность и смерть. Джарлу повезло, что он работал на Мамочку К. Крольчатник честной работы почти не предлагал, и уж тем более не для сирот. Са'каге напрямую питалось из беднейших слоев населения, воров и проституток, которые бросали детей, как когда-то бросали их самих. Но может ли все быть по-другому?

«Мечты не всегда несбыточны».

Джарл мечтал о том, чтобы вдохнуть в Крольчатник надежду.

— Отлично, — сказал Джарл. — При одном условии, Брэнт. Если меня убьют — как бы это ни случилось, — хочу, чтобы на мои похороны ты написал поэму.

— Согласен, — усмехаясь, ответил генерал. — Будь уверен: я вложу в нее все чувства.

16

Кайлар сидел в темноте на постели, глядя на спящую Элену. Она всегда засыпала первой. Вид девушки наполнил его такой нежностью и жалостью, что он с трудом сдерживал слезы. Элена обещала, что больше не станет просить его продать меч Возмездия, и была верна слову. Ни намека. И неудивительно.

Кайлар любил ее. И был для нее недостаточно хорош.

Он всегда верил, что поневоле становишься похожим на тех, с кем проводишь время. Может, так оно и есть. Кайлар любил в Элене все то, чем был сам обделен. Открытость, праведность и милосердие. Элена — это улыбки и солнечный свет, он же принадлежал ночи. Кайлар хотел быть хорошим человеком, страстно жаждал, но, видимо, люди рождаются разными. Кто-то лучше, а кто-то хуже.

После той первой ночи он поклялся, что больше не убьет. Выйдет в ночь — тренироваться, но не убивать. Поэтому тренировался впустую и оттачивал способности,

которые поклялся не применять. Суррогат, однако придется довольствоваться этим.

Решимости хватило на шесть дней. Затем Кайлар спустился к докам и увидел пирата, зверски избивающего юнгу. Кайлар намеревался только растащить их, однако глаза пирата требовали смерти. Меч Возмездия эту жажду утолил. На седьмую ночь он разминался у таверны на окраине, стараясь избежать тех мест, что могли столкнуть его с насильниками, сутенерами, ворами или убийцами. Мимо прошел человек, который заправлял шайкой малолеток-карманников, — тиран, жестокостью подчинявший себе детей. Меч Возмездия пронзил его сердце раньше, чем Кайлар успел осознать происходящее. На восьмую ночь он отправился в аристократический квартал, надеясь хоть там увидеть меньше насилия, и услышал, как вельможа избивает жену. Ночной ангел подкрался невидимкой и сломал вельможе руки.

Кайлар держал меч на коленях, глядя на Элену. Каждый божий день он обещал себе впредь никогда не убивать и держался шесть ночей. Однако что-то подсказывало, что это лишь счастливая случайность. Хуже всего, что он не чувствовал вины за убийства. Тяжело было, когда он убивал для Дарзо. Сейчас — нет. Кайлар чувствовал вину только за ложь.

Возможно, он превращался в Хью Висельника. Возможно, у него появилась потребность убивать. Возможно, Кайлар становился чудовищем.

Каждый день он работал с тетушкой Меа. Дарзо редко хвалил ученика, поэтому Кайлар и не подозревал, сколь многому научился от старого мокрушника. Сейчас, когда он проводил часы с тетушкой, занося в каталог травы, перебирая их, чтобы дольше хранились, выбрасывая те, что потеряли целебные свойства, а годные помечая датой и местом сбора, Кайлар осознал, как хорошо в них разбирается. Конечно, до Дарзо ему далеко, так у того была фора в несколько столетий.

Тем не менее приходилось осторожничать. Тетушка Меа использовала в лечебных целях много растений, которые он применял как отраву. Однажды она отложила в сторону корни серебрилиста, заявив, что они слишком опасны и можно использовать только листья. Недолго думая, Кайлар составил список смертельных доз корней, семян и листьев растений по способу приготовления, будь то раствор, порошок, мазь или отвар, со ссылками на вес тела, пол и возраст — он чуть не написал «жертвы» и в последнюю секунду исправил на «больного». Когда же поднял наконец глаза, тетушка Меа внимательно смотрела на него.

— Ни разу не видела столь подробного списка, — сказала она. — Это... очень впечатляет, Кайлар.

После этого он пытался быть еще осторожнее, однако постоянно наступал на одни и те же грабли. Дарзо в своей карьере тысячи раз экспериментировал со всевозможными травами. Когда попадалась жертва, которую он мог убить, невзирая на срок, то пробовал пять или шесть различных трав. Кайлар начал понимать, что, возможно, Дарзо знал о лечебных травах больше любого человека — хотя обычно его нанимали убивать людей вполне здоровых.

Как-то раз в лавку к тетушке Меа заглянул человек, отчаянно нуждавшийся в помощи. Его хозяин умирал, и помочь не сумели уже четыре лекаря. Тетушка не только принимала роды, но иногда и лечила, поэтому слуга пришел, считая, что она — последняя надежда. Тетушки дома не оказалось. Кайлар, расспросив слугу, сделал микстуру. Позднее он слышал, что больной выздоровел. Это странно согревало душу. Как-никак спас чью-то жизнь.

Кайлар по-прежнему чувствовал вину, что живет щедротами тетушки Меа. Несколько недель он приводил в порядок ее лавку, поскольку, несмотря на дар работать с людьми, организационные способности тетушки были ужасны. Однако ничего стоящего он пока для нее не сделал. Не заработал денег. Елена получила работу горничной, но жалованья едва хватало, чтобы окупить еду. Брайан становился все неприветливей, бормоча о нахлебниках, и осуждать его Кайлар не мог.

Кайлар пробежался пальцами по мечу Возмездия. Всякий раз, когда меч был при нем, он действовал как судья и палач. Лезвие стало символом нарушенной клятвы.

Не сегодня. Кайлар положил меч обратно в ящик и, собрав *талант*, прыгнул в окно. Он пробежался по крышам до дома Златовласки и выбросил из головы все остальное. Дни

напролет проходили в беспокойстве; Кайлар не собирался портить еще и ночи.

Вся семья была в сборе — спали в маленькой однокомнатной хибаре. Кайлар повернулся, чтобы уйти, но что-то его остановило. Спали девочка и ее отец. Губы матери шевелились. Сначала Кайлар подумал, что ей что-то снится. Но нет — она открыла глаза и выбралась из постели.

Женщина не стала зажигать свечи. Она выглянула мельком из крошечного окошка, рядом с которым невидимкой стоял Кайлар. Заметив на ее лице испуг, он перепроверил невидимость. Однако взгляд матери остановился не на нем. Кайлар оглянулся — на улице никого. Мать Златовласки упала на колени рядом с кроватью.

Молится! Кайлар смутился и рассердился, став невольным свидетелем чего-то очень личного. Почему — непонятно. Он тихо выругался и повернулся, чтобы уйти.

По улице двигались трое вооруженных людей. В двоих Кайлар узнал парней, которые преследовали Златовласку злополучной ночью.

— Говорю вам, она ведьма, — сказал один из бандитов вожаку.

— Точно, шинга, могу поклясться, — добавил второй.

Шинга? Шинга Кернавона самолично проверяет байку двух проходимцев о ведьме? О ведьме! Как будто ведьмы ставят людям подножки, а не убивают.

Кайлар что-то услышал и снова глянул в окошко. Женщина разбудила мужа, и теперь молились оба. Это было странно, потому что они никоим образом не могли видеть парней. Возможно, женщина обладала *талантом*.

Молят о защите. Кайлар усмехнулся, и мелкая, подлая часть его личности потянула прочь. Пусть их бог сам решает свои проблемы. Кайлар даже повернулся спиной к дому, но и только.

— Баруш, — прошептал один из хулиганов шинге. — Что мы делаем?

Шинга отвесил ему пощечину.

— Прости, прости! — заскулил парень. — Я хотел сказать, шинга Снигл, что мы делаем?

— Мы их убиваем.

Милостивые боги! С ума сойти. Местное Са'каге было такой скверной пародией на Са'каге, что Кайлару хотелось смеяться. Шинга, чтобы его уважали, раздает пощечины? В Сенарии, когда Пон Драдин смотрел на людей хоть чуточку неодобрительно, те падали в обморок. А он еще не был настоящим шингой.

Кайлару стало противно. Какой позор!

Впрочем, чтобы убить, многого шинге и не требовалось. Мокрушник это знал.

Ну и незадача! Вот он — возможно, один из лучших наемных убийц в мире. Способный убить всех троих в мгновение ока, но не может и пальцем тронуть. Перед ним стояли отбросы преступного мира, и они будут убивать, а он — нет. Чудесно.

Их разделяли двадцать шагов.

— Что, если... она снова использует колдовство, шинга?

Само собой, они даже не соизволили определиться с планом, пока не добрались до цели. Жалкие любители.

Баруш Снигл фыркнул, подходя к двери.

— Я этого дерьма не боюсь.

Кайлар увидел глаза человека, и рука сама собой потянулась к спине. Меча на привычном месте не было. Всплеск удивления разом погасил порыв к убийству. Он же поклялся, черт возьми. Поклялся! Должен найтись другой выход. Сегодня все будет иначе.

Кайлар материализовался перед шингой. Или, скорее, частично материализовался. Он позволил свету немного пробиться через ка'кари и явился силуэтом в полупрозрачной дымке. Сначала радужной пленкой замерцал округлый черный бицепс, затем широкие покатые плечи, могучий торс, резкие очертания грудных мышц — и все казалось куда внушительней, чем наяву. Призрак то исчезал, то вновь поблескивал мускулатурой.

Баруш Снигл застыл, после чего Кайлар увенчал представление ловким ходом. Ка'кари

затвердел в глазах, и они засветились в воздухе, будто два изумруда, отливающих черным металлическим блеском. Затем появилось все лицо, покрытое маской черного блестящего металла, влитого в кожу. Глаза шинги, в которых до этого плескались ненависть, страх, жажда крови и желание убивать, едва не вывалились из орбит от страха. Кайлару пришлось вонзить ногти в ладони, чтобы не прикончить поганца. Шинга выронил дубинку.

— Эта семья, — по-кошачьи мягко и вкрадчиво сказал Кайлар, — находится под моей защитой.

Он поднял левую руку, затем согнул ее. Ка'кари со свистом скользнул в ладонь, превращаясь в длинный дымчатый кинжал. В глазах зажегся темно-синий огонь. Это было ничем не оправдано — тем более что сразу ослабло ночное зрение, не говоря уже о малоприятных ощущениях, — однако чего не сделаешь ради эффекта.

Шинга затрясся, потом окаменел, раскрыв рот, и на его брюках Кайлар увидел расплывающееся пятно, а у ног образовалась лужица.

— Беги! — рывкнул Кайлар, и во рту блеснуло темно-синее пламя. Вкус теперь пропадет на неделю.

Бандиты кинулись врассыпную, побросав оружие, но Кайлар не испытывал радости. Что говорил ему Дарзо с десятков лет назад? «Угроза, мальчик, — это обещание. На улице можно врать обо всем, но только не об угрозах. Если угроза пустая, значит, ты слабак».

Борясь с тошнотой, Кайлар заглянул в дом. Жена и муж, держась за руки, по-прежнему стояли на коленях рядом с кроватью. Они ничего не слышали и не видели. Кайлар заметил, как женщина сжала руку мужа.

— Все будет хорошо, — наконец громко сказала мать. — Знаю точно. Сейчас мне лучше.

«Рад, что хоть кому-то из нас полегчало».

— Еще не так давно вы были женами и матерями. Гончаром, пивоваром, швеей, капитаном судна, стеклодувом, менялой, — сказал Джарл.

Уже шестая проповедь, а легче не становится. Он обвел взглядом девушек и вышибал «Трусливого дракона», собравшихся перед сменой, и заметил, что им неловко. Теперь они проститутки, и не по собственной воле. Большинству не хотелось признавать, что когда-то у них была совсем другая жизнь. Слишком тяжело.

— Не так давно, — продолжил Джарл, — я был педерастом.

Брови поползли вверх, хотя Джарл мог поспорить: присутствующие прекрасно знали, что он был мальчиком по вызову. Он намеренно упомянул о своем прошлом, чтобы показать: оно над ним не довлеет. Даже среди шлюх мальчики по вызову считались вторым сортом. Может, девушки и души в них не чаяли, однако клиентура относилась к мужчинам-проституткам по-скотски. Шлюха — хоть и шлюха — всегда оставалась женщиной, а гомосексуалиста за мужчину не принимали. От нового шинги таких признаний не ждали, тем более во всеуслышание.

С начала вторжения Джарл и Мамочка К. совместно открыли множество новых борделей. Большинство едва сводили концы с концами, но это было неважно. Открыли для того, чтобы защитить как можно больше женщин, да и мужчин. «Трусливый дракон» приносил доход, потому что делал упор на экзотику. Девушка по имени Дейдра была похожа на Элену Кромуйлл, только без шрамов. Она играла роль девственницы. Ее подружка, Калдроса Уин, изображала морскую разбойницу Сета. Были и ладешки с шелковистой кожей, и девушки модайки с густо крашенными веками, и танцовщицы Иммура, носившие колокольчики.

— Теперь, — сказал Джарл и сделал паузу, — вы шлюхи. Я шинга, и Са'каге по-прежнему занимается контрабандой. Словно ничего не изменилось. Однако скажу вам вот что. Изменился я сам. Я вышел из тени. Я другой. Рискнул еще раз и не прогадал. Вы тоже можете.

Пожалуй, только в этой части проповеди притаилась ложь. Он спрашивал об этом

Мамочку К.

— Никогда нельзя знать наверняка, что вызовет энтузиазм, — сказала Мамочка К.

— Ах да. С богами та же ерунда — никто ничего не знает наверняка.

— Не важно, веришь ли ты во все, о чем говоришь. Важно, что ты страстно хочешь верить, и тогда будешь убедителен. В конце концов, важно не то, поверят ли девушки твоим доводам. Главное, чтобы они поверили в тебя.

Вот что сказала мудрая Мамочка К. Подспудно Джарл был разочарован. Мамочка К. сильно изменилась после того, как Кайлар дал ей яд и противоядие. Непросто смотреть в лицо безжалостному злу. Тем не менее в прагматизме Мамочки К. Джарл не сомневался, а потому продолжал проповеди.

У Джарла не было секса с тех пор, как он стал шингой. Он не спал с женщиной с той минуты, как в ночь вторжения покинул дом Стефана, однако не спал и с женщиной. Всю жизнь Джарл выживал, делая то, что должен был, всегда окружал себя друзьями, укреплял влияние. Смотрел в будущее, в котором не придется выходить на панель.

Это будущее нагрянуло так внезапно, что Джарл не понял, что с ним делать. Свобода лежала у него на ладони, но как с ней быть? Это напомнило ему о железных быках народа Харани. Конечно, сам он не видел, но рассказывали, что харани ловили молодых телят и толстыми цепями привязывали к столбу. Когда железные быки вырастали, они могли легко порвать цепи, но стояли смирно. Хозяева огораживали загон тонкой веревочкой. Быки были уверены, что им не вырваться — и даже не пытались.

Джарл сидел на цепи секса и ублажал клиентов так долго, что сейчас чувствовал себя импотентом. Раньше выбирать не приходилось. В основном клиентами были мужчины, однако попадались и женщины, в том числе и привлекательные. Теперь выбор есть, но на что решиться? Джарл даже не смог бы уверенно сказать, кого предпочитал, мужчин или женщин, если бы ему не навязали жизнь мужчины-проститутки.

Сейчас девушки в борделях обходились с ним по-другому. Иначе смотрели. Флиртовали.

Это вселяло ужас. К флирту особые запросы. Нужно знать, какая реакция и когда уместна, а какая — нет. Джарл не ведал правил секса за пределами борделя. Клиенты всегда выражали недовольство, но ведь их опыт не показатель, иначе тогда каждый должен быть завсегдатаем борделя, разве нет?

Надо сосредоточиться. Нельзя сейчас об этом думать. Надежду лучше продать оптом.

— Среди всех женщин Крольчатника, — продолжил Джарл, — вы самые удачливые. Вам повезло, что вы стали шлюхами именно здесь. — Он покачал головой. — Повезло. Полгода назад вы предпочитали перейти улицу, нежели пройти рядом со шлюхой. Теперь вы сами шлюхи, я шинга, а Са'каге продолжает грязные делишки.

Король Урсуул решил, что вам конец. Он считает, что придет зима и Крольчатник вымрет сам. Надеется, что ко времени голодных бунтов все будут так слабы, что солдаты справятся с нами в два счета. Надеется, что Са'каге слишком пассивно и слишком жадно, чтобы его остановить. Урсуул хочет расколоть нас, хочет, чтобы за объедки с королевского стола мы перегрызли друг другу горло. Самое смешное, что он прав. Мы узнали, что весной Урсуул введет в город еще одну армию и несколько тысяч поселенцев. Все мужчины. Он собирается убить в Крольчатнике всех, кроме шлюх. И вам снова улыбнется удача. Вы станете женами тех халидорцев, что вас купят.

Тогда, возможно, халидорцы изменят тактику. Раз уж вы их жены, перестанут избивать и унижать в спальнях. Урсуул полагает, что вы трусихи и ухватитесь за эту убогую надежду. Ждет, что слабая надежда парализует вашу волю, пока не станет поздно. Пока не погибнут все мужчины, не рассеются друзья и не сломается хребет Са'каге. Через год вы начнете рожать сыновей новым, халидорским мужьям и радоваться, глядя, как они превращаются в чудовищ, которые со своими женами обходятся так же, как с вами — их отцы. Это станет нормой. Вы начнете рожать дочерей, которые будут считать, что это нормально, когда в тебя плюют, пинают ногами и заставляют... ну да вы все знаете об этом. Ваши дочери

сопротивляться не будут. Глядя на вашу трусость, они будут верить, что таков удел женщины. Это станет нормой. Вот чего ждет король.

Джарл завладел вниманием женщин. В их глазах он видел ужас. Большинство проституток думали только о дне сегодняшнем. Они были неглупы, знали, что не смогут продавать тело вечно. Однако, не видя в будущем ничего хорошего, предпочитали о нем не думать вовсе.

Женщины выживали как могли. Призрак такой же жизни для дочерей заставил их думать не только о себе и дне насущном. И Джарл не лгал. Они лучшие. Если сможет убедить их, кто теряет больше всех, сражение наполовину выиграно.

— Для каждого из нас многое за последние месяцы изменилось. Теперь я утверждаю, что настало время перемен для всех нас вместе. Настало время измениться Са'каге. Мы вступили в войну и проиграли. Знаете почему? Потому, что не дрались. Халидорцы хотят, чтобы мы тихо сдохли? Хрен им. Будем драться так, как им и не снилось. Халидорцы хотят уморить нас голодом? Хрен им. Если можем контрабандой провозить дурь, провезем и зерно. Халидорцы хотят убить ваших мужчин? Мы их спрячем. Станут проводить облавы? Перед каждой мы будем знать, куда они пойдут. Хотят играть с нами? Обманем. Мучит жажда? Будем мочиться в их пиво.

— Что мы можем сделать? — спросила одна из девушек.

Заранее подготовленный вопрос.

Он улыбнулся.

— Прямо сейчас? Хочу, чтобы вы помечтали. Подумайте — не о возврате к тому, что имели до вторжения Халидора. Помечтайте о лучшей жизни. О том дне, когда рождение в Крольчатнике не будет означать, что в нем же и умрешь. О том, что станет с городом и страной, если все получат второй шанс. Мечтайте о том, как будете растить детей в городе, где им нечего бояться. В городе без продажных судей и поборов Са'каге. Где с десятков мостов через Плит, и все без единого стражника. Город, в котором все по-другому — благодаря вам.

Знаю, сейчас вы напуганы. Через несколько минут начнется смена, и снова придется видеть лица этих подонков. Знаю, страшно. Но говорю вам: будьте в глубине души храбры. Грядет время, когда вы понадобятся. Если дворяне хотят выиграть войну и вернуть себе страну, без нас им не обойтись. Однако у помощи есть цена. Наша цена — обновленный город. Каким он будет — решать вам и мне. Это в наших силах. Сейчас так: либо продолжаем жить, как обычно, либо мечтаем и готовимся. В Крольчатнике, дамы, только вы теряете больше всех.

Джарл подошел к девушке-пиратке Калдросе Уин и тронул ее щеку пониже распухшего глаза.

— Скажи мне, разве ради этого ты отказалась от мужа? Крона за почерневший глаз и две, когда побьют так, что не сможешь работать на следующий день? Разве ты этого заслуживаешь?

Слезы потекли из глаз Калдросы.

— Я отвечу: нет, черт возьми. Ты пришла сюда, потому что это лучшее, что ты могла сделать. Ты получаешь крону за почерневший глаз, потому что это лучшее, что могла выторговать Мамочка К. Как твой шинга я заявляю, что лучшее выглядит недостаточно хорошо. Мы думали слишком мелко. Пытались только выжить, и мне, например, выживать надоело. Если в следующий раз услышу крик боли, то хочу, чтобы он рвался из халидорской глотки.

— Да, черт возьми!.. — прошептала одна из девушек.

Джарл заметил: в глазах женщин вспыхнул гнев. И он понял, что не хотел бы быть объектом их ярости! Он поднял руку.

— Сейчас пока только наблюдайте, ждите. Будьте готовы. Будьте храбры. Потому что, когда придет наш черед бросить кости, мы смухлюем и выкинем три «шестерки».

— Милый, — позвала Елена, нежно потряхнув Кайлара. — Милый, вставай.

— Отстань, — сквозь сон пробормотал Кайлар.

— Что?

— ОТСТАНЬ!

Елена рассмеялась.

— У тебя такой вид, будто на тебе сидели, — сказала она, обнимая его. Затем принялась и скорчила гримасу. — Да к тому же и воняешь...

— Отстань, — уязвленно повторил Кайлар.

— Милый, мы собрались за покупками, помнишь?

Он схватил подушку и накрылся с головой. Елена попробовала отобрать подушку, Кайлар не уступил. Ах так! И она пропела ему песенку про доброе утро. Песенка состояла из двух слов «солнышко» и «проснись», которые повторялись тридцать семь раз. Одна из любимых Кайларом.

— Солнышко, проснись; солнышко, проснись...

— Вредина, отстань; вредина, отстань... — вторя, сопел Кайлар в подушку.

Она вновь потянула подушку к себе. Кайлар схватил Элену и перебросил через себя на постель — так быстро и резко, что девушка и охнуть не успела. Он отбросил подушку, перекатился на Элену и поцеловал.

— У-мм, у-мм! — запротестовала она.

О, губы его все-таки чудесны.

— Что еще? — спросил он спустя полминуты.

— Утренний запах изо рта, — сказала она, поморщившись.

Конечно, соврала. Если так чудесны губы, то о дурном запахе даже и не вспомнила бы. И потом, какой запах? Его дыхание вообще ничем не пахло. Тем более дурно. Он мог пожевать листья мяты или плесневелый сыр — дыхание оставалось чистым. То же самое и с телом. Если побрызгать духами, аромат просто исчезнет. Кайлар предполагал, что это связано с ка'кари. Он хищно улыбнулся.

— Я тебе покажу «утренний запах»!

Елена отбивалась, но для Кайлара ее руки не стали помехой. Он поцеловал ее в шею, затем чуть ниже, потом потянул за вырез ночной сорочки, и Елена перестала молотить по нему кулачками, и его губы...

— Ах! Покупки!

Елена вырвалась из его объятий.

Кайлар плюхнулся обратно в постель. Елена, притворившись, что разглаживает платье, восхищалась мышцами его голого торса. Тетушка Меа на целый день забрала Ули с собой. Дом пустовал. Кайлар так красив, когда волосы после сна растрепаны, просто великолепен. Губы — самое удивительное, что есть на свете. Не говоря уже о руках. Ей хотелось почувствовать прикосновение его кожи, хотелось положить ему ладони на грудь. И чтобы он сделал то же самое.

Иногда они обнимались утром, когда Кайлар еще спал, и для Элены это было самое лучшее время. Ночью пару раз ее сорочка задиралась, и она обнаруживала, что лежит, тесно прижавшись к нему. Ну, может, и не сама по себе так задиралась сорочка, но Елена бы точно не осмелилась, если бы не знала, что прошлой ночью Кайлара где-то носило часами и он вряд ли проснется.

От одной только мысли о Кайларе на душе становилось тепло. Почему они до сих пор не вместе, задавалась Елена вопросом. Неужто только из-за причин религиозного характера? Могут ли волк и бык стоять в одной упряжке? Она даже не знала, верит ли Кайлар в бога. А когда заводила об этом речь, он всегда себя чувствовал неудобно. Приемная мать наказывала Элене, что принимать решения надо с холодным сердцем, однако с тех пор много воды утекло. Она нужна Ули, нужна Кайлару. Раньше никто в ней так сильно не нуждался. Ей хорошо, и в этом заслуга Кайлара. Он заставил ее почувствовать себя женщиной. Красавицей. Принцессой. Он ее любил.

По существу, Кайлар был мужем. Они всем говорили, что женаты, живут вместе, спят в одной постели, ведут себя с Ули как отец и мать. Элена так уставала, что едва шевелилась, когда по ночам Кайлар начинал свои ласки. Возможно, только поэтому до сих пор и не согрешила с ним. Попробовал бы утром то, что хотел ночью, уступила бы в пять секунд. Элена представляла себе, как занимается кое-чем из того, о чем так беспечно болтала тетушка Меа и отчего лицо просто горело. Но, боже, как прекрасно звучало! Она чувствовала такое бесстыдство, что даже знала, с чего начнет.

Разве не говорится в Священном Писании: «...но да будет слово ваше да, да; нет, нет»? Элена говорила, что жена Кайлару. Он говорил, что ей муж. Надо пройти обряд в лавке для новобрачных, о которой рассказала тетушка, а формальности Уэддрина можно уладить позже.

Кайлар сел на постели. Элена почти прильнула к нему за спиной, руки потянулись к завязкам ночной сорочки. Мгновение — и открылась грудь.

— О боги, — сказал Кайлар, быстро чмокнув Элену в щеку и не оборачиваясь настолько, чтобы видеть все прелести. — Хочу отлить, как боевой конь.

Он встал и начал одеваться. На мгновение Элена застыла. Ночная сорочка приспущена, тело напоказ.

— Что будем покупать? — спросил Кайлар, натягивая через голову тунику.

Элена едва успела завязать сорочку, когда его голова появилась из туники.

— Ну и?.. — повторил он.

— Что? — На нее будто ушат холодной воды вылили.

— У Ули день рождения. Куклу ей подарим или как?

И что она себе вообразила?

17

Тенсер выполнил работу весьма умело, размышлял вюрдмайстер Неф Дада. Герцог даже кашлял кровью. Какое-то время спектакль будет помниться, как возмутительное неповиновение. Когда герцога оправдают, все объяснят смелостью.

Человека, которого Тенсер, как утверждалось, убил, — сенарийского барона Кирофа — больше никто не видел. Полагаясь лишь на слово капитана сенарийской стражи, который был свидетелем убийства, герцога быстро определили виновным. Услышав вердикт из уст короля-бога, толпа ахнула. Сенарийская знать ожидала, что Тенсера, из уважения к долгой службе, либо заточат в хорошую тюрьму, либо вышлют в Халидор. То, что его бросят в Дыру, расценивалось хуже, чем смертная казнь. На то, впрочем, и был расчет.

Тенсер не мог удачно проникнуть в Са'каге, будучи высланным или казненным. Отсидев срок в самой жуткой тюрьме страны, он мог снискать у Са'каге безграничное доверие. Когда барона Кирофа предъявят, и живым, Тенсера оправдают, вернут ему все права герцога Халидора. А он будет притворяться, что ненавидит короля-бога за ошибочный вердикт. Герцог Тенсер Варгун посулит Са'каге все, что угодно. И затем уничтожит его изнутри.

Король-бог, как обычно, желал убить нескольких зайцев. Жестоко наказав халидорского герцога, Гэрот покажет всем, что он справедливый правитель. Нерешительные сенарийцы получат лишнее оправдание покорности королю-богу. Они вернутся к своей жизни, и удавка на шее бунтовщиков только затянется, когда их покинут друзья.

В то же время новости о Тенсере затмят все остальное, поэтому сегодня Гэрот освободил из Утробы десятки преступников и бросил в тюрьму сотни предполагаемых мятежников. Люди, ошеломленные новостями о Тенсере, даже не заметят этого.

Как только огласили приговор, Неф препроводил герцога и стражников в Дыру.

Тенсер с подозрением взглянул на вюрдмайстера.

— Что тебе нужно?

— Хотел поделиться новостями. Возможно, пригодятся, — ответил Неф, не скрывая

ухмылки. — Барон Киروف исчез. Очевидно, его похитили.

Кровь отхлынула от лица герцога. Если барона потеряли, Тенсер останется в Дыре навсегда.

— Мы его найдем, — сказал Неф. — Конечно, если мертвым... — Он кашлянул.

Если Киروف покойник, то Варгун никому не нужен. А раз не нужен, значит, провал. И смерть. Неф магией открыл железные ворота, отделявшие туннели замка от туннелей в Утробу.

— Милорд, ваша келья готова.

Джарл потерял виски. Они целый день расспрашивали узников, освобожденных из Утробы. Те узнали о битве, когда однажды появились колдуньи — что-то искали, но ушли с пустыми руками. Ничего существенного.

А вот бывший управляющий борделем по имени Уайти проснулся, когда два стражника вели заключенного в Дыру. Проснулся и глаз больше не смыкал. Он клялся, что ни оба стражника, ни совершенно голый заключенный, крупный блондин, Дыры не покидали.

Более того, Уайти узнал одного из стражников, скверного человечка, которому Джарл платил и которого послал в Замок с очень необычной целью. Колдуньи, их искавшие, проследовали до Утробы, однако не было ни шума схватки, ни малейших признаков, что они кого-то видели. Невероятно. Уайти не знал, что и думать.

Джарл отпустил Уайти.

— Возможно ли такое? — спросил он Мамочку К.

— А сам что думаешь? — ответила она вопросом на вопрос.

— О чем вы? — вклинился Брэнт Агон.

— Это доказывает, что он был еще жив, когда мы считали его мертвым, — сказал Джарл.

— И мы знаем, что голова, которую выставили напоказ, не его, — добавила Мамочка К. — Это наводит на размышления.

— О боги... — выдохнул Джарл.

— Что такое? — не выдержал Брэнт. — Что?

— Логан Джайр, — пояснил Джарл.

— Что?! Его убили в северной башне! — воскликнул Брэнт.

— Что бы ты сделал, если бы только что убил в глубине Утробы стражника, переоделся в его одежду и заметил, что шесть колдуний идут по следу, выход наружу лишь один и он заблокирован? — спросил Джарл.

Брэнт стоял как громом пораженный.

— Не хотите же вы сказать, что он прыгнул в Дыру? — пробормотал Брэнт.

Он и сам однажды побывал в Дыре.

— Я утверждаю, что Логан Джайр, возможно, еще жив, — сказал Джарл.

— Постойте, — вмешалась Мамочка К.

Она встала и начала рыться в бумагах.

— Если мне не изменяет память... ах, вот. Напомните, что этой девушке полагается премия. Есть у нее клиент, любитель похвастать. «Горхи бросает в Дыру буханки и наблюдает, как они пытаются схватить хлеб, не падая вниз. Он говорит, что не меньше трех узников... — Мамочка К. откашлялась и продолжила ровным голосом: — Трех узников съели сокамерники, пока Горхи морил их голодом». Она описывает «человека огромного роста, футов семи. Несколько раз он доставал хлеб, который Горхи пытался бросить прямо в Дыру. Стражник его ненавидит особо. Узники же кличут великана Королем». — Мамочка К. подняла глаза. — Этому отчету всего три дня.

Брэнт тихо сказал:

— За последние десять лет никого похожего в Дыру не бросали.

Все трое разом сели.

— Если этот Горхи доложит начальству о великане по имени Король... — протянула

Мамочка К.

— ...Логан умрет в тот же день, — закончил мысль Джарл.

— Мы должны его спасти, — сказал Брэнт.

Джарл и Мамочка К. переглянулись.

— Надо подумать, как это увяжется с нашей стратегией, — сказала Мамочка К.

— Не оставлять же его там, — заметил Брэнт. — Даже и не думайте.

Мамочка К. принялась изучать кроваво-красный маникюр.

— Выбора нет, — продолжил Брэнт. — Только он может сплотить и повести за собой всю страну. Джарл, если ты действительно хочешь сделать то, что обещал, это твой шанс. Спасешь Логана, получишь от него земли, титулы и помилование. Так что не говорите мне, что подумываете оставить нашего короля в этом аду.

— Все сказал? — спросила Мамочка К. Брэнт насупился и промолчал. — Мы думаем об этом. Думаем потому, что думаем обо всем. Поэтому и побеждаем. Я прикидываю, как его можно спасти. А ты думаешь об этом или все еще грозишься, каким станешь хорошим и благородным?

— Черт возьми, сплошные угрозы, — невольно улыбнулся Брэнт.

Мамочка К. покачала головой и тоже не удержалась от улыбки.

— Как твои люди, Брэнт? — спросил Джарл.

— Я сделаю из них воинов дней за десять. Может, двадцать.

— Сколько их? — спросил Джарл.

— Сотня, — сказал Агон. — Возможно, тридцать пригодятся в битве. С десятков — очень грозная сила. Несколько прекрасных лучников. Еще один, кто справится с третьеразрядным мокрушником. Все не обучены, друг другу пока не доверяют. Сражаются каждый сам за себя.

— Мы еще это даже не обсуждали, — сказала Мамочка К.

Джарл возразил:

— Считай, что обсуждаем.

Мамочка К. открыла рот. Джарл выдержал ее взгляд, она опустила глаза.

— Воля ваша, шинга.

— Я так понимаю, наш источник не способен склонить Горхи помочь нам?

Мамочка К. глянула в бумагу, но даже не стала читать.

— Никаких шансов.

Пока Брэнт и Мамочка К. обсуждали, какими путями можно пробраться в Утробу, Джарл размышлял. Он заявил о себе две недели назад и с тех пор не прекращал проповедей. Обитатели Крольчатника хотели надежды. Его идея стала живительной влагой для пересохших глоток. Для людей, терять которым было нечего, восстание казалось великим замыслом. Однако, выступая, Джарл неизбежно обращался и к шпионам короля-бога.

Он уже избежал одной попытки покушения. Будут и еще. Если для защиты не окружить себя мокрушниками, его рано или поздно достанут.

— Я еду в Кернавон, — объявил Джарл.

— Бежишь? — уточнил Брэнт.

— Если налегке, смогу вернуться через месяц.

— Согласен. Но что это тебе дает?

— Еще месяц жизни, — с улыбкой ответил Джарл.

Мамочка К. нахмурилась:

— Как думаешь, он вернется?

— Ради Логана? В мгновение ока, — ответил Джарл.

— Если кто и может вытащить Логана, так только он, — заметила Мамочка К.

— Кто? — спросил Брэнт.

— И как только Хью Висельник и остальные мокрушники услышат, что он тебя защищает, я не удивлюсь, если от тебя отстанут, — сказала Мамочка К.

— Кто же? Кто?

— С тех пор как умер Дарзо Блинт, он лучший мокрушник в городе, — ответил Джарл.
— Вот только в городе его больше нет, — заметила Мамочка К.
— Ладно, тогда лучший в деле.
— Только он им больше не занимается.
— Думаю, все переменится, — сказал Джарл.
— Возьмешь ли кого с собой? — спросила Мамочка К.
— Вы это назло мне? — подал голос Брэнт.
— Нет, — сказал Джарл, не обращая внимания на Брэнта и отвечая Мамочке К. — Так менее заметно. — Джарл повернулся к Брэнту. — Брэнт, пока меня не будет, для тебя есть задача.
— Ты говоришь о Кайларе Стерне?
Джарл улыбнулся.
— Да. Генерал, ты человек чести?
Генерал вздохнул.
— Везде, кроме поля битвы.
Джарл хлопнул его по плечу.
— Тогда я хочу, чтобы ты придумал, как армия Логана Джайра будет громить войска короля-бога.
— У Логана нет армии, — заметил Брэнт.
— Это задача Мамочки К., — ответил Джарл.
— Не поняла?
— Армия есть у Тэры Грэзин. Я хочу, чтобы ты придумала, как ей стать армией Логана.
— Как это? — удивилась Мамочка К.
— А теперь я вынужден откланяться, — сказал Джарл. — У меня свидание в Кернавоне.

18

— Я что, умер и не заметил? — спросил Кайлар.
Он снова двигался сквозь туман смерти, ощущая кожей знакомое движение в абсолютном покое. На краю тумана стояла фигура, завернутая в плащ, такая же эфемерная, как и сам туман. Кайлар был уверен, что это Волк. Неужели-таки умер? Кто-то убил его во сне? Он ведь только прилег...
— Что это, сон? — спросил Кайлар.
Человек в плаще обернулся, и напряжение Кайлара улетучилось. Это не Волк. Дориан Урсуул!
— Сон? — спросил Дориан, шурясь на Кайлара сквозь туман. — Можно сказать и так, только особая разновидность. — Он улыбнулся.
Дориан был красив, даже завораживал. Черные волосы растрепаны, синие глаза блестят умом, правильные черты лица.
— Скажи, почему, друг мой, шагающий по тени, мы не боимся сна? Ведь мы теряем сознание и контроль над происходящим. Происходит нечто такое, что не подчиняется очевидной логике и не следует неизменным правилам. Друзья, появляясь, превращаются в незнакомцев. Окружающая обстановка внезапно меняется, а мы редко подвергаем ее сомнению. Мы не боимся снов, зато страшимся безумия, и нас ужасает смерть.
— Что, черт возьми, происходит? — возмутился Кайлар.
Дориан ухмыльнулся и смерил его взглядом.
— Поразительно. Выглядишь, как и всегда, однако совсем другой.
О боги! Разве с их последней встречи не прошло всего пару месяцев?
— Ты стал значительнее, Кайлар, посерьезнел. Теперь ты грозная сила, с которой приходится считаться. Однако разумом пока не осознал этого. Переделка личности требует времени. Это понятно. Немногие способны убить человека с авторитетом отца и в тот же

день стать бессмертными.

— Ближе к делу.

Дориан всегда знал слишком много. Это раздражало.

— Это сон, ты угадал. И — да, я тебя вызвал. Я недавно открыл в себе чудесный вид магии. Надеюсь, что вспомню, когда проснусь. Если проснусь. Не уверен, что сплю. Скорее, я в одной из своих фантазий — и уже давно. Мое тело сейчас в Ревущих Ветрах. Хали приближается. Гарнизон падет. Я выживу, но худшие дни для меня еще впереди. Я наблюдал собственное будущее, Кайлар. Опасный эксперимент, скажу тебе. Я обнаружил ряд вещей, что заставили упасть духом и прекратить обзор. Пока собирал волю в кулак, следовал за тобой. Увидел, что ты нуждаешься в том, кому можешь доверять. Лучше бы тут были граф Дрейк или Дарзо, однако раз они не могут, вместо них здесь я. Друзья нужны даже мокрушнику.

— Я больше не мокрушник. Отказался.

— В моих видениях, — продолжил Дориан, будто не слыша Кайлара, — я пришел туда, где до счастья — один лживый шаг. Я посмотрю в глаза любимой женщине, которая меня тоже любит. Посмотрю, зная наперед, что, если солгу, она будет раздавлена горем. В этом, Кайлар, мы братья. Бог ставит задачки полегче перед людьми помельче. Я здесь потому, что нужен тебе.

Злость Кайлара испарилась. Он вгляделся в туман. Место казалось точной метафорой его жизни: застрял где-то в сумраке. Ничего определенного, все зыбко и нет простого пути.

— Я пытаюсь измениться, — сказал Кайлар, — но не влияю на это. Думал, порву с прошлым, шагну вперед, и — готово дело. Я вхожу в комнату и оглядываюсь. Смотрю, где выходы, оцениваю высоту потолка, проверяю возможные угрозы, не скользит ли пол. Если в переулке на меня кто-то уставится, прикидываю, как его убить, — и чувствую себя отлично. Все под контролем.

— До тех пор, пока?.. — уточнил Дориан.

Кайлар замаялся.

— Пока помню. Приходится заставлять себя думать, что инстинкты ошибочны. После чего ненавижу, кем стал.

— И кем же ты стал? — спросил Дориан.

— Душегубом.

— Кайлар, ты лжец и мокрушник, но не душегуб.

— И на том спасибо.

— Что представляет собой ночной ангел?

— Не знаю. Дарзо никогда не рассказывал.

— Враки! Почему ты себе не веришь? Почему не просишь Элену, чтобы верила тебе? Почему не доверяешь ей правду?

— Она никогда не поймет.

— Откуда тебе знать?

А что, если поймет? И как только узнает всю его подноготную, отвергнет? Что с ним тогда будет?

— Вы двое так молоды, что не в силах отличить зерна от плевел, — сказал Дориан. — Однако ты уже кое-что начинаешь смыслить. Элена привязана к мирку своей веры, и ты вне границ того, что ей известно о боге. Юность говорит в Элене честолюбием: «Больше мне о боге и знать не нужно». Она тебя любит и хочет, чтобы ты остался в этом мирке вместе с ней. А он для тебя слишком тесен. Ты не понимаешь бога, который весь милосердие и ни капли справедливости. Этот пушистый бог-симпатяга и двух минут не протянет в Крольчатнике. Не хочется напоминать, однако Элене всего восемнадцать. Не так уж велики ее познания о боге.

Кайлар, не думаю, что бог находит тебя мерзким. Для одного человека ужас — это абсолютная власть, для другого — сильная моральная оценка. Однако стоит ли ему следовать? Оснований никаких. Пару последних месяцев ты пытался принять моральные

умозаключения Элены, отвергая посылки. И кто бы после этого говорил, что она нелогична? На чем стоишь, Тень в Сумерках?

Да, у тебя был выбор, однако есть и горькая правда: ты не можешь стать тем, кем вдруг захочется. Список, в котором тебя нет, очень длинный — даже если ты будешь жить вечно. Хочешь знать, что на первой строчке? Тихий, неприметный знахарь-торговец травами. Ты, Кайлар, такой же кроткий, как матерый волк, — именно это в тебе любит Элена, этого же и страшится. Нельзя до бесконечности ей говорить: мол, не волнуйся, эта маска — я и есть. Однако ж нет. Почему бы не поверить Элене настолько, чтобы просить ее любить того, кто ты на самом деле?

— Потому что я его ненавижу! — заорал Кайлар. — Потому что он любит убивать! И в отличие от него, она не понимает зла. Потому что его переполняет жизнь, когда я искупаюсь в крови. Потому что он виртуозно владеет мечом, и мне нравится, на что он способен. Потому что он ночной ангел! Ангел в ночи, а ночь — во мне! Потому что это он — Тень, Которая Идет. Верит, что есть люди, которых уже не спасти, а можно только остановить. Потому что когда он убивает злодея, я наслаждаюсь не только мастерством, но и чувствую, как доволен весь мир, что свершилась кара. Злодей — это грязь, и я стираю пятно. Устраняю дисбаланс.

— Этот человек, — сказал Дориан, тыкая Кайлара в грудь, — и этот, — он ткнул ему в лоб, — сейчас оба на пути к безумию. Верь тому, кто знает.

— Я могу измениться, — возразил Кайлар, однако в голосе сквозила безысходность.

— Волк может стать волкодавом, сынок, но никогда не будет болонкой.

— Мы в состоянии войны! — с алитэрским акцентом прогнусавила спикер Истариэль Вайант.

Ей нравилось делать официальные заявления.

Кабинет спикера находился высоко в «Алебастровом серафиме». Ариэль втиснулась дорожным телом в маленькое кресло, запыхавшись от подъема по лестнице.

«Пища — один раз в день, пока не начну подниматься без одышки. Один».

Иногда Ариэль ненавидела плоть за то, что прикована к чему-то столь слабому и убогому. Плоть требовала чудовищной заботы, раболепного служения и желала тешить себя безотказно. Вечно отвлекаешься от чего-то поважнее — например, от того, зачем ее пригласила спикер.

Истариэль Вайант была средних лет, высокая и властная. Заостренные черты лица, нос патриция и брови, выщипанные в тонкую линию. Узловатые суставы делали ее скорее тощей и долговязой, нежели тонкой и гибкой. Зато прекрасными длинными белокурыми волосами не могла похвастать ни одна женщина, знакомая Ариэль. Истариэль их лелеяла. Многие сестры шептались, что она заново открыла потерянный Узор, делающий волосы густыми и блестящими. Правды, конечно, ни на грош. Такие же были у матери Истариэль, на которой отец сестер женился после того, как умерла мать Ариэль. Женился не в последнюю очередь из-за волос. Кроме того, Истариэль не отличалась особым *талантом*.

— Войны не из-за разногласий по вопросу, что значит быть майа, а по вопросу, что значит быть женщиной.

Увидев откровенно насмешливое лицо Ариэль, Истариэль сменила тактику.

— Как поживаешь, сестричка?

Конечно, ко всем полноценным майа обращались «сестра», но Истариэль оживила слово. Предположительно, «сестричка» возвращала Ариэль в безмятежные дни их совместной юности, лет на пятьдесят назад. Истариэль определенно что-то нужно.

— Отлично, — коротко отозвалась Ариэль.

Истариэль сделала еще одну попытку.

— И как продвигаются научные работы?

— Думаю, два последних года моей жизни потеряны напрасно.

— Все та же прежняя Ариэль.

Истариэль постаралась сказать это беспечно, однако получилось у нее неестественно.

Когда они были моложе, Ариэль куда больше беспокоило, что о ней думает аристократичная младшая сестра. Она всегда находила слабое место Истариэль. Горькая ирония! Почти гениальная способность Истариэль мгновенно понимать, кто чего стоит, не распространялась на Ариэль. Когда Истариэль смотрела на сестру, то видела широкое крестьянское лицо и толстые крестьянские руки, нехватку светской манерности и равнодушие к важным вещам — власти, привилегиям и должности. Короче, видела крестьянку. Истариэль полагала, что знает Ариэль как свои пять пальцев, и прекратила думать о ней вовсе. Сейчас она даже позволила себе скользнуть по собеседнице взглядом.

— Да, я растолстела, — сказала Ариэль.

Истариэль вспыхнула.

«Как она должна ненавидеть меня за то, что я до сих пор могу заставить ее почувствовать себя ребенком».

— Э-э-э, — замялась Истариэль. — Я полагаю, есть немного...

— А как твои дела, спикер? — спросила Ариэль.

Ну почему она сумела овладеть восьмьюдесятью четырьмя вариациями Узора Симбелин с идеальной структурой, тактом и интонацией, а вот завязывать разговор не может? Хотя, конечно, светский этикет давно пора сократить до нескольких сотен типичных вопросов. Своевременность вопросов и длину ответов также должно изучать, но ведь многие Узоры требуют точности во времени, а чувство ритма у Ариэль превосходное. Еще следует учитывать физические данные: одно дело — говорить в кабинете спикера, другое — в таверне. Ариэль невольно улыбнулась. Тема сокращения пустой болтовни будет огромным плюсом ее книге.

Тем не менее проект в целом имел мало общего с магией. Если вообще имел. Ариэль решила, что научная работа, хоть и ценная, слабо использует ее собственные таланты.

— Ты не слушаешь меня! — обиделась Истариэль.

Ариэль вдруг осознала, что сестра уже некоторое время что-то говорит.

— Извини, — сказала она.

Истариэль махнула рукой, и Ариэль поняла, что сестре даже полегчало оттого, что она вернулась в ожидаемый образ — рассеянный, забывчивый гений, умница, огромный *талант* и больше ничего. Это позволяло Истариэль чувствовать свое превосходство.

— Задумалась? — спросила Истариэль.

Ариэль кивнула.

— О чем?

Сестра покачала головой, но Истариэль подняла бровь — я же спикер! Ариэль скорчила гримасу.

— Я думала о том, как слаба еще в светской беседе и почему, — ответила Ариэль.

Истариэль усмехнулась.

— И формулируешь на этом курс исследований?

Ариэль нахмурилась.

— Я решила, что для такой задачи не гожусь.

Истариэль громко рассмеялась.

— Так о чем ты говорила? — спросила Ариэль. Она попыталась выглядеть заинтересованной.

— О Ариэль, какая тебе разница? Да и притворщица ты не ахти.

— Мне-то никакой, а вот тебе что-то нужно. Поэтому я вежливо слушаю.

— Вернемся к войне. Часть сестер помоложе хотят создать новый орден.

— Еще одна группа женщин, которым неймется дезавуировать Ллитэрскую гармонию и стать боевыми магинями?

— Все не так просто. Эти дамы объявили себя рабынями.

— Боже...

Тиро, новеньким, выходить замуж не позволяли правила, однако немало сестер в конце

концов решались на это. Многие возвращались в родные края или туда, где жили их мужья. Кое-кто оставался в Часовне, и лишь единицы поднимаюсь до заоблачных высот. Часто выбор был прост: женщины решали, что лучше жить с детьми, мужьями и кровом над головой.

Правда, иногда честолюбивые сестры хотели все сразу: связать свою жизнь и с мужчиной, и с Часовней. Такие, по их мнению, никогда не достигали заслуженных вершин, поскольку другие сестры, пожертвовав семьей, считали своим правом продвигаться дальше тех, кто работал вполсилы. И плевать, что работал блестяще. Такое отношение распространялось и на замужних, но бездетных, ибо сестры полагали, что те рано или поздно бросят все, чтобы ублажать мужчину и заботиться о его отпрысках. Сестры за глаза называли их рабынями, добровольными домохозяйками и племенными кобылами для мужчин, говорили, что рабыни впустую тратят время Часовни, деньга и — хуже всего — свои таланты.

подавляющее большинство сестер Часовни были незамужними преподавателями либо студентками. Называть в лицо замужнюю сестру рабыней считалось оскорбительным, хотя случалось и такое.

Если замужние сестры, а их более половины, создадут новый орден — и Ариэль не видела, как этому помешать, — они получают огромную власть. Ситуация изменится кардинально.

— Конечно, это уловка, — заметила спикер. — Большинство... замужних сестер не настолько активны, чтобы сплотиться вокруг такого имени. Так что мы имеем дело всего лишь с предупредительным выстрелом. Чтобы мы знали, насколько серьезно они настроены.

— Чего они хотят? — спросила Ариэль.

Истариэль потерла глаза.

— Много чего. Прежде всего они требуют, чтобы мы основали новую школу магии. Школу, которая идет вразрез с нашими традициями.

— Сильно?

— Школу для мужчин, Ариэль.

Да уж. Это не просто вразрез с традициями. Это ниспровержение основ.

— Мы подозреваем, что кое-кто из сестер уже вышел замуж за мага.

— Что ты хочешь от меня? — мгновенно спросила Ариэль.

— В связи с этим делом? — ответила Истариэль. — Да ничего. Прости, сестра, здесь ты не помощница. Для тебя есть другое задание. Лидер замужних сестер — Эрис Бюэль. Я не могу открыто противостоять ей. Тут нужен кто-то честолюбивый, всеми уважаемый и молодой, чтобы соответствовать нашему стандарту.

Что, конечно же, исключало Ариэль.

— Под такое описание подойдет треть наших сестер, особенно если добавить беспринципность.

Глаза Истариэль вспыхнули, затем вновь стали холодными. Ариэль знала, что перешла границы, но сестра бессильна. Ариэль ей нужна.

— Ари, даже тебе не дозволено разговаривать со мной таким тоном.

— Что ты хочешь? — повторила Ариэль.

— Хочу, чтобы ты вернула в Часовню Джесси аль'Гвайдин.

Ариэль задумалась. Джесси аль'Гвайдин будет идеальной скалой, о которую разобьется Эрис Бюэль. В ней есть все, чем так гордятся в Часовне: умение общаться, прекрасный вид, интеллигентность, дворянская кровь и желание платить за путь на вершину. Не запредельно *талантлива*, но однажды может стать хорошим лидером, если вобьет в себя немного здравого смысла.

— Она в Торрас-Бенд, изучает Темного Охотника, — сказала Истариэль. — Знаю, это опасно, хотя я предупредила ее строго-настрого и уверена, что Джесси не поступит опрометчиво. — Истариэль кашлянула. — На самом деле я грозила, что пошлю за ней тебя, если начнет дурить. Уверена, Джесси будет безумно рада тебя видеть.

— А если она мертва? — спросила Ариэль.
Усмешка Истариэль погасла.
— Тогда найди ту, с которой рабыням придется считаться. Ту, которая сделает все, что нужно.
В этой неопределенности заключался широчайший выбор. Однако широту можно использовать двояко, и, скорее всего, Ариэль включают в список.
«О сестричка, ты играешь с огнем. Зачем же для такой работы ты выбрала меня?»
— Договорились, — ответила Ариэль.
Истариэль дала знак, что сестра свободна, и Ариэль пошла к двери.
— Ой, — спохватилась Истариэль, будто и впрямь что-то забыла. — Кого бы ты ни привела, убедись, что она замужем.

19

Кайлар закрывал лавку, как вдруг почувствовал, что за ним следят. Он невольно согнул пальцы, чтобы проверить отсутствующие ножи на предплечьях. Захлопнул створки перед прилавком, где выставлялись товары, и навесил замок, ощущая себя уязвимым.

Не потому, что был безоружен. Мокрушник и сам оружие. Уязвимым из-за клятвы. Ни убийств, ни насилия. И что оставалось делать?

Неизвестные стояли в сумрачном переулке рядом с лавкой. Кайлар не сомневался: ждут, когда он подойдет к двери буквально в шаге от переулка. Используя *талант*, он мог проскочить в дверь, закрыть ее — и выдать свои способности. Или мог убежать и оставить беззащитной Ули.

Насколько все было проще, пока в его жизни не появилась женщина...

Кайлар пошел к двери.

Вот и незнакомец. В обносках, волосы всклокочены. Воспаленные глаза и беззубый рот наркомана. Зато ножи ладешца выглядели вполне исправно. Кайлар ожидал, что человек потребует денег, однако ошибся.

Тот напал мгновенно, выкрикивая нечто безумное. Кажется: «Не убивайте меня, не убивайте!» Кайлар просто шагнул в сторону, и наркоман растянулся на земле. Озадаченный, Кайлар прислонился к стене. Незнакомец встал и снова бросился вперед. Кайлар ждал до последнего, затем внезапно отскочил. Наркоман врезался в стену.

Кайлар ногой откинул кинжалы и перевернул истекающего кровью незнакомца на спину.

— Не убивай меня пока, — лопотал человек, захлебываясь кровью из носа. — Умоляю, бессмертный. Не убивай меня пока.

— Я принесла тебе подарок, — сказала Гвинвера.

Агон оторвал взгляд от бумаги, которую писал. Это был список сильных и слабых сторон тактической обстановки в Крольчатнике. Список по-прежнему удручал. Агон встал из-за стола и последовал за Гвинверой в соседнюю комнату, стараясь не думать о том, как хорошо она пахнет. От этого ныло сердце.

Обеденный стол накрывала скатерть с десятью бугорками.

— Открыть не собираешься? — спросила Гвинвера.

Агон поднял бровь; она засмеялась. Он снял скатерть и ахнул.

На столе лежали десять коротких луков без тетивы. Их украшала простая, даже грубая резьба: люди и животные, по большей части лошади.

— Гвинвера, как ты могла?

— То же самое сказал и мой счетовод.

Агон взял один в руки и попробовал согнуть.

— Осторожней, — предупредила она. — Человек, который... раздобыл эти луки, сказал, что перед тем как натянуть, их нужно греть полчаса на огне. Иначе сломаются.

— Настоящие луки иммурцев! — восхитился Агон. — Раньше я никогда их не видел.

Луки были одним из чудес света. Кроме иммурцев, секрета конструкции не знал никто, хотя Агон видел, что при их изготовлении использовались не только дерево, но и рога, и клей из расплавленных лошадиных копыт. Стрела пробивала тяжелые латы с двухсот шагов, что под силу только длинным, в рост, алитэрсским лукам. А эти коротки настолько, что можно применять и на скаку. Агон слышал истории о легковооруженных всадниках, которые вне досягаемости обычных лучников кружат вокруг пешей компании в тяжелых доспехах и расстреливают ее в пух и прах. Уланы атакуют, а легкие иммурцы на маленьких пони рассыпаются, непрерывно выпуская стрелы. Пока никто еще не придумал, что противопоставить такой атаке. Слава богам, иммурцы всегда воевали в одиночку, без союзников, не то захватили бы всю Мидсайру.

Луки отлично подойдут охотникам на ведьм. Агон погладил древко.

— Ты знаешь дорогу к сердцу мужчины, Гвинвера, — сказал генерал, радуясь новой игрушке как ребенок.

Она улыбнулась, и на один счастливый миг он тоже улыбнулся. Гвинвера была прекрасна: умная, способная, грозная, а сейчас, когда смотрела ему в глаза, — хрупкая, потрясенная смертью Дарзо, мужчины, которого любила пятнадцать лет. Гвинвера была сильна, таинственна, и красота ее будоражила кровь, хотя Агон считал, что уже стар волноваться по такому поводу. И все же... ее запах — о боги...

Его улыбка растаяла, и Гвинвера заметила это. Она тронула Агона за руку.

— Я рада, что тебе понравилось. — Она пошла к двери, затем обернулась. — Только передай своим людям: каждый лук стоит таких денег, что им за всю жизнь не заработать.

Агон отрывисто хохотнул.

— За луки я с них шкуру сдеру.

Кайлар мог поклясться: в день, когда Ви пыталась его убить, именно этого человека он видел мельком из окна дома графа Дрейка.

Кайлар дал ему отхлебнуть опийного вина и отвел туда, где лечат наркоманов из зажиточных семей. Лечение было простое: санитары назначали сомнительные отвары, связывали больного, убирали за ним рвоту и испражнения и ждали. В лечебнице были толстые стены, камеры-одиночки. Заминки со стражей у Кайлара не возникло: взглянули, увидели наркомана и пропустили.

— Пожалуйста, свяжите меня, — попросил ладещец, когда они вошли в крошечную келью. Из обстановки: письменный стол, стул, таз и кувшин, а также кровать. Голые каменные стены. Чем меньше предметов в комнате, тем меньше удачных попыток суицида.

— Не думаю, что за пару часов ты пойдешь вразнос, — ответил Кайлар.

— Мне бы вашу уверенность.

Кайлар привязал его к постели толстыми кожаными ремнями, и незнакомец с облегчением вздохнул и улыбнулся щербатой улыбкой наркомана. Сердце Кайлара оборвалось. Разве эта улыбка не была когда-то ослепительно красивой?

— Кто ты? — задал вопрос Кайлар. — И что, по-твоему, знаешь обо мне?

— Что у тебя есть ка'кари, Кайлар Стерн. Я был знаком с Дарзо Блинтом, знаю, что ты его ученик и это твое второе воплощение. Раньше тебя звали Азотом.

У Кайлара засосало под ложечкой.

— Кто ты?

Человек снова улыбнулся, широко, будто всю жизнь улыбался, показывая ровные белоснежные зубы, и еще не свыкся с ухмылкой наркомана. Как ни странно, связанный он вел себя надменно.

— Я Аристархос бан Эброн, шалакрой Шелковой провинции Ладеша.

— Шалакрой — это ладешское слово для наркомана?

Маску высокомерия как волной смыло.

— Нет. Извини. Прошу меня простить, что пытался убить тебя. Я не владел собой.

— Это заметно.

— Вряд ли ты поймешь, — сказал Аристархос.

— Я и раньше видел наркоманов.

— Я не просто наркоман, Кайлар. — Он скривил рот в ироничной усмешке, показав новый ряд гнилых зубов. — Вроде бы то же говорят и остальные наркоманы. Я пытался выбраться из Сенарии, когда город пал, но меня подвела ладешская кожа. Халидорцы остановили меня, допросили о торговле шелком. Они ненавидят нашу монополию на шелк, так же как и все в Мидсайру. Я прошел бы и допрос, но меня заметил вюрдмайстер по имени Неф Дада. Не знаю, что он увидел, но меня стали пытаться. — Взор Аристархоса устремился куда-то вдаль. — Это было скверно. Хуже того, в меня каждый раз насильно запихивали какие-то зерна. Боль уходила. Спать не давали. Пытали, затем кормили зернами и снова пытали. Даже не задавали вопросов, пока не пришел *он*.

— Он? — Кайлара стало подташнивать.

— Я... боюсь говорить его имя, — сказал Аристархос, стыдясь страха и тем не менее напуганный до смерти.

Он начал барабанить пальцами по кровати.

— Король-бог?

Ладещец кивнул.

— Цикл продолжался, пока им уже больше не приходилось заставлять меня глотать зерна. Я их умолял. Он пришел во второй раз и использовал магию... Я зачарован принуждением. Магически, химически, смесью обоих, — сказал он. — Я лишь подопытный кролик. Через какое-то время... я выдал им твое имя, Кайлар. Наложив заклятие, он принудил меня к тому, чтобы тебя убить. У меня есть шкатулка с семенами, которая откроется, если я подчинюсь. — По его телу пробежала дрожь. — Понимаешь? Я пробовал дурман, опийное вино. Ничего не помогает. Решил, что если доберусь сюда быстро, так хоть предупрежу. Кое-что я утаил. Они не знают, что ты воскрес, не знают про общество и твои воплощения.

Кайлар не успевал следить за рассказом.

— Что за общество?

Аристархос взглянул на него недоверчиво, даже перестал барабанить пальцами.

— Разве Дарзо тебе не говорил?

— Ни слова.

— Общество Второго Рассвета.

— Никогда не слышал о таком.

— Общество Второго Рассвета создано, чтобы изучать предполагаемых бессмертных, описывать их возможности и передавать упомянутые силы тем, кто не будет ими злоупотреблять. Общество наше тайное и распространено по всему свету. Именно поэтому я и сумел тебя найти. Основано общество столетия назад. Сначала мы думали, что бессмертных людей десятки. Шли годы, и мы пришли к выводу, что их самое большее семь, а то и вовсе один. Человек, которого ты знаешь как Дарзо Блинта, известен под именами Феррик Огненное Сердце, Вин Крейсин, Тэл Драккан, Юрик Черный, Хротан Стальной Кулак, Зак Эрткин, Ребус Нимбл, Квос Деланоэш, Хрутик Ур, Мир Грагтор, Гаррик Проклятие Тени, Дэв Слинкер и, возможно, еще дюжина других, которых мы не знаем.

— Да это же половина легенд и преданий Мидсайру!

Аристархос начал дрожать и потеть, однако продолжал ровным голосом:

— Он удачно выдавал себя за уроженца десятка культур. Говорил на языках, о которых я даже не слышал, — по меньшей мере тридцати, не считая диалектов, — и на всех так бегло, что и местные не улавливали акцента. Временами пропадал лет на двадцать, а то и пятьдесят. За шесть веков участвовал во всех мало-мальски серьезных конфликтах, и не всегда угадаешь, на чьей стороне. Двести лет назад под именем Хротан Стальной Кулак он сражался первые тридцать лет Столетней войны за алитэрцев, поддерживая их экспансию, затем «погиб» и продолжал воевать уже против них на стороне кьюрцев под видом кенсея

Отуро Кенджи.

Теперь уже дрожал Кайлар. Он вспомнил, как мальчишками они попытались ограбить Дарзо. Увидев, кто перед ними, все разом отпрянули от легендарного мокрушника. Легендарный мокрушник! Как мало они знали. Как мало знал Кайлар. Он почувствовал укол беспричинной обиды.

Почему Дарзо не сказал ему? Кайлар был ему как сын — ближе, чем кто-либо другой. А он и словом не обмолвился. Кайлар вообще не знал Дарзо Блинта. И вот теперь герой легенд — десятков легенд! — мертв. Убит рукой Кайлара. Он так и не узнал по-настоящему человека, которого называл учителем, и больше не узнает. Дарзо больше нет, и Кайлар тосковал по нему сильнее, чем мог себе представить.

Лицо Аристархоса покрылось капельками пота. Он скомкал в ладонях простыню.

— Если у тебя есть еще вопросы о перевоплощениях, его или твоих, прошу — спрашивай быстрее. Я чувствую себя... неважно.

— Почему ты говоришь о них, будто я — что-то вроде бога?

— Тебя боготворят в тех немногих дальних уголках, где учитель Дарзо не слишком осторожничал, демонстрируя всю мощь своих возможностей.

— Что?!

— Общество говорит «воплощение», ибо понятие «жизнь» слишком расплывчато, и мы не уверены, сколько у тебя жизней: сколько захочешь или конечное число. Или одна, но бесконечная. Никто из нас воочию не видел, как ты умираешь. У «воплощений» тоже есть свои критики, в основном среди сепаратистов Модая, которые верят в реинкарнацию. Позволю себе заметить, что твое существование пускает их по теологическому кругу. — Ноги Аристархоса задергались. — Извини. Я надеялся так много тебе рассказать и о многом расспросить.

Внезапно, среди важных вопросов о Дарзо, о короле-боге, Кайлар увидел человека на кровати: в поту, потерявшего зубы и красоту ради него, Кайлара. Его пытали, сделали наркоманом, отправили убивать Кайлара, а он сражался до конца. Всем существом. Ради человека, которого даже не знал.

И потому Кайлар не стал спрашивать об обществе или магии или о том, что мог бы сделать для него Аристархос. Это подождет.

— Аристархос, — сказал он, — что такое шалакрой?

Собеседник был захвачен врасплох.

— Я... это чуть ниже герцога Мидсайру, но титул не наследный. Среди десяти тысяч студентов я набрал больше всех баллов на экзаменах в государственной службе. Во всем Ладеше только сотня получила более высокие оценки. Я правил областью примерно с Сенарию.

— Город Сенарию?

Несмотря на пот и судороги, Аристархос улыбнулся.

— Страну.

— Мне выпала большая честь видеть вас, Аристархос бан Эброн, шалакрой Бенуриена.

— Взаимно, Кайлар бан Дарзо. Будь так добр, убей меня.

Кайлар повернулся к нему спиной.

Надежда и гордыня покинули Аристархоса. Он вдруг съежился, обмяк.

— Это не любезность, мой господин. — Он снова забился в судороге, и кожаные ремни натянулись. На лбу и худых руках вздулись вены. — Прощу тебя, — выговорил он, когда судороги прошли. — Если не будешь убивать, то, может, дашь мне шкатулку? Всего одно зернышко. Ну пожалуйста.

Кайлар ушел. Шкатулку он взял с собой и сжег. Кроме отравленной иглы-ловушки, в ней ничего не было.

— Ваше святейшество, наш убийца мертв, — сказал Неф Дада, шагнув на балкон к королю-богу. — Прошу извинить, что сообщаю о неудаче, однако хотел бы заметить, что рекомендовал...

— Он не подвел, — бросил Гэрот Урсуул, не отрываясь от вида города.

Неф открыл рот, однако, вспомнив, с кем разговаривает, закрыл и сгорбился чуть заметнее.

— Я дал ему задание, которое он вполне мог сорвать, зато выполнить другое. То, что я и хотел, — ответил король-бог. По-прежнему оглядывая город, Гэрот потер виски. — Он нашел Кайлара Стерна. Владелец ка'кари сейчас в Кернавоне.

Он достал из кармана письмо.

— Передай это послание нашему агенту в Кернавоне, чтобы вручил его Ви Совари. Она должна быть там со дня на день.

Вюрдмайстер нервно моргнул. Он думал, что знает о каждом шаге короля-бога. Думал, что владеет миром почти на равных с Гэротом. А тот беспечно выкладывает такую новость. Как же ненавистен ему этот человек! Магия помогает Гэроту точно отслеживать, где находятся люди? Неф о таком даже не слышал. Что же выходит? Знал ли Гэрот о лагере в Черном Кургане? Майстеры Нефа похищали крестьян для экспериментов, но ведь лагерь так далеко, да и сам он был предельно осторожен. Нет, решительно невозможно.

Король-бог предупредил его. Дал понять, что следит за Нефом, следит за всем. Что всегда будет знать больше, чем говорит даже вюрдмайстеру, и обладать могуществом, какое Нефу и не снилось.

— Что-нибудь еще? — спросил король-бог.

— Нет, ваше святейшество, — сказал Неф.

Ему удалось сохранить полную невозмутимость в голосе.

— Тогда убирайся.

Когда Елена в хорошем настроении, оставаться хмурым нелегко. После быстрого завтрака и чашечки оотая для снятия усталости как-то само собой вышло, что Кайлар стал бродить по улицам с ней под ручку. На Элене было кремовое платье с коричневым жакетом — сказочное в своей простоте.

— Смотри, какая милашка, — сказал он, беря куклу со стола торговца.

С тех пор как Кайлар начал выходить из дома по ночам, он ожидал выяснения отношений. Вместо этого однажды ночью Елена схватила его за руку — у Кайлара, хладнокровного мокрушника, чуть душа не ушла в пятки — и сказала:

— Кайлар, я люблю тебя. И доверяю.

Больше они эту тему не затрагивали. Да и что он мог сказать? «Гм, на самом деле я тут поубивал кое-кого, но каждый раз случайно, и они все плохие парни»?

— Не думаю, что мы можем себе многое позволить, — ответила Елена. — Я просто хотела провести день с тобой.

Она улыбнулась. Если это всего лишь перемена настроения, стоит просто порадоваться жизни.

Кайлар чувствовал себя как-то неловко, держа Элену за руку. Сначала казалось, что на них пялятся все кому не лень. Потом он понял, что смотрят на них лишь немногие, и большинство — одобрительно.

— Ага! — рыкнул на них кругленький человечек. — Прекрасно! Просто очаровательно. Вы чудесная пара! Да-да. Входите.

Кайлар так испугался, что еле удержался, чтобы с ходу не подправить человечку физиономию. Елена засмеялась и ткнула пальчиком в его пружинистый бицепс.

— Пошли, здоровяк, — сказала она. — Это ведь покупки. Забава.

— Забава? — переспросил Кайлар, когда Елена втокнула его в уютную, хорошо освещенную лавку.

Толстячок быстро передал их прелестной девушке лет, наверное, семнадцати, которая

лучезарно улыбнулась. Изыщная стройная фигурка, завораживающие голубые глаза и большой рот, отчего улыбка получалась широкой. Златовласка! Кайлар вытаращил глаза.

— Привет, — сказала Златовласка и взглянула на обручальные ленты, которые держала руках. — Меня зовут Каприсия. Бывали раньше в лавке для новобрачных?

Кайлар словно воды в рот набрал. Так и стоял, пока Елена легонько не ткнула его локтем в бок.

— Нет, — ответила она.

Кайлар хлопнул ресницами. Елена покачала головой, очевидно полагая, что он заигрывает с Каприсией, однако не выглядела ни рассерженной, ни озадаченной. Он тоже покачал головой.

— Что ж, тогда давайте начнем, — сказала Каприсия.

Она выдвинула широкий ящик, обитый черным бархатом, и поставила на прилавок. Ящик был наполнен крохотными парными кольцами — золотыми, серебряными и бронзовыми. Гладкими и рельефными. Часть колец украшали рубины, гранаты, аметисты, опалы или бриллианты.

— Вы заметили, что такие кольца носят люди во всем городе?

Елена кивнула. Кайлар тупо глянул на нее, затем посмотрел на Каприсию. На девушке не было никаких украшений. Может, она имела в виду кольца на ногах? Он приподнялся на цыпочки, чтобы через прилавок узреть ноги Каприсии.

Она перехватила его взгляд и заразительно рассмеялась.

— Нет-нет, — уверила она. — Я их не ношу вообще! Я пока не замужем. Зачем вы смотрите на мои ноги?

Елена нахмурилась.

— Ох уж эти мужчины!

— Ой! — воскликнул Кайлар. — Да это же серьги!

Каприсия вновь засмеялась.

— Что смешного? — спросил он. — Там, откуда мы приехали, женщины носят пару одинаковых сережек. А эти все почему-то разные.

Девушки засмеялись громче, и Кайлара озарило. Серьги предназначались не для женщин, а для пары новобрачных. Одна для мужчины, другая — для женщины.

— Ой... — снова выдохнул он.

Это объясняло, почему все мужчины, которых видел Кайлар, носили серьги. Он нахмурился. Раньше он смотрел, не прячут ли они под одеждой оружие, а теперь что, еще и в уши им заглядывать?

— Ух ты! Посмотри на эти. — Елена указала на пару золотых, с серебром, сверкающих колец, стоявших подозрительно дорого. — Разве не великолепны? — Она повернулась к Каприсии. — Расскажите нам о кольцах все, что знаете. Мы, гм, не вполне знакомы с традицией.

Ясное дело, Кайлар остался в стороне.

— Здесь, в Уэддрине, когда мужчина хочет жениться, он покупает набор колец и дарит невесте. Конечно, церемония публичная, однако само бракосочетание проходит в узком кругу. Вы уже женаты?

— Да, — ответил Кайлар. — Просто в городе недавно.

— Что ж, если намерены жениться по-уэддрински, но не хватает денег или не хотите пышных церемоний, все очень просто. Брак признается, как только вас проколют.

Глаза Кайлара расширились.

— Проколют?

Каприсия вспыхнула.

— В смысле, как только скрепите любовь печатью, то есть на вас наденут серьги. Большинство людей называют это «проколоться».

— Сдается мне, они что-то другое имеют в виду, — заметил Кайлар.

— Кайлар! — Елена толкнула его локтем, а Каприсия снова покраснела. — Можно

посмотреть ножи для обряда? — ласково спросила она.

Каприсия вытащила еще один ящик, обитый черным бархатом. В нем лежали декоративные кинжалы с крошечным острием. Кайлар отшатнулся от прилавка. Девчонки захихикали.

— Чем дальше, тем страшнее, — сказала Каприсия и широко улыбнулась. — Обычно перед... ах, обычно перед тем, как брак вступит в силу... — Она пыталась говорить профессионально, однако уши горели. — Простите, никогда не доводилось объяснять. Я... обычно господин Бурари... ну да неважно. Когда мужчина и женщина вступают в брак, то женщина должна поступиться почти всей свободой.

— В самом деле? — спросил Кайлар.

На этот раз взгляд Элены был не столь веселым. Кайлар проглотил смешок.

— Поэтому, чтобы проколоться... надеть серьги... запечатать любовь...

— Называй как положено, — пришел ей на помощь Кайлар.

— Я оплошала, надо бы называть это... — Каприсия заметила его взгляд. — Ладно. Когда жених и невеста удаляются в спальню, мужчина отдает невесте кольца и кинжал. Мужчина должен повиноваться. Часто она... — Каприсия моргнула, и ее уши вновь зарделись. Она покашляла. — Часто она какое-то время соблазняет жениха. Затем прокалывает себе левое ухо, где пожелает, и надевает кольцо. После чего, на постели, садится верхом на мужа и прокалывает ему левое ухо.

У Кайлара отвисла челюсть.

— Все не так плохо. Зависит от того, где жена решит... — Каприсия подняла глаза, когда в лавку зашел хозяин, — поставить печать. Через мочку не очень больно, однако некоторые женщины прокалывают, как жена господина Бурари.

Кайлар взглянул на кругленького ухмыляющегося человечка. Тот носил золотую серьгу, сверкающую рубинами. На самом верху ушной раковины.

— Боль просто адская, — поделился господин Бурари. — У них это называется «лишить девственности».

Кайлар тихо застонал.

— Что?!

Элена покраснела, но в глазах плясали чертики. Кайлар мог поклясться, она представила себе, как прокалывает ему ухо.

— Что ж, довольно справедливо, разве нет? — заметил господин Бурари. — Если в первую брачную ночь женщине приходится пройти через боль и кровь, почему бы заодно и не мужчине? Волей-неволей становишься поласковой. Особенно когда жена, чтобы напомнить, крутит тебе ухо! — Он расхохотался. — Вот что получаешь после двадцати поколений королей. — Впрочем, Бурари вовсе не выглядел недовольным.

Эти люди, понял Кайлар, вконец свихнулись.

— Но магическая часть еще впереди, — сказала Каприсия, понимая, что Кайлар быстро теряет интерес. — Когда жена продевает в ухо мужа кольцо, она должна сосредоточить на кольце всю любовь, преданность и желание выйти замуж. Только тогда оно запечатается. Если женщина не хочет этого искренне, ничего не выйдет.

— Зато когда кольцо скреплено печатью, — добавил господин Бурари, — ни рай, ни ад не откроют его снова. Смотрите. — Он потянулся и снял обручальное кольцо с левой руки Кайлара. — Ага. Почти нет разницы в загаре. Женаты недавно?

— Вы так ловко управляетесь с кольцами... Кольчуги делать не пробовали? — съязвил Кайлар.

— Ой, милый, хватит. Мне дурно. — Элена оттянула жакет, будто запарилась.

— Действительно, — сказал господин Бурари, — первыми наше искусство применили на практике оружейные мастера. Вот, взгляните. — Он обратился к Элене. — Такое кольцо можно снять самому или соскочит — кто знает? Он идет в таверну, ему навстречу — какая-нибудь уличная девка. Откуда ей знать, что вторгается на чужую территорию? Конечно, сэр, может, вы и вовсе не ходите по тавернам. Однако с нашими кольцами всегда

видно, что мужчина женат. И... если мужчина либо женщина захотят развестись — что ж, придется с мясом вырывать проклятое кольцо. Уверяю, это сильно снижает процент разводов. Печать нужна не из-за страха измены кого-либо из супругов. Все гораздо глубже. Когда мужчина или женщина *запечатаны*, они пробуждают в кольцах древнюю магию, которая крепнет вместе с любовью. Магия помогает тонко чувствовать настроение второй половинки, улучшает взаимопонимание, помогает общаться без недомолвок, что...

— Дайте угадать, — вмешался Кайлар. — Чем дороже кольца, тем больше магии.

На сей раз локоток Элены оказался куда менее милосердным.

— Кайлар! — процедила она сквозь зубы.

Господин Бурари моргнул.

— Уверяю вас, юный господин, магией заряжено каждое мною сделанное кольцо. Печать нерушима даже у самого простого и дешевого медного колечка. Но, согласен, гораздо больше времени и сил я уделяю кольцам из золота и мифрила — эльфийского серебра. Не только потому, что люди за них платят больше. Эти материалы гораздо лучше держат чары, нежели бронза, медь или серебро.

— Верно, — сказал Кайлар. — Что ж. Спасибо, что уделили нам время.

Он вытолкнул Элену из лавки.

Ей это пришлось не по нраву. На улице она остановилась.

— Кайлар, ты форменная свинья.

— Милая, разве ты не слышала, что он сказал? Какой-то оружейник давным-давно обладал *талантом*, скреплявшим металлические кольца. Хороший дар для оружейника: вместо месяцев собирал кольчугу за пару дней. Затем смекнул, что может заработать куда больше, продавая каждое кольцо за сотни золотых, нежели всю кольчугу за полсотни. И надо же, о чудо! Выросла целая индустрия. Чистое шарлатанство. Что еще за вздор — «улучшает взаимопонимание»? Это происходит с каждым, кто женится. И, о да, у золотых больше магии... с чего бы вдруг? Ты видела, сколько у них колец из золота? К ним в лапы попадают, наверное, девять десятых идиотов в городе. Копят, бедолаги, на золотые кольца, которых не могут себе позволить, а куда деваться? Какая женщина будет счастлива, если получит медное кольцо, которое «еле-еле держит чары»?

— Я буду, — тихо проговорила Элена.

Вся его уверенность вдруг куда-то делась.

Элена закрыла лицо руками.

— Я думала, мы могли бы официально пожениться. Ну... когда захотели бы. То есть... я знаю, что мы не готовы. И не собиралась замуж прямо сейчас.

«Ну почему я такой мерзавец? Потому, что Элена слишком хороша для меня».

— Выходит, ты знала, что это за место? — уже мягче спросил он.

— Тетушка Меа мне рассказала.

— Так вот почему ты по ночам покусывала мои уши?!

— Кайлар!..

— Что, угадал?

— Тетушка Меа сказала, это творит чудеса.

Элена не выдержала взгляда Кайлара.

— Для извращенцев — очень может быть!

— Кайлар!

Он огляделся. В жизни не видел столько сережек. Как же раньше-то не замечал? Ну точно: почти у всех — золотые. И прически, открывающие левое ухо.

— Эту девушку я видел раньше, — сказал Кайлар.

— Каприсию?

— Однажды ночью какие-то хулиганы собирались ее обидеть. Раньше я бы их убил. А так просто напугал.

— Вот видишь? Насилие не решает...

— Милая, одним из них был шинга. Я заставил мстительного человека обмочиться

перед подчиненными. Выбирать не приходилось — только насилие. Теперь, после моей помощи, эта девушка в еще большей опасности. — Он тихо выругался. — Зачем ты вообще меня сюда привела? У нас нет денег даже на подарок Ули. Как можно себе позволить серьги?

— Ну виновата. Прости, ладно? — сказала Елена. — Я только хотела посмотреть.

— Значит, все-таки меч. Так? Ты все еще хочешь, чтобы я его продал.

— Перестань! Я и словом не обмолвилась о мече. Извини. Думала, тебе будет интересно. Я не прошу тебя что-то мне покупать.

Она не смотрела на Кайлара и больше не держала его за руку. Что ж, все лучше, чем слезы. Разве нет?

Какое-то время он шел рядом с Эленой, пока в лавках на открытом воздухе она притворно рассматривала товары, вертела их в руках, изучала одежду, выбирала кукол, которых они не могли себе позволить.

— Вот что, — наконец сказал Кайлар. — Раз уж мы поссорились...

Она обернулась и серьезно посмотрела на него.

— Не желаю говорить о сексе, Кайлар.

Он виновато поднял руки, пытаясь выглядеть веселым. Безуспешно.

— Кайлар, ты помнишь, каково это — убивать?

Да что там помнить?! Сперва — великолепно! Невероятное наслаждение от власти и мастерства. Затем одиночество, пустота и боль в сердце. Ведь ты знаешь, что даже закоренелый преступник может измениться, но шанса ему не даешь. Понимает ли Елена, что второму «я» Кайлара это по душе?

— Милый, у нас столько времени и талантов. У тебя их больше, чем у многих. Знаю, ты хочешь творить добро, причем страстно. И это я в тебе люблю. Но посмотри, что происходит, когда ты пытаешься спасти мир с помощью меча. Твой учитель пытался, и посмотри, кем он стал. Жалким, унылым стариком. Не хочу, чтобы и с тобой случилось то же самое. После богатства и великих свершений кажется, что в аптекарском деле мало честолубия. Поверь, Кайлар, не так уж мало. Напротив. Ты можешь принести миру гораздо больше добра, став хорошим отцом, мужем и лекарем, нежели каким угодно мокрушником. Считаешь, бог ошибся, наградив тебя даром лечить? Это божественный промысел. Он желает заново, красиво отстроить то, что мы разрушили.

Мы тоже хотим. Кто мог себе представить, что ты и я снова найдем друг друга? Что сможем удочерить Ули? У нее появилась надежда — хоть и родилась она у убийцы и проститутки. Это мог сделать только бог. Знаю, Кайлар, ты в него пока не веришь, но здесь творит рука божья. Он дал нам шанс, и я хочу за него ухватиться. Будь со мной. Оставь ту жизнь. Ты в ней счастья не нашел. Почему ты хочешь вернуться?

— Не хочу, — ответил он.

Однако это была полуправда. Елена прижалась к нему, но, даже держа ее в объятиях, Кайлар знал, что фальшивит.

21

В жаркий полдень Кайлар остановился у лавки в квартале для знати. Он шагнул в переулок и через полминуты уже носил вполне приемлемое, как ему представлялось, лицо барона Кирофа. Хорошо бы и тунику поприличней. Конечно, после пожара у него осталась одна туника на смену, но та еще хуже. Не исключено, что иллюзорные одежды можно носить, как и иллюзорное лицо, только не многовато ли для забавы? Он представил себе, как заставить иллюзорный плащ развеиваться при ходьбе реалистично, и быстро решил, что довольно и своей одежды. Сунув ящик под мышку, Кайлар направился в лавку.

Лавка грандмастера Хайлина представляла собой огромное квадратное помещение с невысоким потолком. Она хорошо освещалась и была обставлена куда богаче, нежели кузницы, что видел Кайлар. Вдоль стен рядами стояли доспехи. Перед ними — стеллажи с оружием. Чистенько и не дымно. Грандмастер Хайлин, видно, придумал хитрую систему

вытяжки, потому что торговая и рабочая площади не разделялись. Кайлар увидел одного из подмастерьев, помогающего вельможе выбрать кусок металла, его будущий меч. Другой господин наблюдал, как ученики куят сталь, его будущую кирасу. Покупатели сновали через рабочую зону по специально постеленным синим дорожкам и не мешали ученикам и ремесленникам. Золото переходило из рук в руки. Кайлар, правда, не был уверен, платят знатные люди за отличное оружие и доспехи или перенимают опыт.

Оружие и доспехи на полках у двери ничего собой не представляли. Явно работа подмастерьев и ремесленников. Да и не для того Кайлар сюда пришел. Наконец он рассмотрел в глубине лавки самого хозяина.

Почти лысый грандмастер Хайлин мог похвастать лишь бахромой седых волос вокруг шишковатой макушки. Худой, сутулый, близорукий, но с могучими руками и плечами. В кожаном фартуке, заляпанном и протертом до дыр, он направлял руку ученика, показывая точный угол удара по металлу. Кайлар направился к нему.

— Здравствуйте, мой господин. Чем могу служить? — Улыбчивый юноша перехватил Кайлара на полпути.

Чересчур улыбчивый.

— Мне нужно поговорить с грандмастером, — ответил Кайлар, чувствуя, как засосало под ложечкой. Похоже, до Хайлина добраться не так просто.

— Боюсь, он занят работой, однако буду рад вам помочь во всем, что пожелаете. Меня зовут Смайли.

Короткий взгляд Смайли на одежду Кайлара красноречиво говорил: кого попало к хозяину не пускают.

Кайлар бросил взгляд за плечо Смайли и ахнул. Вышло, должно быть, приемлемо, раз Смайли обернулся посмотреть, что случилось.

Кайлар стал невидимкой. И почувствовал себя непослушным ребенком, когда Смайли снова повернулся и увидел пустоту.

— Что за?.. — Смайли потер глаза. — Эй, — обратился он к напарнику за прилавком, — ты видел, как я только что беседовал с толстым рыжебородым парнем?

Человек за прилавком покачал головой.

— Опять что-то померещилось, Вуд?

Смайли покачал головой и, тихо чертыхаясь, вернулся за прилавок. Кайлар невидимкой прошел через лавку. Увертываясь от снующих учеников, остановился рядом с локтем грандмастера Хайлина. Хозяин осматривал дюжину выкованных подмастерьями мечей, которые лежали на столе и ждали одобрения.

— У третьего неправильный обжиг, — заметил Кайлар, появляясь рядом с кузнецом. — Слабое место прямо над рукоятью. А вот следующий плохо закален.

Грандмастер Хайлин повернулся и бросил взгляд Кайлару под ноги: два шага за пределами синей дорожки. Затем посмотрел на бракованный меч и швырнул его в пустой сундук красного цвета.

— Вернер, — сказал Хайлин юноше, который отчитывал ученика. — Это уже третий брак за месяц. Еще один, и свободен.

Вернер побледнел и мигом перестал бранить ученика.

— Что касается этого. — Грандмастер Хайлин обратился к Кайлару, указывая на меч плохой закалки. — Знаешь, что получишь, рассыпая бриллианты перед курами?

— Жесткое мясо?

— Дорогие потроха. Расточительство, сынок. Этот меч — для армейского заказа. Двести пятьдесят куинов за сотню штук. Ничего не случится, если какой-нибудь крестьянин, от души помахав мечом, проведет больше времени с точильным камнем. В мечах ты дока, но человек я занятой. Что хочешь?

— Пять минут. С глазу на глаз. Уверяю, дело того стоит.

Грандмастер поднял бровь и, пусть неохотно, все же уступил.

Он провел Кайлара по лестнице наверх, в особую комнату.

Когда проходили мимо Смайли, юноша заволновался:

— Вам нельзя... вы не можете...

Грандмастер Хайлин поднял бровь.

Слащавая улыбка Смайли поблекла.

— Не обращай внимания, — бросил Хайлин. — Это мой пятый сын. Слегка с изъязном, не находишь?

Что это значит, Кайлар не ведал, однако кивнул.

— Выбросьте его в красный сундук.

Хайлин рассмеялся.

— Хотелось бы мне так же поступить с его матерью. Моя третья жена — ответ на молитвы первых двух.

Особой комнатой явно пользовались так редко, насколько возможно. Место посередине занимали отличный ореховый стол и несколько стульев, однако большая часть комнаты была отдана под выставочные образцы. Превосходные мечи и дорогие латы напоминали элитную стражу. Кайлар рассмотрел их поближе. Некоторые сделал сам грандмастер: шедевры, чтобы показать его возможности. Другие — экспонаты. Старые, разнообразные по видам и эпохам вооружения. Здорово.

— Осталось три минуты, — прищурившись, заметил Хайлин.

— У меня особые таланты, — сказал Кайлар, усаживаясь напротив кузнеца.

Грандмастер снова изогнул бровь. Ужасно выразительно.

Кайлар пробежался пальцами по рыжим волосам, и они стали грязно-белокурыми. Затем провел рукой перед лицом, и нос стал длиннее, заострился. Потер лицо, будто мылся, и борода исчезла, уступая место голым щекам с рябинкой. Представление, да и только. Впрочем, оно сработало на все сто.

Челюсть грандмастера Хайлина отвисла, лицо стало мертвенно-бледным. Он быстро заморгал, вместо голоса послышался хрип. Хайлин откашлялся.

— Господин Звездный Огонь... Гаэлан Звездный Огонь...

— Вы меня знаете? — ошеломленно спросил Кайлар. Гаэлан Звездный Огонь был героем десятка бардовских историй. Но ведь Кайлар создал маску Дарзо Блинта.

— Я был... совсем мальчишкой, когда вы пришли в лавку деда. Вы тогда сказали... что, может, в далеком будущем еще вернетесь — после того, как мы уже поставим нас вас крест. О сэр! Дед говорил, что это может случиться при отце или даже в мое время, но ему никто не верил.

Кайлар попытался собрать разбегающиеся мысли. Дарзо — Гаэлан Звездный Огонь? Кайлар, конечно, знал, что за семь столетий Дарзо был известен под разными именами. Но Гаэлан Звездный Огонь? Такое имя его учителя не упоминалось даже Аристархосом.

Волна горечи охватила Кайлара. Какой-то кузнец из Кернавона знает, а он — нет. Как же мало ему известно о человеке, который его вырастил! Даже отдал жизнь за Кайлара. Каким же он, Гаэлан Звездный Огонь, был пятьдесят лет назад? С таким человеком Кайлар, наверное, мог бы и подружиться.

— Клянусь, мы держали это в тайне, — проговорил грандмастер Хайлин.

Кайлар по-прежнему выглядел растерянным. Человек в зените славы, который годился ему в дедушки, обращается с ним, точно он... бессмертный. Чуть ли не божество!

— Что я могу для вас сделать, мой господин?

— Я не... — замялся Кайлар. — Прошу, не относитесь ко мне иначе из-за дедушки. Я лишь хотел, чтобы вы восприняли меня всерьез; не ожидал, что еще помните ту встречу. Да и не вспомнил я вас. Изменились так, что не узнать.

Кайлар ухмыльнулся, чтобы скрыть вранье.

— Зато вы совсем не изменились, — ошеломленно пробормотал Хайлин. — Гм, ну да ладно. — Он быстро покачал бровями — попеременно то одной, то другой, — пытаясь взять себя в руки. — Гм. Хорошо. Что вы ищете?

— Ищу, кому бы продать меч.

Кайлар снял со спины меч Возмездия и положил на стол.

Хайлин с видом знатока взял большой меч в крепкие мозолистые руки, но тут же положил обратно. Моргая, уставился на рукоять. Затем пробежался по ней пальцами и широко раскрыл глаза.

— Вы никогда не роняли этот меч в бою? — спросил кузнец.

Кайлар пожал плечами.

— Нет, конечно.

Все еще с видом сомнамбулы грандмастер плюнул на ладонь и снова взялся за меч.

— Что вы...

Капля влаги стекла с рукояти на стол. Грандмастер разжал ладонь: она была совершенно суха. Хайлин слегка вскрикнул, не в силах отвести взгляда от меча. Он наклонился ближе, потом еще ближе — пока его нос не уткнулся в лезвие. Он повернул его, чтобы взглянуть на острие.

— О боги... — выдохнул он. — Так и есть.

— Что? — спросил Кайлар.

— Структура кристаллической решетки. Она идеальна. Даю на отсечение правую руку, у каждой решетки по четыре связи. Это лезвие, мой господин, чистейший алмаз. Такой тонкий, что почти не заметен. Тем не менее ничем не сломаешь. Большинство алмазов можно расколоть другим алмазом, потому что они несовершенны. Однако если изъянов нет, лезвие несокрушимо. Да и не только лезвие. Рукоять — тоже. Но, мой господин, если это... Мне ваш меч представлялся черным.

Кайлар тронул лезвие и позволил ка'кари из ладони покрыть меч тонкой пленкой. На лезвии, поверх гравировки «МИЛОСЕРДИЕ» черными буквами ка'кари было надписано: «СПРАВЕДЛИВОСТЬ».

Лицо грандмастера Хайлина исказила страдальческая гримаса.

— Боже... Дед нам рассказывал... Я так и не понял. Чувствую себя слепцом, хотя почти счастлив за мою слепоту.

— О чем вы говорите?

— У меня нет *таланта*, господин Звездный Огонь. Мне не дано понять, насколько удивителен этот меч. Вот дед, тот мог, и говорил, что меч неотступно преследует его всю жизнь. Он видел меч, понимал, что за *талант* вложен в это лезвие, однако сравниться с ним не мог. Говорил, что всю собственноручную работу считал дешевой и безвкусной, — а ведь был знаменит. Я даже не надеялся воочию увидеть меч Возмездия. Мой господин, вы не можете такое продавать.

— Ну пусть не будет черным, — беспечно сказал Кайлар, втягивая ка'кари обратно в руку. — Если это слегка собьет цену.

— Мой господин, вы не понимаете. Если я даже назову цену, если сумею ее как-то определить — хотя это немыслимо! — меч стоит таких денег, что мне и в жизнь не заработать. Если я и смогу его купить, то потом не смогу продать; он слишком ценен. Может, от силы два-три коллекционера в мире понимают в мечах и богаты настолько, чтобы его купить. Даже тогда, мой господин, этому мечу место не на выставке, а в руке героя. В вашей руке. Послушайте. Рукоять, которая не выскальзывает из ладони, даже если та в крови или поту. Влага стекает, и все. Это не только блестяще, но и практично. Нет, меч не экспонат. Это искусство. Искусство убивать. Для таких, как вы. — Хайлин выбросил руки вверх и рухнул в кресло, словно устав от одного вида меча Возмездия. — Хотя мой дед утверждал, что надпись была на языке Хириллик... о боже!

Прямо на глазах слово МИЛОСЕРДИЕ изменилось. Надпись по-новому Кайлар прочитать не смог. Он был поражен. Раньше меч таких фокусов не проделывал.

В животе Кайлара ожила змея. Стала извиваться, закручивая кишки. Змея, означавшая, что он теряет вещь, ценности которой даже не предполагает. То же чувство Кайлар испытывал, когда думал о погибшем учителе, цену которому знал очень смутно.

— Тем не менее, — сказал Кайлар, ощущая комок в горле, — я должен его продать.

Если оставит у себя, значит, снова будет убивать. Никаких сомнений. Меч в его руке — безжалостная справедливость. Надо продавать, если хочет остаться верным Элене. Пока будет держаться за меч, он не расстанется и с прошлой жизнью.

— Мой господин, вам нужны деньги? Я дам, сколько пожелаете.

Второе, гнусное «я» Кайлара приняло это к сведению. Безусловно, Хайлин мог спокойно выкроить некую сумму на его нужды.

— Нет. Я... должен его продать. Он... дело в женщине.

— Вы продаете артефакт, который стоит королевства, ради любви к женщине? Вы же бессмертный! Даже самый долгий брак станет лишь призрачной частью вашей жизни!

Кайлар скорчил гримасу.

— Это верно.

— Вы ведь не просто продаете меч. Вы от него отказываетесь. Отрекаетесь от Пути меча.

Глядя на крышку стола, Кайлар кивнул.

— Должно быть, она необычная женщина.

— Так и есть, — сказал Кайлар. — Что вы можете дать за меч?

— Зависит от того, как срочно вам это нужно.

Кайлар не знал, насколько хватит его смелости. То, что он скажет сейчас, возможно, обойдется ему в несметную сумму. Но что может быть ценнее Элены. Тем более что Кайлар никогда по-настоящему не стремился быть богатым.

— Столько, сколько найдете, прежде чем я покину...

— Город?

— Лавку. — Кайлар сглотнул, но проклятый комок застрял в горле.

Грандмастер открыл было рот, чтобы возразить, и передумал.

— Тридцать одна тысяча куинов, — назвал он цену. — Может, еще несколько сотен сверху. Зависит от того, что наторгуем за день. Шесть тысяч золотом, остальное — долговыми расписками, которые принимают к оплате все менялы. Правда, с такой суммой придется обойти половину менял в городе. Если хотите обменять все сразу, надо идти напрямик в «Голубой гигант».

Кайлар едва скрывал потрясение. Огромная сумма! Хватит, чтобы купить дом, рассчитаться с тетушкой Меа, открыть лавку с невероятным ассортиментом, целиком обновить гардероб Элены и даже кое-что отложить — да притом купить еще пару лучших обручальных колец. А кузнец говорит, это мало?

«Хорошая цена за неотъемлемое право».

Кайлар резко встал.

— Согласен.

Он пошел к двери и схватился за ручку.

— Гм... мой господин, — сказал вслед грандмастер Хайлин, показывая на свое лицо.

— О!

Кайлар сосредоточился: его черты раздалились вширь и волосы снова порыжели.

В пять минут все еще недоумевающий Смайли помог загрузить сундук сокровищами — каждый по двадцать куинов — и со стороны наблюдал, как отец бросил сверху толстую пачку расписок. Итого — тридцать одна тысяча четыреста куинов. Сундук был небольшой, однако весил как двое взрослых мужчин. Грандмастер послал за лошадей, но Кайлар вместо этого попросил два широких кожаных ремня. Ремесленники и ученики собрались, чтобы поглядеть. Кайлар был невозмутим. Хмыкнув, кузнец сам пристегнул ремни к сундуку.

— Мой господин, — сказал Хайлин, закончив. — Если пожелаете его вернуть, он здесь.

— Возможно. При ваших внуках.

Грандмастер широко улыбнулся.

Кайлар знал, что не стоило говорить это так громко. Не стоило отказываться от лошади. Да и ладно. Уже само по себе хорошо, что он беседует с человеком, который что-то знает о Кайларе, не боится и не чувствует к нему отвращения — пусть даже и решил, что встретил

другого. Но тогда выходит, что Кайлар все-таки больше похож на Гаэлана Звездный Огонь, нежели на Дарзо Блинта. Здорово, когда тебя знают и принимают. Кайлар не жалел, что поступил опрометчиво.

Всплеском *таланта* он закинул сундук на спину. Кузницу наполнили удивленные возгласы. Если честно, нести сундук было тяжело даже с помощью *таланта*. Кайлар кивнул грандмастеру Хайлину и вышел из лавки.

— Кто он такой, черт возьми? — спросил Смайли.

— Придет время, когда будешь готов услышать, — может, и расскажу, — ответил кузнец.

22

— Привет, — сказал Кайлар Каприсии, когда вернулся в лавку для новобрачных.

— Привет, — удивленно поздоровалась она. Девушка была одна и уже закрывала лавку.

— Невежа вернулся. — Он поморщился. — Извини... за тот раз.

— Что? — сказала Каприсия. — Не стоит извиняться. Я ведь понимаю: раз вы не местные, все это выглядит странным. Мужчинам так вообще не по нутру — хотя женщины тоже прокалывают себе уши и никогда не хнычут. — Она пожала плечами.

— Ну... э-э... да... — промямлил Кайлар и вдруг понял, что ему нечего сказать. Может, это ювелирные изделия на него так влияют? Сразу чувствуешь себя неполноценным. — Так-то оно так, — невразумительно закончил он.

— Честно говоря, — проговорила Каприсия, — большинство мужчин почти не замечают боли. Формально брак вступает в силу, только когда надеты серьги, но в большинстве случаев, повторюсь, это всего лишь формальность.

Кайлар кашлянул. Надо же, как созвучно его мыслям.

— Гм, ты помнишь, какие кольца она тогда выбрала? — спросил он девушку.

— Конечно, — рассмеялась Каприсия. — Боюсь, только они и держат чары как следует.

Глаза ее озорно блеснули, и Кайлар покраснел.

— Да, с женой мне не повезло — у нее превосходный вкус.

— Это хорошо отражается на всем, что она выбирает, — заметила Каприсия и широко улыbnулась.

Какими бы ни были последствия ссоры с шингой, Кайлар был доволен, что спас девушку. Она вытащила ящик и поставила перед ним. Затем нахмурилась и взяла пару колец.

— Одну секунду. — Каприсия встала на колени за прилавком, пряча кольца, и снова выпрямилась. — По-моему, какие-то из этих, — сказала она, указывая на верхний ряд золотых колец с узором и мифриловых, двойного плетения.

— Сколько стоят? — спросил он.

— Двадцать четыре сотни, двадцать восемь и тридцать две.

Кайлар невольно присвистнул.

— У нас есть похожие — из белого и желтого золота. Они более доступны по цене, — сказала Каприсия — Кольца из мифрила выглядят довольно нелепо.

Дарзо как-то говорил, что меч Джорсина Алкестеса был мифриловым, с сердцевиной из закаленного золота. Чтобы расплавить мифрил, требуется особый горн, потому что металл этот плавится при температуре втрое большей, чем сталь. Достигнув рабочей температуры, мифрил сохранял ее часами, тогда как другие металлы приходилось нагревать заново. Работа кузнецам — и радость, и кошмар, потому что после нескольких часовковки мифрил вторично уже не плавился. Давалась лишь одна попытка сделать все без сучка без задоринки. Взяться за крупную работу с мифрилом мог лишь кузнец большого *таланта*.

— Кто-нибудь носит чисто мифриловые кольца? — спросил Кайлар, изучая пары.

Он мог поклясться, что у Элены загорелись глаза при виде одной из этих пар. Только

вот какой?

Каприсия покачала головой.

— Господин Бурари говорит, что даже если их и можно себе позволить, все равно не захочется. Он говорит, чары попроще лучше держит золото. Даже самые старые кольца сочетают два металла. У него есть пара, которую его знатный-презнатный дедушка сделал внешне похожей на чистый мифрил, однако внутри колец — желтое золото и бриллиант. Удивительная пара. Мифрил весь в маленьких дырочках, сквозь которые видно золото, а если свет падает под нужным углом, то сверкают бриллианты.

Кайлар и сам уже почти поверил в болтовню о чарах. Либо мастер Бурари подлинный кудесник, либо очень осторожен и говорить с умным видом о магии научился от настоящих магов.

Все равно. Смотреть на кольца, цена которым — две-три тысячи золотом, само по себе неразумно. Спросить бы сегодня днем грандмастера Хайлина про кольца. Уж он-то должен знать, насколько они законны. И все-таки у Кайлара было легко на сердце. Он продал свое неотъемлемое право и связан обязательством. Осталось найти безупречное кольцо, чтобы порадовать любимую женщину. Женщину, которая не дала ему превратиться в жалкую развалину, какой стал Дарзо Блент.

На самом деле не важно, есть в кольцах магия или нет. Важно показать Элене, как она ему дорога.

— Вот была же одна пара. Клянусь, лежала в ящике, — сказал Кайлар девушке. — Не те ли, что ты убрала под прилавок?

— Те кольца — всего лишь образец. Ну, не совсем образец. Просто когда десять лет назад один ювелир не продал королеве какие-то драгоценные камни, она пришла в ярость и запретила образцы. Так что не совсем для витрины, но и не для продажи. У нас есть и другие ящики. Может, ваши кольца там.

— Покажи только те, о которых я просил, — сказал Кайлар.

Он вдруг засомневался. Что, если это уловка торговцев? Сам раньше видел — хорошенькая девушка говорит парню: «Вот эти очень подходят», откладывая в сторону нечто безумно дорогое и вытаскивая дешевый товар. И парень мгновенно спрашивает: «А как насчет тех?» Мол, что я, не мужчина?!

Однако Каприсия, похоже, не собиралась заставлять его раскошелиться. Она достала кольца и положила их перед Кайларом. Глядя на серьги, он живо представил, как усыхает ассортимент его лавки.

— Те самые, — подтвердил он.

Соблазнительно простой и элегантный узор, чуть подкрученный серебристый металл, на свету загадочно блеснувший золотом, когда Кайлар взял кольцо побольше, глянул в зеркало лавки и приложил серьгу к мочке левого уха. Кольцо смотрелось по-женски, но ведь никого из тысяч мужчин в городе это явно не беспокоило.

— Гм... — протянул он и поднял сережку повыше. Так смотрелось чуть мужественней. — Где вы, женщины, говорите, у парней самое больное для прокола место?

— Примерно здесь. — Каприсия наклонилась и показала, но в зеркале не было видно. Кайлар отодвинулся, и ее пальчик тронул его ухо. — Ой, извини! Я не хотела...

— Что? — не сразу понял Кайлар, затем до него дошло. — О нет. Это моя вина. Если серьезно, то там, откуда я приехал, уши никого не волнуют. Здесь, говоришь? Значит, через самый верх?

Он посмотрелся в зеркало. Да, явно более мужественно и болеть будет зверски. Почему-то сразу поднялось настроение.

Кайлар взял колечко поменьше и осторожно, чтобы не дотронуться, подержал его рядом с ушком Каприсии. Превосходно.

— Я их беру, — сказал он.

— Мне очень жаль, — ответила она. — У нас нет точно такой же пары на продажу, но господин Бурари мог бы сделать что-нибудь очень похожее.

— Ты же сказала, что образцов нет, — заметил Кайлар.

— Формально. Да, королева издала указ — все на продажу. Просто торговцы ставят нелепые цены на товары, которые продавать не желают.

— И эти кольца — из той же оперы? — спросил Кайлар. Теперь и дом стал куда скромнее.

— Это те самые, о которых я рассказывала. Кольца знатного-презнатного дедушки господина Бурари, мифрил поверх золота с бриллиантами. — Девушка слабо улыбнулась. — Извини. Я не пытаюсь тебя запутать. Не знаю, как они вообще попали в ящик.

— И насколько нелепа цена, о которой мы говорим? — спросил Кайлар.

— Нелепа.

— Насколько?

— Совершенно. — Она поморщилась.

Кайлар вздохнул.

— Только назови, и все.

— Тридцать одна тысяча четыреста куинов. Извини.

У Кайлара упало сердце. Конечно, совпадение, но... Элена назвала бы это божественным промыслом.

Он продал меч Возмездия ровно за ту цену, которую заплатит, чтобы жениться на Элене.

И ничегошеньки не останется? Элена, если таков промысел твоего бога, то ты служишь скряге. Нет даже денег, чтобы купить кинжал для новобрачных.

— Утешает то, — сказала Каприсия, нарочито кашлянув, — что мы бесплатно прилагаем к покупке кинжал для новобрачных.

Словно кусок льда упал в желудок Кайлара.

— Извини, — сказала она, неправильно истолковав его потрясенный вид. — У нас есть чудесные...

— Вам платят комиссионные с продаж? — спросил он.

— Десятую часть свыше тысячи в день, — ответила Каприсия.

— Итак, если продашь эти кольца, что будешь делать с... минутку... более чем тремя тысячами куинов?

— Я не знаю... почему ты спрашиваешь?

— Что будешь делать?

Пожав плечами, она стала отвечать, запнулась и наконец сказала:

— Переселю семью. Мы живем в очень скверном месте. Вечно беспокоят... ой, да разве это важно? Поверь, я мечтала об этом с тех пор, как начала здесь работать. Думала: вот продам эти кольца, и все для нас переменится. Привыкла молиться каждый день, хотя мама говорит, что мы в безопасности. Ну да все равно. Таким жадным просителям бог не отвечает.

В сердце Кайлара похолодело. Они уедут подальше от мстительного, надменного шинги, и, чтобы сохранить их покой, ему не придется совершать убийство.

— Нет, — сказал он, засовывая в карман серьги из мифрила и хватая кинжал для новобрачных. — Бог отвечает, и примерно вот так.

Он взгромоздил на прилавок сундук и открыл его. Каприсия ахнула. Дрожащими руками стала одну за другой разворачивать долговые расписки. Затем взглянула на Кайлара глазами, полными слез.

— Передай родителям, что ангел-хранитель молвил слово: уезжайте. Не на следующей неделе. Не завтра. Сегодня вечером. Спасая тебя, я выставил шингу на посмешище. Он поклялся отомстить.

Каприсия еле заметно кивнула. Затем подняла руку. Точно кукла.

— Подарочную упаковку? — сдавленным голосом спросила она. — Бесплатно.

Кайлар взял из ее рук декоративную ювелирную коробочку и вышел, закрыв дверь. Засунул серьги в коробочку, положил в карман и... в мгновение ока превратился в нищего. Продал неотъемлемое право. Расстался с одной из последних вещей, которые напоминали о

Дарзо. Обменял волшебный меч на два металлических колечка. Теперь за душой — ни медяка. Тридцать одна тысяча четыреста куинов, и даже не на что купить подарок Ули ко дню рождения.

Все, бог, мы в расчете. Впредь отвечай только своим треклятым просителям.

23

— Вы как с Эленой, ладите? — спросила Ули.

Этим вечером они работали вместе: Ули подавала ингредиенты, а Кайлар готовил дозу лекарства, снижающего жар.

— Конечно. А что?

— Тетушка Меа говорит, здорово, что вы так часто ссоритесь. Говорит, если мне страшно, надо только прислушаться, и если после ссоры кровать заскрипит, значит, бояться нечего. Все будет хорошо. Она говорит, если заскрипит, значит, вы помирились. Но я никогда не слышала, чтобы кровать скрипела.

Кровь бросилась Кайлару в лицо.

— Я, ну... то есть я думаю... знаешь, этот вопрос ты должна задать Элене.

— Она велела спросить у тебя и тоже смутилась.

— Я не смутился! Дай мне майские ягоды.

— Тетушка Меа говорит, врать нехорошо. Я видела в замке, как спариваются лошади, но тетушка Меа говорит, что у людей все не так страшно.

— А вот и нет, — тихо сказал Кайлар, растирая майские ягоды пестом. — Страшно, только по-своему.

— Как это? — удивилась Ули.

— Ули, ты еще слишком маленькая, чтобы заводить с нами такие разговоры. Корень тысячелистника.

— Тетушка Меа сказала, что именно так, скорее всего, вы и ответите. Она сказала, что если будете очень стесняться, то сама поговорит со мной об этом. И заставила пообещать, что сначала спрошу у вас.

Ули вручила Кайлару коричневый шишковатый корень.

— Тетушка Меа, — заметил он, — слишком много думает об этом.

— Гм! — прозвучал чей-то голос за спиной Кайлара.

Тот вздрогнул.

— Я собираюсь провести госпожу Ватсен, — сказала тетушка Меа. — Вам что-нибудь нужно?

— Мм, нет, — ответил он.

Наверняка, если бы слышала, вид у нее был бы не такой вежливый.

— Кайлар, ты не болен? — спросила она и потрогала его пылающую щеку. — Странно, весь горящий.

Тетушка порылась на заново обустроенных полках и что-то сунула себе в корзинку. Затем, проходя мимо Кайлара, который склонился над микстурой так, будто всецело поглощен процессом, ущипнула его за мягкое место.

Он подпрыгнул чуть не до потолка, хотя сумел сдержать вопль.

Ули недоуменно взглянула на него.

— Ты прав, — обронила тетушка Меа в дверях. — Но не строй иллюзий. Для тебя я слишком стара.

Кайлар покраснел еще больше, и тетушка рассмеялась. Он даже слышал, как она продолжала хохотать от души, идя по улице.

— Сумасбродная старуха, — бросил он. — Семена норантона.

Ули протянула ему пузырек с плоскими фиолетовыми семенами и поджала губки.

— Кайлар, если с Эленой ничего не выгорит, ты женишься на мне?

Он уронил пузырек в микстуру.

— Что-о-о?

— Я спросила Элену, сколько тебе лет. Она ответила, что двадцать. А тетушка Меа сказала, что ее муж был старше, чем она, на девять лет. Это даже больше, чем разница между нами. И я тебя люблю, и ты меня любишь, и Элена все время ссорится, а мы с тобой — никогда...

Сначала Кайлар смутился. Он не ссорился с Эленой уже неделю, даже больше. Затем до него дошло, что Ули проводила ночи в доме своей новой подружки. Не хотела расстраиваться, когда Кайлар и Элена затевали ссоры. Теперь нетерпеливый и напуганный вид Ули красноречиво говорил: от его ответа зависит, разобьет ли он ее сердце.

«Как я докатился до такого? Приходится быть первым отцом в Мидсайру, когда-либо объяснявшим дочери, что такое секс, когда сам еще девственник».

Что же сказать-то? «На самом деле я еще не женился на Элене, и поэтому когда мы ссоримся, то не можем помириться так, как мне хочется. Вот помирились бы так, как я хочу, получилось бы все равно что и вовсе не начинали ссориться». Так, что ли? Кайлар не мог дожидаться, когда женится на Элене. Тогда все конфликты на почве секса будут позади. Какое облегчение!

Тем временем Ули не сводила с него широко раскрытых глаз. Взгляд неуверенный, полный ожидания. Губы трясутся. О нет! Только не это...

Его спас звук отворяющейся двери. В лавку шагнул хорошо одетый мужчина. Высокий, худощавый. Вытянутое лицо делало его похожим на грызуна. На тунике вышит родовой герб.

— Это лавка тетушки Меа? — спросил он.

— Да, — ответил Кайлар. — Только боюсь, что тетушка на время вышла.

— О, ничего страшного, — сказал гость. — Вы ее помощник, Кайле?

— Кайлар.

— Ах да. Вы моложе, чем я ожидал. Мне нужна ваша помощь.

— Моя?

— Вы ведь спасли лорда Аэвана. Он рассказал всем, у кого есть уши, что ваша микстура сотворила то, чего не могли сделать десяток целителей за месяцы лечения. Я главный распорядитель лорда Гаразула. Мой господин страдает подагрой.

Кайлар потер подбородок и уставился на склянки вдоль стен.

— Если хотите, могу вернуться позже, — предложил распорядитель.

— Нет-нет, вам не придется долго ждать, — ответил Кайлар.

Он начал давать указания Ули. Та была прекрасной помощницей, тихой и проворной. Вскоре Кайлар уже одновременно смешивал содержимое четырех чаш — две холодные, две нагретые. Через две минуты он закончил. Распорядитель был совершенно заморожен процессом. Это заставило Кайлара вспомнить о том, как грандмастер Хайлин обставлял в выгодном свете процесс творчества. Решено. Будет большая лавка, устроит все точно так же — люди в придачу к микстурам получают представление. Маленькая мечта странным образом тешила самолюбие Кайлара.

— Итак, что нужно сделать, — сказал он. — Давайте ему по две ложечки каждые четыре часа. Подозреваю, ваш господин толст, почти не выходит из дома? Любит выпить?

Распорядитель замялся:

— Ну... есть немного лишнего... да что там говорить! Огромный, как левиафан. И пьет соответственно...

— Микстура снимет боль в суставах и ногах, немного утихомирит подагру. Однако раз он толстый и пьет много вина, то не поправится никогда. При каждом обострении будет покупать ту же микстуру всю оставшуюся жизнь. Передайте ему: если хочет вылечить подагру, должен забыть об алкоголе. Если будет продолжать, а я готов спорить, что будет, начните добавлять по паре капель вот этого, — Кайлар вручил посетителю второй пузырек, — в каждый бокал вина. Дикая головная боль обеспечена. Не забывайте, добавляйте всегда. Вам и карты в руки. Можете давать микстуру каждый день, утром и

вечером, от расстройства желудка. И меньше кормите. С каждым приемом пищи убавляйте порцию. Тогда он быстрее почувствует себя полноценным человеком.

— Откуда вы знаете, что у него больной желудок?

Кайлар загадочно улыбнулся.

— И прекратите все, что наказали целители, особенно кровопускания и пиявок. Через шесть недель вы его не узнаете, если заставите похудеть.

— Насколько? — спросил распорядитель.

— Зависит от того, какой он толстый, — ответил Кайлар.

Распорядитель засмеялся.

— Сколько я вам должен?

Кайлар призадумался. Он подсчитал стоимость ингредиентов и удвоил цену. Затем назвал ее.

Человек с мышиным лицом бросил на Кайлара удивленный взгляд.

— Один совет, юноша. Вы должны открыть лавку на северной стороне. Если микстура поможет, то там полно знатной клиентуры, и она ваша. И еще: если она помогает хоть чуть-чуть, вы должны увеличить цену вдвое. Если все так, как вы рассказали, то вдесятеро — иначе знатные люди не поверят, что настоящая.

Кайлар улыбнулся. Приятно слышать, когда кто-то говорит с ним как со знатоком своего дела.

— Ну, тогда вы должны мне вдесятеро больше названной цены.

Распорядитель засмеялся.

— Если лорду Гаразулу станет лучше, я даже переплачу. А пока — вот все, что у меня с собой. — Он швырнул Кайлару две новенькие серебряные монеты. — Доброго дня, юный господин.

Глядя ему вслед, Кайлар удивился, как все здорово. Может, лечить даже приятней, чем убивать? Ведь на душе хорошо только потому, что его оценили по достоинству. Каково же приходилось Дарзо? В черед веков он оставался героем под разными именами — дюжиной имен. Неужели ему никогда не хотелось открыться? Сказать всем людям, кто он такой? Пусть благоговейно трепещут. «Я перед вами, боготворите меня».

Однако Дарзо никогда не казался таким человеком. Кайлар вырос рядом с ним и даже не догадывался, что учитель был ночным ангелом, не говоря уже о других его личностях. В жизни Дарзо часто выглядел бесцеремонным. Свысока относился к большинству мокрушников и почти всему Са'каге. Тем не менее никогда не приравнивал себя к великим героям истории.

Горечь утраты снова остро резанула по сердцу. О боги! Дарзо мертв уже три месяца, а лучше Кайлару не становилось.

Кайлар вспомнил о маленькой коробочке в кармане.

«Он умер, зато я получил Элену».

Этой мыслью Кайлар попытался выкинуть Дарзо из головы.

«Вот отметим день рождения Ули, и попрошу Элену выйти за меня замуж. Тогда Ули услышит столько скрипов, что ей и не снилось».

— Кайлар, — сказала Ули, вырывая его из царства грез. — Ты собираешься мне отвечать?

О черт!

— Ули, — мягко начал он. — Я знаю, тебе этого еще не хочется. Да, ты гораздо умнее девочек и постарше, но ты все еще... — Кайлар наморщил лоб, понимая, что концовка пройдет не так гладко. — Ты все еще ребенок.

Это правда, черт возьми!

— Нет, не ребенок.

— Не спорь.

— На той неделе у меня были первые месячные. Тетушка Меа говорит, что теперь я женщина. Было очень больно, и поначалу я испугалась. Сильно жгло в животе, потом...

— Ах!.. — Кайлар замахал руками, пытаясь ее остановить.

— Что? Тетушка Меа сказала, что стесняться тут нечего.

— Она что, твой отец, эта тетушка Меа?!

— А кто мой отец? — мгновенно спросила Ули.

Кайлар промолчал.

— И кто моя мама? Ты ведь знаешь. Няни всегда обращались со мной не так, как с другими детьми. Последняя няня всегда приходила в ужас, когда бы я ни ушиблась. Однажды я порезала лицо, и няня до того испугалась — вдруг останется шрам? — что не спала потом неделями. Иногда какая-то женщина, всегда в плаще и капюшоне, наблюдала, как мы играем в саду. Это была моя мама?

Кайлар безмолвно кивнул. Именно так и поступила бы Мамочка К. Несомненно, ради безопасности Ули она держалась от дочери как можно дальше. Только время от времени любая защита дает слабину.

— Моя мама очень важная? — спросила Ули.

Мечта любого ребенка-сироты. Уж Кайлар-то знал. Он снова кивнул.

— Почему она меня оставила?

Кайлар тяжело вздохнул.

— Ты заслуживаешь ответа, Ули, но сказать я не могу. Это секрет. Только не мой, хоть я его и знаю. Обещаю рассказать, когда позволят.

— Ты тоже собираешься уйти? Если мы поженимся, я смогу остаться вместе с тобой.

Неужели кто-то всерьез думает, что дети не страдают так же сильно, как и взрослые? Кайлару хотелось, чтобы сейчас они видели глаза девочки. Хоть он и любил ее, но относился как к ребенку. Короткая жизнь Ули была чередой потерь: отца, матери. Одна за другой менялись няни. Ей просто хотелось постоянства. Чего-то надежного.

Кайлар крепко обнял ее.

— Я тебя не брошу, — поклялся он. — Никогда. Ни за что.

Ви Совари въехала в Кернавон на закате дня. За недели пути она выработала стратегию. Безусловно, местному Са'каге будет известно о Кайларе. Если он хоть в чем-то похож на Хью Висельника, значит, с убийствами не затянёт. Если взялся за работу, шинга узнает. Трудно не заметить столь искусного мокрушника.

С другой стороны, если Кайлар и затаился, все равно имеются неплохие шансы, что глаза и уши Са'каге прознают о том, что он в городе. Ви слышала крайне мало похвального в адрес Са'каге Кернавона. Если Кайлар действительно решил спрятаться, она его никогда не найдет, но прошло уже три месяца. Преступники всегда берутся за старое, даже если полно денег, — только потому, что не знают, чем еще себя занять. Что за мокрушник без убийств?

Все лавки были закрыты. Порядочные семьи сидели по домам, готовясь ко сну, а таверны и бордели только начинали кипеть ночной жизнью. Ви проехала дальше, в южную часть города. На ней были бежевые брюки для верховой езды и свободная мужская туника из хлопка. Рыжие волосы зачесаны назад и собраны в плотный хвостик. В Сенарии начинался сезон дождей, однако здесь лето продолжалось, и Ви плевать хотела на моду — лишь бы чувствовать себя комфортно в дороге. Она беспокоилась о моде, лишь когда от этого что-то зависело. Тем не менее после двух тяжелых недель в седле хорошо бы принять ванну.

Ви проехала уже четвертую скверную улицу подряд, удивляясь, почему ее до сих пор не ограбили. Чтобы выглядеть полностью уязвимой, она спрятала оружие. Здесь что, все заболели?

Наконец минут через двадцать кто-то шагнул из тени.

— Хорошая ночь, — сказал парень.

Грязный и нечесаный, к тому же пьяный. Отлично. В одной руке он держал дубинку, в другой — мех с вином.

— Ты собрался меня грабить? — спросила Ви.

Из сумерек вышли еще полдюжину юнцов. Окружили.

— Ну, в общем... — Парень ухмыльнулся, обнажая два черных передних зуба. — Это платная дорога, и тебе придется...

— Если не грабишь, то прочь к чертям с дороги. Или ты круглый идиот?

Улыбка исчезла.

— Да, точно, — наконец выдавил он. — В смысле, грабим. Том Грей не убирается с пути какой-то сучки.

Затем он чуть не разmozжил себе голову, когда, попытавшись отхлебнуть вина, перепутал мех с дубинкой. Мальчишки засмеялись, но один из них взял черную кобылу под уздцы.

— Мне нужно видеть шингу, — сказала она. — Можете отвести к нему или стоит поискать других, кто бы меня ограбил?

— Никуда ты не пойдешь, пока не дашь мне тринадцать...

Кто-то из мальчишек кашлянул.

— ...то есть четырнадцать серебряных. — Взгляд парня скользнул по ее грудям, и он добавил: — А может, и еще чего-нибудь в придачу. Так, по мелочи.

— Как насчет того, чтобы отвести меня к шинге, и я оставлю как есть твое жалкое мужское достоинство? — сказала Ви.

Лицо Тома помрачнело. Он бросил мех одному из мальчишек и, поднимая дубинку, шагнул к Ви. Затем дернул ее за рукав, пытаясь сбросить с лошади.

Используя момент рывка, Ви прыгнула из седла и ударила парня ногой в лицо. Затем изящно приземлилась. Том Грей распластался в полете.

— Может ли кто-нибудь из вас отвести меня к шинге? — повторила она просьбу, не замечая главаря шайки.

Подростки явно смутились, глядя, как Том рухнул на другой стороне улицы, в кровь разбив нос. Однако вскоре подал голос костлявый юнец с большим носом:

— Шинга Снигл не разрешает нам приходить, когда вздумается. Но Том с ним дружит.

— Снигл? — с ухмылкой переспросила Ви. — Это ведь не настоящее имя?

Том сумел-таки подняться. Он зарычал и бросился на Ви. Не глядя, она подождала, пока Том окажется в двух шагах, и толкнула его ногой в бедро. Когда нога Тома не ступила, как ожидалось, на землю, он пошел юзом и грохнулся к ногам Ви на булыжную мостовую. Она продолжала смотреть на костлявого.

— Гм... ну да, Баруш Снигл, — сказал мальчишка, поглядывая на Тома. Казалось, ничего комичного он в этом не находил. — Ты кто такая?

Она сложила пальцы в воровской знак.

— У нас немного по-другому, — заметил юнец. — Откуда ты?

— Из Сенарии, — ответила Ви.

Все разом отшатнулись.

— Не врешь? — спросил он. — Са'каге Сенарии?

— Теперь ты! — рывкнула Ви, хватая Тома Грея за сальные волосы. — Собираешься отвести меня к шинге или мне надо что-нибудь сломать?

Он грязно выругался.

Она сломала ему нос.

Том сплюнул кровь и снова ругнулся.

— Медленно доходит?

Ви еще раз ударила его в сломанный нос, затем схватила голову. Воткнув пальцы глубоко в болевые точки за ушами, подняла Тома на ноги. Он вскрикнул с неожиданной силой. Зря ломала парню нос — всю забрызгал кровью. Да плевать. Нисос — бог таящей силу жидкости: крови, вина и спермы. Ви не приносила ему жертву уже несколько недель. Возможно, это его задобрит, прежде чем она найдет Кайлара.

Ви не отпускала пальцы с болевых точек. Пусть Том Грей кричит, пусть брызжет кровью ей на тунику и лицо. Остальные съежились, готовые в любую секунду дать деру.

— Хватит! — прозвучал голос из темноты.

Ви отпустила Тома, и он упал.

Вперед вышел низенький, коренастый человечек.

— Я шинга, — заявил он.

— Баруш Снигл? — уточнила Ви, окидывая его взглядом.

Брюшко, свинячьи глазки под челкой длинных светлых волос и безжалостный рот. Несмотря на скромную фигуру, шинга подошел очень важно. Видимо, этому способствовал громадный телохранитель рядом.

— Что хочешь, красотка? — спросил шинга.

— Я охочусь. Имя моей жертвы — лорд Кайлар Стерн. Лет двадцати, примерно с меня ростом, атлетически сложен. Светло-голубые глаза и темные волосы.

— Жертвы? — переспросил Снигл. — Ты что, мокрушник? Девушка?!

— Уж не того ли парня звали Кайларом, что недели две назад издевался над Томом? — спросил у приятеля носатый мальчишка.

— Вроде похож, — ответил тот. — Наверное, до сих пор живет у тетушки Меа. Только он не лорд.

— Заткнитесь! — рявкнул Баруш Снигл. — Больше чтоб ни слова, ясно? Том, поднимай с земли свою задницу и приведи сюда эту сучку.

Поразительно. Кайлар упростил все до смешного. Думал, что уехал слишком далеко, был уверен, что все считают его мертвым. Больше ей ничего не нужно. Теперь найти его не составит труда. Да и убить — тоже. Ви задрожала от возбуждения. На плече у нее от Кайлара до сих пор остался двухдюймовый шрам, несмотря на то что ее лечила одна из тех мерзких ведьм.

— Пойдешь со мной, — сказал Баруш Снигл. — Будем выяснять, что ты за мокрушница.

— Первый раз слышу, чтобы кто-то это выяснял, — заметила она.

Телохранитель держал ее за одну руку, ликующий Том Грей — за вторую.

— Горячая сучка, — сказал Том, хватая Ви за грудь.

— Не заставляй меня делать то, о чем пожалеешь, — бросила она шинге.

— Могу я с ней позабавиться после тебя? — спросил Том.

Он снова сжал ей грудь, затем погладил волосы.

— Не трогай мои волосы!!! — заорала Ви.

От неожиданного всплеска ярости и Том, и телохранитель вздрогнули. Спустя миг Баруш Снигл сдавленно хохотнул.

— Ах ты, канализационная пена! Дерьмо из сточной канавы! Тронешь еще мои волосы, разорву в клочья! — дрожа, зашипела Ви.

Том чертыхнулся и сорвал кожаный ремешок, державший хвостик. Впервые за многие годы волосы рассыпались по ее плечам. Она стояла, полуголая, и мужчины вокруг смеялись.

У Ви потемнело в глазах. *Талант* прошил ее электрической дугой так мощно, что тело изогнулось от боли. Руки разорвали двойной мужской хваткой, и кулаки одновременно врезались в ребра телохранителя и Тома Грея. Прежде чем Том сложился пополам, она одной рукой схватила его за волосы. Пальцы другой глубоко вонзила в уголки глазниц и одним движением вырвала глаза. Развернулась волчком. Противники бросились врассыпную, и Ви, в ярости от унижения, даже не знала, кого преследовать.

Потеряв счет времени, она вымещала стыд и гнев на двух оставшихся.

Когда Ви пришла в себя, она сидела на ступеньке. Волосы покрыты окровавленной тряпкой. На улице никого. Только невозмутимая кобыла, мирно стоявшая, пока ее не позвала хозяйка, да два холмика на земле, формой напоминавшие людей.

Нетвердой походкой идя к лошади, Ви миновала то, что осталось от Тома Грея и телохранителя шинги. Трупы представляли собой сплошное месиво. А ведь она — о, Нисос! — даже не вытащила оружия. Желудок свело, и Ви стошнило прямо на дорогу.

«Это заурядная работа, не более. Король-бог простит тебе, что не убила Джарла. Ты станешь учителем. Никогда больше не будешь прислуживать Хью Висельнику — ни в

постели, ни где-либо еще. Кончено. Убьешь Кайлара, и свободна. Цель близка, Ви. Рукой подать. Ты сможешь».

Сестра Джесси аль'Гвайдин была мертва. Ариэль не сомневалась в этом. Жители деревни не видели ее уже два месяца, а лошадь по-прежнему стояла в конюшне хозяина таверны. На Джесси не похоже. Зато рисковать — это по ней. Глупая девчонка.

Дойдя до дубовой рощи, сестра Ариэль встала на колени. Не помолиться, а чтобы обострились чувства. На пути к лесу Эзры местные и шагу не ступали дальше этой рощицы. Жители Торрас-Бенда гордились своей практичностью. Они не видели ничего суеверного или глупого в том, чтобы, как и их предки, обходить стороной владения Охотника. Истории, что слышала от них Ариэль, не казались бредом сумасшедшего. Напротив, выглядели правдоподобно — из-за нехватки деталей.

Те, кто входил в лес, подробностей уже не сообщали. А посему жители деревни ловили рыбу в извилистой речушке Красной, собирали хворост и дрова. А дойдя до дубравы, останавливались. Эффект резал глаз. Вековые дубы упирались прямо в голые поля. В некоторых местах были срублены и молодые дубки, но как только деревца достигали определенного возраста, их уже не трогали. Дубовая роща медленно, век за веком разрасталась.

Ариэль ничего не ощущала. Ничего, кроме тишины леса и запаха чистого, сырого воздуха. Она поднялась и, держа чувства на взводе, стала медленно пробираться сквозь низкую поросль. Часто замирала. Если казалось, что воздух слегка дрожит, сразу останавливалась. Дело небыстрое, но Ариэль Вайант Са'фасти и была знаменита терпением, даже среди сестер. Кроме того, не исключено, что именно безрассудство погубило Джесси аль'Гвайдин.

Чтобы пересечь дубраву в милю шириной, потребовалось немало времени. Каждый день, отметив в роще место, до которого дошла, Ариэль возвращалась на постоянный двор и отсыпалась. Ела всего раз в день: вес, пропади он пропадом, хоть и медленно, но снижался. Каждую ночь сестра шла в дубраву, надеясь, что в заколдованном лесу магия действует только днем.

На третьи сутки Ариэль увидела сам лес, и границей между ним и дубовой рощей была пустошь — явно волшебная. Ариэль по-прежнему никуда не торопилась. Даже наоборот, стала идти еще медленней и осторожней. На пятые сутки ее терпение было вознаграждено.

Ариэль находилась в тридцати шагах от границы между лесом и дубравой, когда почувствовала охранный круг. Она резко остановилась. Затем села, невзирая на грязь, и скрестила ноги. Следующий час Ариэль, не прибегая к собственной магии, лишь трогала охранный круг, пытаясь прочувствовать его силу и текстуру.

Затем стала тихо читать нараспев, проверяя и перепроверя все по нескольку раз. Узоры оказались просты. Один фиксировал, не человек ли пересек границу. Второй, чуть посложнее, помечал нарушителя. Этот слабый Узор прилипал к одежде или коже. Правда, затем исчезал, но только через несколько часов. Хитрый Эзра, решила Ариэль. Он расположил Узор так низко к земле, что тот помечал обувь нарушителя. Сколько магов, заведя явную границу в тридцати шагах, не глядя, пройдут по Узору?

Итак, зная о ловушке, обойти ее нетрудно. Сестра Ариэль записала о находке в журнал и вернулась в Торрас-Бенд. Стоит допустить хоть одну ошибку, и умрешь, прежде чем доберешься до постоянного двора. Душа горела при мысли о снятии древней магии Эзры, но Ариэль не поддавалась искушению. Терпение и еще раз терпение!

Письма спикера становились все резче, требовали от нее найти Джесси, хоть как-то помочь предотвратить назревающий кризис с рабынями. Ариэль смотрела в оба, надеясь встретить женщину, которая бы служила целям ее сестры, однако жители Торрас-Бенда осмотнительно увозили всех детей, у которых замечали хоть малейший *талант*. Здесь нет того, что нужно Истариэль.

Она не отвечала на письма. Спешить не стоит. По крайней мере, не здесь и не сейчас.

— Виридиана Совари?

Услышав свое имя, она резко остановилась посреди многолюдного рынка. Грязный маленький человечек с бегающими глазками протянул ей письмо. Ви не пошевелилась. Человечек осмотрительно стоял чуть поодаль, и Ви решила, что он примерно представляет себе, с кем имеет дело. Грязнуля подобострастно улыбнулся, бросил взгляд на ее грудь и вновь уставился себе на ноги.

— Ты кто? — спросила она.

— Неважно, мисс. Просто слуга нашего... общего друга, — ответил он, озираясь по сторонам.

Сердце Ви сковал ледяной холод. Не может быть. Человечек снова протянул письмо и, едва она его взяла, растворился в толпе.

«Мулина, — говорилось в послании. — Нам очень любопытно, как ты узнала, что Джарл в Кернавоне, но коли узнала, значит, ты и в самом деле лучше всех. Мы также хотим, чтобы ты разобралась с Кайларом Стерном. Предпочли бы видеть его живым. Если это невозможно, нам нужно его тело и все вещи, даже самые пустячные. Доставь немедленно».

Ви закрыла письмо. Король-бог знает, что она здесь? Невероятно. Послание нашло ее в Кернавоне! И как мог здесь оказаться Джарл? Джарл, которого она избегала! Просьба короля-бога доставить Кайлара живым невыполнима. И что невероятнее всего: теперь ей никуда не деться. Ви стала рабыней короля-бога и не видела выхода.

Как-то так вышло, что Кайлара привлекли готовить праздничный обед в честь дня рождения Ули. Тетушка Меа заявила, что мужчина не должен чураться кухни, а Елена сказала, что в сравнении с микстурами обед и десерт — вообще легче легкого. Ули хихикнула, когда Кайлара облачили в цветастый фартук с рюшами и мазнули кончик носа мукой.

Вздохнув, Кайлар закатал рукава и теперь силился понять, что означают такие заумные кухонные термины, как бланшировка, расстойка и бешамель. Судя по смешкам Ули, его озадачили самым сложным из рецептов, какой сумели найти, однако виду Кайлар не подал.

— Ну и что делать теперь, после желе? Всплакнуть? — спросил он.

Ули и Елена захихикали. Кайлар грозно поднял лопаточку, и они громко рассмеялись.

Дверь в кузницу открылась, и вошел Брайан, грязный и вонючий. Мрачно взглянул на Кайлара, и тот опустил лопаточку. Хорошего настроения как не бывало. Брайан перевел взгляд на Элену.

— Когда обед? — буркнул он.

— Как будет готов, мы принесем его в твою пещеру, — ответил за Элену Кайлар.

Брайан что-то проворчал и бросил Элене:

— Пора бы тебе найти настоящего мужчину.

— Знаешь, — сказал Кайлар, когда Брайан пошаркал обратно в кузницу, — есть у меня на примете мокрушник, который с удовольствием нанес бы визит этому кретину.

— Кайлар!..

— Мне совсем не нравится, как он смотрит на тебя, — продолжил Кайлар. — Он пытался к тебе приставать?

— Кайлар, давай не сегодня, ладно? — Елена кивнула в сторону Ули.

Он вдруг вспомнил о коробочке с кольцами в кармане брюк и кивнул. Затем, приняв серьезный вид, бросился на Ули. Та взвизгнула. Кайлар перевернул ее вверх тормашками, закинул себе на плечо и, как ни в чем не бывало, вернулся к стряпне.

Ули, визжа и брыкаясь, мертвой хваткой вцепилась в тунику на спине Кайлара.

В кухню, запыхавшись, приковыляла тетушка Меа.

— Что за незадача: у нас закончились и мед, и мука.

— О нет! — простонал Кайлар. — Как я теперь буду делать пятый основной соус?

Он отложил лопаточку и наклонился, пропустив руки между ног. Как по команде, Ули головой вперед сползла по его спине и схватилась за руки. Мгновение спустя она приземлилась на ноги, задышав и смеясь.

— Чей сегодня день рождения? — спросил Кайлар.

— Мой! Мой! — воскликнула Ули.

Она хихикала, а он сделал вид, будто что-то вынимает из ее ушей. Серебряные монеты. Те самые, которые дал за лекарство знатный посетитель. Теперь у них с Эленой снова ничего нет, но ради Ули чего не сделаешь. Когда Кайлар положил монетки ей в ладонь, глаза девочки широко раскрылись.

— Это мне? — словно не веря, спросила она.

Он подмигнул.

— Элена поможет тебе купить что-нибудь стоящее. Согласна?

— Можно мы прямо сейчас пойдем? — спросила Ули.

Кайлар взглянул на Элену, та пожала плечами.

— Мы можем пойти с тетушкой Меа, — сказала она.

— Мне все равно горох шелушить, — отозвался Кайлар.

Обе захихикали. Он улыбнулся Элене и снова восхитился ее красотой. Любовь так переполняла сердце, что казалось, оно вот-вот выпрыгнет из груди.

Ули поскакала к двери показать монетки тетушке Меа.

Элена тронула Кайлара за руку.

— Все у нас будет хорошо.

— После сегодняшнего вечера, — ответил он.

— Что ты имеешь в виду?

— Увидишь.

Кайлар не улыбнулся. Не хотел выдавать свои чувства. Стоит улыбнуться, и будешь потом ухмыляться, как дурак. Ужасно хочется видеть выражение ее лица. Ужасно хочется и много чего другого. Покачивая головой, Кайлар вернулся к работе. Хотя он и жаловался, готовить еду оказалось нетрудно. Разве что весь перепачкался. Прежде чем взяться за сырое мясо, он снял кольцо и положил на кухонный стол — в том, чтобы вонять как дохлая корова, романтики маловато.

Не прошло и полминуты с тех пор, как Элена, Ули и тетушка Меа ушли за покупками, раздался стук в дверь. Кайлар снова отложил лопаточку и пошел открывать.

— Что на этот раз забыла, Ули? — крикнул он, хватая на ходу полотенце.

На пороге стоял Джарл.

Из Кайлара словно выпустили воздух. Он не верил глазам. Тем не менее перед ним был Джарл. Высок, сложен как бог, безукоризненно одет. Первый красавец среди мужчин. Ослепительная белозубая улыбка, чуть неуверенная.

— Хей-хо, Азо, — сказал он.

Почему именно это приветствие? Джарл оригинальничает или взывает к их совместному прошлому? Определенно второе. Они долго стояли, просто глядя друг на друга. Джарл пришел сюда не за дружеской беседой. Ради всего святого, это ведь шинга! Настоящий. Главарь самой страшной Са'каге в Мидсайру.

— Как, клянусь девятью кругами ада, ты нашел меня? — спросил Кайлар.

Именно так он сказал в последний раз, когда Джарл появился внезапно.

— Может, пригласишь войти?

— Прошу, — сказал Кайлар.

Он поставил на стол оотай и сел напротив Джарла, который устроился у окна. Какое-то время оба молчали.

— Есть работа... — начал Джарл.

— Не интересует.

Джарл воспринял ответ спокойно. Он поджал губы и окинул скромную комнатушку

недоуменным взглядом.

— Значит, гм... тебе опять нравится убогая жизнь?

— Разве Мамочка К. не учила тебя такту?

— Я серьезно, — сказал Джарл.

— Я тоже. Ты являешься после того, как я уведомил, что отхожу от дел, и первым же словом оскорбляешь место, где я живу?!

— Логан жив. Он в Дыре.

Кайлар непонимающе смотрел на Джарла. Слова сталкивались и рассыпались, падая на пол, их частички вспыхивали светом правды. Ничего целостного — лишь осколки, слишком острые, чтобы трогать.

— Все мокрушники работают на Халидор. Та знать, что оказала сопротивление, отступила во владения Джайра. В ряде приграничных крепостей гарнизоны укомплектованы, однако нет лидера, который мог бы нас объединить. Волнения во Фризе беспокоят короля-бога, и он пока еще ничего не сделал, чтобы консолидировать свои силы. Считает, что знатные семьи Сенарии сами порвут друг друга в клочья. И окажется прав, если у нас не будет Логана.

— Логан жив? — тупо переспросил Кайлар.

— Король-бог нанял мокрушников убить меня. Отчасти поэтому я и приехал. Пришлось убираться из Сенарии, пока не оповестим всех, что меня защищает сама Тень, Каге.

— Нет, — сказал Кайлар.

— Шансы, что Логана найдут, увеличиваются с каждым днем. Очевидно, что заключенные Дыры его не узнали, но сейчас туда бросают все больше людей. Может, тебе будет приятно услышать, что один из них — герцог Варгун. Считай это маленьким бонусом. Спасешь Логана и заодно прикончишь этого негодяя.

— Что?!

Слишком быстро для Кайлара крутились шестеренки — не зацепиться.

— Джарл, — заметил он. — Разве ты не видишь? Тенсер упрятал себя в Дыру, чтобы отсидеть в самой жестокой тюрьме. Потом публике предъявят настоящего, живого барона, и Тенсера освободят. Через месяц он, восстановленный в правах, придет в Са'каге, недовольный тем, что его понапрасну бросили в тюрьму, и что тогда?

— Мы его примем, — тихо ответил Джарл. — Разве можно отказать?

— И он уничтожит вас, потому что это не Тенсер Варгун, — сказал Кайлар, — а Тенсер Урсуул.

Джарл, пораженный, откинулся на спинку стула и лишь через минуту обрел дар речи.

— Видишь, Кайлар? Вот почему ты мне нужен. Не только твое мастерство, но и ум. Если Тенсер уже там, он выждет необходимое время, а затем сообщит отцу про Логана. Надо идти прямо сейчас. Немедленно!

Коробочка с серьгами жгла ногу. Джарл что-то говорил, а Кайлар смотрел в открытое окно на город-надежду, который должен был стать его домом до последних дней жизни. Кайлар любил этот город. Хотел лечить его жителей и помогать им, находил удовольствие в том, что его хвалят за микстуры. Он любил Элену. Она доказала ему, что можно сделать больше добра, если людей не убивать, а лечить. Да, разумно... и все же... все же...

— Не могу, — сказал Кайлар. — Извини. Элена никогда не поймет...

Джарл качнул стул назад, на две ножки.

— Послушай, Азо, я тоже вырос вместе с Эленой и люблю эту девушку. Но какое тебе дело до того, что у нее на уме?

— Да пошел ты, Джарл!

— Я всего лишь спросил.

Вопрос прозвучал, осел в сознании, и Джарл больше не сводил глаз с Кайлара.

Сволочь. Сразу видно, что все эти годы учился у Мамочки К.

— Я ее люблю.

— Само собой, как без этого.

Снова тот же выжидающий взгляд.

— Она хорошая, Джарл. Не в том смысле, который люди обычно вкладывают в это слово там, откуда мы родом. Она просто хорошая, и все. Знаешь, я раньше думал, это в ней от рождения... ну... как один с рождения белокур, а у другого черная кожа.

Джарл поднял бровь. Кайлар продолжал:

— Однако теперь вижу, что ей над этим приходится работать. Элена упорно трудится и трудилась все время, пока я в поте лица изучал, как убивать людей.

— Итак, она святая. Можешь не продолжать, — заключил Джарл.

Кайлар молчал целую минуту. Затем поскреб ногтем волокно деревянного стола.

— Мамочка К. любила говорить, что мы становимся масками, которые носим. Что у нас под масками, Джарл? Элена знает меня, как никто другой. Я сменил имя, личность, оставил в прошлом все и всех, кого знал. Не я, а сплошная ложь. Но может, я и становлюсь сам собой, пока рядом с Эленой. Понимаешь?

— Тебе виднее, — сказал Джарл. — Насчет тебя я ошибался. Думал, ты герой, когда ты пошел на смерть, спасая Ули и Элену. Нет, ты не герой. Ты просто люто себя ненавидишь.

— Не понял?

— Ты трус. Говоришь, занимался грязным делом? Так ты не один такой. А ведь знаешь? Таким образом ты стал даже в чем-то лучше святого.

— Наемный убийца лучше святого? Что за извращенные понятия у Са'каге...

— Ты стал полезным. Знаешь, каково сейчас в Сенарии? Не поверишь. Я пришел сюда не за убийцей. Я хочу здесь найти Убийцу с большой буквы. Ночного ангела. Простому мокрушнику не справиться с теми задачами, которые сейчас стоят перед нами. Есть только один человек, способный нам помочь, Кайлар, и это ты. Я пробовал искать в других местах. Поверь, ты не первый.

Джарл внезапно замолк.

— Что это значит?

Джарл отвел глаза.

— Я не имел в виду...

— Что ты хотел сказать? — угрожающим тоном спросил Кайлар.

— Нам надо было убедиться, Кайлар. Поверь, мы отнеслись к нему с большим почтением. Идею предложила Мамочка К. Он же вроде бессмертный, надо было убедиться...

— Вы что, откопали труп моего учителя?

— Труп мы поло... Учителя мы положили обратно, как ты его и похоронил, — поморщился Джарл. — Примерно через неделю после вторжения.

— Выкопали, когда я еще был в городе?!

— Заранее мы сказать не могли, а после — какой смысл? Мамочка К. уверяла, что там только тело, что бессмертие Дарзо передал тебе, но когда мы его выкопали... Кайлар, эта женщина, по сути, меня воспитала, но никогда я не видел ее такой. Она кричала в истерике, плакала навзрыд. Только представь. Мы посреди ночи. Небо заволокло облаками. Гребем к острову Вое — веслами, обернутыми в шерсть. И она, потеряв рассудок, начинает причитать. Я был уверен: вот-вот нагрянет патруль. Хотел немедленно убраться с острова, однако Мамочка К. не ушла, пока могиле не вернули прежний вид.

Подобно Кайлару, они позаботились, чтобы Дарзо остался на той проклятой скале. Уж если надумали выкапывать, могли бы, в конце концов, и перенести его... Куда? Домой? Разве у Дарзо Блинта был когда-нибудь дом?

— Как он выглядит? — тихо спросил Кайлар.

— Черт! Да точно так, как если бы лежал в земле с неделю. А ты что подумал?

Конечно.

«Проклятье, учитель Блент, почему вы передали бессмертие именно мне? Что, устали от жизни? Почему так ничего и не сказали?»

Может, он объяснил это в записке, которую дал Кайлару? Записке, пропитанной

кровью, где ничего не разобрать.

— Хочешь, чтобы я проник в Дыру и спас Логана?

— Знаешь ли ты, кого король-бог держит в наложницах? Юных девушек из благородных семей. Предпочитает девственниц. Угадывает, какие унижения может выдержать каждая. Запирает их в комнатах замка с балконами, на которых убраны перила. Балконы манят отчаявшихся; что ни день, кто-нибудь да прыгает вниз. Для Гэрота это забава.

— Ближе к делу. — Голос Кайлара не дрогнул.

— Он взял Сэру и Мэгс Дрейк. Сэра покончила с собой в первую же неделю. Мэгс по-прежнему в замке.

Сэра и Мэгс были Кайлару как родные сестры. Мэгс дружила с ним, что бы ни случилось. Всегда улыбчивая, веселая и жизнерадостная. С начала вторжения Кайлар так ушел в себя, что о них почти не вспоминал.

Джарл продолжал:

— Я хочу, чтобы ты спас Логана и затем убил короля-бога.

— И это все? — Шутливо-холодный тон Дарзо, который Кайлар слышал сотни раз. — Дай-ка угадаю. Сначала Логан, поскольку мои шансы против короля-бога не столь велики?

— Верно, — сердито отозвался Джарл. — Я вынужден думать именно так. Мы сражаемся, идет война, в которой каждый день умирают люди нам с тобой не чета. И ты здесь расселся без дела из-за того, что на уме у какой-то девчонки?

— Не смей так говорить об Элене!

— А то что? Тяжело задышишь мне в лицо? Ты — недоумок, который дал зарок не применять насилие. Да-да, как же, знаю. Вот что я скажу. Рот Урсуул сделал несчастными очень многих. Я рад, что ты его убил, ведь он крайне жестоко обращался со мной. Однако отцу Рот и в подметки не годится. — Джарл крепко выругался. — Посмотри на себя! Я знаю, что убить его невозможно, он ведь вровень с богом. Но если кто и может убить бога, так это ты. Больше никому. Ты, Кайлар, прирожденный мокрушник. Думаешь, прошел через все мыслимое дерьмо и теперь можешь продавать микстуру от похмелья? Есть кое-что и поважнее, чем твое счастье. Ты способен дать надежду всей нации.

— И все потеряю, — прошептал Кайлар, его лицо посерело.

— Ты бессмертен. Будут и другие девушки.

Кайлар бросил на него возмущенный взгляд. Выражение лица Джарла мгновенно изменилось.

— Извини. Наверное, будут и другие короли-боги, и другие шинги. Я только... ты нам нужен. Если не придешь на помощь, Логан умрет. И Мэгс, и многие другие, безвестные.

Было бы легче, если бы он принял в штыки все, что бы ни сказал Джарл. Кайлар спрашивал Мамочку К., может ли человек измениться. Вот и ответ, который вынул из него всю душу.

— Хорошо, — ответил Кайлар. — Я принимаю контракт.

Джарл улыбнулся.

— Рад, мой друг, что ты вернулся.

— Возвращаться — плохая примета.

— Не хотел выяснять прежде времени, но... ты, случайно, не мог чем-то разозлить местного шингу? — спросил Джарл. Ответ был написан у Кайлара на лице. — Мой источник доложил, что шинга заключил контракт на мокрушника из Сенарии. Подробности он не знает, однако, гм, полагаю, в Кернавоне обретается не так много сенарийских мокрушников. Чем дольше ты здесь, тем больше подвергаешь опасности Ули с Эленой.

Дарзо учил Кайлара, что лучший способ расторгнуть контракт — ликвидировать заказчика. Чтобы Ули, Элене, тетушке Меа и даже Брайану ничего не угрожало, Баруш Снигл должен умереть.

Кайлар постоял с ничего не выражающим лицом и пошел наверх. Минуту спустя он вернулся — с видом таким же мрачным, как и одежды мокрушника на нем.

Ви посмотрела на лук в руках, пытаясь убедить себя оттянуть черно-красную стрелу. Она сидела на крыше, спиной к трубе дымохода, и наблюдала за домом акушерки. Уже час как здесь. Закутанная в сумерки, Ви отнюдь не была невидима, однако в гаснущем свете дня, низко присев, с солнцем за спиной — почти.

Она приехала в Кернавон, чтобы избежать этого. Надеюсь, что единственный способ не убить Джарла и не попасть при этом в немилость к королю-богу — разделаться с Кайларом. Зато время, пока она отсутствует, Джарл либо сам сбежит, либо его убьет другой мокрушник.

Как же он сюда попал?

Ви хотела выстрелить мимо, попасть в Кайлара и сделать вид, что Джарла не было, что она никогда не получала письма. Но ее не просили убивать Кайлара, а лгать королю-богу бесполезно. Джарл сидел прямо напротив окна. Окно даже было открыто. Ви использовала лук столь мощный, что только человек с *талантом* мог натянуть тетиву, а предательская черно-красная стрела — пробить окно. Да и ставни, если уж на то пошло. Сейчас не требовалось даже этого.

Джарл был как на ладони. Он никогда бы так не оплошал в Сенарии, но здесь чувствовал себя в безопасности. Сбежал прямо в объятия смерти.

Тем не менее она все выжидала. Будь он проклят, глупец! Если Джарла не убить, король-бог узнает. И достанет ее из-под земли. Будь ты проклят, Джарл! Проклят за свою доброту!

Надо закончить работу. Хью Висельник любил сперва помучить жертву, но только если был уверен, что ничто не помешает. Хью всегда заканчивал работу. Идеального выстрела не бывает. Стреляй так, чтобы убить.

Тихо чертыхаясь, чтобы активировать *талант*, Ви поднялась и натянула стрелу к щеке. Тем самым она вышла из силуэта небольшой трубы на меркнувший свет заката. Ее всю трясло, но и до цели — шагов тридцать, не больше.

— Черт возьми, вставай же, Джарл! — бросила она.

А может, сбежать? В Ганду или Иммуре король-бог ее никогда не найдет. Или найдет? Ви до сих пор не могла верить. Никому не говорила, что едет в Кернавон, не оставила и следа. Тем не менее он знал. Если сбежит, король-бог пошлет за ней учителя, а Хью Висельник никогда не ошибался. Очень многого Ви добилась благодаря красоте, но именно из-за красоты спрятаться теперь почти невозможно. Раньше о смене внешности думать не приходилось. Никогда Ви не расценивала красоту как слабость. До сегодняшнего дня.

— Давай, Кайлар, — прошептала она. — Подойди к окну. Только раз.

Теперь ее трясло как в лихорадке, и не только из-за кипящего внутри *таланта* и напряжения оттого, что так долго держит лук натянутым. Почему ей безумно хочется убить Кайлара?

Она увидела ногу. И только. Ногу и серые одежды мокрушника. Проклятье! Если Кайлар уцелеет, ей грозит серьезная опасность. Ви слышала, что он может стать невидимым, но для мокрушника это типичное вранье. Все они хвалятся способностями, лишь бы набить себе цену. Каждый хочет быть еще одним Дарзо Блинтом. Но Кайлар был учеником Дарзо. И убил его. Ви сковал страх. Лицо Джарла исказили печаль и сострадание. Таким Ви видела его раньше. Джарл ухаживал за ней после того, как однажды Хью Висельник вздумал проверить, чему Ви научилась у Мамочки К. Решил, что немногому, и избил до бесчувствия. Насиловал, как только мог. От скорбного вида Джарла глаза Ви застлало пеленой. Она моргнула. Затем еще и еще — отказываясь верить, что это слезы. Ведь она не плакала с той самой ночи, когда Джарл держал ее в объятиях, укачивал, помогал собрать воедино кусочки растерзанной души.

Джарл встал и подошел к окну. Поднял глаза и увидел Ви, ее темный силуэт, украшенный закатом. Сначала удивился, затем узнал — у какого другого мокрушника женский силуэт? Ви могла поклясться, что его губы прошептали ее имя. Пальцы разом

ослабели, выпуская тетиву.

Предательская черно-красная стрела перелетела самую узкую пропасть: между мокрушником и жертвой. Она прорезала в воздухе красный след, будто сама ночь истекала кровью.

26

«Элена, прости, — писал Кайлар дрожащей рукой. — Я пытался. Клянусь, пытался. Есть в жизни то, что дороже моего счастья. То, что под силу сделать только мне. Продай эти кольца господину Бурари и переезжай с семьей в часть города получше. Я буду любить тебя всегда».

Вытащив из кармана коробочку с серьгами, он положил ее на клочок пергамента.

— Что в коробочке? — спросил Джарл.

Кайлар не смог заставить себя оглянуться на друга.

— Мое сердце, — прошептал он и медленно отпустил коробочку. — Так, сережки, — сказал он громче. Затем повернулся.

Джарл все понял.

— Ты собирался на ней жениться.

К горлу Кайлара подступил комок. Слов не было. Он отвел взгляд.

— Слышал когда-нибудь о распятии? — наконец спросил Кайлар.

Джарл покачал головой.

— Так алитэрцы казнят мятежников. Растягивают их на деревянном каркасе и прибавляют к нему ноги и запястья. Чтобы дышать, преступник должен поднимать свой вес на гвоздях. Иногда человек живет сутки, прежде чем умирает от удушья.

Кайлар не смог закончить метафору, хотя чувствовал себя распятым — мятежником против судьбы в злой вселенной, склонным крушить все хорошее. Он распят между Логаном и Эленой, приколот к ним, как гвоздями, клятвой верности и задыхается под сокрушительным весом своего характера. Однако распяли его здесь не просто Элена и Логан. Две разные жизни, два пути. Путь тени и Путь света. Волк и волкодав. Или волкодав и болонка?

Кайлар думал, можно измениться. Объять необъятное. Он опрометью бросился в либо/или и выбрал и то и другое. Вот что привело его к распятию, а вовсе не махинации хитроумного бога или неумолимый поворот колеса Фортуны. Пути Кайлара расходились все дальше и дальше, он держался, пока мог дышать. Теперь остался лишь один вопрос: «Что я за человек?»

— Пойдем, — бросил Кайлар.

Джарл задумчиво стоял у окна.

— Однажды я тоже влюбился, — откликнулся он. — Или что-то вроде того. В красивую девушку, почти такую же испорченную, как я сам.

— Кто она? — спросил Кайлар.

— Ее зовут Виридиана, Ви. Красивая, прекрасная... — Джарл поднял глаза и застыл. — Ви?!

Он стал заваливаться навзничь, обливаясь кровью. Стрела прошла навылет точно по центру шеи. Тело рухнуло на деревянный пол словно мешок с мукой. Джарл моргнул, всего раз. В глазах — ни страха, ни гнева. Лицо перекошено.

«Неужели такое возможно?» — вопрошали глаза Джарла, когда Кайлар положил его к себе на колени.

— Могу я показать ее Кайлару? — спросила Ули.

Она сжимала в руке ту самую куклу, которая приглянулась Кайлару несколько дней назад. Элена улыбнулась — роль отца Кайлар исполнял даже лучше, чем предполагал.

— Да, — согласилась Элена. — Только беги прямиком домой, обещаешь?

— Обещаю, — сказала Ули и побежала.

Элена проводила ее озабоченным взглядом. Впрочем, она всегда беспокоилась по пустякам. Кернавон все-таки не Крольчатник. К тому же до дома оставалось всего два квартала.

— Нам нужно поговорить, — сказала тетушка Меа.

Вечерело. Лучи солнца косо падали на торговцев, которые убирали товары с прилавков и направлялись домой. Элена сглотнула.

— Я обещала Кайлару. Мы договорились, что никому не скажем, но...

— Тогда больше ни слова, — улыбнулась тетушка Меа и взяла Элену под руку, чтобы отвести ее домой.

— Не могу, — сказала Элена, останавливая тетушку. — Больше молчать не могу.

И она поведала тетушке все о себе и Кайларе, начиная с вранья об их женитьбе и кончая ссорами из-за секса, жизни Кайлара-мокрушника и его попытке оставить это в прошлом. Тетушка Меа ничуть не удивилась.

— Элена, — сказала она, взяв ее за руки. — Ты любишь Кайлара или ты с ним только потому, что Ули нужна мама?

Элена помедлила, чтобы усмирить свои чувства и убедиться: все, что она сейчас скажет, — правда.

— Я его люблю, — ответила она. — Без Ули тоже никуда, но я его люблю. Очень.

— Тогда почему защищаешь себя?

Элена подняла глаза.

— Я не защищаю...

— Ты не сможешь говорить со мной откровенно, пока не будешь честна перед собой.

Элена опустила глаза. Мимо прогрохотала крестьянская повозка, нагруженная непроданной за день продукцией. День угасал, и на улице становилось темно.

— Надо возвращаться, — сказала Элена. — Не то обед совсем остынет.

— Дитя, — сказала тетушка.

Элена остановилась.

— Он убийца, — сказала она. — То есть, я хочу сказать, был убийцей.

— Нет, ты права. Он именно убийца.

— Он хороший человек и может измениться. Я знаю.

— Дитя, знаешь, почему ты об этом со мной заговорила, хотя обещала Кайлару, что не будешь? Потому что сделала кое-что вопреки своей природе. Лгунья из тебя никудышная.

— О чем это вы, тетушка? — спросила Элена.

— Если ты не можешь любить Кайлара таким, какой он есть, если любишь в нем только человека, которым, по-твоему, он может стать, — ты искалечишь его душу.

Кайлар был так несчастлив. Когда он начал уходить по ночам, Элена ни разу не спросила — не хотела знать, чем он занимается.

— И что мне делать? — спросила она.

— Думаешь, ты первая девушка, которая боится любить?

Слова тетушки ранили в самое сердце, заставили взглянуть иначе на еженощные ссоры с Кайларом. Она-то думала, что, отказывая Кайлару в сексе, избегает греха. А на самом деле просто боялась. Боялась, что уступит в спальне и останется совсем беспомощной.

— Могу ли я любить, если не могу его понять? Могу ли любить, если ненавижу то, что он делает?

— Дитя, — снова сказала тетушка и нежно положила пухлую руку Элене на плечо. — Любовь — это акт доверия, такой же, как и вера в господа.

— Он не верит в бога. Нельзя держать в одной упряжке волка и быка, — возразила Элена, понимая, что хватается за соломинку.

— По-твоему, упряжка относится только к физической близости или обручальным кольцам? Тебе не нужно его понимать, Элена, просто люби Кайлара, и понимание придет само. — Тетушка Меа взяла ее под руку. — Пойдем, нас ждет обед.

Они пошли к дому вместе. Элена чувствовала, что на душе впервые за многие месяцы стало легче, хоть ей и предстоял серьезный разговор с Кайларом. Надежда возрождалась.

Она открыла дверь настежь. В доме было тихо и пусто.

— Кайлар? — крикнула Элена. — Ули?

Ответа не последовало. Еда стояла холодной на кухонном столе, желе Кайлара застыло и потрескалось. Сердце Элены оборвалось, ком застрял в горле. Каждый вдох давался с трудом. На лице тетушки Меа был написан ужас. Элена взбежала вверх по лестнице, бросилась к ящику Кайлара с одеждами мокрушника и большим мечом. Он был пуст. Никаких следов.

Она спустилась вниз. Правда доходила до нее медленно, как закат солнца.

— У нас все будет хорошо? — утром спросила Кайлара Элена.

— После сегодняшнего вечера, — ответил он без тени улыбки на лице.

Рядом с печкой лежало его обручальное кольцо. Ни записки, ничего. Даже Ули куда-то пропала.

Кайлар махнул на нее рукой. Ушел — раз и навсегда.

Ви закинула извивающегося ребенка на плечо и вошла в конюшню захудалого постоянного двора, где оставила лошадь. Помощник конюха лежал у двери — весь в крови, без сознания. Наверное, выживет. Впрочем, неважно; он не видел Ви, пока та не огрела его навершием короткого меча.

Девчонка визжала через тряпку, которой Ви заткнула ей рот. Встав на колени, Ви одной рукой схватила девочку за горло. Затем вытащила кляп.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Иди к черту!

Глаза девочки вызывающе сверкнули. Лет двенадцать, никак не старше.

Ви с размаху ударила ее по щеке. Затем еще. Снова и снова, безразлично, так, как бил саму Ви Хью Висельник, когда ему было скучно. Когда ребенок пытался увернуться, она с недвусмысленной угрозой сжимала на горле пальцы: чем больше будешь брыкаться, тем труднее будет дышать.

— Ладно, Иди-К-Черту. Хочешь, чтобы я тебя называла так или, может, по-другому?

Маленькая девочка вновь зло ругнулась. Ви скинула ее, прижала к себе и одной рукой закрыла рот. Другой нашла болевые точки на локте и вонзила туда пальцы.

Девочка зашлась в крике.

«Почему я ее до сих пор не убила?»

Работа прошла безупречно. Кайлар, вооружившись для охоты, забрал тело Джарла. Ви заметила только короткий блеск зачехляемых лезвий, и он исчез. Наверняка это была игра света: Кайлар не мог стать по-настоящему невидимым. Спустя какое-то время он вышел с телом Джарла, и Ви проникла в дом.

Она собиралась устроить ряд ловушек. Имелся отличный контактный яд, которым можно было смазать ручку спальни Кайлара, и отравленная игла — как раз для небольшого ящика под кроватью. Тем не менее духу у нее не хватило. От убийства Джарла голова шла кругом, и Ви бродила по дому словно обычный вор.

Ви нашла записку и пару дорогих на вид (записка это подтверждала) колец-сережек, хотя сочетались они странно — одно больше другого. Обе серьги положила в карман, но не тронула тонкое золотое обручальное кольцо рядом с печью. Пусть счастливая семейка хранит фамильные ценности. Ви не очень поняла смысл записки. Что пытался сделать Кайлар? Защитить Джарла?

К удивлению Ви, дверь открылась и вошла маленькая девочка. Ви связала ее и заткнула кляпом рот. Затем постояла, соображая, в какой переплет угодила.

Все. Конец. Она не смогла убить ребенка. Не смогла убить Кайлара. Нет, не совсем так. Ви была уверена, что еще может его убить. Королю-богу, чтобы избежать его кары и остаться в живых, надо угодить. Другого пути нет. Гэрот будет доволен, если она доставит

Кайлара живым. Получится — и король-бог никогда не узнает о слабости Ви. Пока она смотрела, как Джарл умирает, обливаясь кровью, в ней что-то надломилось. Теперь, чтобы обрести себя, нужно время.

Оживившись, Ви вернулась в спальню Кайлара. На столике рядом с кроватью быстро и четко вырезала символ сенарийского Са'каге. Под ним дописала: «Девочка у нас». Когда Кайлар вернется, то обнаружит, что дочь пропала, и обшарит весь дом. Увидит надпись и последует за Ви — прямо в руки короля-бога.

Поэтому все, что ей сейчас нужно, — придумать, как вывезти вопящего ребенка из города.

— Попробуем еще раз, — сказала Ви. — Как тебя зовут?

— Ули, — прохныкала девочка, с мокрым от слез лицом.

— Ладно, Ули. Мы покидаем город. Выбирай: можешь поехать со мной живой или мертвой. Это уже неважно. Ты свою службу сослужила. Я привяжу твои руки к седлу. Можешь, если хочешь, спрыгнуть с лошади, которая тебя потащит и затопчет до смерти. Открой рот.

Ули открыла рот, и Ви снова запихала туда кляп.

— Веди себя тихо, — сказала она и нахмурилась. — Ну-ка, скажи что-нибудь.

— Ммм? — промычала Ули.

— Проклятье! — Ви сосредоточила желание на тряпке. — Веди себя тихо! — прошептала она. — Теперь еще раз.

Губы Ули зашевелились, но не прозвучало ни звука. Ви вытащила тряпку; теперь в ней нет нужды. Этот маленький трюк она случайно открыла несколько лет назад. Не совсем надежно, однако вывезти из города куда легче ребенка молчаливого, нежели с кляпом во рту. Ви оседлала свою лошадь, прихватив с собой вторую лучшую лошадь в конюшне.

Через полчаса Кернавон уже скрылся вдаль, но путь к свободе был еще очень долог.

27

Холодная ярость словно выжгла все краски мира. Кайлар промчался по крыше. Добежав до края, прыгнул, взмывая в ночной воздух. Он легко преодолел брешь в двадцать футов и взбежал по стене. Оттолкнулся, ухватился за выступающую балку, сделал переворот и встал на нее, даже не покачнувшись.

Все это Кайлар проделал невидимкой, что пару дней назад его бы несказанно порадовало. Сегодня он потерял способность наслаждаться. Взгляд рыскал по темным улицам.

Перед тем как уйти, Кайлар вытер с пола кровь Джарла. Не хватало еще, чтобы этим занималась Элена. Он перенес тело друга на кладбище. Джарл не сгниет непогребенным. У Кайлара не осталось даже денег заплатить могильщику, поэтому он оставил тело и поклялся вернуться.

Джарл мертв. Какая-то часть сознания Кайлара отказывалась верить в это. Та часть, которая считала, что Кайлару подходит мирная жизнь уэддринского знахаря. Да как ему такое только в голову пришло? Ничего мирного в жизни ночного ангела нет. Ничего. Он наемный убийца. За его спиной, как грязь за шестом, которым провели по дну чистого и тихого пруда, клубилась смерть.

Ну вот! Два бандита пристают к пьяному. Уж не к тому ли, которого однажды ночью он бросил на произвол судьбы? Кайлар спрыгнул с крыши на уровень ниже и через десять секунд был на улице.

Пьяный лежал на земле, из носа текла кровь. Один из бандитов отрывал кошелек от ремня, другой наблюдал, сжимая в руке длинный нож.

Кайлар замерцал, став отчасти видимым. Радужно-черные мускулы блестели. Глаза — две черные сферы, лицо — маска ярости. Он собирался лишь напугать владельца ножа, но, когда глаза того расширились, увидел в них — Кайлар мог поклясться — такой мрак, что это

заставило его действовать.

Помимо воли Кайлара его кинжал уже пил кровь из сердца. Нож бандита упал на землю.

— Что с тобой, Терр? — оборачиваясь, спросил второй грабитель.

Миг — и Кайлар припечатал его к стене, держа за глотку. Ему пришлось подавить желание убивать, убивать, убивать.

— Где шинга? — рявкнул он.

Грабитель в ужасе закричал и стал молотить по нему руками.

— Ты кто такой?!

Кайлар поймал руку бандита и сжал. Треснула кость. Человек завопил от боли. Кайлар подождал, затем нажал посильнее. Треснула еще одна кость.

Поток брани не иссякал. Кайлар раздавил руку грабителя и схватил вторую. Глядя на покаленную руку, человек начал быстро бормотать:

— Черт, черт, черт, о моя рука, рука...

— Где шинга? Больше повторять не буду.

— Ты сук... нет! Постой! Третий склад, считая от третьего дока. О боги! Кто ты?

— Я само возмездие, — ответил Кайлар.

Он рассек шею грабителя и бросил его на землю. Пьяный таращился на него, открыв рот, с таким видом, будто решил, что сошел с ума.

Склад был весьма похож на жилище шинги, но сейчас Баруша Снигла там не было. Тем не менее за входной дверью затаились десять охранников. Кайлар смотрел на них с потолочных балок, выискивая того, кто мог знать больше остальных.

Охранники служили верным доказательством, что мокрушника, убившего Джарла, послал Баруш Снигл. Кайлар не представлял себе, откуда они узнали, что именно он той ночью заставил обмочиться Снигла, но перепутать жертвы? Впрочем, удивляться нечему. Что еще ожидать от такого шинги...

Кайлар спрыгнул рядом с человеком, который смахивал на лидера. Он сломал охраннику правую руку и вытащил у него из ножен меч.

Половина бандитов были уже мертвы, прежде чем другие осознали, что должны сражаться с невидимкой, который их убивает. Те, кто дрался, делали это плохо. Оденьте бандита в доспехи и вместо дубинки дайте меч. Вы получите не воина, а бандита, который машет мечом, будто куском дерева. Они торопились в объятия смерти.

Кайлар стоял над лидером, последним оставшимся в живых, и снова позволил стать видимыми глазам и лицу. Он наступил ногой на сломанную руку охранника и приставил меч к его шее.

— Ты мокрушник. — Охранник выругался. Он потел, широкое лицо побледнело. Густая черная борода тряслась. — Он сказал, что ты девушка.

— Вранье, — заметил Кайлар.

— Шинга сказал, что разозлил какого-то сенарийского мокрушника. Мы получили приказ: если придешь сюда, убить.

— Где он?

— Если скажу, не убьешь?

Кайлар посмотрел человеку в глаза и, странное дело, не почувствовал и не представил себе — как случалось раньше — тьму, которая требовала смерти.

— Нет, — пообещал он, хотя весь еще кипел от гнева и жаждал убивать.

Человек рассказал о месте, где скрывается шинга, и новой ловушке — подземной комнате с одним входом и еще десятью охранниками.

Кайлар побелел от ярости и заскрежетал зубами.

— Передай им, что идет ночной ангел. Передай, что наступает Справедливость.

Решетка со скрипом открылась, и в тусклом свете факела появилась довольная физиономия Горхи. Логан ненавидел этого человека всем сердцем.

— Свежее мясо, ребяти! — крикнул Горхи. — Вкусное, свежее мясо!

Кто-то из заключенных за его спиной начал всхлипывать. Привести их сюда в такое время — намеренная жестокость. Был полдень. Из Дыры вырывался горячий, зловонный воздух, словно внизу кто-то мощно пускал газы. Фигуры узников Дыры дрожали в неверном огне факелов. Их лица блестели от пота.

Восемьдесят два дня назад Логан прыгнул в Дыру, и с тех пор сюда бросили только одного заключенного. Это сделал Горхи. Он толкнул человека прямо в адский колодец. Осужденный ударился лицом о край Дыры, и тело нырнуло в бездну. Вот почему теперь и животные, и чудовища столпились вокруг Дыры точно так же, как когда Горхи кидал им хлеб. Не для того, чтобы спасти чью-то жизнь. Чтобы не потерять еду.

— Отлично, мои милашки, — сказал Горхи. — Кто первый?

Следя за Финном, который тоже не дремал, Логан встал чуть поодаль от края Дыры. Да, руки у него длиннее всех, однако человек — не буханка хлеба, ловить надо иначе. Фин размотал веревку из сухожилий.

Наверху возникла потасовка, донеслись проклятия, и к решетке бросилась девушка. Горхи попытался перехватить ее, однако она нырнула ему под руки, вниз головой. Горхи остановил ее полет, схватив за платье.

Девушка закричала и стала брыкаться, повиснув прямо над Логаном. Тот подпрыгнул, поймал болтавшуюся руку и дернул, но захват соскользнул.

— Фин! — крикнула Лили. — Достань его!

Горхи стоял на коленях, держась одной рукой за платье девушки, другой — за решетку. Голова на виду. Легкая добыча для Фина, постоянно упражнявшегося с лассо.

Логан подпрыгнул, снова дотянулся до руки девушки, но промахнулся. Фин уже бежал с лассо. Остальные узники Дыры завывали и швырялись в Горхи дерьмом. Логан снова прыгнул и поймал руку девушки.

Платье разорвалось, и она упала на Логана. Он едва ли мог помешать падению, только попытался отвести ее от бездны.

Логан зашатался и в свете факела увидел злобное лицо Горхи. По-прежнему на виду. Ждет, когда петля упадет на шею. Умоляет, чтобы его стащили вниз, в Дыру, и растерзали. Логан обернулся, увидел Фина рядом, в нескольких футах. Однако лассо лежало на полу. Он едва успел заметить, как в руке Фина блеснула сталь. Последовал удар.

Логан отчаянно извернулся; кинжал рассек левую руку и тело вдоль ребер. Логан провел захват и услышал, как лезвие звякнуло о каменный пол. Он выбросил кулак в голову Фина. Тот поднырнул под руку, упал на пол и поспешно откатился. Логан рванулся следом, явно решив покончить с врагом, раз представилась возможность. За спиной, между ним и девушкой, сомкнулась стена обитателей Дыры.

Логан не смог оставить ее — он прекрасно знал, о чем думает этот сброд, глядя на юную полуголую девушку, потрясенную падением. Здешние насильники не раз похвалялись своими преступлениями.

От безысходности и боли Логан взревел.

Девушка подняла кинжал и стояла теперь спиной к стене. Напряглась, чтобы не упасть. Судя по всему, при падении она подвернула лодыжку.

— Назад! — крикнула она, тщетно размахивая ножом. — Пошли прочь!

Ее взгляд метнулся к Логану, затем к бездне и Зубастике.

Девушку трясло. Она была прелестна: хрупкая, с длинными белокурыми волосами и тонкими чертами лица. Почти не грязная. Значит, в тюрьме недавно. Впрочем, достаточно давно для Горхи, будь он проклят в девятом кругу ада: на разорванном платье, между ног, виднелись свежие пятна крови.

Логан поднял руки.

— Успокойся, — сказал он, — я тебя не трону. Нам нужно двигаться, иначе снова

нападут.

Девушка мельком взглянула на решетку и побежала вдоль круглой стены.

Стража оттащила Горхи от решетки и подвела к ней остальных заключенных. Первый прыгать не хотел, его толкнули.

От падения на каменный пол с высоты пятнадцати футов он переломал ноги и в секунды стал жертвой обитателей Дыры. Не остался в стороне и Зубастик. Расшвыряв других, он вонзил острые зубы в живую плоть.

Второй осужденный замер у решетки, прислушиваясь к происходящему внизу. Его толкнули, и он тоже стал мясом. После чего большинство заключенных уже сами, повиснув сначала на решетке, падали вниз.

Логану было не до того. В другой день он и сам дрался бы за мясо, но сейчас брюхо набивать не будет. Только не рядом с этой девушкой. Она заставила его вспомнить о другом, лучшем мире. Логану хотелось плакать.

— О боги... — прошептал он. — Наташа Грэзин!

Слова невольно сорвались с губ. Надо бы промолчать, но слишком велико оказалось потрясение. В свои семнадцать лет Наташа была второй по старшинству дочерью Грэзинов. Кузина Логана.

Наташа Грэзин смотрела на него широко раскрытыми глазами, с ужасом оглядывая высокий исхудавший остов некогда большого и мускулистого тела. Логан был тенью себя прежнего, но, хоть и высох, остался таким же высоким.

Он поднял руки, чтобы заставить ее молчать, — слишком поздно.

— Логан?! Логан Джайр? — вырвалось у Наташи.

Он почувствовал, что мир рушится. Все то время, пока Логан здесь сидел, его считали только Королем Тринадцати. Обезумев от голода, он все-таки примкнул к тем, кто стоял вокруг Дыры и пытался ловить хлеб. Благодаря длинным рукам Логан добывал больше других — ценой было то, что Горхи знал: высокий блондин по-прежнему в Дыре. Тем не менее он так и не назвал свое настоящее имя. Ни разу.

Бросив взгляд через плечо, Логан увидел, что осужденные все еще падают в Дыру. В почти крошечной тьме, напуганные и ослепшие, они скулили и кричали, плакали и сыпали проклятиями, слыша, как обитатели Дыры рвут на части свежее мясо. Старожилы дрались, Горхи подбадривал их и смеялся, принимая ставки на то, что случится с каждым новым узником. Завывали плакальщики. Шум, неразбериха, есть на что отвлечься. Есть шанс, что девушку никто не услышал.

Лишь один из новых заключенных не рыдал и не пребывал в смятении. Несмотря на жару и вонь, вопли в темноте и насилие, Тенсер Варгун не казался испуганным. Щурясь в непроглядной тьме, он склонил голову набок, задумчиво глядя на Логана и Наташу.

29

Элена судорожно хватала ртом воздух. Кайлар не только бросил ее, он забрал с собой Ули. Полная отставка. А ведь все так хорошо начиналось.

Нет, все действительно шло хорошо. Элена не могла в это поверить, да и не поверит никогда. Она тщательно осмотрела кухню, надеясь увидеть хоть какой-то знак. Заметила пятно на половице — темное на темном дереве, наспех замытое. Что-то пролили? Не похоже. Навскидку Элена не смогла определить природу пятна. Затем рядом, на полу, она обнаружила глубокую тонкую выемку.

Элена поднялась наверх. Серые одежды мокрушника исчезли, исчез и меч Возмездия. Она запиховала ящик обратно под кровать, когда увидела символ сенарийского Са'каге, вырезанный на столике. «Девочка у нас» — гласила надпись красивым почерком. Сердце Элены снова оборвалось.

Кто-то выкрал Ули, и Кайлар отправился в погоню. К радости открытия примешивался страх. Кайлар ее не бросил, но девочку взяли те, кто Кайлара знал. Кто-то пытается заманить

его в ловушку. Но где же он был, когда Ули схватили? Странно. Если похитили на улице, могли бы оставить знак на ступеньке крыльца. Дома? Вряд ли преступники посмели бы проникнуть в дом, зная, что Кайлар внутри.

Снизу послышался крик, застучали в дверь.

— Откройте! Именем королевы, откройте!

Элена увидела, как тетушка Меа впускает городскую стражу, и ее сердце вновь наполнилось страхом. В Сенарии стражникам никто не доверял. Однако тетушка вздохнула с явным облегчением.

Чтобы разложить все по полочкам, потребовался почти час. Сосед видел, как Кайлар нес на плече тело. Красивого юношу с темной кожей и волосами, заплетенными во множество тонких косичек с золотыми бусинками. Джарл! — мгновенно поняла Элена. Кайлар ушел, и сосед тут же бросился к стражникам. На полпути к дому тетушки им повстречалась жена соседа, которая видела женщину с луком, вошедшую в дом за минуту до того, как вернулась Ули. Затем ушла и женщина — вместе с девочкой. Выслушав показания, стража, слава богу, решила, что убийца — женщина, тем не менее им по-прежнему хотелось допросить Кайлара.

Той ночью Элена, лежа в постели, оплакивала Джарла и пыталась понять, что случилось. Зачем Джарл приехал? Спасался от кого-то? Хотел предложить Кайлару контракт? Просто навестить? Пришлось согласиться со вторым. Джарл слишком важная птица, чтобы вот так, импульсивно, покидать Сенарию. Если бы ему грозила опасность, он бы приехал с телохранителями. Значит, Джарла убили — случайно? — когда он пытался нанять Кайлара. Тот либо согласился на работу, либо отправился мстить за друга. Так или иначе, Кайлар ушел из дома до похищения Ули. Возможно, он и не знает об этом.

К полудню следующего дня Кайлар не вернулся. Однажды постучали в дверь, и Элена что есть духу побежала открывать. На пороге стоял один из вчерашних стражников.

— Я только решил, что вы должны знать, — сказал он. — Мы опросили всю стражу городских ворот, быстрее не смогли. Трудно перекинуться словечком с каждым — караул меняется. Вчера город покинула молодая женщина, судя по описанию — убийца. Держала путь на север. С ней была маленькая девочка. Мы послали вдогонку людей, но у нее в запасе много времени. Мне очень жаль.

Стражник ушел, и тетушка вместе с Брайаном взглянули на Элену так, будто ожидали, что она расплатится. Вместо этого Элена заявила:

— Я отправляюсь за Ули.

— Но... — начала тетушка Меа.

— Знаю-знаю, только меня там и не хватало. Но что еще прикажете делать? Если Кайлар вернется, скажите ему, куда я поехала. Уверена, он меня догонит. Если Кайлар уже пустился в погоню, я его встречу, когда он будет возвращаться. Если он не знает, что Ули похитили, то, кроме меня, ей надеяться не на кого.

Тетушка Меа открыла рот, чтобы снова возразить, затем передумала.

— Я все понимаю.

Вещи Элены уместились в маленькую котомку. Пока она спускалась вниз, тетушка собрала ей продуктов на неделю.

— Брайан прощается со мной? — спросила Элена.

Тетушка Меа проводила ее на улицу.

— Брайан прощается по-своему.

Перед лавкой Элену ждала навьюченная лошадь, крепкая и на вид добродушная. Глаза Элены наполнились слезами благодарности.

— У него сейчас неплохо идут дела, — с явной гордостью за сына сказала тетушка. — А теперь иди, дитя, и да пребудет с тобой бог.

Кайлар стоял над вырытой им могилой и пытался напиться. До рассвета оставалось еще два часа. На кладбище было тихо. Лишь деревья шелестели на ветру да недовольно гудели

насекомые. Кайлар выбрал это кладбище, как самое богатое на пути из города. Убив шингу, он не забыл ограбить его. Теперь денег полно. Джарл заслужил все по высшему разряду. Если верить зрителю, через неделю здесь даже будет надгробный камень.

Джарл лежал на земле рядом с могилой: запекшаяся кровь чернее кожи, медленно коченеющее тело. Кайлар был забрызган кровью даже больше мертвого друга. Она засыхала в твердую корку, которая трескалась, пока он копал, и снова размякала от пота. Казалось, Кайлар потел кровью.

Всё, могила готова. Видимо, теперь нужно сказать что-то очень важное.

Он отхлебнул еще вина. Принес с собой четыре меха, и два уже опустели. Год назад два меха свалили бы его с ног. А сейчас он даже не был навеселе. Кайлар прикончил третий мех, затем с сознанием долга стал пить большими глотками из четвертого, до дна.

Взгляд все время возвращался к телу Джарла. Кайлар попытался представить, как закрываются раны друга — так же, как давным-давно и у него. Они не закрывались. Джарл был мертв. Только что был жив — и вот уже мертв. Понял наконец Кайлар и тот странный взгляд Джарла.

Сценарийским мокрушником, которого заказал шинга Снигл, был не Кайлар, а Ви Совари. Именно она убила Джарла черно-красной предательской стрелой.

Словно Джарл увидел в этом некий юмор. Он признался в любви к женщине в то мгновение, когда она выпустила в него смертельную стрелу.

— Черт! — не удержался Кайлар.

Не было слов, чтобы выразить всю боль. Джарла больше нет. У ног Кайлара лежал просто кусок мяса. Кайлар мечтал, что сможет поверить в бога Элены. Как хорошо было бы думать, что Джарл и Дарзо в лучшем мире. Но Кайлар был честен перед собой и знал: даже если бог Элены настоящий, Джарл и Дарзо не пойдут за ним. Что же это получается? Гореть им в аду, что ли?

Он спрыгнул в могилу и стащил вниз тело Джарла. Кожа у трупа была холодной и влажной, на ней конденсировалась утренняя роса. Кайлар как можно бережней уложил Джарла и выбрался наверх. Он по-прежнему был совершенно трезв.

Сидя на холмике мягкой грязи рядом с могилой, Кайлар понял, что в этом виновато ка'кари. Тело считало алкоголь отравой и излечивало. Настолько эффективно, что придется выпить море, чтобы напиться. Как, собственно, и поступал Дарзо.

«А я-то принимал его за пьяницу».

Даже здесь Кайлар превратно понимал учителя, еще и в этом беспечно осуждал, отчего снова защемило сердце.

— Прости, брат, — сказал он.

Едва слова эти сорвались с губ, Кайлар понял, кем именно для него был Джарл: старшим братом, который за ним присматривал.

Ну почему он обречен понимать, что для него значат люди, только после их смерти?

— Обещаю, Джарл. Даром это не пройдет.

Чтобы жертва Джарла не стала напрасной, придется бросить Элену и Ули, отказаться от жизни, которая могла бы быть. Кайлар поклялся Ули, что не бросит ее, как делали все другие взрослые в жизни девочки. Теперь клятва нарушена.

«Было ли такое у тебя, учитель? Не здесь ли начало безбрежного океана горечи? Неужели цена бессмертию — человечность?»

Не осталось больше ни слов, ни дел. Кайлар не мог даже плакать. Когда первые ранние птахи стали воспевать пробуждавшееся солнце, он засыпал могилу.

Два дня Ули молчала, не ела и не пила. Ви скакала во весь опор, загоня лошадей, — сначала на запад, по Королевской дороге, затем на север. В первую же ночь они миновали огромные владения уэддринской знати. Через пару часов после восхода солнца Ви решила

на привал — уже в сельской местности. Поля стояли голые, на холмах то здесь, то там виднелась стерня убранный спелты.

Днем Ули выждала минут десять, пока Ви не задышала ровно, и метнулась к своей лошади. Не успела отвязать — Ви тут как тут. На следующий день Ули ждала уже час и встала так тихо, что Ви едва не упустила девочку.

Оба раза Ви ее била, но осторожно, чтобы не нанести травм. У этой девчонки не будет ни шрамов, ни сломанных костей, решила она. Раньше ей не приходилось бить ребенка. Ви привыкла убивать мужчин. *Талант* придавал силу мышцам, и пусть жертва расхлебывает последствия. Если то же сделать с Ули, ребенок погибнет. В планы Ви это не входило.

На третий день Ули стало плохо. Она до сих пор не выпила ни глотка воды, отказывалась от всего, что предлагала Ви, и теряла силы. Губы запеклись и потрескались, глаза покраснели. Ви поневоле восхищалась девочкой.

Ребенок явно с характером. Ви лучше многих могла выдержать боль, но голодать ненавидела. Когда Ви было двенадцать, Хью недокармливал ее постоянно, давая пищу всего раз в день, «чтобы не растолстела». Он вернул Ви на полный рацион, когда решил, что все уйдет в груди. Но хуже голода были времена, когда учитель не давал ей воды, считая, что она заленилась.

Мерзавец так и не понял, что такое менструальные боли.

Ви приходилось делать вид, что жажда ее не мучает. Она знала: если даст слабину, это будет его любимым наказанием.

— Послушай, Ули, — сказала Ви, устроив на восходе солнца привал в небольшой долине. — Мне плевать, если ты умрешь. Конечно, живая, а не мертвая ты мне полезней, однако не слишком. Кайлар все равно будет меня преследовать до самой Сенарии. С другой стороны, тебе ведь хочется снова его увидеть?

Ули взглянула на Ви запавшими глазами, полными ненависти.

— И сдается мне, он хорошенько тебя выпорет, если умрешь без всяких на то причин. В общем, хочешь продолжать голодовку, скоро умрешь. Завтра я привяжу тебя к седлу, и целую ночь ты, возможно, уже не выдержишь. Для меня неудобство, но Кайлару куда больнее. Предпочитаешь сдохнуть беспомощным котенком, нежели остаться в живых и драться со мной? Подумай хорошенько.

Ви поставила перед Ули мех с водой и стала привязывать лошадей. Сейчас она не беспокоилась о том, что ребенок сбежит, — Ули была слишком слаба. Тем не менее Ви скрепила веревки при помощи *таланта*. Сегодня надо, черт возьми, поспать.

Холмы, сплошь покрытые здесь лесами, перемежались чередой возделанных полей рядом с маленькой деревней. Тем не менее дорога была по-прежнему широкой и оживленной. Ви с девочкой передвигалась быстро. Кто знает, насколько они оторвались от Кай-лара, тем не менее деревень Ви избегала, в надежде, что на их посещение он потратит драгоценное время. Вчера вечером она сменила лошадей. Если Кайлар как-то распознал их следы среди множества других, от него не отделаться.

И все же, передвигаясь таким темпом, они встретили на пути множество групп людей. Чтобы скрыть пол и внешность, Ви могла закутаться в бесформенный плащ, но скрыть, что Ули — ребенок, было невозможно. Также не слишком практичной казалась попытка проехать незамеченными по голым каменистым холмам, встречавшимся на пути. Нелегкий выбор. По дороге быстрее, но и больше вероятность, что узнают.

Единственный раз Ви встречалась с Кайларом, когда хотела убить его в доме Дрейков. Вышло довольно забавно. Король Гандер нанял Ви, которая пыталась убить его сына, чтобы она убила Кайлара, который пытался его защитить.

Она уложила его в постель и приставила нож к шее в тот же день, когда согласилась на контракт. Кайлар ей понравился. Для человека в его положении он был удивительно спокоен. И даже по-своему обаятелен.

Ви должна была убить его, но не решилась. Хотя нет, решимости хватало. В тот день ее руку остановила не нехватка воли и не гордость за то, что она так быстро закончила трудную

работу. Хью никогда ее не хвалил. Пусть и вынужденные, комплименты Кайлара казались искренними, к тому же далеко не со всеми мокрушник может говорить на узкопрофессиональные темы. Поэтому Ви уступила соблазну, причем Кайлар сыграл так бесхитростно, что она поверила.

Затем в комнату ворвался граф-благотетель, и Кайлар вонзил ей кинжал в плечо. Даже месяцы спустя плечо иной раз напоминало о себе болью. Ви немного потеряла в гибкости, хотя ее тут же показали колдунье, у которой лечился Хью.

В следующий раз она колебаться не будет.

По идее, убийство Джарла должно было поднять ей настроение. Ведь теперь она свободна. Она настоящий мокрушник, больше не ученица. Хью теперь и слова поперек не скажет. А если попробует, она его убьет, не беспокоясь об отголосках в Са'каге. Если Са'каге переживет то, что задумал король-бог.

«Я убила Джарла. — От этой мысли не избавиться. Два дня уже преследует. — Я убила самого близкого друга».

Подумаешь, убила. Любой ребенок может залезть на крышу и выпустить стрелу. Она ведь хотела промахнуться. Могла промахнуться, могла не стрелять вообще. Могла войти в дом, присоединиться к Джарлу и Кайлару и сражаться против короля-бога.

Не вошла. И не промахнулась.

Ви убила и теперь снова одинока. Едет туда, куда ехать не хочет, вопреки собственному желанию забирает маленькую девочку, заставляя человека, которого уважает, следовать за ней в ловушку.

«Ты жестокий бог, Нисос. Разве ты не мог оставить меня с чем-то, кроме праха и тлена? Мне, служившей тебе так преданно. От кинжала текут реки крови, из влагалища — реки спермы. Разве не заслужила я за это достойного места? Разве не заслужила хотя бы друга?»

Ви кашлянула и быстро заморгала. Чуть ли не до крови прикусила язык.

«Я не заплачу. Нисос получит кровь и сперму, но мои слезы — никогда. Будь ты проклят, Нисос!»

Однако вслух она это не произнесла. Слишком долго служила своему богу, чтобы его гневить.

Ви даже совершила паломничество — по дороге к намеченному убийству — в маленький городок винодельческой страны Сет, священной для Нисоса. Богу посвящали праздник урожая. Вино текло рекой. От женщин ждали самоотречения в пользу малейшей страсти. Придумали даже странную форму сказаний. Люди стояли на сцене, держа маски, и разыгрывал и трехактную пьесу. Сначала зрители наблюдали за страданиями смертных, их потребностью в богах, чтобы все исправить. Затем шла похабная комедия, развеселившая, похоже, каждого жителя и даже самого автора пьесы. Городок был в восторге. Люди хлопали в ладоши и рыдали, пьяно распевали праведные песни и совокуплялись как кролики. Неделю всем запрещалось отвергать сексуальные домогательства. Для Ви неделя показалась вечностью. Впервые в жизни она пожалела о том, что красива, и не без оснований. Пришлось даже переодеться в мешковатые брюки и просторную тунику — в надежде, что приставать будут реже.

«Ради чего все это служение, Нисос? Ради жизни? Хью почти сорок лет, и за все то время, что он тебе, как утверждает, служит, имя бога срывалось с его губ только в виде богохульства».

К тому времени, когда Ви вернулась к разложенным постельным принадлежностям, Ули осушила целый мех воды. Казалось, ее подташнивает.

— Если тебя стошнит на эти одеяла, так и будешь спать в грязи, — предупредила Ви.

— Кайлар тебя убьет, — отозвалась Ули. — Хоть ты и девушка.

— Я не девушка, а сука. И не советую забывать об этом.

Ви бросила ребенку мешок с едой, Ули его уронила.

— Ешь медленно и понемногу, не то вырвет, и умрешь.

Ули вняла совету и вскоре свалилась на постель, мгновенно заснув. Ви осталась

бодрствовать. Она устала, причем ужасно. Все тело ломило. Что ж, зато никаких других мыслей. Что хорошего в том, чтобы думать?

Ви заняла себя тем, что взялась прятать стоянку от постороннего взгляда. Утро выдалось туманным. Недалеко проходила дорога, однако они были в маленькой ложбине. Где-то рядом протекал ручей, бравший начало в горах Серебристого Медведя. Он журчал довольно громко, почти заглушая ржание лошадей. А поскольку костер она не разводит, присутствие здесь человека вряд ли кто заметит. Ви укрыла лошадей в густых зарослях. Села на корточки, прислонившись спиной к дереву, и попыталась убедить мозг, что тело смертельно устало.

Вдалеке послышался цокот копыт. Туман скрадывал звуки, но было ясно: лошади. Она вытащила меч и кинжал, который спрятала в ножны с ядом, затем взглянула на Ули. Может, попробовать заставить ее замолчать с помощью магии? Ви села и вгляделась в сторону, откуда шел звук.

Спустя мгновение появился Кайлар верхом, ведя под уздцы вторую лошадь. Должно быть, он скакал почти без остановок, меняя лошадей. Кайлар проехал в двадцати шагах. Затем чуть помедлил, выискивая брод. Лошадь Ви топнула копытом, и одна из лошадей Кайлара заржала.

Он чертыхнулся и дернул поводья. Когда переходил реку, Ули заворочалась. Лошади выбрались на другой берег, и цокот копыт начал затихать. Кайлар даже не повернул головы.

Ви хмыкнула и легла. Спалось ей замечательно.

Когда она проснулась уже под вечер, Ули все еще спала. Вот и славно. Времени на то, чтобы гоняться за ребенком, у Ви не было. На ее месте любой другой похититель просто связал бы девочку, да и дело с концом. Однако не те веревки, что связывают руки, самые крепкие. Оружием Ви стала не пеньковая веревка, а безысходность. Собственная выдумка Ули свяжет ее путами. Навсегда.

«Путы собственной выдумки. Я ведь об этом знаю все».

Чтобы разбудить девочку, Ви пнула ее ногой. Правда, не сильно. Спасение Ули было совсем близко, а она об этом даже не догадывалась.

31

Самое полезное, чему когда-либо научился Дориан, не оказалось сложным: он понял, как пить и есть, не выходя из транса. Теперь Дориан обходился без Солона, который будил его, наблюдая за неизбежными признаками обезвоживания, и мог поддерживать транс неделями.

Он знал, что выглядит полностью отрешенным от реальности, но на деле все было наоборот. Из маленькой комнаты в Ревущих Ветрах Дориан следил за всем. Халидорское вторжение обошло стороной сенарийский гарнизон. Почти вся армия Халидора просто использовала перевал Квориг, более чем в неделю пути к востоку. Со смертью отца Логана, герцога Регнуса Джайра, гарнизон возглавил молодой дворянин по имени Лерос Вэсс. Он действовал из самых лучших побуждений, но без командира не знал, что и делать.

Солон давал советы, которые со временем все больше походили на приказы. Если Халидор атакует Ревущие Ветра сейчас, то сделает это со стороны Сенарии, поэтому Солон перераспределил в стенах крепости оборону. Впрочем, нападения никто не ожидал. Честно говоря, Ревущие Ветра не имели никакого стратегического значения. Гэрот Урсуул мог позволить им состариться здесь и умереть. Все, что он потеряет, это торговый путь, которым не пользовались уже сотни лет.

Далеко на юге дела у Фейра шли не так блестяще, хотя можно было только восхищаться, как он следует за Кьюрохом. Перед Фейром лежал трудный путь, и Дориан ничем не мог его облегчить. Порой от этого Дориану становилось плохо. Он видел, как Фейр умирает в десятках разных жизней, иногда столь позорно, что Дориан даже плакал, не выходя из транса. В лучшем случае через два десятка лет Фейра ждет героическая смерть.

Как обычно, Дориан бродил рядом с линиями собственного будущего. Он нашел способ, как при этом не сойти с ума: просто наблюдал будущее других людей в тех местах, где они с ним встречались. Выходило не слишком. Приходилось изучать полдюжины линий, по которым с ним пересекались, и то, как выбор людей мог влиять на встречу. Выбор чей угодно, только не свой собственный. Дориан видел следствие, а не причину. Он не мог взять единственную линию своих выборов, чтобы посмотреть, куда она приведет. Время от времени Дориан видел свое лицо глазами других и мог догадаться, о чем думает, но то были редкие озарения. Долгая получалась песня, даже с трансом свыше месяца, и пока он собирал по кусочкам свою жизнь, все менялось.

Поэтому Дориан начал трогать свою жизнь напрямую. Сразу открылся ряд подробностей. Во-первых, в течение года он станет источником либо надежды, либо отчаяния для десятков тысяч людей.

Во-вторых, обнаружился зияющий провал поперек его возможных линий будущего. Дориан исследовал прошлое и выяснил, что провал возник из-за того, что в некоторых ветвях он предпочитал отречься от дара пророчества. Дориан был ошеломлен, хотя, конечно, думал об этом и раньше. После занятий с целителями он сумел найти только один способ вылечить крепнущее безумие — лишить себя дара. Однако дар, похоже, служил на благо всего мира, и Дориан с радостью терпел последствия, ибо знал, что способен помочь другим отвести беду.

В-третьих, к Ревущим Ветрам шла сама Хали.

У Дориана оборвалось сердце. Если она пройдет гарнизон, то попадет в Сенарию, где поселится в дьявольской тюрьме, которую называли Утробой. Гэрот Урсуул заставит двух сыновей построить ферали. Одного ферали бросит против армии мятежников. Это будет кровавая мясорубка.

Хали и ее окружение пока в двух днях от гарнизона. У Дориана есть время. Он оглянулся на собственную жизнь, пытаясь понять, как избежать катастрофы. Лица проносились мимо, водоворотом потянули вниз. Молодая жена Дориана, плачет. Девочка, повешена. Маленькая деревня на севере Уэддрина, где он мог жить с семьей Фейра. Рыжеволосый мальчик, который был ему как сын, пятнадцать лет назад. Он убивает братьев. Предаёт жену. Говорит жене правду и теряет ее навсегда. Золотая маска на лице Дориана плачет золотыми слезами. Он марширует с армией. Неф Дада. Армия уже позади. Одиночество, безумие и смерть, разными путями. Куда бы ни бросил взгляд, везде одни страдания. Всякий раз, когда Дориан выбирал для себя что-то хорошее, те, кого он любил, страдали.

«И ты знал? — спросила жена. — Знал все это время?»

«Нет!»

Дориан рывком сел на кровати, проснувшись. Солон дернулся в кресле напротив. Сделал жест, и лампы в комнате зажглись.

— Дориан? Ты вернулся! Надеюсь, все, что ты делал, очень важно, потому что мне хотелось разбудить тебя уже раз сто, не меньше.

У Дориана болела голова. Какой сегодня день? Как долго он был в отключке?

Ответ витал в воздухе. Хали приближается. Он ее чувствовал.

— Мне нужно золото, — заявил Дориан.

— Что? — переспросил Солон и потер глаза.

— Золото, мой друг! Мне нужно золото!

Солон указал на кошелек, лежавший на столе, и сунул ноги в сапоги.

Дориан высыпал золотые монеты в ладонь. Едва касаясь руки, монеты плавилась в шар, который мгновенно охлаждался, превращаясь в браслет вокруг запястья.

— Мало! Еще! Нельзя терять времени, Солон.

— Сколько?

— Сколько сможешь унести. Встретимся на заднем дворе. И поднимай солдат. Всех. Только не бей в колокол, как по тревоге.

— Проклятье, что случилось? — спросил Солон, на ходу застегивая перевязь.

— Нет времени!

Дориан уже выбегал из комнаты.

Он мог поклясться, что во дворе слышит запах Хали даже сильнее, хотя тот был чисто магическим. Возможно, она уже милях в двух. Сейчас полночь, и Дориан ожидал, что Хали нанесет удар за час до рассвета. В час ведьм, когда люди наиболее восприимчивы к ужасам ночи и обманным иллюзиям Хали.

Дориан попытался распутать все, что видел. Он не представлял себе, что гарнизон удержит крепость. Если Хали схватит его, последствия могут быть ужасны и для него, и для мира. Пророк в ее руках?! Дориан подумал о линиях будущего, которое видел для себя. Так ли уж велика жертва, если отказаться от возможности видеть будущее, которое неумолимо несется навстречу? Вот только... если он откажется от видений, то ослепнет, станет перекасти-полем, бесполезным для остальных. К тому же процедура эта довольно сложная. Он описывал ее Солону и Фейру: это все равно что бить по собственным мозгам острым камнем, чтобы остановить припадки. В идеале можно выжечь часть *таланта* так, что в конце концов он восстановится, но на это уйдут даже не годы. Если Хали возьмет его в плен, она может решить, что дар потерян навсегда, и убьет Дориана.

Он начал готовить Узоры раньше, чем понял, что решил. Темнота не смущала его. Дориан плел Узоры искусно, усиливал одни и откладывал их в сторону, держа готовые части как бы в одной руке. Когда магия соединилась, он понял, что недаром пребывал в видениях, жонглируя различными потоками времени и ставя маркеры в решающих точках. Проведенное время сторицей вернулось в магии. Всего лишь пять лет назад Дориан зашел так далеко, что тренировался держать семь нитей одновременно. Жестоко, особенно если знаешь: один промах, и можно лишиться памяти, стать идиотом или погибнуть. Сейчас это было легко. Во двор пришел Солон. Увидев, чем занимается друг, ужаснулся, но даже это не отвлекло Дориана.

Он резал, скручивал и тянул, прижигал и обметывал часть своего *таланта*.

Над внутренним двором повисла необычная тишина, странно плоская и причудливо сжатая.

— Боже... — прошептал Дориан.

— Что? — спросил Солон, с глазами, полными тревоги. — Что ты сделал?

Дориан был сбит с толку — как человек, который пытается стоять, потеряв ногу.

— Солон, его нет. Моего дара больше нет.

32

Кайлар въехал в городок Торрас-Бенд, в трех днях к северу от гор Серебристого Медведя. Шесть дней он яростно гнал лошадей, изредка ненадолго останавливаясь, чтобы дать им отдохнуть. Все тело от скачки в седле ломило. Торрас-Бенд лежал на полпути к Сенарии, у подножия гор Фасмеру, рядом с перевалом Форглин. Лошадям требовался отдых, ему тоже. К югу от города Кайлару пришлось даже подчиниться дозору лэ'нотов, искавшему магов. Королева Уэддрина явно не желала изгонять лэ'нотов из страны или не имела на то сил.

Он расспросил крестьянина, как добраться до постоянного двора, и вскоре уже сидел в теплом доме, наполненном запахами мясного пирога и свежего пива. В обычных тавернах пахло потом и выдохшимся пивом, однако люди северного Уэддрина привередливы. В их садах не росли сорняки, заборы стояли как новенькие, и даже дети почти не ходили грязнулями. Жители гордились своим трудолюбием, а внимание к мелочам у простых людей было невероятным. Восхитился бы даже Дарзо. В общем, отличное место для отдыха.

Войдя в общую комнату, Кайлар заказал столько еды, что хозяйка дома вскинула брови. Сел без посторонней помощи. Ноги гудели, задница — сплошной синяк. Век бы не подходить к лошади. Он закрыл глаза, тяжело вздохнул, и только божественные запахи с

кухни удерживали от желания немедленно пойти спать.

Наверное, полдеревни мужчин прошло через могучую дубовую дверь постоянного двора, чтобы распить с друзьями пинту, прежде чем отправиться домой. Определенно, здесь это еженощный ритуал. Кайлар не замечал ни людей, ни их любопытных взглядов. Он открыл глаза, лишь когда дородная женщина лет пятидесяти поставила перед ним два огромных мясных пирога и внушительную пивную кружку.

— Думаю, пиво госпожи Зоралат вам понравится не меньше, чем пироги, — сказала женщина. — Могу я составить вам компанию?

Кайлар зевнул.

— Ах, простите, — ответил он. — Да, конечно. Меня зовут Кайлар Стерн.

— Чем занимаетесь, господин Стерн? — спросила она, усаживаясь.

— Я, гм, по сути дела, воин.

Он снова зевнул. Хотелось ответить: «Я — мокрушник», чтобы просто увидеть реакцию старой козы.

— За кого воюете?

— А вы кто? — спросил он.

— Ответьте на мой вопрос, и я отвечу на ваш, — сказала она, будто перед ней непослушный ребенок.

Довольно справедливо.

— За Сенарию.

— У меня сложилось впечатление, что такой страны больше нет, — заметила она.

— Да неужели?

— Халидорские головорезы. Майстеры. Король-бог. Завоевания. Изнасилования. Мародерство. Железный кулак правителя. Вам это о чем-нибудь говорит?

— Пожалуй, кое-кого это отпугнет, — сказал Кайлар.

Он улыбнулся и покачал головой своим мыслям.

— Вы тоже многих пугаете, не так ли, Кайлар Стерн?

— Еще раз: как ваше имя? — напомнил он.

— Ариэль Вайант Са'фасти. Можете звать меня сестра Ариэль.

Усталость как рукой сняло. Кайлар потрогал в себе ка'кари, убеждаясь, что может вызвать его мгновенно. Сестра Ариэль мигнула. Что-то заметила?

— По-моему, для таких, как вы, эта часть мира сейчас опасна, — сказал Кайлар.

Он не мог припомнить историй, но что-то связывало Торрас-Бенд с гибелью магов.

— Верно, — признала она. — Здесь исчезла одна из наших молодых и отчаянно храбрых сестер. Я приехала ее разыскать.

— Темный Охотник, — наконец-то вспомнил он.

За столами вокруг утихли разговоры, и к Кайлару повернулись угрюмые лица. Насколько он мог судить, тема Темного Охотника здесь не слишком популярна.

— Извините, — пробормотал он и набросился на мясной пирог.

Сестра Ариэль молча наблюдала, как он ест. В душу Кайлара вкралось подозрение. Что бы сказал Дарзо, если б узнал, что он ест пищу, которую подала на стол майя? Впрочем, Кайлар уже дважды умирал — а может, и трижды — и снова жив-здоров, так какого черта? К тому же пироги вкусные, а пиво еще лучше.

И снова захотелось узнать, так ли было у Дарзо. Жил он веками, но могли, подобно Кайлару, воскресать? Должен был. Впрочем, своей жизнью Дарзо никогда не рисковал. Может, лишь потому, что ка'кари покинул учителя раньше, чем Кайлар стал его учеником? Иногда Кайлар задавался вопросом, нет ли у его способностей недостатков. Жизнь столетиями, убить — невозможно. Только бессмертным он себя не чувствовал. Не ощущал даже ту силу, которую, как думал еще мальчишкой, ощутит, когда станет мокрушником. Теперь он мокрушник, даже больше, и одновременно все тот же Азот — беспомощный, напуганный ребенок.

— Сестра, вы случаем не видели проезжавшую здесь красивую женщину? — спросил

он.

Ви теперь знает, где живет Кайлар. Она расскажет королю-богу, и тот уничтожит все и всех, кого он любил. Таков стиль Гэрота.

— Нет, а что?

— Если увидите, — сказал он, — убейте ее.

— За что? Она ваша жена? — ухмыльнулась Ариэль.

Кайлар бросил на нее тусклый взгляд.

— Бог меня ненавидит, но еще не настолько. Она убийца.

— Значит, вы не воин, а охотник за убийцами.

— Я за ней не охочусь. Хотя надеюсь, случай еще представится. Она может здесь проехать.

— Что уж такое важное заставляет вас отказаться от правосудия?

— Ничего, — ответил он, не раздумывая. — Кроме того, что правосудие слишком долго отвергалось в других местах.

— Где? — спросила она.

— Достаточно сказать, что у меня задание во имя короля.

— В Сенарии нет другого короля, кроме короля-бога.

— Пока нет.

Ариэль подняла бровь.

— Человека, который может объединить Сенарию против короля-бога, нет. Разве что Тэра Грэзин, если б была мужчиной.

Кайлар улыбнулся.

— Я смотрю, вы, сестры, любите думать, что все у вас просчитано?

— Вы просто взбешенный юный неуч.

— Равно как и вы — старая потертая кошелка.

— Вы и вправду решили, что ради вас я убью молодую женщину?

— Ничего я не решил. Извините, устал. Совсем забыл, что рука «Серафима» простирается дальше палат из слоновой кости лишь затем, чтобы подгрести под себя.

Губы Ариэль сжались в тонкую линию.

— Молодой человек, дерзости я не потерплю.

— Сестра, вы уступили упоению властью. Любите наблюдать, как люди вздрагивают. — Он презрительно поднял бровь. — Что ж, заставьте меня побледнеть от страха.

Ариэль притихла.

— Еще одно искушение власти, — заметила она, — избавляться от тех, кто тебе досаждают. Вы, Кайлар Стерн, меня искушаете.

Он улучил минутку и зевнул. Не нарочно, просто другого удобного случая не представилось. Ариэль покраснела.

— Говорят, сестра, что преклонный возраст сродни второму детству. Помимо всего прочего, в тот же миг, когда тронете силу, я вас убью.

«Проклятье, я не могу остановиться. Неужели и впрямь готов перейти границу, разделяющую надвое всех магов мира, лишь потому, что меня раздражает какая-то старуха?»

Вместо того чтобы рассердиться еще больше, Ариэль призадумалась.

— Вы способны точно сказать, когда я привлекаю магию?

Кайлар на уловку не поддался.

— Есть только один способ выяснить, — сказал он. — Однако будет хлопотно избавиться от вашего трупа и замести следы. Особенно когда вокруг столько свидетелей.

— Как же вы заметете следы? — тихо спросила она.

— Послушайте. Вы в Торрас-Бенд. Как по-вашему, сколько магов из тех, что убил здесь Темный Охотник, и впрямь были им убиты? Не будьте наивной. Эта хреновина, возможно, даже не существует.

Ариэль нахмурилась, и он понял, что сестра об этом даже не думала. Маг есть маг и не

рассуждает, как мокрушник.

— Что ж, — ответила она. — В одном вы не правы. Охотник существует.

— Откуда знаете, если все, кто когда-либо ушел в лес, погибли?

— Нет уж, юноша, узнайте сами. Докажите, что все мы сумасшедшие. Способ есть.

— Пойти в лес? — уточнил он.

— Не вы первый, кто пытался.

— Зато буду первым, у кого получится.

— Вижу, вы страшно любите хвастать о том, что могли бы сделать, имея время.

— Довольно справедливо, сестра Ариэль. Принимаю вашу поправку — до того дня, когда у Сенарии будет король. А теперь позвольте откланяться...

— Одну минутку, — попросила она, когда Кайлар встал. — Я намерена воспользоваться магией, но клянусь Белым Серафимом, что вас не трону. Если соберетесь меня убить, останавливать не буду.

Ариэль не стала ждать ответа. Кайлар увидел, как вокруг нее возник бледно-радужный нимб. Он быстро и последовательно сменил все цвета, причем одни казались насыщенней других. Что это? Проявление ее силы в различных дисциплинах магии? Он приготовил ка'кари, чтобы разрушить любую магию, какую бы ни направила на него сестра, — надеясь, что помнит, как это делал раньше, хотя и сомневался, что приходилось, — но первым не ударил.

Нимб застыл. Сестра Ариэль Вайант просто глубоко дышала носом. Затем нимб исчез. Она кивнула — пожалуй, удовлетворенно.

— Собаки находят, что человек вы очень странный.

— Что? — удивился он.

Действительно, так оно и было. Хотя Кайлар никогда об этом всерьез не задумывался.

— Может, сами расскажете, — заметила она, — почему спустя дни нелегкого пути верхом от вас не пахнет потом, лошадьё и грязью? На самом деле вы вообще ничем не пахнете.

— Не сочиняйте, — буркнул он, отходя. — Всего хорошего, сестра.

— До новой встречи, Кайлар Стерн.

33

Мамочка К. стояла на лестничной площадке, оглядывая пол хранилища. Псы Агона, как они решили себя назвать, тренировались под ее неусыпным оком. Отряд сократился до ста человек, и Мамочка К. не сомневалась, что теперь о его существовании хорошо известно.

— Думаешь, они готовы? — спросила она генерала, который с трудом поднимался по лестнице, опираясь на трость.

— Дополнительная подготовка сделает их лучше. Сражение ускорит дело. Но это будет стоить жизни, — ответил он.

— А твои охотники на ведьм?

— Они не иммурцы. Это иммурец может изрешетить человека стрелами с дистанции в сотню шагов, пуская лошадь галопом прочь от цели. Надеяться я могу в лучшем случае на то, что десять воинов подойдут на дальность выстрела, остановятся, выпустят стрелы и продолжат идти, пока в них не начнут бросать зажигательные ядра. Мои охотники не стоят луков, которые несут, — и все равно они чертовски лучше, чем все, что у нас есть.

Мамочка К. улыбнулась. Агон приуменьшал возможности своих людей. Она видела, как те стреляют.

— Как насчет твоих проституток? — спросил Агон. — Готовы ли они пожертвовать собой?

Он стоял рядом с ней, наблюдая за тренировкой.

— Ты был бы крайне удивлен, если бы видел их лица, Брэнт. Я словно вернула им души. Они умирали и теперь вернулись к жизни, все сразу.

— От Джарла пока ни слова?

Голос Агона звучал напряженно, и Мамочка К. видела, что, несмотря на стычки с юношей, генерал за него беспокоился.

— И не будет. До поры до времени.

Она положила руки на поручень и случайно коснулась его пальцев.

Брэнт посмотрел на свою руку, затем в ее глаза и быстро отвел взгляд.

Мамочка К. поморщилась и убрала руку. Десятилетия назад Агон был слегка высокомерен — полон юношеской уверенности, что чуть ли не все может делать лучше, чем кто-либо другой. Сейчас это ушло. На смену пришла трезвая оценка своих сильных и слабых сторон. С годами он стал закаленным. Гвинвера знавала мужчин, погубленных женами. Мелочные женщины, ощущая постоянную угрозу, так долго, годами подрывали авторитет мужей, что те в конце концов переставали в себя верить. Такие женщины обогатили Мамочку К. Знавала она и мужчин, ставших постоянными клиентами, у которых были прекрасные жены, и мужчин, пристрастившихся к борделям так же, как другие — к вину. Однако основной бизнес делался на мужчинах, отчаявшихся оттого, что их не считали мужественными, сильными, благородными. Хорошими любовниками.

Таков был один из многих нюансов ее дела. За всем этим они приходили в бордель.

Мужчины, верила Мамочка К., слишком простодушны, чтобы удержаться от соблазнов дома наслаждений. Ее задачей было сделать эти соблазны многогранными, и она справлялась на «отлично». В число заведений входили не только публичные дома, но и переговорные, курительные комнаты, салоны, беседы на все темы, любимые мужчинами. Еда и напитки — всегда лучше, чем у конкурентов. Цены — ниже. В элитные заведения она приглашала шеф-поваров и винных дел мастеров со всей Мидсайру. Как ресторатора, Мамочку К. преследовали сплошные неудачи. Эта часть ее бизнеса из года в год приносила убытки. Однако мужчины, заходившие в бордели поесть, оставались, чтобы потратить деньги иначе.

Те немногие Брэнты Агоны, что еще попадались, не трахали ее девочек по двум причинам: они были счастливы в семье и пропускали дам вперед. Мамочка К. не сомневалась, что Агона за это высмеивали. Над мужчинами, которые редко посещают дома наслаждений, всегда издеваются те, кто там частый гость.

Брэнт был целостной натурой — честный, убежденный. Он напоминал ей Дарзо.

Мысль копьем пронзила сердце. Дарзо нет в живых уже три месяца. Как же она по нему тосковала! В любви к нему она была совсем беспомощна. Дарзо был единственным, кто ее понимал. Мамочка К. слишком этого боялась, чтобы позволить любви окрепнуть. Она оказалась трусихой: лишала их дружбу искренности. И дружба, как растение в пустом горшке, зачахла. Дарзо стал отцом ее ребенка и узнал об этом лишь за несколько дней до смерти.

Теперь Мамочке К. пятьдесят, почти пятьдесят один. Годы ее щадили. Обычно она выглядела моложе лет на пятнадцать. Ну, на десять — уж точно. Захотела бы совратить Брэнта, все еще при ней — так ей казалось.

«Став однажды шлюхой, остаешься ею навсегда. Верно, Гвин?»

Обычно Мамочка К. презирала старых женщин, цепляющихся за потерянную молодость лакированными ногтями. Теперь она сама такая же. Отчасти ей хотелось совратить Брэнта, лишь бы только доказать себе, что еще способна на это. Ведь прошли годы с тех пор, как она принимала в своей постели мужчину. Тысячи раз это была работа, но лишь изредка ей нравился сиюминутный любовник. Потом — Дарзо. В ту ночь, когда они зачали Ули, он так перестарался с грибами, что на любовника почти не тянул. И все же мысль о том, что в постели рядом с ней любимый мужчина, переполнила ее чувствами. Любовь и печаль так пронзили душу, что во время физической близости она плакала. Даже под кайфом Дарзо прервался и спросил, не делает ли ей больно. После чего Мамочке К. пришлось включить все мастерство, чтобы заставить его продолжить. Дарзо был нежным и заботливым любовником.

Теперь их ребенок воспитывался Кайларом и Эленой. Единственный обман, о котором Мамочка К. не сожалела. С этими двумя Ули будет хорошо.

И все же она устала обманывать. Устала брать и никогда не отдавать. Нет, Брэнта совращать не хочется. Мамочка К. знала, что он ее желает, да и жена его, скорей всего, мертва. Как долго такой мужчина, как Брэнт Агон, будет ждать любимую женщину?

«Вечно. Он такой».

...Тридцать с чем-то лет назад они встретились на вечеринке, первой для нее в доме знатного вельможи. Тот влюбился с первого взгляда. Мамочка К. позволила за собой поухаживать, ни словом не обмолвившись, чем занималась, кем была. Мужчина оказался галантным, уверенным в себе. Явно настроенным оставить след в этом мире. Он был так трогательно осторожен в ухаживании, что целый месяц не просил о поцелуе.

Мамочка К. дала волю фантазии. Вельможа женится на ней, оградит от всех ужасов, которые она так отчаянно хотела оставить позади.

В ночь первого поцелуя знатный дворянин отнесся к ней словно к самой любимой проститутке, которую когда-либо снимал.

Брэнт прослышал, вызвал его на дуэль и убил. Гвинвера бежала. На следующий день Брэнт узнал всю правду. Он добровольцем ушел на войну и попытался с честью погибнуть, сражаясь на кьюрской границе.

Однако Брэнт Агон оказался слишком живуч. Несмотря на презрение Агона к политиканству и лизоблюдству, за боевые заслуги его неоднократно повышали в звании. Он женился на простой девушке из семьи торговца. По общему мнению, их брак был счастливым.

— Сколько времени займет подготовка? — спросила она.

Мамочка К. надеялась, что безрассудная страсть Брэнта умерла. Она поможет ему слукавить. В конце концов, в этом ей нет равных.

— Гвин.

Она повернулась и посмотрела ему в глаза. Маска на месте, взгляд холодный.

— Да?

Он выдохнул полной грудью.

— Я любил тебя годами, Гвин, даже после...

— Моего предательства?

— Твоего опрометчивого шага. Сколько тебе тогда было? Шестнадцать, семнадцать? Ты прежде всего обманула себя и, думаю, страдала больше моего.

Она фыркнула.

— Несмотря на это, — продолжал Агон, — зла я на тебя не держу. Ты прекрасная женщина, Гвин. Даже прекраснее моей Лизы. Так восхитительна, что я чувствую: когда бежишь трусцой, мне надо лететь что есть духу, чтобы не отставать. С Лизой совсем по-другому. Ты мне... глубоко небезразлична.

— Тем не менее.

— Да. Тем не менее, — сказал он, — я люблю Лизу, и она меня — тоже, через тысячи испытаний. Она заслужила все, что я могу дать. Есть у тебя нежные чувства ко мне или нет, я сохраню надежду, что моя Лиза жива, буду просить — нет, умолять! — чтобы ты помогла мне остаться ей верным.

— Ты выбрал нелегкий путь, — заметила она.

— Не путь, а сражение. Жизнь иногда — поле боя. Мы должны делать то, что знаем, а не то, что хотим.

Гвинвера вздохнула, но на душе стало легче. Попытка избежать внимания Брэнта свободно могла превратиться в стремление избежать самого Брэнта, а ведь сейчас им надо работать бок о бок. Неужели оставаться честной так легко? Могла ли она сказать просто: «Дарзо, я люблю тебя, но боюсь, что погубишь»? Брэнт только что показал, в чем его уязвимость, признался, что равнодушен к ней, однако выглядел при этом не слабее, а сильнее. Как такое может быть? Неужели в правде столько силы?

И тогда она поклялась сердцем, что не будет искушать этого человека ради своего тщеславия. Ни голосом, ни случайными прикосновениями, ни платьем. Пора сложить все

оружие в арсенал. От такой решимости Мамочка К. почувствовала себя странно-хорошо.

— Спасибо, — сказала она и приветливо улыбнулась. — Когда они будут готовы?

— Через три дня, — ответил Брэнт.

— Тогда заставим ночь побагроветь!

34

Солон бросил на землю два кожаных мешка, каждый весом по пятьсот монет, и подхватил ясновидящего, когда тот пошатнулся. Вначале он даже не понял, что сказал Дориан.

— О чем ты толкуешь?

Дориан отпихнул руку Солона. Накинул плащ, пристегнул пояс для меча и взял две пары наручников.

— Сюда, — сказал он, выхватывая у Солона один из мешков и направляясь к открытой дороге, ведущей от стены.

За стеной простиралась голая каменистая земля. Ярдов на полтора ее расчистили от деревьев. Дорога, широкая даже для шеренги в двадцать человек, тем не менее была изрыта ямами и разбита множеством ног и фургонов. Грязь вперемешку с твердыми камнями.

— Хали идет, — сказал Дориан прежде, чем Солон вновь спросил, что случилось. — Я отказался от дара пророчества на случай, если она возьмет меня в плен.

Солон онемел.

Дориан остановился под черным дубом, который рос на скалистом выступе, нависавшем над дорогой.

— Она здесь. До нее не более полулиги. — Дориан, не отрываясь, смотрел на дерево. — Должно хватить. Только убедись, что ступаешь по камням. Если заметят следы, меня найдут.

Солон не шелохнулся. Дориан в конце концов сошел-таки с ума. Раньше все было ясно: он просто впадал в ступор. Однако сейчас, казалось, действовал очень разумно.

— Хватит, Дориан, — сказал Солон. — Пойдем обратно к стене. Утром переговорим.

— Утром стены уже не будет. Хали нанесет удар в час ведьм. У тебя в запасе пять часов, чтобы вывести людей из крепости. — Дориан вскарабкался на выступ. — Кидай мне мешки.

— Хали, Дориан? Она же миф. Хочешь сказать, что богиня отсюда в половине лиги?

— Не богиня. Возможно, один из мятежных ангелов, которого изгнали из рая и позволили вечно ходить по земле.

— Ну да, конечно. Полагаю, она прихватила с собой дракона? Мы могли бы обсудить...

— Драконы сторонятся ангелов, — сказал Дориан с печатью разочарования на лице. — Ты собираешься меня покинуть? Сейчас, когда нужна твоя помощь? Разве я тебе когда-либо лгал? Ты думал, что Кьюрох — тоже миф, пока мы его не нашли. Ты мне нужен. Когда Хали пройдет сквозь стену, случится ужасное. Одно ее присутствие несет все худшее. Худшие страхи, воспоминания и грехи. Верх во мне возьмет надменность: я могу сделать попытку бороться с Хали и проиграю. Или меня охватит жажда власти, и я к ней присоединюсь. Она меня видит насквозь — и ломает.

Солон не выдержал взгляда пророка.

— Что, если ты не прав? Что, если это просто безумие, о котором ты так долго предупреждал?

— Если на рассвете стена выстоит, узнаешь.

Солон закинул мешки Дориану наверх, затем осторожно поднялся сам, не оставляя на земле ни единого отпечатка.

— Что ты делаешь? — удивился он, когда пророк с улыбкой высыпал золото на землю.

Дориан потянул за наручники, и железные цепи, их соединявшие, разорвались, точно

бумажные. Он бросил наручник в горку монет, и тот булькнул туда, словно в жидкость. За ним последовали остальные три, и куча монет с каждым разом таяла. Дориан сунул руку в монеты, достал наручники, теперь покрытые золотом, и надел себе на запястья. Он растянул железки второй пары и защелкнул наручники вокруг бедер, прямо над коленями.

Это было поразительно. Дориан всегда говорил, что владение виром принижает его *талант*, и вот вам, пожалуйста. Искусно и непринужденно плавит золото и железо.

В следующую минуту Дориан изваял последние монеты в четыре узких пика и нечто похожее на чашу. Он сделал перерыв и сосредоточился. Солон ощущал дыхание чар, пролетавших мимо и тонувших в металле. Спустя две минуты Дориан остановился и что-то зашептал черному дубу.

— С ней будут усталые души, — сказал пророк. — Чтобы служить Хали, они отказались почти от всего человеческого. Однако не они представляют опасность. Сама Хали. Солон, не думаю, что ты сможешь ее победить. Уводи отсюда людей туда, где их смерть может принести пользу. Но... если она прорвется в Сенарию, то сыновья Гэрота Урсуула сделают двух ферали. Король-бог бросит их на войска Сопротивления. Вот что я видел.

— Ты ведь не сделал это по-настоящему? Не уничтожил свой дар? — догадался Солон.

— Если я тебя, мой друг, больше не увижу, да пребудет с тобой господь, — сказал Дориан.

Он вплавил золотые пики в наручники и встал за дубом на колени. Затем с неестественной легкостью вонзил пики в дерево. Руки поднял высоко, широким обхватом. Колени преклонил, явно собираясь вымолить свой путь через тяжкие испытания, и Солон почувствовал укол зависти. На сей раз не к силе Дориана, его происхождению или цельной натуре, простой и незаметной. Он завидовал уверенности Дориана. Мир пророка был предельно ясным. Хали для него — не богиня и не плод воображения халидорцев, не просто древний монстр, который обманом заставил поклоняться ему людей Халидора Она — ангел, которого изгнали из рая.

В мире Дориана всему свое место. Существует определенная иерархия. Одно другому соответствует. Даже человек с огромными способностями Дориана может быть скромным, потому что знает: другие люди намного лучше, пусть он никогда их и не встречал. Дориан мог бесстрашно назвать зло — злом, мог без ненависти утверждать, что кто-то сделал зло или служил ему. Солон таких людей не знал. Кроме, разве что, графа Дрейка. Где он сейчас? Погиб в битве за Сенарию?

— К чему все это? — спросил Солон, поднимая то, что было золотой чашей.

Теперь она напоминала нечто среднее между шлемом и маской. Как раз по голове Дориана; закроет полностью. В носу остались две маленькие дырочки для дыхания. Солон перевернул маску. На него смотрел точный слепок лица пророка; из глаз текли золотые слезы.

— Это уберезет меня от того, чтобы видеть Хали, слышать ее и кричать в ответ. Удержит на месте. Поможет не поддаться последнему соблазну — вере в то, что я достаточно силен, чтобы с ней бороться. Надеюсь, удержит и от применения вира. Вот только я не могу связать себя магией. Ты нужен, чтобы сделать это. После того как Хали пройдет мимо, я смогу ускользнуть — когда встанет солнце и вновь наполнит мой *талант*. Так что обо мне не беспокойся. Если тебе понадобится золото, оно останется здесь.

— Ты уходишь. И неважно от чего.

Дориан улыбнулся.

— Только не спрашивай куда.

— Удачи, — сказал Солон.

Комок в горле напомнил ему, как хорошо не быть снова одиноким. Даже ссоры с Фейром и Дорианом куда лучше, чем мир без друзей.

— Ты был мне братом, Солон. Верю, что мы встретимся опять, прежде чем все закончится, — сказал Дориан. — А теперь поторопись.

Солон примерил золотой шлем к голове Дориана и закрепил его магией, самой сильной, на которую был способен, почти опустошив запас. Все. Теперь до рассвета больше никакой магии. Неутешительная мысль. Спустившись вниз со скалистого выступа, он мог поклясться, что видел, как открытые руки Дориана обрастают корой.

С дороги Дориан был незаметен.

— Прощай, брат.

Солон повернулся и зашагал к стене.

Теперь остается убедить Лероса Вэсса, что Солон не обезумел и не несет полный бред.

35

Король-бог восседал на троне из огнеупорного стекла, который приказал высечь из скалы в Утробе. Режущая глаз чернота служила ему напоминанием, одновременно возбуждала и успокаивала.

Перед ним стоял сын. Его первый настоящий сын, а не просто семя чресл. Король-бог разносил семя широко и далеко. Он никогда не считал сорняки, пустившие корни, своими сыновьями. Так, ублюдки. Гэрот о них не думал. Интересовали его только те мальчики, которые станут вюрдмайстерами. Однако далеко не всякий мог выдержать такую тренировку. Лишь единицы из числа тех, кто родился с задатками магов, выживали, чтобы стать его этелингами — сыновьями, достойными трона. Каждому из них давался уурдтан, последнее жестокое испытание, чтобы доказать свою ценность. Пройти его пока удалось только Мобуру. И только Мобуру он признает сыном. Но тем не менее еще не наследником.

Говоря по правде, Мобуру его огорчал. Гэрот помнил мать мальчика. Что-то вроде принцессы острова, плененной в дни перед тем, как империя Сета разбила флот короля-бога. Он увлекся принцессой и, пока бесконечная процессия других женщин, высшего и низшего сословий, желавших того или нет, проходила через его опочивальню, пытался завоевать ее сердце по-настоящему. Она была такой же необузданной и пылкой, как он — расчетливым и холодным. Очаровательная, экзотичная. Гэрот испробовал все, кроме магии. С юношеской уверенностью он считал, что перед ним не устоит ни одна женщина.

Спустя год она по-прежнему его надменно презирала. Ни во что не ставила. Как-то ночью он потерял терпение и изнасиловал ее. После чего собирался задушить, но, как ни странно, устыдился. Позднее Неф сказал ему, что принцесса беременна. Гэрот выкинул ребенка из головы, пока Неф не доложил, что мальчик прошел все испытания и готов к уурдтану. Гэрот дал Мобуру уурдтан, не сомневаясь, что посылает юношу на верную смерть. Однако тот выполнил задачу так же легко, как все другие, поставленные перед ним Гэротом.

Самым скверным было то, что наследник, претендующий на трон Халидора, ни на йоту не выглядел халидорцем. У него были глаза матери, ее грудной голос и — ладешкая кожа.

Горько и обидно. Ну почему не смог Дориан? Гэрот возлагал на него такие надежды. Дориан нравился ему. Он прошел уурдтан, а затем предал Гэрота. Куда меньше король-бог надеялся на того, кто называл себя Ротом. Но тот хотя бы был похож на халидорца.

Мобуру носил регалии командира алитэрской кавалерии: красная парча, расшитая золотом, и знак в виде головы дракона. Юноша умный и смелый, исключительно самоуверенный. Несмотря на ладешкую кожу, почти красавец (неохотно признавал Гэрот), с репутацией одного из лучших наездников. Безжалостный. Конечно. Он держался, как и должен держаться сын короля-бога. Покорность в облике так же естественна, как и повседневная одежда.

Гэрота это раздражало, но, кроме себя, винить было некого. Он строил жизни своих отпрысков так, что те, кто выживал, получались всегда точь-в-точь как Мобуру. Проблема состояла в том, что король-бог замыслил испытания, чтобы получить несколько кандидатов. В таком случае их внимание сосредоточилось бы друг на друге. Брат начал бы плести интриги против брата — что вполне устраивало отца. Однако теперь, когда Дориан его покинул, Рот мертв, а другие и близко не способны на уурдтан, остался один Мобуру. Скоро

амбиции юноши обратят его взор на самого короля-бога. Если уже не обратили.

— Какие новости из Фриза? — спросил Гэрот.

— Плохие, ваше святейшество, как мы и предполагали. Может, даже хуже. Клань выдвинули ультиматум. Они согласились на перемирие и теперь собираются перезимовать рядом с границей, чтобы весной примкнуть к боевому отряду. Выращивают крула, а возможно, и зела с ферали. Если преуспеют в этом, то в ближайшие девять месяцев увеличат их число.

— Как, во имя Хали, нашли они место для их создания? — чертыхнулся Гэрот. — У себя, в вечной мерзлоте?

— Мой господин, — сказал сын. — Эту угрозу можно легко нейтрализовать. Я взял на себя смелость и приказал, чтобы сюда доставили Хали. Она пройдет через Ревущие Ветра. Так быстрее.

— Что ты приказал?! — Ледяной голос Гэрота звучал угрожающе.

— Она уничтожит один из наиболее грозных гарнизонов Сенарии, избавляя вас от головной боли. Прибудет через несколько дней. Под замком есть идеальное место. Местные называют его Утробой. С Хали мы сможем вырастить армию, какой свет еще не видывал. Это место пропитано страданием. За семь столетий пещеры под Халирасом выработаны. Крул, которого могут вырастить наши вюрдмайстеры, — ничто по сравнению с тем, чего возможно добиться здесь.

Король-бог напрягся, однако на лице не дрогнул ни единый мускул.

— Сын, дорогой мой. Ты никогда не выращивал крула, ни разу не выковывал ферали и не разводил ферози. Ты даже не представляешь, чего это стоит. Вот почему я использовал людские армии, чтобы завоевать горцев, речные клань, Тланглангов и Гростов. Я укрепил свою власть в стране и четырежды расширял границы — и никогда не использовал крула. Знаешь, как начинают сражаться люди, зная, что если проиграют, то их семьи будут съедены? Они бьются до последнего человека. Даже детей вооружают луками. А женщины хватаются за кухонные ножи и кочерги. Я видел это в детстве, и крул ровным счетом ничего не дал моему отцу.

— У вашего отца не было вира.

— Дело не только в воре. Разговор окончен.

Мобуру никогда не осмеливался заговаривать с ним в таком тоне. Да еще без спросу приказал доставить Хали!

Впрочем, Гэрот солгал. Делал он и крула, и ферози. И даже ферали, который убил двух его последних братьев. Гэрот зарекся: больше никогда. Никаких чудовищ, кроме нескольких пар ферози, над которыми он работал, чтобы однажды послать в лес Иаосиан за сокровищами Эзры. За этих ферози уже заплачено сполна, и взять с него больше нечего.

Хотя Мобуру, пожалуй, прав. Вот что самое скверное. Гэрот привык относиться к нему на равных. Так, как другие отцы относятся к своим сыновьям.

Это ошибка. Он выказал нерешительность. Безусловно, Мобуру уже готовит заговор с целью захвата трона. Гэрот мог бы его убить, но Мобуру слишком ценное оружие, чтобы избавляться от него так легкомысленно. Будь он проклят! Почему так жалки его братья? Мобуру нужен соперник.

Король-бог поднял палец.

— Я передумал. Сын, поразмысли вслух. Изложи мне свои доводы.

Мобуру начал не сразу, его распирало от самодовольства.

— Я допускаю, что наши армии могут устоять против дикарей из Фриза. Даже если их клань останутся вместе, чашу весов в нашу пользу склонят вюрдмайстеры. Однако чтобы это сделать, нам придется послать на север всех мало-мальски одаренных майстеров. Если честно, то худшего времени не придумаешь. Сестры напуганы, становятся все более подозрительными. Некоторые говорят, что с нами нужно сражаться именно сейчас, пока мы не станем еще сильнее. Известно, что кьюрцы воспользуются малейшей слабостью, чтобы хлынуть через границу. Сотни лет они мечтали захватить Сенарию.

— Кьюрцы расколоты.

— Блестящий молодой генерал по имени Лантано Гаруваши собирает массу сторонников в северной части Кьюры. До сих пор он не проиграл ни одного сражения, ни одной дуэли. Если пошлем наши армии и майстеров на север, он того, возможно, и ждет, чтобы объединить Кьюру и напасть. Маловероятно, но возможно.

— Продолжай, — сказал король-бог.

О Лантано Гаруваши он знал все. Да и о сестрах не волновался, поскольку самолично спровоцировал их текущий политический кризис.

— Похоже, что Са'каге организовано гораздо лучше, а его руководство более умело, нежели нам представлялось. Работа нового шинги, Джарла. По-моему, это показывает, что он вошел в новую стадию...

— Джарла нет в живых, — заметил Гэрот.

— Не может быть. Я не нашел ни единого признака...

— Джарла нет в живых уже неделю.

— Но ведь не было даже слухов, а с таким уровнем организации... я не понимаю, — пробормотал Мобуру.

— Тебе и не нужно, — сказал Гэрот. — Продолжай.

О, сейчас Мобуру выглядел куда менее уверенным. Отлично. Явно хотел спросить что-то еще, но не посмел. Юноша запнулся, потом сказал:

— Ходят слухи, что Шо'сенди посылает делегацию, чтобы изучить, как они выражаются, мнимую угрозу Халидора.

— Твои источники называют это делегацией? — тонко улыбнувшись, спросил Гэрот.

Мобуру нахмурился.

— Д-да. Если маги решат, что мы представляем опасность, они вернутся в Шо'сенди и по весне нагрянут с армией — в то самое время, когда материализуются и другие угрозы.

— Эти делегаты — боевые маги. Шесть магов высшей ступени. Кьюрцы верят, что нашли и потеряли меч Джорсина Алкестеса, Кьюрох. Теперь им кажется, что он здесь, в Сенарии.

— Откуда вы это знаете? — затрепетав, спросил Мобуру, — Мой источник сидит в высшем совете кьюрцев.

— Мне рассказал твой брат, — ответил Гэрот, довольный поворотом в беседе. Он снова на подходящем месте. Управляет. Полон жизни. Движет миром, опираясь на свои желания. — Он один из делегатов.

— Мой брат?!

— Ну, не совсем еще брат. Думаю, ты догадываешься, каков его уурдтан. Посложнее твоего будет.

Мобуру проглотил обиду, и Гэрот отметил, что стрела попала в самое сердце.

— Он должен вернуть Кьюрох? — спросил юноша.

На тонких губах Гэрота снова заиграла улыбка. Он видел, о чем думает Мобуру. Сын, вернувший Кьюрох, будет очень влиятелен, получит благосклонность. И в самом деле, Кьюрох — слабое место короля-бога. Если какой-то из сыновей завладеет мечом, то может его и не вернуть. Кьюрох даст силу бросить вызов самому Гэроту. Мобуру это вычислил мгновенно. Однако у короля-бога уже были на то свои планы. Множество. От самых легких, подкупа и шантажа, до безрассудного — заклятия смерти, которое перебросит его сознание в тело убийцы. Без риска такое заклятие не проверить, поэтому лучше держать меч подальше от рук сыновей.

— Тем не менее, сын, ты поставил ряд превосходных вопросов, и без тебя мне не обойтись. — (Сын! О, как это резало слух. Полукровка!) — Я выполню твоё желание. Ты создашь мне ферали.

Глаза Мобуру расширились. Вот как. Он даже и не предполагал.

— Да, ваше святейшество.

— И еще, Мобуру. — Гэрот умолк и в наступившей тишине услышал, как юноша

сглотнул. — Удиви меня.

36

— Хочешь, чтобы мы бежали, и не скажешь зачем? — спросил лорд Вэсс.

В темноте внутреннего двора собрались триста воинов, экипированных для битвы. На горы уже опускался ледяной холод, хотя в столице Сенарии летняя жара лишь недавно миновала свой пик. Триста солдат, и командир — не Солон. Три сотни человек, наблюдавших перепалку между ним и Леросом Вэссом.

— Признаю, — тихо сказал Солон, — что это звучит неубедительно. Но я прошу всего сутки. Мы на сутки покинем крепость и затем вернемся. Если я не прав, то ничего не случится. Не думаю, что тут найдутся грабители. Мы одни в этих богом забытых горах, не считая самих горцев, да и те уже три года как не совершали набег.

— Уйти — значит покинуть свой пост, — возразил молодой лорд. — Мы поклялись защищать эту стену.

— У нас нет поста, — резко бросил Солон. — Нет короля, нет господина. Зато есть триста человек и захваченная врагом страна. Мы давали присягу людям, которые уже мертвы. Наша обязанность — сохранить этих людей живыми, чтобы они могли драться, когда представится случай. Это не та война, где можно ворваться в стан врага, победоносно размахивая мечами.

Молодой еще лорд Вэсс вспыхнул от смущения и гнева. Конечно, именно такую войну он и держал в уме, и это нельзя было недооценивать. Давно ли сам Солон избавился от иллюзий о войне?

Воины в строю не моргнули и глазом, но все видели злость на лице лорда Вэсса, и краска в дрожащем свете факелов казалась еще ярче.

— Если ты настаиваешь, чтобы мы ушли, ответь почему, я требую! — повторил лорд Вэсс.

— К нам приближается отряд халидорской элиты, известной как усталые души. Они везут в Сенарию Хали, богиню Халидора. В час ведем атаку на стену.

— И ты хочешь бежать? — не веря собственным ушам, спросил Вэсс. — Да знаешь ли, что будет, если мы возьмем в плен халидорскую богиню? Это их добыча. И подарит нашим соотечественникам надежду. Мы станем героями. Вот здесь-то их и остановим. У нас есть стены, люди, ловушки. Это наша судьба! То, чего мы так долго ждали.

— Сынок, эта богиня... — Солон заскрипел зубами. — Речь не о статуе. Она живая. Настоящая.

Лерос Вэсс глянул на Солона сначала недоверчиво, затем снисходительно.

— Если тебе нужно бежать, никто не держит. Дорогу знаешь. — Он довольно засмеялся, опьяненный собственным величием. — Само собой, только после того, как вернешь мне все золото.

Скажи ему Солон, где сейчас золото, Вэсс мигом пошлет туда людей. Дориан останется беспомощным.

— Черт с тобой, — бросил он, — да и со мной тоже. Умрем вместе.

Сестра Ариэль Вайант сидела в пяти шагах от первой магической границы, разделявшей дубовую рощу и лес Иосиан. Последние шесть дней она присматривалась к тому, что казалось ей диском. Двадцать футов в глубь леса. Похоже, диск лежал недолго — еще не зарос травой.

В исследованиях охранного круга Ариэль прежде всего надеялась на то, что Эзра создал его сотни лет назад. Был бы другой маг, она бы предположила, что Узоры давно распались. Они распадались всегда. Но с Эзрой «всегда» не означало всегда. Доказательство поблескивало перед ней, недоступное простому глазу.

Кроме того, с учетом могущества Эзры и других магов его эпохи, защищал он себя от

соперников куда более сильных, чем ныне живущие. Сестра Ариэль не была столь самонадеянна, чтобы считать себя равной тем, о ком думал Эзра. Она могла только рассчитывать, что легкие касания Узоров пройдут незаметно. Термиты, хоть и мелкие, уничтожают куда более громадный дом.

Поэтому шесть дней она изучала и перепроверяла Узоры, отделявшие лес от дубравы. Они были так же прекрасны, как и паутина «черной вдовы». Ловушки, большие и маленькие. Узоры, которые рвались от малейшего прикосновения, и те, что не порвать даже удвоенной силой Ариэль. Узоры такие, что распутать невозможно. И каждый таил в себе ловушки.

Ариэль могла точно угадать, что сделала сестра Джесси. Вероятно, попыталась скрыть *талант*. На первый день — отличная стратегия. И будь Эзра проще, стратегия бы сработала. Сестра Джесси оказалась слабовата, чтобы уплотнить *талант*, а потом его защитить. Тогда он стал бы невидим для других сестер и мужчин-провидцев. Странная мелькнула мысль: сколько раз *талантливая* женщина использовала именно эту стратегию, чтобы спрятать себя или *талантливых* дочерей от сестер, приходивших вербовать новеньких для Часовни? Ариэль покачала головой. Не время отвлекаться. Загвоздка в том, что Узоры Эзры не просто регистрировали *талант*. Насколько Ариэль могла судить — по сложности и тонкости Узоров, — они определяли самих магов.

Все знают, что маги отличаются от обычных людей, но сегодня даже целители не до конца понимают, как волшебство меняет плоть магов. То, что меняет, — бесспорно. Маги по-другому стареют, иногда — чем больше *таланта*, тем медленнее. Однако не всегда. Так или иначе, от постоянных взаимодействий с магией неуловимо меняется сама плоть. Очевидно, Эзра точно знал, как именно. Сестра Ариэль должна была это предполагать. Помимо множества других достижений, он стал Са'саларом, владыкой лекарей. И создал Темного Охотника — живое существо!

О сестра Джесси, неужели ты пошла напрямик через стену магии? Неужели решила, что умней самого Эзры? Сколько же костей магов разбросано по проклятому лесу?

Ариэль позволяла мыслям уходить от будничных дел. Она все еще жива. Первый барьер пройден. Теперь с этим достижением надо что-то сделать. Точнее, достать проклятый диск, который застрял в двадцати футах, прямо на вершине маленького холмика. Однако близок локоть, да не укусишь. И нет никакой надежды — в этом убеждало изучение ловушек Эзры. Потребуется годы, чтобы распутать все его Узоры. Годы, если не вечность. Да и имей время, откуда взять уверенность? Что-нибудь да упустишь. Сколько там еще останется слоев защиты? Возможно, Эзра соткал охранный круг всего за несколько дней. Соткал именно затем, чтобы сквозь него проникали слабые маги. Сестра Ариэль может всю жизнь распутывать ловушки и никогда не раскрыть настоящие секреты Эзры.

Приди Ариэль сюда молодой, наверняка решила бы, что стоит посвятить этому всю жизнь. Правда, помоложе — значит, и по-идеалистичней. Она верила в Часовню той дурацкой верой, что большинство людей приберегают для религии. Если Эзра владел невероятно мощными артефактами, в самом ли деле Ариэль захочет доставить их спикеру? Доверит ли Истариэль нечто такое, что увеличит ее власть в десятки раз?

«Хватит, Ариэль. Ты опять позволяешь мыслям разбредаться».

Она посмотрела на диск, затем рассмеялась. Все так просто! Сестра встала и пошла обратно в деревню.

Через час Ариэль вернулась — с полным желудком и веревкой. Господин Зоралат был достаточно любезен и показал ей, как сделать и бросить лассо. Два последних дня она ломала голову, как достать диск, — и думала только о магических средствах. Дура и еще раз дура.

Следующие несколько часов также подтвердили ее неуклюжесть. Сколько раз Ариэль насмеялась над мужчинами в конюшнях Часовни? С таким упражнением приходилось сталкиваться любой сестре на виду у всех работников конюшен Часовни.

День подошел к концу, а она так и не сумела заарканить диск. Выругавшись, Ариэль пошла из леса домой. На следующий день вернулась; рука и плечо болели. Еще три часа

сестра кляла себя, кляла веревку, Эзру, недостаток тренировки и просто бранилась.

Когда лассо наконец упало на диск, Ариэль могла поклясться, что золото коротко блеснуло. Ей захотелось расширить чувства, чтобы посмотреть, что случилось, но было слишком далеко. Она решила, что больше ничего не остается, как тянуть чертову штуковину к себе.

Поначалу диск не сдвинулся с места. Каким-то образом приклеился. Ариэль продолжала тянуть, и часть холмика опрокинулась, высвобождая диск. Холмик оказался телом сестры Джесси! Она была мертва уже несколько недель. Яркий плащ покрыт плесенью, маскирующей пятна крови. Будто лапа с когтями одним ужасным взмахом снесла полчерепа. Со дня смерти ни одно животное не потревожило тело: в лесу Эзры не водились ни медведи, ни койоты, ни вороны или другие твари, питающиеся падалью. Зато черви поработали на славу.

Сестра Ариэль отвела взгляд, позволяя себе на мгновение стать женщиной, наткнувшейся на изуродованное тело своей знакомой.

Медленно дышала, радуясь, что обнаружила труп Джесси. Надо же, днями находилась так близко и не почуяла запаха тлена. Что это, шалость ветра? Или магия?

В руках сестра Джесси сжимала квадратную пластину.

Сестра Ариэль осторожно отодвинула все эмоции, отстранилась. Она изучит их позже, позволит себе всплакнуть, если на глаза навернутся слезы. Сейчас, возможно, ей грозит опасность. Ариэль взглянула на пластину. Далековато. Есть ли какие знаки на поверхности, сказать она затруднялась, однако было нечто такое, отчего мороз пробрал до костей.

На пластине торчали крючки, которые врезались в веревку. Казалось, они выросли, когда упало лассо, чтобы помочь Ариэль.

Она подтащила пластину ближе к охранному кругу, но оставила ее у дальнего края. Почем знать, что произойдет, если нечто магическое пересечет барьер. Рукописный шрифт оказался гамитическим, но Ариэль обнаружила, что помнит его удивительно хорошо.

«Если наступил четвертый день, выжди. Если седьмой, тащи меня через охранный круг, не медли», — гласила надпись.

Руны бежали дальше, однако Ариэль прервала чтение и нахмурилась. Это вовсе не походило на то, что обычно пишут на мемориальной пластине. Интересно, кому эти слова могли адресоваться? Возможно, в древности пластина была частью какой-то проверки? Церемония входа для магов? Как ее истолковала сестра Джесси? Почему она считала, что пластина столь важна?

Ариэль продолжила читать:

«Сколько дней ты уже топчешься в охранном круге, Лошадиная Морда? Между прочим, лассо ты бросаешь так себе».

Сестра выронила веревку из трясущихся пальцев. Ее обзывали Лошадиной Мордой, когда она была еще тиро, новичком. Ариэль попыталась перевести слова иначе, но гамитические руны ясно давали понять, что имя это личное, обида не общая, а конкретная.

Сейчас, глядя на то, как лассо зацепилось за крючки, Ариэль вдруг твердо уверилась, что веревку схватила сама пластина. Как разумное существо. Крючки торчали не равномерно по краям, а так, будто выросли в ответ на касание лассо.

Пластина блеснула, и Ариэль в испуге отшатнулась.

Это было ошибкой — ее нога попала в петлю. Падая, она дернула веревку и протащила пластину сквозь охранный круг.

Ариэль вскочила так быстро, как только ей позволили силы. Пластина больше не блестела. Сестра подняла ее.

Появилась надпись «Пророчество», и гамитические руны растаяли, превращаясь в руны обычные, когда она тронула пластину.

Она сглотнула, не веря глазам. Надпись продолжала бежать по пластине, словно писало невидимое перо.

«Если наступил седьмой день, пройди две стадии к югу».

Стадии? Возможно, меры длины не переводились. Как это далеко, две стадии? Триста шагов? Четыреста?

Ее парализовал страх. Ариэль никогда не искала приключений, была ученым-филологом, и очень хорошим. Хоть и входила в число более сильных сестер, но не любила вступать в то, чего не понимала. Она перевернула пластину.

«В деревьях — охранные круги, — в панике, дрожащим почерком написала Джесси альТвайдин. — Не верь ему».

О, чудесно.

Сестра Ариэль приросла к земле. Слова сестры Джесси могли быть написаны только с помощью магии. Само собой, та не посмела бы использовать магию в лесу. Чистой воды самоубийство.

Так она и мертва.

Все это западня. Не иначе пластина что-то взвела, пересекая охранный круг. Скорее всего, к югу в деревьях, там, куда пластина пытается спровести Ариэль, — тоже ловушка. Пожалуй, надо пойти и описать все в журнале, закрыть глаза на ловушку, играть по своим правилам.

Тем не менее сестра Ариэль не вернулась в Торрас-Бенд, чтобы занести наблюдения в журнал, а изучила охранный круг южнее. Если и была ловушка, она в нее давно уже попала.

Для спешки есть свое место и время. Судя по всему, именно здесь и сейчас.

37

— Ну ты и наказание. И зачем только Кайлар тебя приютил? — спросила Ви.

Прошла уже неделя пути. Может, Ули и не лучшая компания, но все равно поинтересней, чем деревья, лошади да небольшие деревеньки, которых они избегали. Ви не разговоры заводишь, а собирала информацию. Кайлар преследовал ее, чтобы убить.

— Потому что он любит меня, — ответила Ули, как обычно дерзко. — Когда-нибудь он на мне женится.

Ули и раньше говорила такое, отчего у Ви возникли подозрения. Однако, задав несколько вопросов, поставивших девочку в тупик, она поняла, что подозрения напрасны. Кайлар не был извращенцем.

— Да-да, знаю. Но ведь Кайлар не мог любить тебя прежде, чем вы встретились. Ты говорила, что увидела его впервые, когда он забирал тебя из замка.

— Вначале я думала, что он мой настоящий папа, — объяснила Ули.

Ви хмыкнула, не выказывая особого интереса.

— А кто твои настоящие родители?

— Папу звали Дарзо, но сейчас его нет в живых. Кайлар о нем не говорит. Думаю, что моя мама — Мамочка К. Она всегда смотрела на меня так забавно, когда мы оставались вдвоем.

Чтобы не упасть, Ви пришлось схватиться за заднюю луку седла. Нисос, вот оно что! То-то Ули показалась знакомой. Она дочь Дарзо и Мамочки К.! Неудивительно, что родители ее скрывали. Вот потому-то девочку и приютил Кайлар.

От этой мысли ей вдруг стало больно. Ви даже представить не могла, что приютила бы одного из ублюдков Хью. Если уж на то пошло, то не могла и представить, чтобы Хью о них заботился. В одночасье Ули стала ценной вдвойне для короля-бога. Удерживать девочку — значит подчинить себе Мамочку К.

Может, этого хватит, чтобы вырваться из когтей Гэрота? Как бы не так. Да, король-бог вознаграждает слуг щедро. Ей будет дозволено предаваться любому пороку до пресыщения. Он даст ей золото, одежду, рабов, все, что она ни попросит. Но никогда не даст свободу. Для этого Ви оказалась слишком ценной.

Чем больше Ви узнавала о Кайларе, тем больше отчаивалась. Обязательно нужно общаться с Ули, чтобы выведать о враге всю подноготную. Приходится довольствоваться

тем, что болтала двенадцатилетняя девчонка, которая втюрилась в парня по уши, но Ви умела отделять зерна от плевел. Тем не менее Кайлар все больше казался... Проклятье!

Все, хватит дурных мыслей. Только настроение портить. Еще неделя, и Ви покончит с этим делом. Может, даже не будет требовать платы. Бросит девчонку с запиской о том, что сделано, и исчезнет. Она убила Джарла, доставит Кайлара и Мамочку К. прямо к королю-богу. Ясное дело, тратить ресурсы и кого-то посылать за ней Гэрот не станет. Если и решит преследовать, то не с такой яростью, как если бы его предали. Ви сможет исчезнуть. Она боялась только нескольких людей, и все они слишком важны, чтобы бросать их в погоню.

Один из них — Кайлар, но жить ему осталось недолго. Может, он и убил Рота Урсуула, три десятка элитных горцев да несколько ведьм — Ули, похоже, об этом знала немало, — но против короля-бога кишка тонка.

Ви направится в Сет, Ладеш или в глубь гор Кьюры, где рыжие волосы не так уж необычны. Больше ни для какого мужчины она не раздвинет ноги и не возьмет контракт. Кто его знает, как выглядит нормальная жизнь, но Ви найдет время, чтобы понять это. Только сначала закончит дело.

Она вытащила клочок бумаги, который взяла в доме Кайлара, и перечитала заново: «Элена, прости. Я пытался. Клянусь, пытался. Есть в жизни то, что дороже моего счастья. То, что под силу сделать только мне. Продай эти кольца господину Бурари и переезжай с семьей в часть города получше. Я буду любить тебя всегда».

— Эй, Ул! — окликнула Ви. — Из-за чего Кайлар и Элена ссорились?

— Наверное, из-за того, что кровать не скрипела.

Ви нахмурила лоб. Что за ерунда? Затем рассмеялась.

— И только? Ну, это нормально.

— Почему? Что это значит? — спросила Ули.

— Трахаться, вот что. Вечно мужчины и женщины из-за этого ссорятся.

— Что значит «трахаться»?

Пока Ви откровенно, насколько возможно, объясняла, Ули казалась все больше испуганной.

— А это больно? — спросила она.

— Иногда.

— Фу, какая гадость!

— Так и есть. Грязно, липко, потно и дурно пахнет. Иногда даже кровь идет.

— Почему тогда девочки позволяют им это делать? — удивилась Ули.

— Потому что мужчины их заставляют. Оттого и ссорятся.

— Кайлар не стал бы это делать, — заявила Ули. — Он не причиняет боль Элене.

— Тогда почему ссорились?

Ули побледнела.

— Не стал бы, — повторила она. — Ни за что. По-моему, они этим вообще не занимались, потому что кровать никогда не скрипела, а тетушка Меа говорила, что должна бы. Правда, тетушка Меа говорила, что это забавно.

Кровать никогда не скрипела?

— Как скажешь. Больше ни из-за чего не ссорились? — поинтересовалась Ви.

— Она хотела, чтобы он продал меч, тот, который ему дал Дарзо. Кайлар не хотел, но Элена сказала, раз так, значит, он по-прежнему хочет быть мокрушником. А он не хотел. Потому что на самом деле хотел быть с нами. Когда Элена так сказала, его это просто взбесило.

Значит, Кайлар хотел выйти из игры. Вот что он имел в виду, когда в записке написал, что пытался. Пытался уйти.

Нисос! Кайлар, может, и вовсе не в курсе, что она забрала девочку. Ви не знала, хорошо это или плохо. Хотя объясняло, почему он тем туманным утром проскочил мимо. Был уверен, что Ви стремится как можно быстрее вернуться в Сценарию.

Впереди, в нескольких сотнях шагов, Ви заметила, что лес изменился. Причем так внезапно, будто землю разрубили топором. На ближней стороне лес ничем не отличался от того, по которому они ехали сутками. На дальней стороне росли огромные секвойи. Где-то рядом должен быть Торрас-Бенд. Особой разницы Ви не видела, но ей казалось, что ехать под большими деревьями легче. В таком древнем лесу почти не было всякой поросли.

Они подъехали на полсотни шагов к секвойям. Вдруг сбоку, откуда-то из-за деревьев шагнула старая женщина, держа в руках сверкающий лист золота. Она выглядела не менее напуганной, чем Ви.

Сверкающее золото означало только одно: магия. Женщина была магом.

— Стойте! — крикнула она.

Ви резко откинулась назад и выдернула поводья лошади Ули из рук девочки. Пришпорила свою лошадь и бросила взгляд в сторону мага. Женщина бежала тяжело, неуклюже — и вовсе не к Ули с Ви. Бежала прочь от древнего леса, на ходу отшвырнув золотую пластину.

Что за черт? Это было странно, однако не настолько, чтобы Ви остановилась. На всем белом свете она боялась только мокрушников, ведьм и магов.

Лошади рванули к лесу, едва не выкинув Ули из седла.

Женщина была теперь всего в тридцати шагах, почти поравнялась с ними. Еще несколько шагов. Ви могла поклясться, что маг явилась из обширного, почти невидимого пузыря, накрывшего лес.

Женщина вскинула руки и заговорила. Что-то хрустнуло и метнулось вперед. Ви бросила тело как можно дальше, прячась за лошадь. Неподалеку раздался хлопок, воздух трянуло, и Ули слетела с лошади.

Смотреть Ви не стала. Она выхватила нож из ножен на лодыжке и метнула его, выпрямляясь в седле. Бросок дальний — шагов двадцать до цели, которой не видела, пока не метнула нож — лишь для того, чтобы отвлечь. Ви оглянулась.

Ули лежала на земле без сознания.

Не до сомнений. Мокрушник не колеблется. Он действует, пусть даже ошибочно. На месте замирать нельзя — будешь мишенью. Ви снова вонзила шпоры в бока лошади. Та устремилась вперед...

...и тут же рухнула на землю: подкосились передние ноги.

Ви выдернула ноги из стремени. Надо приземлиться, сжавшись в клубок, перекатиться, освобождаясь от лошади, выхватить метательные ножи... Только вот лошадь падала быстрее, чем ожидалось. Ви с размаху ударилась оземь, заскользила на спине и перевернулась. Голова встретила твердый, как железо, корень, и перед глазами поплыли черные точки.

«Подъем, черт тебя дери! Вставай!»

Она встала на четвереньки, попыталась подняться. Глаза слезились, в голове звенело.

— Простите, этого я позволить не могу, — раздался голос старой женщины.

Вид у нее был решительный. Не шутит.

«О нет. Не может все вот так закончиться».

Тучная женщина подняла руку и заговорила. Ви попыталась упасть на бок и не смогла.

38

Два коротких пореза. Линия вдоль ребер и такая же — по внутренней стороне руки. Оба неглубокие. Нож разрезал кожу, но не мышцы. Чистый бинт, свежий воздух — и через несколько дней от ран не останется и следа.

Только в Дыре нет ничего чистого. О свежем воздухе — лишь воспоминания.

Логан распознал симптомы, но поделать ничего не мог. Его уже бросало то в жар, то в холод, он весь трясся и потел. Возможно, лихорадка его доконает. После стольких дней в Дыре Логан стал тенью себя прежнего. Впалые щеки, осунувшееся лицо, глаза блестят.

Длинное тело теперь — одна кожа да кости.

Он знал: если выживет, будет еще хуже. Несмотря на голод, Логан не выглядел таким же изможденным, как те, кто сидел в Дыре годами. Он даже удивлялся, с каким упорством цепляется за жизнь. Однако что до этого лихорадке? Потребуется как минимум дни, чтобы ее побороть. Дни полной уязвимости.

— Наташа! — окликнул он. — Расскажи мне снова о Сопротивлении.

Младшая дочь Грэзинов бросила на него затравленный взгляд и не ответила. По другую сторону Дыры Фин обглаживал сухожилия, чтобы удлинить веревку.

— Наташа?

Девушка села.

— Они перемещаются с места на место. Есть несколько имений на востоке, которые их привлекают. Особенно — особенно Джайров. Даже лэ'ноты помогали.

— Подонки.

— Согласен, зато враги нашего врага.

Она сказала это, будто говорила так и раньше. Черт, ведь говорила же!

— И наша численность растет?

— Да, наша численность растет. Мы проводили набег, небольшие группы делали все, чтобы нанести урон халидорцам. Однако пока моя сестра нам ничего серьезного не позволяет. У графа Дрейка есть осведомители в каждой деревне восточной Сенарии.

— Граф Дрейк? Подожди, я ведь спрашивал об этом раньше.

Наташа не ответила. Ее взгляд был по-прежнему устремлен на Фина. За последние три дня тот убил четверых новоприбывших. Три дня? Или уже четыре?

Граф Дрейк участвовал в Сопротивлении. Это было здорово. Логан не знал, выжил ли граф вообще.

— Я рад, что Кайлар не убил его, — сказал Логан.

— Кого? — переспросила Наташа.

— Графа Дрейка. Он меня предал. Сюда я попал из-за него.

— Тебя предал граф Дрейк? — удивилась Наташа.

— Нет, Кайлар. Переоделся во все черное и назвал себя ночным ангелом.

— Кайлар Стерн — ночной ангел?

— Он все время работал на Халидор.

— Неправда. Сопротивление только и возникло, потому что есть ночной ангел. Я была там. Всех согнали в сад, и он нас спас. Тэра предложила ему все, что угодно, чтобы вывел нас из замка, но его беспокоил только ты. Он всех оставил ради тебя, Логан.

— Но он же... он убил принца Алейна. Первый все и начал.

— Принца Алейна убила принцесса Джадвин. В награду ей даровали часть его владений.

Это казалось невероятным. После того как у Логана отняли все, Наташа возвращала ему лучшего друга. О, как он скучал по Кайлару!

Логан рассмеялся. Может, давала о себе знать лихорадка. Может, вообразил, что Наташа так сказала, потому что ему очень хотелось это слышать. Он был настолько болен, что с трудом воспринимал реальность. Все так неясно, так запутанно. Логан боялся, что вот-вот начнет реветь, как девчонка.

— А Сэра Дрейк? Она тоже была с тобой? Она участвует в Сопротивлении? Кайлар ее спас? — спросил Логан.

Он и об этом раньше спрашивал.

— Она мертва.

— Ее... она страдала?

Спрашивать об этом раньше он бы не посмел. Наташа опустила глаза.

Сэра. В недалеком прошлом его невеста. В другой жизни. Когда-то он ее любил. Или думал, что любил. Как мог он любить, если за все время в Дыре ни разу о ней не вспомнил?

Она его предала. Спала с принцем Алейном Гандером, другом Логана, и ни разу — с

ним самим, человеком, которому говорила, что любит. Так ли все на самом деле? Предательство ли погасило его чувства к ней? Или он никогда и не любил ее?

В первую брачную ночь Логан наконец-то понял, что такое любовь. Так ему казалось.

Любой, кто теряет голову, думает, что понимает любовь. Однако Логан ничего не мог поделать. То, что он чувствовал к Дженин Гандер, пятнадцатилетней девочке, — уверенный, что она для него слишком юная и незрелая, — казалось любовью. Может, ее схватили раньше, чем Логан успел заметить недостатки, но именно Дженин Гандер — Дженин Джайр, его жена, пусть на несколько трагических часов, преследовала его мысли. Он мечтал о ней в мгновения до того, как сон уступал место жаре, холодному камню, жуткой вони и завыванию Дыры. Открытая улыбка, ясные глаза, золотистые от пламени свечи изгибы тела. Такой ее видел Логан всю лишь раз, совсем коротко, — перед тем, как халидорские солдаты ворвались в спальню и Рот перерезал ей горло.

— О боги... — прошептал Логан, закрывая лицо руками.

Внезапно его охватила тоска. Лицо исказилось, Логан не смог сдержать слез. Он держал Дженин, ее хрупкое, беззащитное тельце в своих объятиях, пока она истекала кровью. Боже, сколько было крови! Логан говорил ей, что все будет хорошо, раскрывал перед ней душу. Вот и все, чем он мог защитить Дженин.

Кто-то обвил его рукой. Лили. Затем его обняла и Наташа. Стало совсем немого. Логан захлебывался от рыданий. Все, что было так неясно, становилось еще запутанней. Он так долго держал в себе горе, но больше крепиться не мог.

— Скоро мы будем вместе, — сказал он Дженин.

Сейчас это стало правдой. Здесь он умрет. Он уже умирает.

Логан посмотрел в лицо Наташе — она плакала вместе с ним. Бедная девочка; ее взяли в плен и бросили сюда, к чудовищам. Он не знал, сколько она выплакала слез за себя, сколько за него. Логан ее не осуждал. Наташа должна знать, что с его смертью она станет добычей узников Дыры.

Плакала даже Лили. Почему? Он не представлял себе, что Лили может плакать. Боится, что, как только обитатели Дыры получат Наташу, красивей и моложе, она потеряет свое положение, власть над ними? Боится, что ее убьют?

Глядя в лицо Лили, Логан возненавидел себя за цинизм. Он здесь слишком давно. В глазах ее был не страх, а любовь. Лили оплакивала не себя; она жалела Логана.

«Чем я заслужил такую преданность? Я этого не стою».

— Помоги мне встать! — резко бросил он.

Лили взглянула на Наташу и уняла слезы. Она кивнула:

— Мы идем.

Сейчас все в Дыре смотрели на Логана. Кто с любопытством, кто голодными глазами. Фин явно ликовал.

— Эй вы, твари! — крикнул Логан, впервые используя ругательство, и некоторые это заметили.

Что ж, чем он покажется им безумнее, тем лучше.

— Слушайте меня. Я утаил от вас один маленький секрет, потому что не знал, насколько вы тут все честные злодеи. Маленький секрет, который может сыграть большую роль...

— Да-да. Мы знаем, — вмешался Фин. — Наш маленький Король думает, что он Логан Джайр. Думает, что настоящий король!

— Фин, — ответил Логан. — Есть две веские причины, чтобы ты заткнул свою пасть, полную дерьма. Во-первых, я умираю. Мне терять нечего. Если прикроешь свою зубастую задницу, я умру, и тебе ни хрена не придется делать. Однако будешь болтать, пойду тебя убивать. Может, я и слаб, но, чтобы стащить тебя в Дыру, сифилитик, сил хватит. Если что, упадем вместе. Поверь, станем драться, найдутся и другие, кто проследит, чтобы мы оба отправились в ад.

— И вторая причина? — почти прошипел Фин, разматывая веревку и делая петлю.

— Не заткнешься, — сказал Логан, — твоя вина, если выброшу его в Дыру. — Он полез за пояс и вытащил железный ключ. — Это ключ от решетки.

Глаза присутствующих вспыхнули.

— Дай сюда! — крикнул кто-то.

Заключенные придвинулись ближе, и Логан отшатнулся к Дыре. Вытянул руку и, держа ключ над темной бездной, покачался, будто закружилась голова.

Угроза остудила пыл обитателей Дыры.

— Я и вправду очень болен, голова кружится, — заверил Логан. — Так что если хотите, чтобы ключ вошел в свой домик наверху, слушайте внимательно.

— Как ты посмел все это время держать его у себя? — спросил Девятипалый Ник. — Мы могли сбежать месяцы назад!

— Ник, заткнись, — посоветовал чей-то голос.

Логан огляделся, пытаясь увидеть скользкого халидорского герцога, но лица расплывались.

— Если хотим использовать ключ, надо работать вместе. Все это понимают? Если хоть один сделает ошибку, мы все умрем. Хуже всего то, что нам придется доверять друг другу. Чтобы добраться до замка, нужно три человека.

Люди стали перешептываться — одни вызывались добровольно, другие возражали.

— Тихо! — сказал Логан. — Делаем по-моему, либо выкидываю ключ! Сделаем по-моему, выберемся отсюда все. Понятно? Даже ты, Фин. Как только попадем в Утробу, у меня есть план, по которому спасется половина. Может, и все. На другом конце нашего уровня идет строительство. Думаю, мы можем это использовать, если убьем Горхи раньше, чем он поднимет тревогу. Но все должны делать именно то, что скажу я.

— Он спятил, — сказал Ник.

— Другой возможности не будет, — возразил Таттс. — Я в деле.

Все с удивлением посмотрели на Таттса, впервые услышав, что татуированный лодрикарец заговорил.

— Хорошо, — одобрил Логан. — Три человека нужны, чтобы составить пирамиду и добраться до решетки. Зубастик будет внизу, я — второй, и Лили откроет замок. После чего у нас два варианта. Что выберем, зависит от Фина.

Вид у Фина стал еще более подозрительным.

— По первому варианту выберутся все те, кто достаточно легок и силен, чтобы вскарабкаться по нам троим. Фину я выбраться не позволю. Поэтому я, Зубастик и Фин умрут.

— Если выбирают все, то и я, — сказал Фин. — Ты не...

— Фин, заткнись! — прервал кто-то, внезапно расхрабрившись в предчувствии свободы.

— По второму варианту Фин отдает Лили свою веревку. Она сумеет привязать ее наверху, и мы все поднимемся. Фин, твоя веревка и твой выбор. Да, и если я не поднимусь, то никому не скажу, как выбраться из Утробы.

Все посмотрели на Фина. Внезапно Логан снова вспотел.

— Можешь взять веревку, — ответил Фин. — Но раз она моя, я намерен участвовать в пирамиде. Я открою решетку.

— Забудь, — сказал Логан. — Тебе здесь никто не верит. Если ты выберешься, то всех нас оставишь внизу.

Обитатели Дыры, даже кое-кто из сторонников Фина, согласно забормотали.

— По этому зубастому уроду лезть не собираюсь. Хочешь мою веревку, ставь меня в пирамиду, и точка.

— Ладно, — ответил Логан, он заранее просчитал, что все упрется именно в это. Надо было только первым изложить свою позицию, чтобы Фин почувствовал, будто кое-что отвоевал. — Я буду внизу. Ты — второй. Лили открывает решетку. — Логан протянул ей ключ. — Лили, — сказал он громко, чтобы слышали все. — Если Фин что-то вздумает,

бросай ключ в Дыру, понятно?

— Если хоть кто-то что-то вздумает, я брошу ключ в Дыру, — повторила она. — Клянусь всеми богами ада, болью и Дырой.

— Подниматься будем по очереди, — сказал Логан. — Я буду говорить, кто следующий. — Он вытащил нож и вручил Наташе. — Наташа, если кто приблизится вне очереди, режь их этим и коли. Хорошо?

Он снова сказал это громко, чтобы знали все.

— Первой наверх пойдет Наташа. Она привяжет веревку, чтобы смогли выбраться остальные. Фин и я будем последними. Но выйти должен каждый. Мы сполна заплатили за наши преступления.

Фин пошел вокруг Дыры, разматывая с тела веревку из сухожилий. Он с пугающей легкостью уложил ее в широкие петли. Фин утверждал, что, пока его не поймали, задушил три десятка человек, не считая женщин и островитян. Без веревки он выглядел ничуть не лучше тех, кто очень долго сидел в Дыре. Тощий, вонючий, кожа темно-бурая от грязи. Десны кровоточили от цинги, которой страдали все долгожители Дыры.

Подойдя ближе к Логану, Фин всосал кровь между зубами и причмокнул.

— Сочтемся позже, — процедил он и накинул лассо себе на шею.

Логан вытер пот со лба. Фина хотелось убить на месте. Если схватит веревку и толкнет, может... Может. Рисковать не стоило. Сейчас он слишком слаб и медлителен. Раньше бы попробовать этот план, но Фин никогда не подходил к нему так близко. Все время ждал, что Логан попытается его убить. Да и сам Логан не чувствовал себя в безопасности без кинжала.

Упершись руками в стену, Логан присел. Фин подошел вплотную, тихо матерясь и ухмыляясь. Поставил ногу Логану на бедро, шагнул на спину, затем на плечи, шаря руками по отвесной стене.

На удивление вес оказался не таким уж страшным. Логан решил, что выдержит. Надо только сдвинуть колени и опереться о стену. Тогда выдержит. Своими силами он не поднимется по веревке. Если будет последним, обвяжет себя веревкой и Лили вместе с Наташей и Зубастиком поднимут. Если только перестанет бить дрожь.

— Торопись, — бросил он.

— Ты слишком высок, — сказала Лили. — Можешь пригнуться?

Он покачал головой.

Лили чертыхнулась.

— Чудесно. Попроси помочь мне Зубастика. Он слушается только тебя.

— О чем?

— Поднять меня, — сказала Лили.

— Ах да. Зубастик! Подними ее. Нет, не так.

После небольшой тренировки Зубастик наконец все понял и сел на корточки рядом с Логаном, пока Лили карабкалась ему на спину. Встав на плечи, она зажала ключ в зубах и попыталась перейти.

Логан был значительно выше Зубастика, и Лили пришлось шагнуть на то плечо, где уже стоял Фин. Неравный вес заставил Логана покачнуться.

— Стой тихо! — прошипел Фин.

Наташа, пытаясь поддержать Логана, уперлась ему рукой в плечо.

Логана пробил озноб.

— Давай, — скомандовал он. — Только быстро.

Вес Лили снова надавил ему на левое плечо, затем стал смещаться то туда, то сюда — они с Фином пытались поймать равновесие. Логан не представлял себе, что творилось наверху. Он зажмурил глаза и вжался в стену.

— Ты сможешь, — шептала Наташа. — Ты сможешь.

Вес вдруг резко сместился вправо, и обитатели Дыры разом ахнули. Логан просел, но устоял. Правая нога дрожала от напряжения.

Груз внезапно стал легче, и в Дыре послышались короткие возгласы. Логан, щурясь,

глянул наверх и увидел, что Лили уже на спине Фина и держится одной рукой за решетку, придавая себе устойчивость и отчасти снимая тяжесть.

Затем послышался звук, которого все так боялись. Скрип кожи, звон кольчуги. Щедрые проклятия и стук меча о камень. Приближался Горхи.

39

Час ведьм настал. Ледяной ветер гнал облака сквозь горные отроги. Для снега было холодно, даже слишком. Ветер пронизывал плащи и перчатки, мечи примерзали к ножнам, люди на посту дрожали. Облака стремительно пролетали над крепостными стенами. Широкие жаровни с углем, горевшие вдоль стены, не могли оттеснить ледяную стужу. Тепло уносило ветром, и его поглощала ночь. Бороды намерзали льдом, мышцы коченели. Командиры, заставляя людей двигаться, рывкали на них, перекрывая знакомые стоны ветра.

Обычно эти стоны были предметом бесконечных сальных шуточек. Многие даже подвывали. Регнус Джайр никогда не наказывал людей за то, что воют ветру наперекор. Отгоняет страхи, говаривал он. Где-либо еще это бы отвлекало, мешало бы слышать захватчиков. В Ревущих Ветрах все равно, кроме ветра, ни черта не услышишь.

Сегодня никто не выл. Стоны ветра звучали зловеще. Слух подводил людей, но и со зрением дела обстояли не лучше. Свинцовые облака кружились, летели, закрывая луну и звезды так плотно, что видимость на полсотни шагов уже казалась идеальной. Лучники при таком ветре могли стрелять не дальше. Это судьба. Как бы долго ни готовили лучников, при таком чертовски порывистом ветре о точности можно забыть. Лишь немногие обладали сверхъестественным чутьем, когда дунет ветер, и могли поразить цель в рост человека с шестидесяти шагов, но это и близко не давало того превосходства, которое должен получать гарнизон за крепостной стеной.

Солон занял позицию на первой стене, в противоположной от Вэсса стороне, надеясь, что в самом худшем случае поможет людям без его вмешательства.

Он не мог ненавидеть юношу. В армиях всегда полно людей, подобных Леросу Вэссу, довольно неплохому человеку. Лучше, чем многие. Простой воин, которому нужен военачальник. Для него все сложилось наоборот. Жестокая шутка судьбы, после которой Вэсса запомнят не геройским солдатом, а храбрым идиотом, пославшим людей на бойню.

Хуже всего ждать. Как и всякий воин, ждать Солон ненавидел. Хорошо быть командиром, когда приходится ждать. Можно заполнить время, воодушевляя людей стоять насмерть. Тогда не остается времени беспокоиться о себе.

Сквозь тьму Солону почудилось, как что-то мелькнуло в вихре облаков. Он напрягся. Ничего.

— Время пришло. Помните, не смотрите прямо на нее! — обратился он к людям поблизости.

Вытащил две восковые пробки, покатав в пальцах, чтобы согрелись. Одну воткнул в ухо, затем помедлил.

Снова показалось, будто что-то увидел. Не силуэт человека или лошади, а... огромный квадрат? Нет, пустое. Люди вокруг подались вперед, шурясь в темноту.

Затем стало пощипывать кожу. Подобно большинству магов-мужчин, Солон даром провидца не блистал. Обычно он видел только собственную магию. Зато чувствовал любую, особенно вблизи, и всегда — если магию применяли против него. Теперь он ощущал себя так, будто вышел погулять на влажный воздух. Магия не сильная, зато везде — настолько рассеянная, что, если бы Дориан его не взвинтил, он никогда бы ее и не заметил.

— Кто-нибудь знает, как вязать крепкие узлы?

Воины озадаченно переглянулись. Наконец один из них сказал:

— Сэр, я вырос на рыбацкой шхуне. По-моему, об узлах знаю все на свете. О каждом.

Солон схватил моток веревки, привязанной к ведру, которым воины наполняли баки с водой на крепостной стене. Затем отрезал веревку.

— Свяжи меня, — приказал он.

— Сэр?

Воин взглянул на Солона, как на сумасшедшего. «Неужели так и я смотрел на Дориана? Прости, дружище». Магия уплотнялась.

— Привяжи меня к стене. Так, чтобы не мог и шевельнуться. Возьми мое оружие.

— Я, сэр...

— Я маг, черт возьми, и гораздо восприимчивей к тому, что она... Проклятье! Она приближается!

Воины обернулись и уставились на Солона.

— Не смотрите на нее! Не верьте тому, что увидите. Черт тебя дери, приятель, давай! Остальные — стреляйте!

С таким приказом большинство почувствовало себя спокойней. Пусть Лерос Вэсс и гневался на них утром, максимум, что должны они сделать, это выпустить стрелы в зону поражения перед стенами.

Бывший моряк ловко обмотал Солона веревкой. В секунды связал ему руки за спиной, прикрепил их к ногам, и только после этого накинул плащ, чтобы не замерз. Затем привязал Солон к лебедке, с помощью которой поднимали ведра.

— Теперь повязку на глаза и вторую ушную пробку, — приказал Солон.

Воин привязал его лицом навстречу опасности. Черт, надо было сделать так, чтобы ни в коем случае не видеть Хали.

— Приятель, торопись.

Воин не ответил. Он, как и все, устремил взгляд со стены в темноту.

— Элана? — произнес он. — Элли, это ты?

Лицо воина вспыхнуло, глаза расширились. Он отбросил плащ. Затем прыгнул со стены.

На полпути к земле вдруг очнулся и стал дико трепыхаться, пытаясь найти точку опоры. Тело разбилось о скалы, и ветер поглотил предсмертный вопль.

Внезапно шквал стрел взметнулся в воздух. Люди подчинились приказу Солона: стрелять, как только случится нечто странное. Туман всколыхнулся, и Солон увидел огромный фургон, который в окружении халидорских солдат тащили вперед шестеро туров. Сердце подпрыгнуло, когда первая волна срезала с десятков халидорцев. Туры приняли несколько стрел на себя и даже не споткнулись.

Ливень стрел иссякал.

Солон видел, как одни воины сами бросаются вниз со стены. Другие, с луками в безвольных руках, трясли головами, погруженные каждый в свои видения.

Не смотри, Солон. Не смотри.

Я не верю этому. Только один быстрый...

Магия прогрохотала мимо так, будто Солон летел с огромной скоростью.

И затем тишина.

Солон моргнул. Он стоял в Зале Ветров. Пышный нефритовый трон сиял зеленым, подобно водам залива Хоккай. На троне сидела женщина, которую Солон едва узнал. Кайде Вариямо было шестнадцать, когда он покинул Острова. Хоть он и знал с той поры, когда оба были детьми и играли вместе, что Кайде станет красавицей, ее чудесное превращение смутило Солона. Она укоряла его за то, что избегал ее. Только выбора не было. Он знал, что должен уехать навсегда, но никогда не готовился к тому, что сотворит с ним вид красавицы.

Спустя двенадцать лет она прибавила в грации и уверенности. Не знал бы ее так хорошо, никогда бы не заметил легкой опаски в глазах: «Думает ли он по-прежнему, что я прекрасна?»

Да, все по-прежнему. Блестит оливковая кожа, черные волосы ниспадают на плечи, озорные глаза светятся умом и мудростью. Возможно, тогда было меньше мудрости и

больше озорства, но в губах все так же пряталось улыбок на три жизни. А если и виднелись легкие морщинки вокруг глаз и губ — дань ли это хорошо прожитым годам? Солон считал их знаком отличия.

Он окинул взглядом тело в легком шелке голубой нагики, скроенной так, чтобы подчеркнуть совершенство каждого изгиба. Узкий золотой поясок на талии, шелковая бретелька через одно плечо. Живот по-прежнему плоский и мускулистый. Никаких растяжек — Кайде никогда не рожала детей. Он задержал взгляд на открытой груди.

Ни малейшего изъяна. Она прекрасна. Мысли Солона прервал ее смех.

— Что, мой принц? Так долго жил в Мидсайру, что позабыл, как выглядят груди?

Солон покраснел. После стольких лет, видя, как женщины считают обычные части тела эротичными и наоборот, он вконец смутился.

— Прошу прощения, ваше величество.

Опомнившись, Солон попытался преклонить колени, однако что-то помешало.

Ну да неважно. Важно то, что перед ним. Он не мог отвести глаз.

— Тебя очень трудно найти, Солонариван, — заметила Кайде.

— Сейчас просто Солон.

— Ты нужен империи, Солонариван. Я не потребую ничего. Ничего, кроме... наследника. Если нужны палаты для госпожи, их предоставят. Ты нужен империи, Солон. И не только из-за знатного рода. Сам по себе. Ты нужен мне. — Она выглядела ужасно хрупкой, даже ветер и тот переломит. — Я хочу тебя, Солон. Хочу так же, как и двенадцать лет назад, да и раньше. Но теперь я хочу твою силу, стойкость, дружбу и...

— Кайде, любовь моя, — перебил Солон, — это все твое. Я люблю тебя. Любил всегда.

Она засияла, как в детстве, когда он дарил ей особенный подарок.

— Я скучала по тебе.

— Я тоже, — ответил он, и к горлу подступил комок. — Боюсь, что никогда не сумею объяснить, почему оставил...

Кайде шагнула ближе и приложила палец к его губам. От прикосновения он весь затрепетал. Сердце гулко билось. Ее запах, тот самый, заставил его вспыхнуть. Взгляд лихорадочно блуждал по ее телу и не мог насытиться. Одна прекрасная линия, изгиб, цвет и тон переходили в другие, увлекая все дальше.

Улыбаясь, она положила ему ладонь на щеку.

О боги, я пропал.

У Кайде был тот же нерешительный взгляд, как и в последний день, когда она его поцеловала и Солон чуть не разорвал на ней одежды. Поцелуй, за который отдал бы все на свете. Начала она с легкой пробы, чуть тронув тонкую нежность его губ, затем притянула к себе. Как и в тот день, вдруг стала агрессивной, словно все годы без Солона страсть лишь нарастала. Кайде тесно прижалась к нему, и он застонал.

Она резко отстранилась, тяжело дыша. Глаза горели.

— Пойдем в палаты. Клянусь, на сей раз моя мать к нам не ворвется.

Кайде шагнула на высокую ступеньку и через плечо бросила взгляд на Солона. Отошла чуть в сторону, покачивая бедрами, дьявольски усмехнулась и скинула с плеча бретельку нагики. Он попытался шагнуть следом, но соскользнул обратно.

Девушка сняла с талии золотой поясок и беспечно уронила его на пол. Солон напрягся, чтобы сделать-таки проклятый шаг. У него перехватило дыхание.

— Я иду, — выдохнул он с трудом.

Она тряхнула бедрами, и нагика шелковой лужицей упала на пол. Взгляду предстали бронзовые изгибы тела и блестящие водопады черных волос.

Солон кашлянул, он не мог дышать. Однажды все это отвергнув, отказаться и сейчас? Ну уж нет. Он захлебнулся кашлем и упал на колени.

Кайде шла по залу, улыбаясь. На стройном теле играли блики света. Длинные-длинные ноги, тонкие лодыжки. Он вновь поднялся на ноги и напрягся. Ветки держали крепко.

Почему она улыбается?

Кайде бы не улыбалась, глядя на то, как он задыхается. Кайде вообще бы себя так не вела.

Ее манеры не просто подходили девушке, которую он знал, а были точной копией прежних. Только лицо состарилось.

Женщина, уже десять лет королева, не опустила бы так быстро все барьеры. Она представляла собой все, о чем он мечтал, на что надеялся, — Кайде настоящая пришла бы в ярость.

Видение вмиг исчезло, и Солон вновь оказался на стене. Взгляд через край — только веревки удержали от смертельного прыжка.

Вокруг ужасной смертью погибали люди. Живот у одного раздулся втрое; воин продолжал руками ловить воздух, словно запихивал еду в глотку. Другой стал фиолетовым, крича тому, кого рядом не было. Однако выкрикивал он уже не слова, голос давно сорвался. Время от времени воин харкал кровью, но кричал не переставая. Еще один вопил: «Мое! Это мое!» — и бил по каменной стене руками, словно его атаковали. Руки превратились в кровавые обрубки, а он все продолжал. Остальные лежали замертво — без видимых причин.

Многие убили себя сами — так или иначе, — однако некоторых сожгла и разорвала магия. Стена обагрилась уже подмерзающей кровью. Пока Солон был в трансе, крепостные ворота взорвали, и к ним маршировали темные силуэты, ведя туров с огромным фургоном.

Солон не сомневался: это была Хали.

— Как Дориан, еще не сошел с ума? — спросил женский голос.

Солон оглянулся, но не заметил источника голоса. Уж не звучал ли он в его собственной голове?

— Сейчас он полностью здоров.

Она засмеялась; звук глубокий и грудной.

— Значит, жив.

Солону хотелось провалиться сквозь землю. Они думали, что Дориан мертв. Или как минимум не знали.

— Давай покончим с этим, — бросил Солон.

Она фыркнула.

— Тебе, Солонариван, в твоей жизни ввали немало. Ввали, когда ты рос. Ввали в Шо'сенди. Тебя обкрадывали. Я не собираюсь предлагать тебе власть, потому что, говоря по правде, дать ее не могу. Правда в том, что я не источник вира. Это лишь еще одна ложь. Хотелось бы, но нет. Вир врожденный, и он гораздо мощнее, чем твой жалкий *талант*. Правда в том, что *талант* Дориана был слабым, пока он не начал использовать вир. Каков его *талант* сейчас, знаешь сам.

— Вир порабощает. Майстеры похожи на пьяниц, которые ищут, где бы выпить очередной стакан вина.

— Некоторые — да. На деле же часть людей неуправляема. Однако большинство пить умеют. Может, ты станешь тем, кто не умеет, как и Дориан. Спорить не буду. Честно говоря, Дориану всегда нравилось особое место под солнцем. Нравилось, когда ты прибегал к его помощи. Когда о помощи просят все. И что же случится, если исчезнут его сила и особый дар? Дориан станет куда менее важным, чем ты, Солон. Без вира он лишится дара, а его *талант* в сравнении с твоим слишком мал. К чему придешь ты, если начнешь использовать вир? Пусть хотя бы раз, чтобы оживить скрытые *таланты*, о которых ты даже не подозреваешь? Что будешь делать с таким могуществом? Вернешься в Сет, чтобы все исправить? Займешь место на троне рядом с Кайде? В истории? — Она пожала плечами. — Не знаю. Да и какое мне дело? Ты жалок, маг. Даже не умеешь пользоваться магией в темноте. Нет, серьезно.

— Ложь, сплошная ложь.

— Да неужели? Что ж, тогда держись за свою слабость и покорность. Но если вдруг передумаешь, Солонариван, считай, дело сделано. Сила там, и она тебя ждет.

И Хали ему показала. Это было просто. Вместо того чтобы тянуться к источнику света, огню или солнцу, или проникать в глоре вирден, он должен тянуться к Хали. Легкий поворот, и вот она, сила. Целый океан, непрерывно пополняемый из десятков тысяч источников. Все до конца Солон не понял, однако видел основы. Каждый халидорец молился утром и вечером. Молитва — не пустые слова, а заклинание. Оно от каждого забирает в этот океан частичку глоре вирден. Затем Хали отдает его обратно тому, кому пожелает, когда пожелает и столько, сколько захочет. По сути, все просто: налог на магию.

Поскольку очень многие рождались с глоре вирден, но не могли или не умели его выразить, у фаворитов Хали всегда будет изобилие силы — и люди никогда не узнают, что их просто обобрали. Лишили жизненной силы. Это не объясняло сути вира, зато стало понятно, почему в ритуале халидорцы всегда использовали боль и пытки. Хали не нужны были страдания, ей требовалось, чтобы молящиеся испытывали яркие эмоции. То, что позволяло особо одаренным людям использовать свой глоре вирден. Пытки — самый надежный способ зажечь эмоции нужного накала. Не важно, что испытывают мучитель, истязаемый или зрители: отвращение, страх, ненависть, восхищение или страсть. Хали может использовать все.

— Сейчас мои усталые души тебя найдут, и ты умрешь, — сказала Хали. — Ты ведь уже опустошил свой глоре вирден?

— Убирайся, — ответил Солон.

Она рассмеялась.

— А ты ничего. Пожалуй, сохраню тебе жизнь.

Голос пропал, и Солон рухнул на камни. Хали в Сенарии. Урсуулы создадут ферали и устроят мятежникам кровавую бойню. Его служба здесь напрасна. Все, что только что узнал, впустую. Надо было возвращаться домой в Сет, двенадцать лет назад. Он проиграл.

Солон открыл глаза и увидел усталые души. Закутанные в тяжелые собольи плащи, с лицами, скрытыми под черными масками, они пробирались между трупами вдоль стены. То там, то здесь усталые души останавливались, вытаскивали меч и добивали раненых. Затем вытирали меч от крови, чтобы лезвие не примерзло к ножнам.

Они приближались. Солон ничего не мог сделать. Он был связан, а горизонт лишь едва посерел. Ни оружия. Ни магии. Единственный выход — вир. Даже если это самоубийство, так хоть возьмет с собой немало врагов.

Может, удастся ее перехитрить? Только бы выжить — как же глупо быть убитым головорезом в маскарадном костюме! — и можно побороться с Хали. Она не невидимка. И не богиня. Он с ней разговаривал. И понимал. С Хали можно сражаться. Нужны только силы.

Сердце Солона глухо забилося. То же про свои соблазны говорил и Дориан. Солон решил, что соблазны закончились, но остался последний. Самый трудный. Дориан оказался прав. Он был прав во всем.

«О господь... если ты там... Я презираю себя за то, что молюсь сейчас, когда нечего терять, но, черт возьми, если только поможешь мне пережить...»

Молитву Солона прервал тяжелый труп, упавший сверху. Солон открыл рот и глубоко вдохнул. Когда выдыхал, в рот попала теплая кровь мертвеца. Уже густеющая. С металлическим привкусом.

Солон чуть не вырвало, когда кровь полилась по подбородку и закапала на шею через бороду, но он застыл, услышав, как рядом по камню шаркнула нога.

Убийца скинул с него тело, но не ушел.

— Глянь-ка на этого, Каав, — сказал он с сильным халидорским акцентом.

— Еще один крикун. Обожаю, когда они кричат, — откликнулся второй голос. — Не иначе всех достал. Видать, из первых, раз они его так связали.

Первый из усталых душ подошел вплотную и наклонился. Солон слышал, как сквозь маску шипит дыхание. Постояв, человек ударил его ногой по почкам.

Солон пронзила боль, но он не издал ни звука. Последовал еще удар, и еще. В третий раз тело его предало и мышцы напряглись.

— Он еще живой, — бросил первый. — Убей его.

Сердце Солона оборвалось. Это конец. Придется освободить вир и умереть.

«Подожди».

Мысль, простая и ясная, прозвучала так тихо, что казалось, донеслась издалека. Солон удержался.

«В тот же миг, как услышу звон стали, я...»

Он не знал что. Возьмет вир? Тогда станет добычей Хали.

Второй из усталых душ заворчал:

— Черт, лезвие примерзло. Могу поклясться, я вытирал.

— Да шут с ним. От холода и потери крови умрет через пять минут. Избавился бы от веревок, уже бы нашел смерть, когда *она* проходила мимо.

И они ушли.

40

Когда Ви проснулась, крепко связанная в лодыжках, коленях, запястьях и локтях, она первым делом увидела женщину средних лет с редкими, уже седеющими каштановыми волосами, дородным телом и осанкой человека, никогда не носившего ничего, кроме практичной обуви. Круглое морщинистое лицо и пронзительный взгляд. Майа не сводила с нее глаз. За спиной Ви горел огонь, рядом лежал сверток — возможно, Ули, которую связали и обездвижили тем же способом.

— Ферт тебя фери! — ругнулась Ви через кляп во рту.

Не просто маленький платочек, закрывающий губы, а серьезный кляп. Такое чувство, будто в рот забили камень, обернутый в платок, и тонкими кожаными ремешками скрепили по всему лицу. Гарантия, что говорить не сможешь.

— Прежде чем начнем, Ви, — сказала женщина, — хочу сообщить тебе что-то очень важное. Если улизнешь от меня — что вряд ли, — не беги в лес. Слышала когда-нибудь о Темном Охотнике?

Ви нахмурилась, что оказалось нелегко с кляпом во рту. Затем решила: терять нечего — пусть старуха говорит, и покачала головой.

— Тогда понятно, почему ты сломя голову мчалась навстречу смерти, — продолжила женщина. — Я сестра Ариэль Вайант Са'фасти. Темного Охотника создал примерно шестьсот пятьдесят лет назад маг по имени Эзра, видимо, самый *талантливый* маг всех времен. Эзра был на стороне тех, кто проиграл войну Тьмы, один из самых преданных генералов Джорсина Алкестеса. Человек, для которого, казалось, нет ничего невозможного. Все, что бы он ни делал, получалось в высшей степени хорошо. Прошу извинить, в высшей степени — значит, превосходно.

— Я фнаю, фто это фнафит, идиофка, — солгала Ви.

— Что? Ну да неважно. Эзра создал существо, которое чувствовало магию и магических существ, которые ныне вымерли, — крула, ферози, ферали, блэмира. Он создал безупречного охотника и утратил над ним контроль. Охотник начал убивать всех *талантливых*, затем сбежал, пока Эзра спал. В конце концов они сошлись в битве. Что случилось, никто не знает, очевидцев нет. Тем не менее *талантливые* дети в Торрас-Бенд перестали умирать, и больше никто не видел ни Темного Охотника, ни Эзру. На самом деле Темный Охотник не погиб. Маг только обнес его барьером. Здесь. В десяти шагах к северу, где мне пришлось убить твою лошадь — о чем я сожалею, — начинается первый охранный круг. Он помечает тебя смертью. Все маги, мужчины и женщины, мастера, пытавшиеся пройти в лес Эзры, погибли. Сильные маги, уносившие могущественные артефакты, умирали чуть позже. В свою очередь, эти артефакты привлекали других магов, и так далее. Что бы ни происходило в лесу — даже если Темный Охотник просто миф, — никто не возвращался.

Сестра умолкла, затем бодро продолжила:

— Поэтому, если сбежишь, не вздумай идти на север. — Ариэль нахмурилась. —

Прости, если я что-то делаю не так. Раньше никогда и никого не похищала. В отличие от тебя.

«Черт!»

— О да. Улиссандре не терпелось рассказать о тебе все, мокрушник.

«Черт-черт!»

— Кстати, об этом. Ты не мокрушник, Ви. И даже не мокрушница. На самом деле ты майа укстра куруккулас, маг-дилетант, дикий маг...

— Да пофла ты! Да пофла ты! — Ви забила под веревками. Бесполезно.

— Ой! Ты что, не веришь мне? Мокрушник, Ви, даже женской разновидности, может использовать *талант*, не произнося ни слова. Если ты мокрушник, то почему не бежишь?

Для Ви ничего не было страшнее, чем чувствовать себя беспомощной. Уж лучше пусть Хью гладит ее волосы. Или изнасиловает король-бог. Лежа на земле, она дернулась; веревки врезались в кожу. Ви попыталась кричать. Уголок платка попал в горло. Она подавилась, закашлялась, и на мгновение ей показалось, что она вот-вот умрет. Затем отдышалась и, обессилев, затихла.

Ариэль нахмурилась.

— Мне вовсе не нравится то, что я делаю. Надеюсь, ты когда-нибудь поймешь это. Я собираюсь вытащить кляп, слышишь? Ты не можешь от меня сбежать, даже с помощью *таланта*. Усвой это. Так что лучше расставить точки над «и» сейчас, чтобы по возможности избавить тебя от боли. Подозреваю, что первыми словами будут проклятия, а еще ты наверняка попытаешься использовать магию. Поэтому, прежде чем мы начнем, я хотела бы задать один вопрос.

Ви прожигала ее взглядом. Сука! Пусть только вытащит кляп.

— Кто тот исключительно талантливый вюрдмайстер, что наложил на тебя заклятие?

Мысли о побеге разом испарились. Она блефует. Иначе быть не может. Но с какой целью?

Нисос! Что этот подонок с ней сделал? Именно так и поступил бы король-бог — наложил бы на нее поганое заклятие. Разве не померещилось ей нечто подобное тогда, в тронном зале? Что, если это была не игра воображения?

— Заклятие совершенно невероятное, — сказала Ариэль. — Я изучала его последние шесть часов, пока ты была без сознания, и до сих пор не определила, как оно работает. Знаю точно одно: в заклятии поставлены ловушки. И он — заклятие явно носит признаки мужской магии — укрепил его сразу несколькими интересными способами. Среди сестер я считаюсь очень сильной. За последние полсотни летя одна из сильнейших магинь, получивших знак отличия. Тем не менее даже мне не под силу сломать заклятие, это ясно с первого взгляда. Видишь ли, есть Узоры, которые можно распутать, а есть такие, которые приходится рвать, — узлы Фордэна, если угодно. Ты знакома с узлами Фордэна? Ну да неважно. В этом заклятии есть и те и другие. Побочные ловушки можно распутать. Однако основной Узор нужно разрывать — и предельно осторожно. Если я и сумею это сделать, то, скорее всего, ты навсегда останешься с поврежденным рассудком.

— Фынь кля...

— Что? Ах да.

Сестра Ариэль осталась сидеть нога на ногу и что-то пробормотала.

Веревки с лица Ви упали. Она выплонула носовой платок — ну точно, в нем завернут камень, вот сука! — и вдохнула. К *таланту* не прикоснулась. До поры до времени.

— Остальные? — Она жестом указала на другие веревки.

— Мм. Извини.

— Трудновато беседовать, лежа на боку.

— Пожалуй, справедливо. Лооваеос.

Тело Ви выпрямилось, и его подтащило к дереву.

— И это твоя наживка? Блеф насчет какого-то заклятия, которое нам не снять, пока не доберемся в Часовню? Откуда не сбежать уже наверняка?

— Именно.

Ви поджала губы. Что это, мысленный образ или вокруг Ариэль и впрямь слабое сияние?

— Хорошая наживка, — признала она.

— Лучше, чем мы предлагаем большинству других девушек.

— Вы всегда похищаете девушек?

— Как я только что сказала, для меня это впервые. До похищения обычно дело не доходит. У сестер, занимающихся вербовкой, масса способов убедить. Считается, что для такой работы я слишком бестактна.

Вот так сюрприз!

— Какова же обычная приманка? — спросила Ви.

— Стать похожими на вербовщиц, которые красивы, очаровательны, уважаемы и — не в последнюю очередь — всегда выбирают свой собственный путь.

— А крючок?.. — спросила Ви.

— Ой, мы продолжаем рыболовные метафоры?

— Что?

— Неважно. Крючок — подневольная служба и опека. Все равно что ученичество. От семи до десяти лет службы, прежде чем станешь полноправной сестрой. Тогда ты свободна.

Вихватило ее ученичества на десять жизней вперед. Она презрительно усмехнулась.

«Пусть говорит. Может, узнаю, на что способна».

— Ты сказала, что я не совсем мокрушник. Однако я выполняю работу мокрушника.

— Похоже, есть некоторые проблемы с объятиями тьмы.

— Что?

— Я имею в виду невидимость. Она ведь тебе неподвластна. Откуда она знает?

— Это всего лишь легенда. Чтобы поднять расценки. Никто не может стать невидимкой.

— Вижу, потребуется немало времени, чтобы избавить тебя от заблуждений. Настоящие мокрушники могут стать невидимками. А вот маги — нет. *Талант* должен жить практически в коже. Невидимость требует полного восприятия всем телом, настолько глубокого, что чувствуешь прикосновение света всеми клеточками кожи. Ты другая. В сущности, ты представляешь собой нечто, запрещенное соглашением, подписанным сто тридцать... гм... восемь лет назад. Алитэрцы, скажем, сильно бы перенервничали, если бы подобным образом тебя обучали мы. Понимаешь, овладей ты еще кое-чем, стала бы боевым магом. О, не сомневаюсь, ты доставишь спикеру немало головной боли.

— Да пошла ты! — бросила Ви.

Сестра Ариэль наклонилась ближе и отвесила ей пощечину.

— Ты будешь вежливой.

— Да пошла ты, — безучастно отозвалась Ви.

— Тогда давай кое-что решим, — сказала сестра Ариэль, поднимаясь. — Лооваеос ух браеос лооваеос граакос.

Ви рывком подняло на ноги. Веревки свалились с нее. Из переметной сумы вылетел кинжал и упал к ногам.

К кинжалу Ви не потянулась. Не мешкать ни секунды! Она подстегнула проклятием свой *талант*, чтобы нанести колоссальный удар в живот Ариэль.

Силой удара сестру подняло в воздух. Ариэль кувырнулась над костром и упала в грязь по другую сторону. Однако Ви не шелохнулась. Даже не пыталась бежать. Она смотрела на руку, повисшую как плеть.

Такое чувство, будто ударила в сталь. Из кожи торчали кости. Запястье сломано, вместо костяшек пальцев — кровавое месиво. Треснули обе кости предплечья. Одна из них подпирала кожу, грозя выскочить наружу.

Сестра Ариэль стояла, отряхивая свободное платье, — пыль летела во все стороны. Она фыркнула, взглянув на Ви, которая баюкала руку.

— Тебе стоило бы серьезно укрепить кости, прежде чем бить с помощью *таланта*.

— Я так и сделала, — ответила Ви.

От шоковой боли она села, почти упала.

— Тогда тебе нельзя бить защищенную майа. — Глядя на разбитую руку Ви, Ариэль цокнула языком. — Похоже, *таланта* в тебе больше, чем здравого смысла. Волноваться не о чем, дело житейское. Как с этим справиться, мы знаем. Правда в том, Ви, что основная магия у тебя нетренированна, расплывчата и несравнима с магией обученной сестры. Ты могла бы стать гораздо сильнее. Ты хоть знаешь, как себя лечить?

Ви трясло. Она молча подняла глаза.

— Ну, если считаешь, что рука еще понадобится, могу помочь. Только это больно, а я медлительна.

Ви безмолвно протянула руку.

— Одну секунду. Надо оградить уши Ули, иначе твои крики ее разбудят.

— Я... не закричу, — поклялась Ви.

Вышло так, что она солгала.

Логан застыл. В другое время он, может, попытался бы спустить всех вниз, чтобы опять построить пирамиду, когда Горхи уйдет. Сейчас он знал, что не найдет в себе сил начать все заново.

— Что тут у вас происходит? — рявкнул Горхи.

«Вот те раз! Мы же вели себя тихо. Как он расслышал?»

Вжимаясь в стену, Логан глянул вверх и увидел, что и Фин, и Лили на его плечах делают то же самое.

Горхи прошел последние метры, и пламя факела скользнуло через решетку. Лили была всего в нескольких футах от его сапог. Впрочем, при отвесных стенах под решеткой свет на нее не упадет, пока стражник не подойдет вплотную.

Они слышали, как Горхи принялся и наклонился вперед. Свет факела ушел в сторону. Послышалась брань.

— Вот животные! Воняете хуже, чем обычно. — Он унюхал Лили! — Почему не моетесь?

Так могло продолжаться долго. Еще немного, и он опорожнит на них свой мочевого пузырь. Логана затрясло от ярости и бессилия. Откуда он взялся, этот Горхи? Глумиться над заключенными — его любимое занятие.

«Иди отсюда. Просто уйди».

— Так что тут происходит? — повторил Горхи. — Я слышал шум. Что вы там затеяли?

Факел опять сместился, и пламя опустилось в опасной близости от Лили. Горхи пошел с факелом вдоль решетки, пристально вглядываясь в Дыру. Он двигался против часовой стрелки, уходя от пирамиды.

Обитатели Дыры замерли. Никто не бранился, не дрался и не ворчал. Тишина. Смертельные поддавки. Наташа стала потихоньку отходить от Логана.

Полоска света прорезала решетку и осветила голову Лили.

— Иди ты к черту, Горхи! — крикнула Наташа. Внезапно свет факела качнулся в сторону от Лили.

— Кто там еще... ах это ты, моя малышка?

— Видишь, Горхи, мое лицо? — спросила Наташа.

Умница!

— Скоро не увидишь ничего, потому что я тебя убью!

Горхи засмеялся.

— Оказывается, у тебя есть рот! Так ведь я в курсе, попользовался им — перед тем как мы тебя сюда бросили. Помнишь?

Новый взрыв смеха.

— Да имела я тебя!

— Было дело, ха-ха. Ты самая горячая сучка, которую я трахал в последние годы. Дала чутков и остальным ребяткам? Не важно, я был первым. Уж первого-то не забудешь никогда. Никогда меня не забудешь. — Горхи снова засмеялся.

Логан восхитился храбростью Наташи. Она дразнила того, кто ее изнасиловал, лишь бы оставить им надежду.

— А как на это смотрит Лили? Уверен, ребятки с большей охотой вставят тебе, чем старой шлюхе. А, Лили? Конкуренция стала жестче? Где ты, Лили?

Он опять сместился, в поисках Лили изучая глубины мрака.

— Я эту суку сбросила в Дыру, — сказала Наташа.

Логана лихорадило так сильно, что он еле стоял на ногах.

— А не врешь? Ну, ты ведь маленькая тигрица. Спорю, даже совратила нашего маленького и непорочного Короля. Эй, Король, ты ее еще не трахнул? Знаю, Лили для тебя дрянновата, но Наташа — совсем другое дело. Нежное мясо, а, Король? Где ты?

— Иди ты на хер, — сказал в ладонь Таттс, сидевший напротив, через Дыру.

Приглушенный голос прозвучал почти как у Логана. На того нахлынули теплые чувства к обитателям Дыры. Горхи засмеялся.

— Ладно, развлеклись, и будет. Дайте знать, когда проголодаетесь. Я тут съел на ужин лишний кусок мяса и сыт настолько, что впихнуть в себя еще один, пожалуй, не смогу.

Логана покинули силы. Хотелось вскрикнуть — такая была слабость в теле. Он даже не чувствовал, что стоит. Только знал, что если сдвинется, то сразу рухнет. Тело покрылось холодным потом. В глазах — туман.

Спустя миг Логан услышал прерывистое дыхание и вздохи облегчения.

— Он ушел, — сказал кто-то.

Наташа. Она снова стояла рядом с ним, и ее глаза были полны горячих слез.

— Только держись, Логан. Мы рядом.

Что-то гроыхнуло по решетке.

— Ты что делаешь? — зашипел Фин. — Лили, какого черта...

— Клянусь, я даже не притронулась к ней! — ответила она.

— Вниз! — крикнул Логан.

Слишком поздно. Послышался звук бегущих шагов, и мгновение спустя у решетки возник Горхи. Факел осветил всю троицу с ног до головы. Стражник резко ударил Лили в лицо древком копья. Пирамида рассыпалась.

Пока на Логана падали тела, придавливая к покатоному каменному полу, он успел заметить, что сокровище — ключ, хранимый им столько времени! — вылетело из руки Лили. Ключ звякнул о каменный пол, отскочил и, блеснув в свете факела, упал в Дыру.

Все надежды Логана, все мечты были связаны с этим ключом. Он исчез в Дыре, прихватив их с собой.

Прошла секунда хрупкой тишины: все наблюдали, как ключ ныряет в бездну. Затем, один за другим, обитатели Дыры осознали новую реальность. Такую же, как старая — когда про ключ еще никто не знал. Фин кого-то бил — должно быть, Лили. Затем ударил Логана в лицо.

Остановить его Логан не мог, Фин был чересчур силен. Силы же Логана иссякли. Он безвольно упал.

Раздался нечеловеческий рык, и что-то твердое врезалось в Фина, сбивая с ног. Фин откатился к самому краю Дыры.

Зубастик! Скаля клыки, он присел рядом с Логаном.

Фин на четвереньках вскарабкался выше, отползая от Зубастика. Затем медленно встал.

Логан попытался сесть, но тело отказалось подчиниться. Он не мог даже шевельнуться. Перед глазами все кружилось.

— Я первым возьму новую сучку, — объявил Фин. Боги, будьте милосердны!

— Первым и умрешь, засранец! — крикнула Наташа.

Она дрожала, держа в руке кинжал так, будто не знала, что с ним делать.

Обитатели Дыры — подлые твари! — окружили ее с трех сторон. Наташа отступила к краю Дыры, кинжалом кромсая воздух.

Наверху смеялся Горхи.

— Свежее мясо, ребятки! Свежее мясо!

— Нет, — прошептал Логан. — Нет. Спаси ее, Зубастик. Ну пожалуйста, спаси.

Зубастик не двинулся. Он по-прежнему рычал, отгоняя всех от Логана.

Наташа это заметила. Добраться бы только до той стороны Дыры, где Логан! Тогда страх остальных перед Зубастиком ее спасет. Это увидел и Фин. Он сделал из мотка веревки лассо.

— Выбирай: либо по-хорошему, либо нет. — Фин причмокнул окровавленными губами.

Наташа не сводила взгляда с лассо в его руках, будто позабыв про кинжал. Она посмотрела через Дыру и встретила глазами с Логаном.

— Прости, Логан, — сказала она. И шагнула в бездну.

Обитатели Дыры вскрикнули, когда она исчезла из виду.

— Заткнитесь и слушайте! — крикнул Горхи. — Иногда можно слышать, как они падают на самое дно.

И все эти негодяи, животные и чудовища, заткнулись и слушали, надеясь услышать, как тело шмякнется о скалы внизу. Обитатели Дыры ворчали привычные ругательства про потерянное мясо и поглядывали на Лили. Слезы Логана были такими же горячими, как и его лихорадка.

— Ну и кто такой этот Логан, черт возьми? — заорал Горхи. — Король, она к тебе обращалась?

Логан закрыл глаза. Какая теперь разница?

41

— Пора, Окорок, — сказал Ферл Халиус. — Не такой же он псих, чтобы идти за нами сюда.

Они взобрались на тысячу четыреста футов по склону горы Хезерон, самой высокой на границе Кьюры. Подъем до сих пор был трудным, но худшие испытания ждали здесь. Отсюда через гору вели два пути: в обход вдоль ущелья либо вверх по склону.

Ферл чуть не спровоцировал драку в последней деревне, выясняя, какой дорогой пойти смельчаку, если он торопится.

Часть жителей уверяла, что путь по склону всегда хуже, особенно в это время года. Верное самоубийство, если пройдет даже легкий снежок или холодный дождь. Другие настаивали, что только по склону и можно перейти через горы, пока не начнутся снегопады. Застранешь, если повалит снег, в чертовом ущелье, над обрывами да на кручах, и смерть неминуема.

А метель уже приближалась.

Барон Кироф выглядел неважно. Он так боялся высоты, что даже плакал.

— Если... если он сумасшедший и готов пойти следом, что нас-то заставляет туда лезть?

— Жажда жизни. Я рос в горах куда опасней этой. — Ферл пожал плечами. — Иди за мной или прыгай в пропасть.

— Почему ты не хочешь меня оставить?

Барон Кироф был жалок. Ферл взял его с собой, потому что не знал, что случится после побега, и хотел иметь в торгах разменную монету. Возможно, он ошибся. Толстяк задерживал его.

— Ты нужен им живой. Останешься здесь, вюрдмайстер собьет меня со скалы. Будешь со мной, может, и пронесет.

— Может?!

— Шевелись, Окорок!

Ферл Халиус мрачно взглянул на свинцовые облака. Его племя, иктана, жило в горах. Ферл считался одним из лучших скалолазов, но карабкаться по горам не любил. То ли дело битва. Заставляет почувствовать, что такое жизнь. Восхождение непредсказуемо, горные боги своенравны. Он видел, как разбился насмерть самый набожный член клана, ступив на камень, который лишь мгновение назад выдержал Ферла, а ведь он куда тяжелее. Конечно, в сражении может убить и шальная стрела, зато есть возможность двигаться и драться. Если смерть и явится, то не заметит тебя, когда ты в страхе вцепился скользкими пальцами в выступ скалы и молишься, чтобы бог тебя уберег от очередного порыва ветра.

Ферл видел карнизы и похуже. Этот — узкий, шириной около трех футов по всей длине — уходил вверх примерно на сотню.

Три фута — чертовски много. В кажущееся ничто их превращает отвесная скала. Зная, что если соскользнешь, нет ни единого шанса зацепиться, что оступишься — и конец, человек теряет мужество и веру.

Не стал исключением и Окорок Кироф.

Барон, увы, не имел понятия, отчего так важен. Да и Ферл ничего не смог выяснить. Тем не менее барон был важен настолько, что король-бог послал за ними вюрдмайстера.

— Ты первый, Окорок. Я возьму все снаряжение, но больше тебе никаких поблажек.

Это была не поблажка. Практичность. С тюком толстяк пойдет медленней, а если кувырнется, то Ферлу не хотелось терять запасы.

— Я не могу, — захныкал барон Кироф. — Пожалуйста.

По кругленьким щечкам ручьем текли слезы. Короткая рыжая борода тряслась, как заячий хвост.

Ферл вытащил меч. Как многим он пожертвовал, чтобы его сохранить! Меч, который сделает его военачальником клана. Что еще желать военачальнику, когда есть такой прекрасный меч, даже с рунами горцев на клинке?! Ферл узнал их, хотя прочитать не смог.

Он сделал жест мечом и чуть пожал плечами, словно говоря: «Испытай судьбу».

Барон ступил на дорожку. Он бормотал слишком тихо, чтобы Ферл расслышал, но звучало это как молитва.

К удивлению, продвигался толстяк быстро. Ферлу только раз пришлось шлепнуть барона клинком плашмя, когда тот застыл и начал соскальзывать. Времени совсем не было. Если не удастся оторваться от вюрдмайстера, Ферл покойник. Он шел следом за толстяком, которого только так и мог заставить двигаться, однако это означало, что Ферл уязвим для магии вюрдмайстера.

Вид перед ними открывался захватывающий. Они прошли уже половину открытой местности. Ферлу показалось, что далеко на северо-западе он видит город Сенарию. Казалось, они воспарили над землей. Вдруг кожу стало покалывать. Снег!

Ферл поднял глаза. Передний край черной стены облаков завис прямо над головой. Барон остановился.

— Очень узко, нам не пройти!

— У нас нет выбора. Вюрдмайстер уже вышел из леса.

Толстяк сглотнул. Затем раскинул руки и, прижимаясь лицом к скале, пошаркал вперед. Разгневанный вюрдмайстер уже совсем близко.

Ферл глянул вперед. Еще тридцать шагов, и останется последний трудный отрезок, где уступ сужался до полутора футов. Барон замер, хватая ртом разреженный воздух.

— Ты сможешь, — подбодрил его Ферл. — Я знаю.

Чудесным образом толстяк сдвинулся с места. Засеменил, но уверенно, будто нашел в себе кладезь храбрости, о котором и не подозревал.

— Я иду! — крикнул он.

И действительно, он шел! Даже миновал самый узкий участок. Ферл наступал на пятки, стараясь не последовать за камешками, которые из-под ног летели в пропасть.

Уступ начал расширяться, и толстяк перешел на обычный шаг. Он смеялся.

Мимо промелькнуло зеленое пятно, и уступ впереди взорвался.

Когда дым рассеялся колючими ветрами, небо открылось и пошел снег. Ветер кружил крупные хлопья снега. Ферл и Окорок дружно смотрели на открывшийся перед ними провал.

Тот едва достигал трех футов, но для разбега не хватало места. К тому же дальняя сторона казалась не слишком устойчивой.

— Если перепрыгнешь, — сказал Ферл, — я больше никогда не назову тебя Окороком.

— Отвали! — огрызнулся толстяк и — прыгнул.

Очередной заряд ударил в скалу над головой Ферла, и осколки осыпали его дождем, порезав лицо. Он тряхнул головой, чтобы прояснилось в глазах, потерял равновесие и тут же его поймал — все в один короткий миг. Затем сделал два шага и прыгнул.

Уступ крошился под ногами быстрее, чем карабкался Ферл. Он вскинул руки, цепляясь за что придется.

Его руку подхватила чужая рука. Барон выдернул Ферла на безопасное место.

Задышавшись, Ферл согнулся пополам, ладони на бедрах. Спустя мгновение спросил:

— Ты меня спас. Почему?

Скала за ними вновь взорвалась, и ответ барона потонул в грохоте.

Ферл изучил остаток уступа. Еще тридцать шагов, прежде чем они скроются от вюрдмайстера за углом. Здесь уступ был шириной футов пять, даже больше. Ракетой не снесешь. Однако опасность не миновала, и Ферл больше не собирался идти последним. Он вложил меч в ножны и схватил барона, меняясь местами.

— По-другому нам не выбраться, — сказал он.

— Согласен, — ответил барон. — Все равно я не вернусь, чтобы вновь карабкаться по уступу, и абсолютно не умею выживать в дикой местности. Я с тобой.

Они стали пятиться вместе. Ферл смотрел под ноги, затем через склон горы взглянул на вюрдмайстера. Вокруг того, сверкая, медленно вращался зеленый заряд. Вюрдмайстер знал, что добыча ускользает. Заряд закрутился быстрее, потом снова медленнее, и стало видно, как беззвучно шевелятся губы вюрдмайстера, посылая проклятия. Ферл презрительно выставил средний палец. Барон, смеясь, скопировал жест.

Ферл отступил на шаг, камень под пяткой сместился. Он поскользнулся, увлекая за собой толстяка. Кироф падал прямо на Ферла.

Выбирать не приходилось — он со всей силы оттолкнул барона к краю. Приземлившись на копчик, Ферл заметил пальцы толстяка, цеплявшиеся за край уступа. Он пододвинулся ближе и увидел круглые как блюдца глаза барона.

— Помоги! — крикнул Кироф.

Ферл не шелохнулся.

В конце концов, толстяк слишком толстый, разве такого поднимешь. Он продержался еще немного, затем руки отказались держать вес. Пальцы соскользнули с уступа.

Падал барон Кироф долго, но так и не вскрикнул. Ферл на пару с вюрдмайстером наблюдал, как он плывет к скалистым берегам смерти.

По другую сторону горы лицо вюрдмайстера вытянулось. Король-бог не знает слова «неудача».

Ферл отбежал от края пропасти, за поворот. И поздравил себя с тем, что дальновидность сохранила ему тюк.

42

Имение Джайров в Гавермере сильно изменилось с тех пор, как Кайлар проезжал его с Эленой и Ули на пути в Кернавон. Тогда имение почти пустовало. Без господина-защитника часть крестьян подалась кто куда. Лишь грядущий урожай да удачный год — почти без набегов кьюрцев и лэ'нотов — удержали остальных.

Теперь жизнь в имении была через край, и Кайлар вмиг догадался почему. Гавермер стал новой базой Сопротивления. До Сенарии, если скакать во весь опор, несколько дней

пути. Близко, чтобы столкнуться с дозорами, и далеко, чтобы успеть бежать, если король-бог бросит против мятежников значительные силы. Богатый урожай и ресурсы хозяйства Джайров — сотни лучших лошадей в стране, изрядный арсенал оружия и доспехов, стены, защищавшие против любого, кто не использует магию, — делали Гавермер отличной базой. Интересно, думалось Кайлару, его взяли штурмом или распорядитель имения сам впустил армию?

Он помедлил, первым заведя группу людей в предутренней мгле. Если б захотел, мог бы, наверное, себя и не обнаружить — или по меньшей мере избежать столкновения. При таком свете они, скорее всего, его не видели. Хотя кто знает, насколько зорки часовые? Наконец он решил, что заодно и выяснит, что происходит в Гавермере. Если Логан жив и Кайлар сумеет его спасти, именно сюда они и вернутся. Если сразу даст знать Логану, что его ждет, тем лучше.

Перед тем как въехать, он все же надел маску Дарзо. Она получалась гораздо легче маски барона Кирофа, единственной, которую до того создавал Кайлар, — и, возможно, менее опасной. Мятежники, знавшие барона Кирофа, захотят его убить. Мятежники, знавшие Дарзо, притворятся, что видят его впервые, — никто в здравом уме не признается, что знаком с мокрушником. И это в любом случае лучше, чем появляться самим собой.

Кайлар Стерн в лагере мятежников — это Кайлар Стерн, который поручает себя на их усмотрение. Кроме того, он еще не знал, как к нему относятся в лагере. Элена говорила с генералом Агоном, но замолвил ли тот словечко?

И вот он здесь, сидит на лошади и пытается придать себе внешность Дарзо. Несмотря на то что Кайлар потратил дни — недели! — совершенствуя маску, это нелегко.

Во-первых, надо помнить на лице каждую складочку. Это оказалось труднее, чем он предполагал, хотя и годами смотрел на Дарзо Блинта. Прежде чем начать, Кайлар неделями вспоминал, как загибаются морщинки в уголках глаз, находил место оспинам, испещрившим лицо, точно выводил линию бровей, подгонял пряди жидкой бороды. Затем, когда решил, что все идеально, понял: это только начало.

Статичное лицо — еще не маска. Надо прикрепить все подвижные точки к своему лицу, чтобы смещались почти так же. Почти. Ведь на самом деле, после того как Кайлар десять лет воспитывался у Дарзо и еще годы перенимал его манеры, эмоции на лице все равно выражались иначе, чем у учителя. Поэтому маска Дарзо сердилась, когда он хмурился, усмехалась, когда улыбался, издевалась, когда гримасничал. Плюс сотня других мелочей, которые Кайлар добавил по ходу, долгими часами строя рожи перед зеркалом.

Даже после этого маска не была готова. Дарзо был высоким. Кайлар — среднего роста. Сделав маску, он растянул ее на добрых шесть дюймов. Когда кто-то пытался взглянуть в глаза Дарзо, то смотрел над головой Кайлара. Требовалась немалая собранность, чтобы помнить: в ответ надо смотреть в шею человека. Тогда взгляд Дарзо попадал куда надо. С этим Кайлар еще не справился: он пробовал сделать так, чтобы смотреть куда захочет, а глаза Дарзо повторяют взгляд, только на шесть дюймов выше. Пока не получалось.

И конечно, если кто-то пытался трогать проекцию лица или плеч, иллюзия разрушалась. Кайлар пробовал сделать иллюзию бесплотной — не сработало. Контур *таланта* был материален. Если в маску попадало что-либо крупнее капли дождя, она разлеталась. Кайлар пробовал совладать с этим иначе и придать маске такую материальность, чтобы от легких касаний чувствовалось сопротивление, подобное тому, когда трогаешь реальное лицо и плечи. Тоже не получилось.

В общем, чертова прорва работы ради того, что обернулось заурадной маской. Теперь-то Кайлар понял, почему Дарзо предпочитал гримироваться.

Он пришпорил лошадь и спустился к Гавермеру.

Часовые не слишком удивились, когда он вынырнул из рассвета. Возможно, внешняя граница лагеря укреплена сильнее, чем казалось.

— По какому делу? — с суровым видом спросил юнец.

— Я уроженец Сенарии, но последние несколько лет жил в Кернавоне. Слышал, в

основном здесь все утряслось. В Сенарии у меня осталась семья, и я намерен их провести — живы ли, здоровы.

Произнес он все быстро, объяснил, возможно, слишком много. Однако нервный торговец, скорее всего, сделал бы то же самое.

— Чем торгуешь?

— Лечебными травами, я аптекарь. Обычно, пользуясь случаем, кое-какие травы беру с собой, но последний груз уничтожили разбойники. Мерзавцы сожгли фургон, когда не нашли в нем золота. Вот скажите, кому это на пользу? Разве что так я доберусь быстрее.

— Оружие есть? — спросил юноша.

Он вроде успокоился, и Кайлар видел, что ему верят.

— Конечно. Я что, похож на безумца? — ответил Кайлар.

— Ладно. Проезжай.

Кайлар въехал в лагерь, который раскинулся перед воротами Гавермера. Хорошо организован. Аккуратные ряды отхожих мест через равные промежутки, вдалеке от ям для готовки пищи. Множество зданий — постоянных и временных, чистые проходы для людей и лошадей. Тем не менее лагерь не очень-то военный. Отдельные постройки с виду задумывались для того, чтобы в них перезимовать, но укрепления вокруг лагеря были курам на смех. Судя по всему, знать вместе с личной стражей обосновалась в имении Джайров, в то время как за воротами горожане и воины, брошенные вместе с мятежниками на произвол судьбы, обходились тем, что есть.

Кайлар засмотрелся на деревянный дом, пытаясь угадать его предназначение, когда чуть не наехал на человека в пенсне, хромающего с тростью. Человек поднял глаза и, казалось, был поражен не меньше, чем Кайлар.

— Дарзо?! — воскликнул граф Дрейк. — Я думал, ты погиб.

Кайлар оцепенел. Она так обрадовался, увидев графа Дрейка живым, что едва не потерял контроль над маской. Граф постарел, измученный заботами. Он прихрамывал и раньше, но никогда не пользовался тростью.

— Мы можем где-нибудь поговорить, граф Дрейк? — Кайлар едва остановил себя, чтобы не назвать его «сэр».

— Да-да. Конечно. А почему так назвал? Графом Дрейком ты не называл меня годами.

— Ну, иногда бывало. Как ты спاسся?

Граф Дрейк прищурился, и Кайлар взглянул ему на грудь, надеясь, что их взгляды встретятся.

— Ты не болен? — спросил граф Дрейк.

Кайлар спешился, протянул руку и сжал запястье графа. Ответное пожатие было искренним и крепким. Настоящий граф Дрейк. Человек-якорь, символ надежды. Кайлару и не терпелось все рассказать, и в то же время было очень стыдно.

Опасность разговора с графом Дрейком заключалась в том, что, пока он слушал, все прояснялось. Решения, казавшиеся туманными, вдруг становились простыми. Кайлар этого старательно избегал. Знал бы его граф Дрейк как следует, разлюбил бы. У мокрушника нет друзей.

Граф провел его в палатку почти в центре лагеря. Сел в кресло, выставив вперед деревянную ногу.

— Порой в палатке гуляют сквозняки, но раз уж мы все еще здесь, то продержимся до зимы.

— Мы? — спросил Кайлар.

Радость в глазах графа потухла.

— Я, Илена и моя жена. Сэра и Магдалина не... вынесли. Сэра стала женщиной для утех. Мы слышали, она... повесилась на простыне. Магдалина тоже либо женщина для утех, либо наложница короля-бога... последнее, что мы слышали. — Он прокашлялся. — Большинство из них долго не живут.

Значит, правда. Кайлар не думал, что Джарл врет, просто не мог поверить.

— Мне очень жаль, — проговорил он.

Что такое слова? Разве могут они выразить весь глубинный ужас? Женщины для утех. Самая жестокая, бесчеловечная форма рабства, которую знал Кайлар: их магически стерилизовали и отводили им место в бараках солдат-халидорцев. Удобство, к которому те прибегали десятки раз в день. Сердце Кайлара сжалось.

— Да. Это открытая рана, — сказал граф Дрейк, посерев лицом. — Наши халидорские собратья предались самым гнусным страстям. Входи, пожалуйста. Давай поговорим о войне, в которой надо победить.

Кайлар шагнул в палатку, но боль не утихла. Напротив. Сердце заныло еще сильнее. Он увидел Илену, младшую дочь Дрейков, которой было четырнадцать лет, и его придавило чувство вины. О боги, что, если бы схватили и ее?

— Не могла бы ты разогреть нам немного оотая? — попросил Илену граф. — Помнишь мою дочь? — спросил он Кайлара.

— Илена?

Девочка всегда была его любимицей. Цвет лица бледный, как у матери, белокурые волосы и отцовская склонность к шалостям, неумная даже с годами.

— Рада вас видеть, — вежливо сказала девочка.

Черт, она становится дамой. И когда только успела?

Кайлар оглянулся на графа.

— Каков же здесь твой титул или должность?

— Титул? Должность? — Граф Дрейк улыбнулся и покрутил тростью. — Тэра Грэзин отменила титулы, пытаясь втянуть знатные роды в мятеж. Зато когда дойдет до настоящего дела, она будет рада моей помощи.

— Шутишь!

— Боюсь, что нет. Вот почему мы еще здесь. Сколько прошло? Три месяца после битвы? Она лишь осмелилась провести мелкие набеги на пути подвоза и слабо защищенные сторожевые посты. Боятся, что при больших потерях семейства отступят и присягнут на верность королю-богу.

— Так войну не выиграть.

— Никто не знает, как выиграть войну против Халидора. Десятилетиями никто успешно не дрался против армии, усиленной ведьмами, — сказал граф Дрейк. — Нам доносят, что у халидорцев сложности на границе с Фризом. Тэра надеется, что большинство отошлют домой, прежде чем снег завалит Ревущие Ветра.

— Я думал, мы удерживали крепость.

— Верно, — ответил граф Дрейк. — Я даже получил весть от моего друга, Солона Тофьюсина, чтобы дать им сигнал, когда будем готовы вступить в войну. Гарнизон там состоял из лучших воинов королевства. Все как один бывалые.

— И? — спросил Кайлар.

— Все погибли. Убили себя или просто лежали, и кто-то спокойно перерезал им глотки. Мои шпионы говорят, работа богини Хали. Это лишь прибавляет герцогине осторожности.

— Тэра Грэзин, — сказала Илена, — большую часть кампании проводит в постели.

— Илена! — предупредил отец.

— Это правда. Я целый день общаюсь с ее фрейлинами, — нахмурившись, возразила дочь.

— Илена!

— Прости.

Кайлар был потрясен. Невероятно. Боги — предрассудок и суеверие. Но какое суеверие подтолкнуло сотни ветеранов к самоубийству?

С тех пор как Кайлар вошел в палатку, Илена не спускала с него глаз. Глядела так, будто собиралась попробовать что-то украсть.

— И каков же план? — спросил Кайлар, принимая оотай из рук хмурой девочки.

Проклятье! Он не сможет пить — губы Дарзо совсем в другом месте.

— Насколько я могу судить, — страдальчески ответил граф, — его нет. Тэра говорила о большом наступлении, но, боюсь, она не знает, что делать. Пыталась нанять мокрушников; пару недель назад здесь побывал даже сталкер из Иммура — жуткий тип! Однако, сдается, Тэра просто тасует колоду, не пытаясь играть. Собирает армию, но не знает, что с ней делать. Она политик, а не военный. Нет военных и в ее окружении.

— Похоже, это будет самый мимолетный мятеж в истории.

— Хватит меня обнадеживать. — Граф Дрейк отхлебнул оотая. — Так что тебя сюда привело? Надеюсь, не работа?

— А чем вы занимаетесь? — спросила Илена.

— Илена, сиди тихо или уходи, — сделал замечание граф.

Глядя на ее вид, одновременно уязвленный и недовольный, Кайлар кашлянул в ладонь и отвернулся, чтобы не засмеяться.

Когда он поднял глаза, выражение лица Илены тоже изменилось. Широко раскрытые глаза сияли.

— Это ты! — воскликнула она. — Кайлар!

Она бросилась к нему, выбила из рук изящную чашечку с оотаем. Обнимая, вдребезги разбила иллюзию лица.

Граф, пораженный, не мог вымолвить и слова. Кайлар с ужасом посмотрел на него.

— Бессовестный! Обними меня! — потребовала Илена.

Кайлар засмеялся и подчинился. О боги, как хорошо — просто очень, очень здорово, — когда тебя обнимают. Она старалась сжать его изо всех сил, он поднял ее, обнимая. Притворился, что тоже сжимает крепче некуда. Илена поднажала еще, пока он не запросил пощады. Они снова рассмеялись, и Кайлар опустил ее на пол.

— Ой, Кайлар, я в восторге! Сногшибательно! — сказала она. — Как ты это сделал? Можешь научить? Научишь? Ну пожалуйста.

— Илена, дай человеку отдышаться, — заметил отец, усмехаясь. — Я должен был узнать тебя по голосу.

— Мой голос! Вот же дерь... черт!

Чтобы изменить голос, потребуется великая актерская игра — явно за гранью его возможностей — или больше магии. Значит, надо еще часами работать с одной и той же маской. Где ж найти столько времени?

— Что ж, — сказал граф, пряча пенсне и собирая осколки разбитой чашки. — Кажется, нам надо поговорить. Илену попросим удалиться?

— Ой, папочка, не выгоняй меня!

— Гм... да, — согласился Кайлар. — Пока, малявка.

— Не хочу уходить.

Граф Дрейк одарил ее взглядом, и она поникла. Затем, топнув ножкой, вышла.

Они остались вдвоем. Граф мягко сказал:

— Что произошло с тобой, сынок?

Кайлар, поковыряв заусенец на ногте, взялся изучать осколки на полу. Он смотрел куда угодно, только не в эти испытующие глаза.

— Сэр, как по-вашему, может ли человек измениться?

— Конечно, — ответил граф Дрейк. — Хотя обычно он просто больше становится самим собой. Почему бы тебе не рассказать мне обо всем?

И Кайлар рассказал. Все, начиная от имени Джадвинов и кончая тем, что нарушил клятву, данную Элене и Ули. О свежей, ноющей ране в сердце. Наконец он закончил.

— Я мог это остановить, — сказал Кайлар. — Мог закончить войну прежде, чем она началась. Мне так жаль. Убей я Дарзо раньше, Мэгс и Сэре ничего бы не грозило...

Граф потерял виски. По его щекам катились слезы.

— Нет, сынок. Прекрати.

— Что бы вы сделали, сэр, на моем месте?

— Зная, что удар ножом в спину Дарзо спасет Сэру и Магдалину? Я бы, сынок, ударил. Только поступил бы неправильно. Пока ты не король и не генерал, то во имя большего добра имеешь право жертвовать только собственной жизнью. Ты поступил верно. Теперь давай поговорим о предстоящей вылазке в Утробу. Уверен, что слух не ложный?

— Шинга пришел сам, чтобы сказать мне, — за это и погиб.

— Джарла нет в живых?! — не поверил граф.

Кайлар видел, что для графа Дрейка это удар.

— Вы знали Джарла? — спросил он.

— Он беседовал со мной. Готовил восстание, чтобы дать нам возможность расколоть силы Урсуула. Люди в него верили. Любили. Даже воры и убийцы начинали верить, что смогут зачеркнуть свое прошлое.

— Сэр, после того, как я спасу Логана...

— В самом деле?!

— Я пойду за Мэгс.

Лицо графа Дрейка снова посерело от безысходности.

— Спасай Логана Джайра, да побыстрее. Улана будет сожалеть, что не встретила с тобой, но ты должен ехать прямо сейчас.

Кайлар встал и вновь надел маску Дарзо. Граф Дрейк, наблюдая, немного ожил.

— Знаешь, у тебя есть сногшибательные трюки....

Они дружно рассмеялись.

— Еще вопрос, — сказал Кайлар. — Мне подумалось: хорошо бы распустить слух о том, что Логан жив, еще до того, как он появится на людях. Они обретут хоть какую-то надежду, и ему потом будет легче объединить силы. Должен ли я сказать, что Логан жив, Тэре Грэзин?

— Поздновато, — раздался голос у входа в палатку.

Это была Тэра Грэзин, в роскошном зеленом платье и плаще, отороченном норкой. Она улыбалась.

— Дарзо Блинт! Сто лет не виделись.

43

Обычно Гэрот вызывал наложниц к себе в палаты, но иногда любил их удивить. Магдалина Дрейк ублажала его уже давно, и, как всегда, интерес к ней пошел на убыль.

Гэрот проснулся где-то после полуночи с адским зудом, головной болью и новой идеей. Он тихо войдет и грубо разбудит девушку — ему нравился крик Магдалины. Он обвинит ее в заговоре и зверски изобьет.

Если, подобно большинству напуганных женщин, будет умолять и клясться, что это неправда, — сбросит с балкона. Если пошлет подальше, — изнасилует с жестокостью, равной ее вызову, и она проживет еще день. Перед тем как уйти, нежно обнимет и прошепчет, что, мол, виноват и любит. Порядочные женщины всегда хотят видеть в нем что-то хорошее. В предвкушении действия Гэрот содрогнулся.

Он расправил вир через закрытую дверь, надеясь уловить ее ровное дыхание во сне. Вместо этого почувствовал нечто другое. Девушка не спала.

Гэрот вошел, но она его не заметила. Магдалина сидела на постели, глядя на открытую дверь балкона без перил, и раскачивалась взад-вперед. На ней была лишь тонкая ночная сорочка, но она, казалось, не замечала холода с улицы.

Он громко выругался. Она не ответила. Гэрот дотронулся до ее кожи — тоже холодная. Наверное, сидела так уже часами.

Другие наложницы притворялись безумными, стараясь избежать его домогательств. Может, и Магдалина Дрейк из их числа. Гэрот ударил ее по лицу; она упала с постели. Даже не вскрикнула. Схватив в кулак темные волосы, он потащил ее на балкон.

У самого края Гэрот поднял девушку на ноги, одной рукой схватил за горло и

подтолкнул спиной вперед. Теперь она едва касалась края кончиками пальцев. Толстые пальцы охватили почти все горло. Гэрот перекрыл ей доступ воздуха, но если б отпустил, Магдалина упала бы вниз.

Наконец ее глаза прояснились. Тень смерти приводит людей в чувство.

— Зачем? — грустно спросила она. — Зачем ты это делаешь?

Он смущенно посмотрел на девушку. Ответ был настолько очевиден, что Гэрот даже усомнился, правильно ли понял вопрос.

— Мне это нравится.

И, странное дело — правда, Магдалина Дрейк всегда была странной девушкой, и это его отчасти и привлекало, — она улыбнулась. Магдалина потянулась к нему, но не так, как женщина, зависшая над пропастью, к единственной надежде выжить.

Она его поцеловала. Если это игра, то чертовски убедительная. Если разум ее помутился, то занимательным способом. Магдалина Дрейк его поцеловала, и Гэрот мог поклясться — по-настоящему, со всей страстью. Он возбуждился даже сильнее обычного, когда она взобралась на него, обхватив талию длинными ногами.

У него мелькнула мысль, не отнести ли ее обратно в спальню. Только разве можно полностью владеть собой, когда готов заняться любовью с женщиной, которая того и гляди попытается убить? Она короткими поцелуями добралась до его уха.

— Я подслушивала тебя и Нефа, — горячо зашептала она ему на ухо.

Гэрот, овладевая наложницами, обычно не позволял им разговаривать, только проклинать его, но разрушать это хрупкое безумие не хотелось.

Магдалина снова поцеловала, затем отстранилась. Держась за талию ногами, отпустила шею и резко отклонилась назад. Гэрот схватил ее за бедра, чтобы не нырнула к смерти. Она свисала вниз головой и, смеясь, махала руками, глядя на замок и город внизу.

Пульс в ушах Гэрота стучал набатом. Плевать, если кто-то увидит. Не важно, что за безумие, главное — опьяняет.

Она покачала бедрами и вновь что-то сказала.

— Что? — не расслышал он.

— Отпусти, — повторила Магдалина.

Похоже, держалась она ногами крепко, и Гэрот убрал руки, готовый, если надо, подхватить ее виром. Он не собирался заканчивать, не получив удовольствия. Только не сейчас.

Магдалина выдернула застрявшую между телами ночную сорочку. Затем сорвала ее с себя и бросила вниз. Снова рассмеялась, глядя, как тонкая ткань, кружась, падает на каменные плиты.

Потом поднялась и вновь поцеловала Гэрота, прижимаясь к нему юным телом. Грубо скинула с него плащ. Застонала, когда соприкоснулись обнаженные тела, тепло с теплом — в холодном ночном воздухе.

Она нежно провела носом по его шее.

— Слышала, ты говорил о ночном ангеле, — сказала девушка. — О Кайларе Стерне.

— Мм.

— Я хочу, чтобы ты знал, — шепнула Магдалина ему на ухо, заставляя содрогнуться. Что она, черт возьми, несет? — Кайлар — мой брат. Он идет за мной — слышишь, ты, грязный кобель? И не я, так он убьет тебя.

Она впилась зубами в сонную артерию короля-бога и попыталась вместе с ним броситься с балкона.

Вир опередил Гэрота, взрываясь у шеи. Хлестнул из рук и ног, швырнув хозяина в спальню. Магдалина Дрейк кувыркком полетела вниз.

Король-бог встал, пошатываясь, и вызвал Нефа. Вюрдмайстер нашел его на балконе. Гэрот стоял, глядя на труп юной девушки, разбившейся в замковом дворе.

— Неф, позаботься о ней. Передай Трудане, я жду все в лучшем виде, — сказал король-бог, приосанившись. — Сильная духом женщина.

— Должен ли я... — Лодрикарец притворно кашлянул, за что Гэрот возненавидел его вдвойне. — Должен ли я прислать другую наложницу?

Неф подчеркнуто не смотрел на свидетельство возбуждения Гэрота.

— Да, — последовал краткий ответ.

«Да — будь ты, Хали, проклята!»

— Прошу нас простить, граф Дрейк, — сказала Тэра Грэзин. — Я воспользуюсь вашим жилищем.

Опираясь на трость, граф похромал на выход, где уже заняли место несколько стражников.

У Кайлара по-прежнему голова шла кругом. Тэра Грэзин знала Дарзо. Это означало, что, по идее, он тоже должен был ее знать. Однако видел впервые. Получается, если знала Дарзо, то по его работе. Значит, нанимала.

— Итак, — сказала она, — Логан жив. Это... потрясающе.

У Тэры Грэзин был низкий бархатный голос. Считается, что он сексуален, но тогда в Тэре Грэзин сексуальным, наверное, было все. Кайлар этого не видел. О да, она хорошенькая. Широкий рот, полные губы. Фигурка, недостижимая для большинства знатных дам. Много косметики — нежной, изысканной, но — много. Брови выщипаны до тонких линий. Честно говоря, держала Тэра себя так, будто он должен ею восхищаться, а это злило.

Еще больше злил другой нюанс: чтобы смотреть ей в глаза маской Дарзо, Кайлару пришлось уставиться прямо на откровенно торчащие соски. Черт возьми, ну чем так притягательны женские груди?

— И кто же тебе платит, чтобы спасти Логана Джайра? — спросила она.

— Вы что, и в самом деле ждете ответа? — заметил Кайлар.

Ему приходилось играть единственной картой: Блинт слыл грубоватым и скрытным. Если Тэра его знала, то уж об этом — наверняка.

— Господин Блинт, — сказала она, видно, придя к решению, хотя все тем же намеренно сексуальным голосом. — Кроме вас, я не знаю другого человека, который бы убил двух королей. Сколько мне заплатить, чтобы вы убили третьего?

— Что-о?! Хотите, чтобы я убил короля-бога?

— Нет. Просто не хочу спасать Логана Джайра. Я удвою ту цену, которую платит вам заказчик.

— Что? — не поверил Кайлар. — Но почему? Вам ведь сейчас нужны все возможные союзники. Логан приведет под ваши знамена тысячи.

— Дело в том, что... Ладно. Умеете, Дарзо, хранить секреты? — Она улыбнулась.

— А вы поверите свои секреты убийце?

— Так и знала, что скажете это! — воскликнула она торжествующе, почти хихикнула. — То же самое вы сказали и в последний раз, помните?

— Давно это было, — сказал Кайлар, и в горле у него перехватило.

— Рада, что еще помните, как убили моего отца.

Кайлар хлопнул ресницами.

— Скажите мне, вы убили сначала его, а потом короля Гандера или наоборот?

— Мне платят, чтобы убивать, а не болтать об этом.

«О боги! Ее собственного отца?!»

— Вот поэтому я и могу вам доверять. Хотя напомню, что уже отдала вам деньги, чтобы не убивали меня, и вы не можете поступить со мной так же, как я — со своим отцом.

— Конечно нет.

Секунду он решал эту головоломку. Должно быть, Тэра встретила Дарзо, когда мокрушник взял работу для ее отца, герцога Гордина Грэзина. Видимо, Гордин нанял Дарзо, чтобы тот убил короля Дэвина. Должно быть, герцог Грэзин посчитал, что после смерти короля Дэвина его место займет Регнус Джайр, тем самым сделав королевой другую дочь Гордина, Катринну. Мать Логана, Катринна Грэзин, приходилась Тэре единокровной

сестрой, хоть и была ее старше почти на двадцать лет.

— Значит, Логан пусть умирает. Но почему? — повторил Кайлар.

— Потому что я не отдаю так легко то, что принадлежит мне, Дарзо Блинт. Как вам известно.

— Вы не считаете, что сначала надо забрать трон у халидорцев, а уж потом убивать союзников?

— Мне не нужны уроки гражданского права. Вас интересуют деньги за то, чтобы сидеть сложа руки, или хотите сделать меня своим заклятым врагом? Ведь однажды я стану королевой.

— Семь тысяч крон, — сказал Кайлар. — Откуда мне знать, что не обманете? Если халидорцы вас убьют, оставаться в дураках не собираюсь.

Тэра улыбнулась.

— Вот теперь вы тот Дарзо, которого я помню. — Она сняла с пальца массивный перстень с крупным рубином. — Будьте любезны, не закладывайте. Это перстень моего отца. Он не стоит и половины тех восьми тысяч, которые я дам за него, когда взойду на трон. Да еще бонус, если представите мне доказательства смерти Логана.

— Согласен.

— Предвижу, что кое-кто из моих союзников... станет в будущем поперек дороги. У меня для вас найдется и другая работа. Если, конечно, не потеряли нюх.

— Что это значит?

— Когда вы месяц назад не ответили на мой вызов, мне пришлось обратиться к другим.

— Лучше меня вам никого не найти.

По крайней мере, это классический Дарзо Блинт.

Тэра Грэзин облизнула губы, в ее глазах вдруг вспыхнуло желание. Взгляда Кайлар не понял, но, что бы там ни было, он ему не понравился. Герцогиня улыбнулась.

«Чего она ждет? Что я начну ее помогать?»

Мгновение растаяло.

— Что ж, тогда всего доброго, — сказала она ровным голосом, так и не намекнувшим Кайлару, прав он или нет.

Тэра шагнула ближе, чтобы поцеловать его в обе щеки. Реальное лицо Кайлара оказалось прямо перед ее грудью, но ему повезло. Она не наклонилась вплотную и не дотронулась ни грудью до его реальных губ, ни губами до фантомных щек. Иллюзия осталась невредима.

Сразу после ее ухода он сбежал. Прыгнул на лошадь и поскакал из лагеря на север, опасаясь, что Тэра уже кого-нибудь послала наблюдать за западным выходом. Кайлар сместил маску так, что лицо Дарзо совпало с его собственным, и теперь видел выражение лиц стражников. Однако те отпустили его без вопросов, и Кайлар, отъехав на милю, ослабил бдительность. Сердце все стучало при мысли, чем это обернется для Логана. Даже если удастся вызволить друга из Утробы, дорога наверх не будет легкой. Что ж, по крайней мере, теперь он знает своих врагов.

Когда справа и слева замелькали редкие деревья, в голове раздался спокойный шепот: «Пригнись».

— Что? — вслух спросил он.

Грудь Кайлара пронзила стрела.

Его отбросило назад в седле, но лошадь продолжала рассеянно брести. Кайлар кашлянул кровью. Как много ошибок. Дарзо никогда бы не простил такую беспечность. Снял внутреннего часового. Вернулся на проезжий путь, хотя опасался погони. Нет чтобы украсть чужую лошадь, взял свою. Чтобы тебя убили, хватит и одной промашки, а он сделал несколько.

О боги, легкие горели.

«Говорили же, пригнись».

Из-за дерева вышла смутная фигура и, держа в одной руке меч, другой взяла поводья.

Мокрушник снял сумерки — у Дарзо они куда лучше, не говоря уже о Кайларе. Резаный Враль!

— Что ж, сукин сын, — обронил мокрушник. — Дарзо Блинт?! Вот черт.

— Здорово, Бен, — ответил Кайлар.

Сукин сын был прав. Кайлар сохранил внешность Дарзо, и, если б не убрал высоту, стрела Бена Вралья просвистела бы над плечом.

Чтобы поддерживать маску Дарзо, требовалось все больше усилий, и Кайлар мучительно сознавал, что это важно. Если Тэра подумает, что убила Дарзо, он еще сможет вернуться. Да, возникнут и свои вопросы, но их будет гораздо больше, если открыть, что он одновременно и Дарзо Блинт, и Кайлар Стерн, к тому же бессмертный.

— Черт, Дарзо! Я даже не знал, что это будешь ты. Спесивая сучка Грэзин только сказала: «Особая работа, легкая, плачу вдвойне». Какого черта ты поехал по дороге?

— Просто... — Кайлар кашлянул. — Сделал ошибку.

— По мне, всего одну и надо. Черт, приятель. Хотелось бы по крайней мере сразиться.

— Я бы тебя убил, — ответил Кайлар.

Его охватила внезапная паника. Что, если это последняя жизнь? Ведь нет гарантий, что вернется. Волк никогда и ничего не объяснял. Боги, он совсем сошел с ума, когда за деньги дал убить себя герцогу Варгуну.

— Возможно.

Резаный Враль снова выругался. Мокрушник получил свое прозвище за бесчисленные шрамы на лице. Он ребенком приехал в Сенарию откуда-то из Фриаку. Побывал сначала в рабстве, затем стал одним из немногих, кто получил свободу в бойцовых ямах. Кайлар считал, что шрамы тот нанес себе сам, однако Бен говорил без акцента. Какие бы ритуалы он ни практиковал, Враль явно не видел их воочию, изучал по слухам о фриакийцах.

— И как мне этим хвалиться, Дарзо? Я всего лишь поразил тебя проклятой стрелой. Так величайшего в мире мокрушника не убивают.

— По-моему, сойдет. — Кайлар кашлянул.

— Вот же черт! — недовольно ругнулся Бен.

— Сочини что-нибудь, — посоветовал Кайлар.

Он снова кашлянул, и на этот раз крови было больше. Совсем забыл, что умирать — одно веселье.

— Я так не могу, — уперся Враль. — Это бесчестит мертвых. Начнут меня преследовать, и все такое.

— Чертовски тебе сочувствую.

Кайлар стал выскальзывать из седла. Он упал с глухим стуком и ударился о землю затылком. Тем не менее маска держалась. Бен нахмурился.

— Подожди. — Он напряг мозги.

Резаный Враль никогда не считался самым ярким факелом на стене.

— Хочешь сказать... для тебя почетней, если люди подумают, что ты героически пал в сражении? — Идея ему понравилась. — Ты согласен, если я скажу именно так? Не будешь меня преследовать? Клянусь, оставлю о тебе добрую память.

— Да как сказать... — Глаза Кайлара уже застилала белая пелена. — Ты будешь что-нибудь отрубить у моего трупа?

Уж не везет так не везет. Он проснется без головы или еще чего другого. Чем это обернется? Умрет ли по-настоящему, если снесут голову с плеч?

— Эта стерва потребует доказательств.

— Возьми ее перстень. Возьми лошадь, одежду. Все, что нужно, только оставь мое тело в покое. Скажи, что суеверный или что-то в этом роде. И можешь выдумать любую историю, какую захочешь. Только тело оставь...

Кайлар потерял мысль. Голова наливалась чугунной тяжестью. Казалось, он даже чувствовал, с каким трудом сокращается сердце, расплескивая кровь в груди.

— Согласен. Готов, дружище? — спросил Бен.

Кайлар кивнул.
Бен Врэбль пронзил мечом его сердце.

44

— Я работала над паутиной, — сказала сестра Ариэль. — В ней немало интересных ловушек. И все-таки, кто тебя ею опутал?

— Если скажу,пустишь? — предложила Ви.

«Что, сука-ведьма, не очень-то ты хитроумна?»

Они возвращались на дорогу после того, как сделали огромный крюк вокруг лагеря мятежников в Гавермере. Ви знала: сестра Ариэль хотела въехать в лагерь, но посчитала, что это даст ей возможность бежать.

— Почему мы едем на запад? — спросила Ви. — Мне казалось, Часовня на северо-востоке.

— Так и есть. Однако я до сих пор не закончила то, ради чего меня послали, — ответила Ариэль.

— И что это? — поинтересовалась Ули.

Она сидела на задней луке седла, за спиной Ви. Обе были связаны магией. Ви обрадовалась, когда Ули задала вопрос. На вопросы девочки сестра Ариэль отвечала. Возможно, потому что Ви не прекращала попыток сбежать, отчего на пару с Ули была покрыта синяками.

— Я ищу для вербовки женщину особых талантов и надеюсь найти то, что нужно, в лагере мятежников. К несчастью, я не доверяю Ви.

Ви нахмурилась. Мало того что, улетев в колючие кусты, она вся поцарапалась, так потом еще Ариэль ее хорошенько отлупила.

— Выходит, я не подхожу? — спросила Ви. — Ты же говорила, что я очень талантлива. Хотя плевать. Как знаешь.

Она ухмыльнулась, но ее разбирало любопытство. И как ни странно, оценка слегка задела за живое.

— Да, вы обе незаурядны. Только к тому, что мне нужно, ни одна из вас не готова, — ответила Ариэль.

Мерзавка наводила таинственность и наслаждалась этим.

— Что значит, мы обе? — удивилась Ви.

— В Часовню я беру обеих, но ни одна из вас не может выполнить...

— Обеих-то почему?

Ариэль недоуменно взглянула, затем рассмеялась.

— Ули *талантлива*, Ви.

— Что?.. — недоверчиво протянула Ви.

— Да, женщина с *талантом* — редкость, не отрицаю. Но пусть даже одна женщина из тысячи *талантлива*, это не значит, что двух *талантливых* женщин вместе можно встретить один раз на миллион. Понятно?

— Нет, — сказала Ули.

Ви тоже ничего не поняла.

— Люди с *талантом* склонны чувствовать друг к другу взаимную симпатию, хотя не знают почему. Мы часто находим их вместе, что для нас замечательно. Ты, Улиссандра, еще слишком мала, чтобы слышать всю правду, но, пожалуй, только из-за этой симпатии безжалостная убийца не взяла еще один грех на уже отягощенную ими душу.

— Хотите сказать, она бы меня убила? Да, Ви? Убила бы? — спросила Ули.

Ви порадовалась, что девочка сидит сзади и не видит, что на лице мокрушницы написано: ВИНОВНА. Почему ей не все равно, что думает Ули?

— Можешь это расценивать как позитивно, так и негативно, Улиссандра, — сказала сестра Ариэль. — Негативно: будь все как обычно, Ви бы тебя убила. Позитивно: все-таки не

убила — и затем имела массу возможностей передумать, но пока не стала. Можно даже утверждать, что ты ей нравишься.

— Я тебе нравлюсь, Ви? — спросила Ули.

— Мне бы понравилось стукнуть тебя по лбу, — отозвалась Ви.

— Не принимай это близко к сердцу, — сказала сестра Ариэль. — Ви так воспитали. Она — будем же милосердны — эмоциональная калека. Ощущает себя комфортно только в ярости, злости и снисхождении. Ви кажется, что это придает ей силу. Полагаю, что общение с тобой — едва ли не первые положительные эмоции в ее жизни.

— Хватит! — оборвала Ви.

Ариэль резала ее по кусочкам и над каждым изощренно глумилась.

— Это точно? — сказала девочка.

— Она не чурается твоих прикосновений, Ули. Ви хорошо себя чувствует, когда ты с ней на лошади. С любым другим она была бы постоянно начеку.

— Я убью девчонку при первой возможности, — бросила Ви.

— Хорохорится, — заверила Ариэль.

— Что это значит? — спросила Ули.

— Значит, врет, — пояснила Ви.

— Так что, Ули, просто будь с ней любезной, — сказала Ариэль, — потому что, боюсь, вряд ли она кому полюбится в вашем классе новичков.

— В нашем? — переспросила Ви. — Меня посадят с детьми?

Сестра Ариэль, похоже, удивилась.

— Конечно. А что такого? И ты должна быть любезной с Улиссандрой. Она более *талантлива*, к тому же лишена твоих дурных привычек.

— Ты, сука, жестокая, очень жестокая, — ответила Ви. — Знаю, что ты делаешь. Пытаешься меня сломать, но скажу тебе вот что. Меня ничто не сломает. Я прошла через все.

Впереди показалась рощица. Сестра Ариэль подставила лицо закатному солнцу, красившему верхушки деревьев.

— Вот здесь, моя дорогая, ты не права. Тебя уже сломали. Давно, годы назад. Ты лечилась по наитию, и не все срослось. Теперь сломали снова, и ты опять пытаешься исцелиться, еще менее правильно. Я этого не допущу. Если надо, сломаю тебя еще раз, чтобы не стала калекой. Выбирать не приходится. Пользы, может, и не принесу. И не обещаю, что будет мало шрамов. Зато ты можешь стать лучше, чем сейчас.

— И во многом быть похожей на тебя? — усмехнулась Ви.

— О нет. Ты более страстная, чем я когда-либо была, — возразила Ариэль. — Боюсь, в чем-то я и сама эмоциональный уродец. Говорят, слишком умная. Мне слишком комфортно наедине с собой. Никогда не приходилось раскрываться. Но я-то такой родилась, а тебя сделали. Ты права в другом: то, чему тебе надо учиться, от меня не узнаешь.

— Вы когда-нибудь любили? — вдруг спросила Ули.

Интересно, черт возьми, подумалось Ви, откуда что берется?

Однако вопрос, видно, попался хороший, раз огрел Ариэль будто лопатой.

— Гм. Это... хороший вопрос, — пробормотала сестра.

— Никак он бросил тебя ради женщины, не такой холодной уродины, как ты? — В голосе Ви слышались удовлетворенные нотки.

Ариэль помедлила с ответом.

— Вижу, ты не без когтей, — тихо произнесла она. — Не то чтобы я совсем уж не ожидала.

Ули ткнула пальчиками в ребра Ви, но та не обратила внимания.

— В общем, ты так и ходишь вокруг да около. Почему мы едем на запад?

— Там живет сестра. Она присмотрит за вами, пока я разведую, нет ли подходящей женщины в лагере мятежников.

— Что вы ищете? — спросила Ули.

— Искать надо место для привала. Уже темнеет. Похоже, к ночи до Кариссы не

поспеем, — ответила сестра Ариэль.

— Ой, что вы?! — воскликнула Ули. — Вовсе не темно, да и говорить больше не о чем. Сестра Ариэль призадумалась, затем пожала плечами.

— Я ищу очень *талантливую* женщину, честостлюбивую, обаятельную и покорную.

— Честостлюбивую и покорную? Удачи, — хмыкнула Ви.

— Если она согласна покориться спикеру, ее персонально обучат, быстро продвинут по служебной лестнице, она получит власть... но это все легко. Загвоздка в том, что она должна быть новенькой, чтобы в ее верности никто не сомневался. Кроме того, замужем. Женщина, чей муж *талантлив*, станет настоящей жемчужиной.

— И когда найдешь такую замужнюю женщину, то похитишь? — спросила Ви. — Не думаешь, что это слегка рискованно?

— Другой бы сказал — безнравственно, однако... Что ж. Насильно похищенная женщина сотрудничать не будет. В идеале хотелось бы застать на месте и мужчину. Одним обручальным кольцом на руке у женщины не обойдешься. Чем брак прочней и долговременней, тем лучше.

— Почему бы не взять Ви? — спросила девочка. — Все равно она не хочет торчать в классах со мной и другими девчонками, которым по двенадцать лет.

Ариэль покачала головой.

— Поверь, прежде всего я подумала о ней, но для поставленной задачи она абсолютно непригодна.

— В качестве жены или студентки? — спросила Ви.

— И то и другое. Только без обид, но я знавала мужчин, ошибавшихся в выборе жен. Жалкое зрелище. Уверена, мы могли бы бросить клич среди мужчин и получили бы массу охотников жениться на тебе. Девушка ты красивая, а рядом с красивыми девушками мужчины склонны думать... — Ариэль посмотрела на Ули и прокашлялась, — неразумным местом. Даже если и подкупим (а Часовня, поверь, может) нужного дурака, который не поставит мужское счастье выше благоденствия Часовни, все впустую. Ви нельзя верить, она непослушна. Да и недостаточно умна...

— Ну ты и сука! — не выдержала Ви.

Сестра Ариэль пропустила это мимо ушей.

— ...и кроме того, попытается сбежать, что уничтожит для нас ее полезность. Все усилия пойдут прахом. Поэтому, как я и сказала, абсолютно непригодна.

Ви с ненавистью уставилась на Ариэль. Она понимала, что вся дискуссия — лишь уловка, чтобы поставить ее на место, сказать вслух, что она никчемна. Однако шпилька про ум задела больней всего. Когда бы ее ни награждали комплиментами, поэтичными или пошлыми, — а мужчины на них не скупились, норовя залезть под юбку, — они всегда были о теле. В уме ей не откажешь, черт возьми!

Сестра Ариэль вернула пристальный взгляд. Потом, как показалось, заглянула глубже.

— Стой! — резко бросила она.

Ви остановилась.

— Что еще?

Ариэль неловко подтолкнула лошадь и после нескольких попыток поравнялась с Ви. Затем обеими руками схватила ее лицо.

— Вот сукин сын! — проговорила она. — Никому не позволяй это лечить, слышишь? Он... вот беда-то... нет, вы только гляньте! Вокруг всех главных кровеносных сосудов мозга есть Узоры Огня. Если кто-нибудь тронет их магией, они расплетутся. Это подозрительно смахивает на... Ты не теряла контроль над телом, когда вдруг что-то вспоминала?

— В каком смысле?

— Если это случится, ты поймешь, что я имею в виду. Придется разузнать, не вернется ли сестра Дрисса Найл. Только ей я доверю это трогать.

— Кто это? — спросила Ули.

— Она целительница. Насколько я знаю, лучше всех справляется с тонкими Узорами.

Последнее, что слышала, — у нее есть небольшая лавка в Сенарии.

— Ты ничего больше не хочешь рассказать об Узоре, который может меня убить? — вмешалась Ви.

— Нет, пока не скажешь, кто его создатель.

— Да иди ты...

— Еще раз обругаешь, пожалеешь, — пригрозила сестра Ариэль.

Последнее наказание было весьма ощутимым, а удовольствие от проклятий — слишком недолгим. Ви сдержалась.

Они въехали в рощицу, когда Ви заметила что-то скрытое под листьями в стороне от дороги, похожее на темные волосы, блестевшие в свете заката.

Ули проследила за ее взглядом.

— Что там такое?

— Кажется, чей-то труп, — ответила Ви.

Как только они свернули с дороги, чтобы взглянуть поближе, ее сердце подпрыгнуло от радости. Это действительно был труп — смерть, которая для Ви означала жизнь. Ее ждут свобода и начало нового пути. Мертвецом был Кайлар.

45

У Элены разваливалось все тело. Выбываясь из сил, она гнала лошадь уже шестой день, но Торрас-Бенд все не показывался. Спину ломило, колени болели, мышцы бедер сводило, а Ули и ее похитительница ближе не стали. Элена это знала, поскольку по дороге спрашивала всех встречных, не видел ли кто женщину с ребенком, которая во весь опор мчится на север. Большинство не видели, однако те, кто видел, запомнили. Как бы то ни было, Элена отставала. Теперь все кончено.

Стражники городского дозора, повстречавшиеся ей вчера, возвращались в Кернавон. Они уверяли, что женщина, особенно с ребенком, быстрее них скакать не может. Потеряв надежду догнать, едут домой. Хватило взгляда на их лица, чтобы понять: убеждать в обратном бесполезно. Стражники сильно устали и, возможно, имели приказ не вторгаться к лэ'нотам, которые иногда забредали так далеко на восток. Элена их отпустила. Важнее городского дозора был Кайлар. Он тоже поехал этой дорогой. Где-то он должен был настичь похитительницу с Ули — и проехать мимо, потому что не искал их.

Торрас-Бенд почти рядом. Вечером она будет спать в постели. Присмотрит ванну. Затем выяснит, не направилась ли похитительница в Сенарию. И конечно, насладится горячим ужином. Элена грезилась, когда увидела лэ'нотов.

Они стояли на дороге, посреди огромного пшеничного поля к югу от Торрас-Бенда. Пожелай Элена их объехать, ей пришлось бы взять на мили к востоку, рискуя попасть в заколдованный, как считалось, лес Эзры. Как обычно, было слишком поздно. Лэ'ноты ее заметили. Часть рыцарей, оседлав лошадей, изготавилась к погоне.

Элена поехала прямо к ним, вдруг остро почувствовав себя женщиной, которая держит путь в одиночку. Шестеро мужчин, все вооружены. Она приближалась. Лэ'ноты стояли, готовые к перехвату. У рыцарей поверх кольчуг были черные плащи-табарды, украшенные гербом. Золотое солнце — чистый свет разума, отбивающий тьму суеверия. Элена с лэ'нотами никогда не сталкивалась, но знала, что Кайлар о них невысокого мнения. Они открыто заявляли, что не верят в магию, и в то же время ее ненавидели. Обычные разбойники, сказал Кайлар. Если бы они действительно ненавидели халидорцев, говорил он, то пришли бы на выручку Сенарии, когда напал король-бог. Вместо этого они кружили стервятниками, набирая рекрутов среди бежавших сенарийцев.

Один из стоявших рыцарей шагнул вперед. Он осторожно держал двенадцатифутовое копьё с ясеневым древком. Слишком длинное для пешего, но Элена знала, что верхом на лошади вся неуклюжесть рыцаря исчезнет.

— Стой, во имя тех, кто несет свободу света! — крикнул он.

Элене показалось, что ему нет и семнадцати. Она остановилась.

Юноша вышел вперед и схватил поводья. Почему они так нервничают? Затем до нее дошло то, что следовало понять сразу. Лэ'ноты увидели ее незащищенность. Ни одна нормальная женщина в одиночку путешествовать не будет, значит, она не такая, как все. Не иначе, ведьма. У Элены живот свело судорогой.

— Слава... доброте, — ответила Элена и вздохнула, как будто с облегчением. Она чуть не сказала «Слава богу», но и в богов, судя по всему, лэ'ноты не верили. — Вы мне не поможете?

— Почему ты одна на этих дорогах? — спросил рыцарь постарше.

— Не встречалась ли вам молодая женщина, возможно, рыжеволосая, путешествующая с девочкой? Дня два назад. Нет? — Элена опустила плечи, и лицо приобрело вдруг страдальческий вид. Она не притворялась. Даже сутулиться было больно. — Наверняка она вас избегала. Вы точно никого не видели? Может, кто-то пытался обойти вас дальше к востоку?

— Юная леди, вы про что толкуете? Что случилось? Вам нужна помощь? — спросил рыцарь.

Тон его речи изменился, и Элена поняла, что ее больше не воспринимают как угрозу. Слабость и уязвимость сыграли ей на руку.

— Я еду из Кернавона, — начала объяснять Элена. — Поначалу мы жили в Сенарии, но покинули город сразу, как только в него ворвались те ужасные люди и их ведьмы. Я вместе с Ули стала обустраивать новую жизнь. Ули — это маленькая девочка, моя подопечная. Ее родителей убили ведьмы. Нам казалось, что в Кернавоне будет безопасно, однако девочку похитили. Что мне оставалось, достопочтенные господа? Я последовала за ней. Правда, сначала выслали городской дозор, но стражники вернулись ни с чем. Боюсь, мне никогда их не догнать.

— Прямо как те чертовы сестры, которые похищают детей, — заметил самый юный рыцарь. — В том письме говорится...

— Маркус! — рявкнул старейший рыцарь.

Мужчины переглянулись, и Элене стало ясно, что полуправда сработала. Мало того, лэ'ноты знали и кое-что еще. Рыцари отъехали, оставив молодого Маркуса смущенно оглядывать ее шрамы. Спустя какое-то время он понял свою оплошность и кашлянул в ладонь.

Через несколько минут рыцари постарше вернулись.

Самый старший вновь заговорил:

— Будь то обычный случай, мы бы отвели тебя к нашему господину, чтобы ты рассказала ему все сама. Однако, вижу, времени в обрез. Мы с удовольствием помогли бы, составив компанию, но нам приказано держаться южнее Торрас-Бенда. Политика. Дело в том, что утром явился гонец. Мы перехватываем все письма от ведьм Часовни. Вот, пожалуйста. Мы его уже переписали.

Он вручил ей письмо.

«Элена, — было написано округлым, гладким почерком. — Ули сейчас в безопасности. Я забрала ее из-под опеки похитительницы, однако боюсь, что не смогу послать девочку домой. Ули *талантлива*, и она на пути в Часовню, где получит лучшие в мире опеку и обучение, материальные блага, которых тебе никогда не обеспечить. Понимаю, у тебя нет причин верить, что письмо это — от меня. Если хочешь, можешь сама отправиться в Часовню и своими глазами увидеть Ули. Даже взять ее домой, если вы так обе пожелаете. Как только девочка приедет в Часовню, она тебе напишет. Прошу меня извинить. Если б не другие неотложные события, доставила бы письмо лично. Искренне, сестра Ариэль Вайант Са'фасти».

Элена перечитала письмо дважды, прежде чем до нее дошел смысл. Кто-то снова похитил Ули? Она *талантлива*?

В конце концов, письмо ничего не меняло. Элене по-прежнему надо в Торрас-Бенд —

выяснить, что знают жители. Если все, что написано, правда, следует двигаться дальше на север, в Часовню. Если нет, тогда на запад, в Сенарию. Да и похитительница не знает, что Элена ее преследует. Не похоже, чтобы они сближались.

— Проклятые ведьмы, — произнес юный рыцарь. — Вечно похищают маленьких девочек, отрывая их от света и превращая в себе подобных.

— Маркус!

Когда Элена рассказала этим людям правду, на душе вдруг полегчало. Если бы ее история не совпала с той, что в письме, все могло бы обернуться иначе.

— Нет, все хорошо, — заверила она. — Мне нужно поспешить, если я хочу найти Ули раньше, чем она попадет им в лапы.

— Будь осторожна, — напутствовал рыцарь постарше. — Не все жители деревни любят свет.

— Спасибо за помощь, — ответила Элена.

С этим она и поехала к Торрас-Бенду; мысли кружились вихрем.

46

У Ариэль был необычный дар: стоило ей увидеть что-то, на ее взгляд, привлекательное или сбивающее с толку, она это запоминала. Конечно, такой дар — огромное подспорье в исследованиях, потому что Ариэль могла вспомнить целые горы свитков и найти в них то, что нужно.

Сейчас ей повезло: она не смотрела на труп. Выражение лиц Ви и Ули — вот что навсегда попало в хранилища ее памяти. Ви развеселилась, возбуждена — может, просто от вида смерти. Ариэль надеялась, что это не так. Надеялась, что здесь нечто большее и у Ви должна быть личная причина желать Кайлару смерти. Иначе пользы от Ви куда меньше, чем ей казалось. Пока Ариэль оставила вид девушки без внимания. Отложила его в сторону, чтобы изучить в другое время. Выражение лица Ули — вот что заинтриговало не на шутку.

Кайлар был девочке как отец. Ули — ребенок отзывчивый, мягкосердечный. Она не росла в Крольчатнике или там, где пришлось бы ежедневно видеть смерть. Вид приемного отца, раздетого до нижнего белья и лежащего мертвым на обочине дороги, должен потрясать. Она что, его до сих пор не узнала? Затем выражение лица девочки изменилось, и Ариэль почувствовал восторг. Восторг? Нет, конечно, другое. С чего бы ей радоваться?

Ход мысли прервался. Ариэль вдруг осознала, что испытывает и собственные чувства при виде мертвого Кайлара. Она попыталась отметить их как можно быстрее, чтобы сдать в архив и вернуться к насущной задаче. Пожалуй, разочарование. Для Кайлара замышлялось что-нибудь умное, теперь ничего не выйдет. Чутьочка грусти. Такой мужчина ей бы понравился. Любопытство — как столь одаренный человек позволил себя убить. Немного жалко Ули, ей-то каково? Очень хорошо, достаточно. Отметив все эмоции, Ариэль их больше не касалась.

Девочка подняла глаза и встретила пристальный взгляд сестры Ариэль.

— Он не мертв, — сказала Ули. — Просто ранен.

— Девочка, — ответила Ви. — Я видела множество покойников. Он мертвец.

— Ему станет лучше.

Похоже на отказ верить фактам. Именно так, очевидно, Ви это и восприняла, но ошиблась.

Сестра Ариэль развернула мысленный свиток, чтобы изучить выражение лица Ули и проследить, как оно менялось. Сначала любопытство, затем восторг. Любопытство — восторг. Ули видела, что он мертв. (Еще бы: такой бледный, лежит здесь уже порядком, может, целый день.) Однако не удивилась и не проявила беспокойства. Почему? Всерьез верит, что ему станет лучше?

Сестра Ариэль тронула Кайлара *талантом*, и осознание промчалось над ней вихрем — нет, окатило трехметровой волной, сбив дыхание и заставив отплевываться. Магия

Ариэль всосалась из воздуха в тело Кайлара, пробила сотни разных каналов, чтобы включиться в целительный процесс внутри.

Одна лишь магия ее бы озадачила. Магия в сочетании с выражением лица Ули, говорившим, что девочка видит это не в первый раз, объясняла все.

Кайлар — человек из легенды. Той, в которую сестра не верила. До сегодняшнего дня.

— Ули, ты права, — мягко сказала она, встречая взгляд Ви: мол, подыгрывай. — Как насчет того, чтобы устроить привал? Ты займешься обедом, пока я и Ви осмотрим его раны. Как лечить, мы знаем лучше, а у тебя, когда Кайлар очнется, будет для него готов обед.

Ариэль спешила сама и помогла Ули.

— Я не хочу идти. Хочу остаться здесь, — заупрямилась девочка.

— Ули, — вмешалась Ви. — От тебя лучшая помощь — приготовить обед. Здесь ты будешь только путаться под ногами.

— Пойдем, дитя, — сказала Ариэль.

Она увела девочку. Ви спрыгнула с лошади и взялась убирать листву с тела Кайлара. Ариэль обернулась и губами прошептала: «Начинай копать». Ви кивнула.

Ариэль отвела Ули футов на двадцать в лес, вставила ей кляп и связала магией, спрятав ребенка за ствол дерева.

— Прости, дитя. Так будет лучше.

— Ммм! — широко раскрыв глаза, возразила Ули, но звук был тише шепота.

Выйдя из-за дерева, Ариэль увидела, как Ви вскочила на лошадь и галопом помчалась в лес. Ариэль крикнула и бросила вслед шар холодного света. Поджигать лес она не собиралась: только пугать девочку, да и попасть в нее можно ненароком. Шар просвистел мимо Ви.

Еще мгновение, и затих даже стук копыт. Сестра Ариэль покачала головой, не пытаясь догнать беглянку.

«Удачи, Ви. Может, ты еще вернешься к нам, когда захочешь себя вылечить».

Ариэль надеялась, что однажды они сядут вместе у себя в Часовне и посмеются над тем, что натворили сегодня. Хотя вряд ли. Только не после того, что Ви сейчас отмочила. Страстные женщины склонны ненавидеть таких, как сестра Ариэль. Или по меньшей мере ненавидят, когда ими хладнокровно манипулируют, — но разве у Ариэль был выбор?

— Теперь ты, — поворачиваясь, сказала она, — мой бессмертный воин. Как у тебя все устроено?

— В последний раз я тебя не видел, — сказал Кайлар Волку. — Решил, что, наверное, мы с тобой в расчете.

Волк сидел на троне в Преддверии тайны. Желтые глаза светились, оценивая Кайлара. Смутные призраки, населявшие расплывчатый зал, бормотали что-то недоступное слуху Кайлара. Он не чувствовал пола под ногами. Не видел призраков, когда смотрел на них в упор. Не мог сказать, есть ли вообще у зала стены. Кожу покалывало, но Кайлар не мог определить, жарко здесь или холодно. Не чуял запахов. Кроме собственного голоса, ничего не слышал. Чувствовал, что за гранью слуха есть шум, голоса, шарканье ног, однако лишь интуитивно. Он пребывал вне тела, но как-то захватил с собой отдельные чувства, да и на те нельзя было положиться. Здесь ясно виделось одно: Волк и две двери. Одна деревянная, с железным запором; другая — золотая, по краям которой пробивался свет.

— Я был так взбешен, что видеть тебя не мог, — ответил Волк.

Он и сейчас не выглядел счастливым. Кайлар не знал, что и сказать. Взбешен? Но почему?

— Пятьдесят лет понадобилось Акелусу, чтобы наскрести три смерти. Тебе хватило полугода, даже меньше. Ты взял деньги за смерть. Деньги! За то кощунство мало заплатил? Когда же ты хоть чему-то начнешь учиться? — спросил Волк.

— О чем ты?

Кайлар почувствовал, что призраки — те иллюзорные люди, набившиеся в зал, —

притихли.

— Ты мне надоел.

— Я не...

Волк поднял палец, весь в шрамах от ожога, и Кайлар вмиг умолк.

— Однажды Акелус тоже взял деньги после того, как умерла его первая жена. До той поры, думаю, он по-настоящему в свое бессмертие не верил. Потом взял деньги вторично и сделал кое-что похуже. Вот тогда я и показал ему, какова цена. Его это остановило, и тебя остановит. Будешь продолжать упорно транжирить жизни, я заставлю тебя пожалеть о каждом дне твоей бесконечной жизни.

Дурной сон какой-то. Суровый трибунал, требующий от Кайлара соблюдения норм, которых он не понимал, объявляет его виновным. Неясные, но бдительные силуэты; двери Приговора; угроза правды, которую не вынести. Надо бы встряхнуться, ущипнуть себя — вот только не за что, нет тела. Его ведь убили.

— Я не знаю, о чем речь. Чего от меня хотят, черт возьми? — резко спросил Кайлар. — В чем обвиняют?

В строгих золотистых глазах вспыхнул свет, и мир сплюснулся. Перспектива изменилась, и Кайлар вдруг почувствовал себя неловко, потерял координацию. Толстый, с пухлыми короткими пальчиками, он сидел на маленьком стуле. Голова, невыносимо тяжелая, наполнилась плачем и криками. Размахивая ручками и суча ножками, он вдруг понял, что крики — его собственные.

Кайлар снова был в теле, но — чужом. Он стал ребенком. Седовласый человек, теперь великан, держал перед ним ложку с манной кашей.

— Ши-и-ре рот! — напевал Волк, поднося ложку с кашей к лицу Кайлара.

Кайлар захлопнул рот, сжал губы. Крики прекратились. Свет снова вспыхнул, и он вновь очутился в своем теле. Человек улыбнулся — хищно, по-волчьи.

— Ты всего лишь толстый, неуклюжий ребенок в стране великанов. Нет чтобы есть — закрываешь рот. Говоришь, когда должен слушать. Кому ты такой нужен? Ты отвергнешь любой мой ответ. Так зачем тратить время? Ты так же заносчив, как и твой учитель, однако в тебе нет ни крупицы его мудрости. Я нахожу тебя неполноценным.

— Что же мне делать?

— Стараться. Чтобы стать лучше.

Где-то в душе Ариэль хотела замедлить то, что происходило в теле Кайлара. Судя по всему, он почти здоров. Стрела в груди покачнулась и начала смещаться. Потом задрожала и стала подниматься из тела, будто кто-то выдавливал ее изнутри.

Наконечник стрелы, звучно чмокнув, пробил кожу, уже исцеленную вокруг древка. Стрела упала в сторону. Ариэль схватила ее и положила в мешок, к золотой пластине — для дальнейшего изучения.

Кожа над сердцем Кайлара, только что порванная стрелой, срасталась на глазах. Какие-то мгновения — и она вновь стала гладкой, без шрамов. Сестра Ариэль потянулась к телу магией, но стоило ей дотронуться, как магия впиталась без остатка. По его телу пробежала дрожь, сердце забилося. Не сразу, но поднялась грудь, и Кайлар сильно кашлянул, выплевывая из легких сгустки крови. Вскоре кашель прошел. Сестра Ариэль попыталась наблюдать, не трогая тела, но потоки магии менялись так быстро, что она перестала их понимать. Ариэль поднесла руку близко к Кайлару. Воздух был холодным. Трава под ним стала белой и пожухла.

Тело Кайлара словно всасывало энергию в любой форме. А если бы он лежал в холодной, темной комнате? Лечение бы прекратилось? Каким образом, черт возьми, он превращает энергию в магию? Как вообще это делает, да еще без сознания?

О боги! Если изучить такого человека, сестры смогут узнать даже о загробной жизни. Они давным-давно отказались от этих попыток, считая, что знание лежит вне области проведения опытов. Кайлар может все изменить.

Ариэль собрала магию в белый шар на ладонях и поднесла к телу Кайлара, наблюдая, как она впитывается подобно воде в песок.

Удивительно.

Вот загадка, решению которой можно посвятить всю свою жизнь.

Остатки магии исчезли с ладоней, и Кайлар открыл глаза.

Сестра Ариэль подняла руки.

— Я не причиню тебе вреда, Кайлар. Ты меня помнишь?

Он кивнул. Глаза рыскали по сторонам, как у дикого зверя.

— Что ты здесь делаешь? Что случилось? Что ты видела?

— Я видела тебя мертвым. Теперь ты снова жив. Кто тебя убил?

Казалось, он выдохся. Слишком устал или слишком растерян, чтобы отрицать очевидное.

— Неважно. Мокрушник. Ничего личного.

— Мокрушник, как ты и Ви?

Кайлар встал, притворяясь, что весь окован. Ариэль знала, что он притворяется, так как видела: сейчас Кайлар в прекрасной форме.

— Граакос, — прошептала она, ставя защиту.

— Чего ты хочешь, ведьма? — спросил он.

Внезапно завитки магии, которые она протянула к нему, исчезли. Причем не просто исчезли: их унесло, как дым сильным порывом ветра. Кайлар! Взял и рассеял ее магию. Его глаза грозно сверкали. Что, если и защита испарится так же легко? Впервые за десятилетия сестра Ариэль была в опасности, исходившей от мужчины.

— Я хочу тебе помочь, если на то найдется веская причина, — сказала она.

— То есть если я помогу в ответ?

Она пожала плечами, стараясь казаться невозмутимой.

— Каковы пределы твоего могущества, юноша? Представляешь ли хотя бы?

— Зачем мне это говорить?

— Потому что я уже знаю, кто ты на самом деле. Ты наемный убийца, которого убили. Бессмертный смертный. Каково твое настоящее имя? Как ты получил такую силу? Родился ли с ней? Что ты видишь, будучи мертвым?

— Я ведь говорил тебе свое имя, разве нет? Вы, шибко умные, сведете меня в могилу. Или, по крайней мере, погубите.

Наблюдая, как идет лечение, Ариэль понимала, что оболочка этого человека, его тело не изменится никогда, не состарится и за тысячи лет. Кайлару, может, уже сотни лет от роду. В то же время, как ни смотри, Ариэль за холодными синими глазами видела юношу. Его непобедимый нрав и браваду. Он уже проявил мальчишескую глупость, рассказав Ариэль так много.

— Сколько тебе лет? — спросила она.

Он пожал плечами.

— Двадцать, двадцать один.

— Значит, общество заблуждается?

— Общество?!

«Тьфу, черт. Как можно так тонко вести себя с Ви и так грубо — с мальчишкой?»

Впрочем, причину она знала. Не привыкла иметь дело с мужчинами. Провела слишком много времени, уединившись в компании женщин. Ариэль понимала женщин. Даже с их порой ужасной нелогичностью, она спустя годы научилась оценивать, где кончается здравый смысл. Совсем другое дело — мужчины. Для нее было бы логично чувствовать себя в компании мужчин как дома. Сейчас, однако, не тот случай. Хотя каждое слово Кайлара пополняло ее свитки памяти. Про возраст он не врет. Может, путается оттого, что не может вспомнить, как долго пребывал в этом воплощении? Ариэль чувствовала, что разница есть. Тем не менее ей не стоило заикаться об обществе. Теперь придется сказать больше. Если откажется, то и он поступит так же.

— «И вот прошла долгая ночь, и он возродился». Так говорит общество, — процитировала она.

Кайлар потер глаза. Озадачен, уже хорошо. Ариэль не собиралась объяснять, откуда знает об обществе.

— Они верят, что ты возвращаешься из царства мертвых, и надеются узнать как. Их вера, очевидно, подтверждается. И разве может человек надеяться на что-то большее, чем стать сильнее смерти?

— Может, сколько угодно, — прервал Кайлар. — Я бессмертен, но не непобедим. Не всегда это благо.

Он все еще был дезориентирован. Выглядит так, будто жалеет о каждом сказанном слове. Неглупый малый. Может, беспечный, но не глупый.

— Так что же, сестра, ты намерена со мной делать? Свяжешь и привезешь в Часовню?

У Ариэль мгновенно разыгралась фантазия. Какое искушение! О нет, она никогда не попытается сковать его магией. Есть кое-что получше: Ули. Немного лжи о том, что девочка умрет, если срочно не доставить ее в Часовню, тонкий Узор, чтобы Ули несколько раз стошнило, и Кайлар поедет добровольно. Его появление останется неизвестным сестринской общине. Только Истариэль будет знать. Ариэль изучит мальчишку сама.

Каков вызов! Чисто интеллектуальная задача. Невероятная сложность магии. Это возбуждало. Кайлар получит все, что ни попросит. Лучшая еда, лучшие апартаменты, тренировки с мастерами клинка, встречи с Ули, всевозможные развлечения. И несомненно, будет любопытно скрестить его с сестрами, чтобы посмотреть, чем он одарит потомство. Ради этого они подберут самых привлекательных женщин. Большинство мужчин находят такие обязанности весьма приятными. У него будет все. Кроме свободы. Он бессмертен! Что для него пяток-другой десятилетий? Один жизненный срок понежится в роскоши, зато будет знать, что изменит ход истории. Получит цель и смысл жизни, просто развлекаясь.

Что будет, если сестринская община — нет, сама Ариэль! — раскроет его секреты? Безупречное заживление ран, без шрамов. Бессмертие! Какой могучей станет Часовня, если сможет выбирать, кому пожаловать тысячелетия молодости?

Как изменится мир?

Она, Ариэль Вайант, наконец-то нашла загадку, достойную ее таланта. Нет, не загадку — тайну. Она займет место в истории как женщина, подарившая человечеству вечную жизнь. Просто дух захватывает! И — дошло до Ариэль в последний миг — пугает.

Она тихо засмеялась.

— Теперь-то я вижу, почему у общества с тобой ничего не вышло. Искушения слишком велики.

Юноша не ответил.

— В Торрас-Бенде ты назвал себя сенарийским воином, — сказала Ариэль. — Однако не похоже, что ты заодно с мятежниками. Судя по тому, как долго здесь лежало тело, ты даже не остановился в лагере, чтобы получить приказы. Так что предлагаю сделку. Говоришь мне, чем на самом деле занимаешься, а я помогу. Ты очутился в лесу один, в нижнем белье, на холоде, без лошади. Ни денег, ни оружия. Ладно, бог с ним, с оружием, уверена, что это не вопрос, но как быть с остальным?

— Так значит, мы друзья? — поднял бровь Кайлар. — Для меня вопрос в другом. Почему бы мне тебя не убить, чтобы Часовня обо мне ничего не разнюхала?

— Ты бессмертен, но не непобедим, — ухмыльнулась Ариэль. — Если нужно, я убью тебя с десятков раз, прежде чем дотащу до Часовни. Никто из нас не знает, могу ли я, убивая тебя магией, нарушить тот хрупкий баланс, который возвращает тебя к жизни. Значит, это риск для обоих. Конечно, убив однажды магией, я могу потом убить еще и руками. Да и ты можешь убить, конечно. Так что для меня это тоже головоломка. За все свои хлопоты я могу превратиться в мешок с костями. Но ты можешь умереть. Навсегда.

— Если расскажешь обо мне в Часовне, за мной начнут охоту все сестры на свете. До конца моей очень долгой жизни. Возможно, лучше рискнуть однажды, с одной сестрой, чем

иметь дело с каждой уличной девкой, мечтающей, как бы занести свое имя в вечность.

— Значит, ты хладнокровно меня убьешь? — спросила Ариэль.

— Считай это упреждающей самозащитой.

Она подошла ближе и всмотрелась в холодные синие глаза. Да, он наемный убийца. Да, мокрушник. Но душегуб ли? Самое печальное, что он прав. Если Кайлар хочет свободы, если высоко ценит секретность — так же как и его предшественник или предшественники, — должен убить. Если в Часовне узнают, что он существует, они не успокоятся, пока его не заполучат. Кайлар уникален и может легко ускользнуть от сестер, но кому нужна такая жизнь, когда за тобой постоянно гонятся? Ну, пять лет, ну пятьдесят. Не вечно же. Часовня никогда не отступится. Никогда. Он станет самой великой амбицией каждой мало-мальски амбициозной сестры, самой серьезной проверкой и величайшей наградой.

Ариэль представила себе, как Истариэль допрашивает Кайлара. Поразительно, какой уродливой предстала перед ней эта картина. Истариэль возжелает бессмертия — не для Часовни, для себя. Она не будет следовать неспешному, изученному методу проведения опытов. Истариэль ненавидела стареть, терять красоту. Ненавидела скрипящие суставы и запах старости. Что для нее Кайлар, который не повинуетя и приговаривает ее к смерти, отказываясь принести на блюдечке свои секреты? Только помеха.

Что, если они выпытают у него секреты? Какими распорядителями бессмертия станут сестры?

Ответ обескураживал. Кто настолько чист душой и мудр, чтобы знать, кому пожаловать вечную жизнь? Можно ли доверять тому, кто получит дар? Не злоупотребит ли?

— Ты, Кайлар, должно быть, хороший человек, — тихо сказала Ариэль. — Не позволяй своему дару тебя испортить. Я не разделю твой секрет с Часовней. Как минимум, пока снова не поговорю с тобой. Знаю, у тебя нет причин мне доверять. Поэтому вот, держи. — Она вытащила из-за пояса нож. — Раз должен, так убей.

Она подставила Кайлару спину.

Ничего не произошло.

Спустя долгие секунды она повернулась.

— Ты позволишь мне тебе помочь? — спросила Ариэль.

Кайлар казался усталым.

— Логан Джайр жив, — сказал он. — Он в самой глубокой яме Утробы.

— По-твоему, он до сих пор жив?

— Месяц назад точно был жив. Если пережил два первых месяца, значит, выдержал самое трудное. Думаю, жив!

— И ты намерен его оттуда вытащить?

— Он мой друг.

Ариэль медленно вдохнула, чтобы взять себя в руки. Хотелось выбрать мальчишку за глупость. Как смеет он ради простого короля подвергать опасности ка'кари?

— Ты понимаешь, что будет, если Гэрот Урсуул наложит лапу на твой ка'кари? Что это значит для мира? — спросила сестра.

— Логан — мой друг.

Она в буквальном смысле прикусила язык. Если Истариэль когда-либо пронюхает, что Ариэль собралась делать, высылка из Часовни станет самым легким наказанием.

— Что ж, ладно, — выдохнула она. — Я намерена тебе помочь. Только не проси об этом другую сестру. Помощь возможна лишь потому, что я так много о тебе узнала. Хотя постой. Ты должен передать кое-кому записку.

— Что ты задумала? — спросил Кайлар, когда она нашла клочок пергамента, что-то нацарапала, а потом запечатала его магией.

— Либо верь мне, Кайлар, либо нет. Если не веришь, убей. Раз уж решил не убивать, так будь внутренне последователен и верь.

Он озадаченно моргнул, однако Ариэль продолжала:

— Я могу доставить тебя в город к завтрашней ночи, может, даже днем.

— Да туда три дня скакать...

— Но ты должен выполнить мою просьбу. Обещай, что сначала доставишь письмо, а уж потом будешь спасать Логана. Поклянись.

— Что в письме?

— Оно адресовано Дриссе Найл, целительнице, и не о тебе. Грядущие события, которым ты дашь толчок, потребуют изменений в позиции Часовни. Наши люди должны знать, как реагировать, если ты спасешь Логана Джайра, понимаешь?

Это, конечно, была не вся правда, но Ариэль не собиралась рассказывать, что в письме немало говорилось о Ви, что, в свою очередь, касалось и Кайлара.

— Когда попадешь в город, наешься досыта и спи столько, сколько потребует организм. Все равно ты будешь впереди надень или два.

— Постой-постой, — сказал Кайлар. — Я не хочу, чтобы Логан гнил там хоть на секунду дольше, но почему ты беспокоишься, чтобы я выиграл пару дней?

Ах да. Беспечный, но не тупой.

— Впереди тебя Ви. Она скачет в Сенарию.

— Опять эта сука! Нет сомнений, жаждет доложить об удачном убийстве. Подожди, откуда ты знаешь?

— Она ехала со мной. — Ариэль поморщилась.

— Что-о?!

— Ты должен понять, Кайлар. Ви невероятно *талантлива*. Я везла ее в Часовню, и она сбежала, как только мы нашли твое тело. Она считает, что ты мертв. — А теперь пора схитрить. — Это Джарл сказал тебе, что Логан жив?

— Да, а что?

— Она... пыталась Джарла, перед тем как его убить?

— Нет. Вообще с ним не разговаривала.

А вот и крючок — пусть ложь притаится в воде, словно тебе нет никакого дела; не надо сильно уточнять, чтобы выглядело правдоподобно:

— Тогда не знаю, откуда ей известно, но она что-то говорила про короля и Дыру. Похоже, знает про Логана.

Кайлар побледнел. Схватил наживку. Теперь пойдет сразу за Логаном, не пытаясь убить Ви.

О свет! Раньше Ариэль казалось, что ей нравятся исследования. Она всегда чувствовала себя комфортно в уединенной жизни. Теперь стало ясно, почему сестры покидали Часовню, чтобы работать в Мире. Его так и называли, Мир, потому что Часовня была совершенно другой реальностью. Казалось, Ариэль не волнуется, что происходит в Мире. Она полагала, что книги всегда увлекательней, чем мелочная политика какого-нибудь мелочного королевства. Однако именно сейчас в ней кипела жизнь. Шестьдесят шесть лет, а как соображает! На ходу рискует, сама играет будущим — и ей это нравится!

— Она от меня всего в нескольких минутах. Я прямо сейчас могу ее поймать и убить! Дай мне свою лошадь!

— Кайлар, уже темно. Ты никогда...

Вот дура! Рассуждала как сестра, а не как убийца. Только дала ему лишний повод убить Ви.

— Я могу видеть в темноте. Дай мне лошадь!

— Нет! — ответила Ариэль.

«Он может видеть в темноте?»

Кайлар мгновенно изменился. Сначала перед ней предстал гневный юноша. Даже в нижнем белье, на холоде он выглядел грозно. Затем все тело вспыхнуло радугой. Блеск перешел из видимого спектра в магический, и глаза Ариэль заслезились. Когда она моргнула, Кайлара было не узнать.

Вместо него стоял призрак, демон. Тело в глянце черного металла. Лицо — маска ярости. Четкий рельеф мускулов, накачанных чужой силой. Ариэль поняла, что видит

ночного ангела во всем гневе. Она не допускала мысли, что аватара возмездия — это его надежда установить справедливость.

Ариэль обуял настоящий страх. Она отшатнулась и положила руку на лошадь — не упасть бы самой и не дать рвануться испуганному животному.

— Дай. Мне. Лошадь, — повторил Кайлар.

Ариэль оставалось только одно. Она выдернула прядь магии и убила лошадь.

«Ради Ви я убила двух невинных животных».

Стоило Ариэль тронуть магию, и Кайлар совершил нечеловеческий прыжок в лес. Лошадь рухнула на землю. Сестра тут же отпустила магию и подняла руки.

Она даже не заметила его движений, но секундой позже Кайлар уже стоял перед ней, и кончик лезвия ножа Ариэль был в дюйме от глаза. О свет! Разве этим она думала наслаждаться? Рисковая игра с будущим выглядит иначе, когда на кону твоя собственная судьба.

— Почему ты защищаешь убийцу? — спросил черно-глянцевый демон.

— Я пытаюсь исправить Ви. И не позволю тебе ее убить, пока не попробую.

— Она не заслуживает второго шанса.

— Кто ты такой, чтобы говорить так, бессмертный? Сам-то получаешь столько шансов, сколько пожелаешь.

— Это не одно и то же, — сказал Кайлар.

— Я только прошу тебя первым делом спасти Логана. Если не примешь мою помощь, что ж, удачи. Может, и доберешься до Сенарии к концу недели.

Сверкающая маска исчезла, но Кайлар выглядел по-прежнему разъяренным.

— Что я должен делать?

Ариэль улыбнулась в надежде, что он не видит, как у нее трясутся коленки.

— Сначала надень штаны, — заметила она.

47

Нанеся последний мазок краски для век, Калдроса Уин всмотрелась в зеркало.

«Я смогу это сделать. Ради Томмана».

Она не могла объяснить почему, но сегодня ей хотелось выглядеть безупречно. Может, потому что предстоящая ночь будет последней. Все, точка.

Костюм, само собой, был чистой выдумкой. Уроженки Сета никогда такое не носили, но для сегодняшнего вечера наряд подходил идеально. Брюки оказались настолько тесными, что натянуть их она не смогла, пока Дейдра, смеясь, не заметила: мол, кто просил надевать под брюки нижнее белье? «Они же просвечивают!» — «А тебе что нужно?..» — «Ой!» Зачем-то брюки открывали не только лодыжки, но даже икры — просто ужас! — в то время как у такой же тонкой и облегающей блузки были кружевные оборки — смех, да и только! — на запястьях и по кромке выреза до пупка. Пуговицы намекали на то, что можно застегнуться, однако даже если бы стройная Калдроса и натянула жалкий кусочек ткани (а она попыталась), петель не было.

Мамочка К. осталась очень довольна работой мастера Пиккуна. Она настаивала, что полураздетая женщина сексуальней, чем обнаженная. Сегодня Калдроса не возражала. Если придется бежать, то напялить такой костюм куда сложнее, чем юбки.

Она вышла в фойе, и вскоре из номеров появились остальные девушки. Сегодня работали все, кроме Бев — она слишком испугалась. Бев сказалась больной и всю ночь провела в своей комнате. Когда Калдроса увидела подруг, ее чуть не охватила паника. Девушки выглядели одна другой экстравагантней. Каждая не пожалела времени на макияж, прически и наряды. О копые Поруса! Халидорцы не устоят, это уж точно. Никуда не денутся.

Подруга по комнате, Дейдра, не раз спасала Калдросу, зовя вышибал, когда слышала ее условный выкрик. Она улыбнулась.

— Где наша не пропадала!

Дейдра только казалась новенькой. Хотя ей едва исполнилось семнадцать, она еще до вторжения слыла удачливой проституткой. Сегодня Калдроса вновь уже в который раз увидела почему. Подруга сияла. Ей было плевать на смерть.

— Ты готова? — спросила Калдроса, понимая, что вопрос дурацкий.

Их этаж откроют для клиентов через несколько минут.

— Настолько, что успела предупредить всех подруг в других борделях.

Калдроса остолбенела.

— Ты с ума сошла! Нас всех убьют!

— Разве ты не слышала? — тихо спросила Дейдра, помрачнев.

— Слышала что?

— Бледнокожие убили Джарла.

У Калдросы перехватило дыхание. Если в ней и теплилась слабая надежда на будущее, то только благодаря Джарлу. Шинга и его лучезарное лицо, речи об изгнании халидорцев, о правильной жизни, о том, чтобы построить сотню мостов через Плит, и отмене законов, которые привязывают к западной части города всех, кто родился в рабстве или в Крольчатнике, бывших рабов и обедневший люд. Джарл говорил о новом порядке, а когда говорил, это казалось возможным. В ней проснулась ранее невиданная сила. Калдроса надеялась.

И теперь Джарла нет в живых?

— Не плачь, — сказала Дейдра. — Не то мы все заплачем. Да и макияж испортишь.

— Ты уверена?

— Об этом говорит весь город, — обронила Шел.

— Я видела лицо Мамочки К. Это правда, — сказала Дейдра. — Ты и впрямь считаешь, что любая шлюха нас заложит? После того как они убили Джарла?

На лестничной площадке открылась последняя дверь, и в привычном костюме для танца Быка вышла Бев. Хвостики волос закручены в два рога, короткие брюки и открытая талия. Нож танцовщицы на поясе. Обычно нож был тупой, только не сегодня. Бев была бледной, но решительной.

— Джарл всегда был со мной любезен. И больше я не собираюсь слушать их проклятую молитву.

— Он и ко мне относился хорошо, — подхватила другая девушка, глотая слезы.

— Не начинайте, — одернула Дейдра. — Никаких слез! Нам надо это сделать.

— За Джарла, — сказала еще одна девушка.

— За Джарла, — повторили остальные.

Звякнул колокольчик, возвестивший, что идут гости.

— Я рассказала и другим девушкам, — поделилась Шел. — Надеюсь, в этом нет ничего плохого. Что до меня, я беру Толстозадого. Он убил мою первую подругу.

— Я возьму Керрика, — сказала Джилеан.

Правый глаз у нее распух, и даже под макияжем виднелся лиловый синяк.

— Писюнчик — мой.

— Неддард.

— Плевать, кто попадется, — сказала Калдроса, до боли стиснув зубы. — Но я беру двоих. Одного — за Томмана, второго — за Джарла.

Все разом посмотрели на нее.

— Двоих? — переспросила Дейдра. — Как ты с ними справишься?

— Справлюсь. Беру двоих.

— Какого черта! — поддержала Шел. — Я тоже. Только сначала Толстозадого. Так, на всякий случай.

— И я, — сказала Джилеан. — А теперь заткнитесь. Начали.

Первым по лестнице поднимался капитан Берл Лагар. Сердце Калдросы остановилось. Она не видела Берла с тех пор, как сбегала от него в бордель «Трусливый дракон». Девушка замерла — капитан шел прямо к ней.

— Надо же! Никак моя маленькая пиратка. Вот сучка! — воскликнул Берл.

Калдроса не могла пошевелиться. Язык налился свинцом. Берл заметил ее страх и выпятил грудь.

— Видишь? Еще до борделя я знал, что ты шлюха. Что тебе это нравится, понял сразу, когда впервые трахнул тебя на глазах у мужа. И вот, пожалуйста. — Он улыбнулся, явно разочарованный, что рядом нет его сикофантов, посмеяться вместе. — Что? — наконец проговорил он. — Рада меня видеть?

Внезапно страх исчез. Прошел, и все. Калдроса озорно улыбнулась.

— Рада? — повторила она, хватая его за штаны. — О, ты даже не представляешь как.

И повела его в спальню. За Томмана. За Джарла.

В ту ночь седовласый калека забрался на крышу резиденции, недолго принадлежавшей Роту Урсуулу, а сейчас набитой сотнями Кроликов. Пошатываясь в лунном свете на костыле, он крикнул в ночь:

— Приди, Джарл! Приди и смотри! Приди и слушай!

Кролики собрались, чтобы посмотреть на сумасшедшего. С реки Плит стеганул холодный ветер. В глазах старика звездами блестели слезы. Генерал начал читать вслух дифирамб о ненависти и утрате. Он пел надгробную песнь Джарлу, панихиду надежде на лучшую жизнь. Слова кружились ветром, и многие Кролики ощущали, что не просто ветра, а духи убитых собирались на голос генерала. Голос крепчал, вызывая к отмищению.

Генерал вскрикнул и потряс в небеса костылем, словно тот был символом беспомощности и отчаяния каждого Кролика. Он вскрикнул, и ветра тотчас улеглись.

Крольчатник ответил. Крик стал громче. Человеческий крик.

Этот звук всколыхнул ветра. Поднялась буря. В замок, темнеющий в северной стороне, с треском ударила молния. Вспышка осветила в небе черный силуэт генерала. Луну закрыли черные тучи, и хлестнул дождь.

Кролики слышали смех и плач генерала. Он бросал вызов молнии и грозил небесам костылем, будто дирижировал жутковатым хором Ярости.

В ту ночь крики и стоны в «Трусливом драконе» поднялись на небывалую высоту. Женщины, прежде отказывавшиеся кричать для клиентов, теперь кричали так громко, словно восполняли потери за всю прошлую тишину. В этих криках тонули мычания и стоны, слабые вскрики и мольбы умирающих мужчин. Только в «Трусливом драконе» погибло сорок халидорцев.

План Мамочки К. касался одного борделя, после чего она собиралась тайно вывезти девушек из города. Халидорцы дважды подумают, прежде чем жестоко издеваться над проститутками. Однако план, который после вести о смерти Джарла готовился в спешке, распространился точно пожар в джунглях. Один владелец борделя выдумал праздник, чтобы на радость клиентам дешевое пиво лилось рекой. Пьянейте, сколько влезет. Он назвал праздник «Нокта Хемата». Ночь страсти, утверждал владелец борделя, широко улыбаясь гостям. Хозяин другого борделя, который годами работал с Джарлом, подтвердил, что это древняя сенарийская традиция. Ночь разврата, сказал он.

По всему городу, запасшись чрезмерной выпивкой и едой с подмешанными в нее наркотиками, бордели отмечали невиданную ранее оргию. Воздух наполнили крики, вопли и жуткий вой. Крики ужаса и возмездия, яростные крики жажды крови и расплаты. Мужчины, женщины и даже дети, цеховые крысята, в душе маленькие мужчины и женщины, убивали с жестокостью, неподвластной разуму. Люди, потерявшие горячо любимых близких, стояли над трупами халидорцев и зывали к духам умерших, чтобы те посмотрели, как за них отомстили. Зывали к Джарлу, чтобы посмотрел, какую плату они взыскали с тел врага. Собаки выли, лошади в панике шарахались от запахов крови, пота, страха и боли. По улицам во все концы бежали толпы людей. Крови было столько, что ее не смывали даже потоки дождя. Сточные канавы побагровели.

Солдаты прибывали к борделям и видели двери, украшенные десятками мелких трофеев, отрезанных у каждого насильника. Однако в борделях было пусто, одни лишь трупы. Ранним утром группы пострадавших мужей и возлюбленных рвали на части одурманенных халидорцев, которые сбежали из борделей и бродили в поисках выхода из Крольчатника. Вооруженные до зубов отряды, посланные разузнать, что случилось, попадали в засады. С крыш градом летели камни, лучники поражали солдат издали, и всякий раз, когда халидорцы атаковали, Кролики, месяцами учившиеся скрываться, с успехом повторяли маневр. Любой узкий извилистый переулок превращался в удобное место для засады. Солдаты Халидора, вошедшие в Крольчатник, остались там навсегда.

В ту ночь король-бог потерял шестьсот двадцать одного солдата, семьдесят четыре командира, троих владельцев борделей, доносчиков и двух ведьм. Кролики — ни души.

С тех пор и во веки веков обе стороны стали называть эти события Нокта Хемата, Ночью Крови.

Логан пришел в себя. Не шевельнулся. Просто ждал, хотел убедиться, что это правда. Он жив. Как-то выбрался из пучины беспомощности и бреда. Здесь, в Дыре.

Он обрывками помнил рычание Зубастика над ним. Вот Лили кладет ему на лоб мокрую тряпку. Между ними, как гной в нарыве, кошмары, пестрые звери потерянной жизни — мертвые женщины и злорадные, дьявольские лица халидорцев.

Когда он шевельнулся, то понял, что радовался рано. Котенок и тот был сильнее. Открыв глаза, Логан попытался сесть. Вокруг Дыры забормотали. Словно все, как и он, удивились. Здесь те, кто болел, еще не выживали.

Чья-то мясистая рука схватила его и рывком усадила на пол. Зубастик! Ухмыляется своей ухмылкой дурачка. Спустя миг Зубастик, уже на коленях, стискивал Логана в объятиях, не давая тому вздохнуть.

— Полегче, Зубастик, — сказала Лили. — Отпусти его.

Логан удивился, когда простак и в самом деле отпустил его. Зубастик, кроме него, никого не слушал.

Лили улыбнулась.

— Рада видеть, что вернулся.

— Я смотрю, у тебя появился новый друг, — ревниво заметил Логан, чувствуя вину.

Она понизила голос.

— Ты бы видел его, Король. Он был великолепен.

Лили усмехнулась почти беззубой улыбкой и потрепала шишковатую голову Зубастика. Тот закрыл глаза и, широко улыбнувшись, обнажил острые клыки.

— Ты молодец, Зубастик.

— Да-а-а, — протянул он, и в середине слова его голос странно взлетел.

Логан чуть не упал. Он впервые услышал, как Зубастик что-то произнес.

— Ты можешь говорить? — спросил он.

Зубастик улыбнулся.

— Эй, шлюха! — крикнул Фин, сидевший через Дыру напротив. — Пора за работу.

Он разматывал почти всю веревку и добавлял к ней вновь сплетенный кусок. Логан заметил, что обитателей Дыры осталось только семеро.

— Подождешь. Сейчас я не готова и чувствую себя неважно, — отрезала Лили, затем обратилась к Логану: — С тех пор как ты заболел, никому из них не позволила напасть.

— Что за звук? — спросил Логан.

Вначале он его не заметил, однако затем различил некий звук, будто что-то долбили, и тихий шепот, эхом доносившийся из глубин Утробы.

Прежде чем Лили ответила, Логан почувствовал движение в воздухе. Обитатели Дыры переглянулись, их лица ничего не выражали. Что-то изменилось, но никто не мог сказать, что именно.

Логан ощутил, что слабеет, ему стало хуже. Воздух казался более душным, чем раньше.

Гнетущим. Он снова — впервые за месяцы — почуял грязь и вонь Дыры. Осознал, будто в первый раз, всю ту накипь, что покрывала оболочку его жизни. Весь в дерьме, и от него никуда не деться. Каждый вдох наполнял его отравой, малейшее движение размазывало по телу все больше дерьма, которое глубже забивалось в каждую пору. Чтобы только существовать, надо было позволить всем нечистотам втиснуться в организм, тьме — проникнуть в кожу так глубоко, что она стала татуировкой. Теперь и навсегда его неотъемлемая часть — дерьмо. Любой, кто увидит Логана, сразу поймет, какое зло он когда-либо совершил, какими недостойными мыслями когда-либо наслаждался. Наперечет.

Логан едва создавал шум, стуком разносившийся по Утробе. Узники кричали, моля о пощаде. Крики множились, становясь все пронзительней и отчаянней по мере того, как приближались к Дыре. Ниже высокого тона воплей Логан вновь услышал стучащий звук, точно громыхали по скале железные колеса.

Закоренелые преступники эмбрионами свернулись вокруг Дыры, закрывая уши ладонями и вжимаясь в стену. Не скрючились только Фин и Тенсер. Фин, похоже, был в восторге. Он сидел, запрокинув голову, на коленях лежали веревки. Тенсер заметил пристальный взгляд Логана.

— Хали пришла, — сказал он.

— Кто она? — спросил Логан.

Он едва мог шевельнуться. Хотелось броситься в Дыру, чтобы покончить с ужасом и отчаянием.

— Богиня. Каждый камень здесь насквозь пропитан тысячелетиями боли, ненависти и отчаяния. Вся Утроба подобна жемчужине Зла. Именно здесь, в самых мрачных глубинах нетронутой тьмы, и поселится Хали.

Тенсер начал читать нараспев, повторяя:

— Хали вас, Халивос рас ен ме, Хали мевирту рапт, реку виртум дефите!

Его схватил сидевший рядом Таттс.

— Что ты несешь! Прекрати!

Он взял Тенсера за глотку и подтащил к краю Дыры.

В тот же миг руки Тенсера покрылись черной паутиной. Таттс выпучил глаза, подавился. Стал хватать воздух ртом, слабые глотки застряли в горле. Он отшатнулся от Дыры, выпустил Тенсера и упал на колени. Лицо покраснело, на лбу и шее набухли вены. Таттс задыхался без видимых причин.

Затем он упал на пол, грудь тяжело вздымалась.

Тенсер улыбнулся.

— Слушай, ты, кусок дерьма в татуировках. Никто не может прикасаться к принцу Империи.

— Что?! — спросил за всех Девятипалый Ник.

— Я — Урсуул, и мое время здесь закончилось. Хали пришла, и, боюсь, вы все ей понадобитесь. «Хали вас, Халивос рас ен ме, Хали мевирту рапт, реку виртум дефите» — это наша молитва. «Хали идет. Хали живет во мне. Прими, Хали, мою жертву — силу тех, кто тебе противится». Молитва, на которую сегодня ответили. Хали теперь — обитатель Дыры. Будете жить в ее священном присутствии. Это великая честь, хотя, признаю, никто к ней особо не стремится.

Логан услышал звук над головой — не иначе колеса фургона, достигшего третьего уровня Утробы.

— Зачем ты здесь? — снова спросил Ник.

— Тебя это не касается, хотя в том, что мы все еще здесь, моя заслуга.

Тенсер улыбался, точно с ним в жизни не случилось ничего прекрасней.

— Как это? — удивился Ник.

— Негодяй! — крикнула Лили. — Ты сделал так, что ключ не подошел к замку. Ты выбил его у меня из рук. Ты вызвал Горхи, подлая тварь!

— Да, да, да!

Тенсер засмеялся. Он протянул руку, из которой вырвался красный свет. Обитатели Дыры отпрянули, моргая оттого, что месяцами сидели во тьме. Свет потянулся ввысь, заструился через прутья решетки.

Далеко внизу, увидев свет, кто-то вскрикнул.

Фин за спиной у Тенсера поднял петлю веревки.

— Даже не думай, — сказал Тенсер и дьявольски усмехнулся. — Кроме того, присутствие Хали не означает смерть для каждого из вас. Ты, Фин, можешь хорошо ей послужить. Остальные сделают правильно, если последуют твоему примеру.

Вверху над прутьями, шаркая, показался старик. Решетка открылась, и Логан узнал Нефа Даду. Прежде чем вюрдмайстер его заметил, он юркнул в маленькую нишу.

Тенсер мягко поднялся в воздух, влекомый магией вюрдмайстера. Всю дорогу он смеялся.

Решетка с грохотом закрылась, и Логан высунул голову. Красное пятно света ослепило его, пригвоздило к месту.

— О! — воскликнул Тенсер Урсуул. — Не думай, что я забыл о тебе, Король! Не могу дожидаться, когда скажу отцу, что нашел Логана Джайра, который прячется в глубочайших глубинах собственной темницы. Ему понравится.

48

Увидев этелинга, Гэрот Урсуул не обрадовался. Тенсера он не вызывал, к тому же, несмотря на предосторожности Нефа Дады — тот привел Тенсера в личные покои Гэрота, мимоходом вырывая магией языки у слуг, чтобы не проболтались, — у замка все равно слишком много глаз. Почти наверняка кто-нибудь да заметил визит Тенсера. И определенно узники Утробы видели, как он покидал тюрьму.

По оценке Гэрота, Тенсер только что наполовину перестал быть полезным. Гэрот не любил, когда этелинги позволяли себе вольности. Никто не вправе решать за короля-бога.

Заметив недовольство на лице Гэрота, Тенсер торопливо закончил рассказ.

— Я... думал, что Логан может стать идеальной жертвой для Хали, да будет ее имя почитаемо вечно, когда она поселится в новом доме, — дрожащим голосом произнес он. — И посчитал, что, раз барон Кироф уже пленен...

— Кем, тобой? — спросил Гэрот.

— А что, нет?

— Барон Кироф, пытаюсь бежать, упал на горном перевале и разбился насмерть, — пояснил Неф Дада. — Его тело не подлежит восстановлению.

Тенсер как рыба хватал ртом воздух, пытаюсь вникнуть в смысл новости.

— Обвинительный приговор придется оставить в силе, — сказал Гэрот. — Впрочем, это не имеет значения. Сенарийцы все равно не приняли мою милость. Пользы от тебя, мой мальчик, больше никакой. Сенарийцы неукротимы. Ты провалил уурдтан.

— Ваше святейшество! — взмолился Тенсер, падая на колени. — Пожалуйста! Я сделаю все. Используйте меня, как пожелаете. Буду служить всем сердцем. Клянусь, сделаю все.

— О да, — сказал Гэрот. — Не сомневаюсь.

Достоинства Тенсера ничего особенного не представляли. Он выжил, чудом пройдя все испытания, однако для Гэрота уже не был сыном. И никогда не будет. Не станет его наследником. Правда, Тенсер этого не знает. Что важнее, не знает и Мобуру.

— Неф, где королева-девственница?

— Ваше святейшество, — сказал иссохший вюрдмайстер, — она ждет вашего соизволения в северной башне.

— Ах да.

Не то чтобы Гэрот забыл, просто не хотел, чтобы Неф знал, как он сильно увлечен этой девушкой.

— Я могу послать за ней тотчас, если изволите принести ее в жертву, — сказал Неф.

— Парочка таких станет чудесным подарком Хали, как только она устроится в новом расе, — сказал Гэрот.

Нет, Дженин он не отдаст. Да и Тенсер ему нужен, чтобы отвлечь Мобуру.

— Мое семя, я... возлагаю на тебя большие надежды. В смерти барона Кирофа твоей вины нет, и мне бы хотелось дать тебе второй шанс. Иди и приведи себя в вид, подобающий моему сыну. Затем доставь сюда Логана Джайра. Я не позволю ему вторично ускользнуть у меня из-под носа. Вскоре я дам тебе новый уурдтан.

Как только дверь за Тенсером закрылась, Гэрот повернулся к вюрдмайстеру.

— Проводи его в Утробу, и пусть рядом с братом создаст ферали. Помоги ему и похвали работу перед Мобуру. Все, что нужно, сделай сам. Теперь пришли ко мне Хью Висельника.

— Точно не знаю, как это работает, — сказала сестра Ариэль.

Лес уже погрузился в непроглядную тьму, и только ее магия давала свет. — Если я правильно поняла, эта форма магии должна впитаться тобой с легкостью. Просто бери, сколько сможешь.

— И что потом? — спросил Кайлар.

— Потом беги.

— Мне? Бежать? — Ничего более нелепого слышать еще не приходилось. «Говоришь, когда должен слушать», — эхом в голове прозвучал голос Волка. Кайлар заскрипел зубами. — Извини. Расскажи подробней.

— Ты не устанешь... по-моему. Тем не менее заплатишь цену за ту свою магию, которую будешь использовать. Ну а то, что от меня, — почти даром, — ответила сестра Ариэль. — Я готова. А ты?

Кайлар пожал плечами.

«Я становлюсь все сильнее».

Мысль поразила откровением. Кайлар учился лучше управлять *талантом*, когда тренировался на крышах домов, но сейчас — другое дело. И он уже чувствовал это раньше.

Он ощущал это каждый раз, когда умирал. С каждой смертью его *талант* раскрывался и что-то менялось в зрении. Только вместо радости он чувствовал, как вниз по голой спине бегут холодные пальцы Ужаса.

«Расплата придет. Неминуемо».

Конечно, Кайлар уже потерял Элену. Эта мысль отозвалась новой болью. Видимо, издержки выражались только в людях.

Волк говорил о том, что Дарзо совершил богохульство даже худшее, чем принять деньги за собственную смерть. Не самоубийство ли? Да, точно. Кайлар не сомневался. Просто из любопытства? Или чувствовал себя как в ловушке? Самоубийство невозможно.

Для такого несчастного, одинокого человека, как Дарзо, связь с жизнью была бы ненавистна.

«Учитель, прости. Я не понял».

Ну вот, снова вскрылась живая рана от смерти Дарзо. Время не очень-то лечило Кайлара. Он знал, что освободил Дарзо от существования, которого тот не желал, но даже это не утешало. Кайлар убил легенду, человека, который дал ему все. Убил с ненавистью в сердце. Даже если Дарзо и задумал это как самоубийство, Кайлар его убивал не из жалости. Это была месть. Кайлар помнил сладкую желчь ярости, ненависти за каждое испытание, которому подвергал его учитель. Желчь, которая придавала сил.

Дарзо теперь безвозвратно мертвец, освобожденный из застенков собственной плоти. Как жестоко и несправедливо! Одиноко на душе. Разве смерть ему награда за семьсот лет уединения и служения некоей цели, которую Кайлар не понимал? Стоило раскрыть значимость цели. Примириться, общаться соразмерно семи столетиям уединения. Кайлар только начал понимать учителя, однако теперь, когда хотел все исправить, рядом не было

Дарзо, который бы помог. Его вырезали из гобелена жизни Кайлара, оставив уродливую дыру, которую ничем не заполнить.

— Я могу держаться так долго, только используя мой *талант* в полной мере, юноша, — заметила Ариэль.

Ее лоб покрылся испариной.

— Ой, верно, — опомнился Кайлар.

В ладонях Ариэль вспыхнул сгусток света. Кайлар окунул в него руку, желая вобрать в себя энергию.

Никакого эффекта.

Он направил ка'кари в кожу ладони. По-прежнему ничего.

Кайлар смутился. Странно выглядеть таким неумехой.

— Пусть это случится само по себе, — подсказала Ариэль.

Само по себе. Это его разозлило. Якобы умная чепуха, к которой прибегают учителя. Твое тело знает, что делать. Отключи мозги. Ага, конечно.

— Ты не отвернешься на секундочку? — спросил он.

— Исключено, — отрезала Ариэль.

Кайлар проделывал такое раньше, когда носил ка'кари точно вторую кожу. Он знал, что может получиться.

— Больше держать не могу, — предупредила Ариэль.

Он собрал ка'кари в шар и спрятал в ладони, держа над сгустком магии в руках сестры. Кажется, успел.

«Давай же, действуй. Ну пожалуйста!»

Он удивленно хлопнул ресницами. Сгусток магии мигнул, как свеча на ветру. Кайлар лишь на мгновение потерял присутствие духа. Там, где металлическая сфера касалась ладони, он почувствовал, будто держит молнию. Она пронзила тело, которым он уже не владел, прибила к месту, игнорируя желание отдернуть руку — отдернуть! отдернуть! — прежде чем изжариться.

Сестра Ариэль отступила, но ка'кари растянулся между ними, высасывая магию, как пиявка — кровь.

Кайлар наполнял себя магией, силой, светом и жизнью. Восхитительно! Он видел каждую вену в своих руках, каждую жилку на оставшихся листьях над головой. Видел жизнь, которая шевелится по всему лесу. Его взгляд сквозь траву проникал в нору лисицы, сквозь кору ели — в гнездо дятла. Он кожей ощущал прикосновение света звезд. Чувал запах сотен людей в лагере мятежников, мог сказать, что съели, сколько работали, кто здоров, а кто болен. Слышал так много, что в звуках чуть не потонул; нити различал с трудом. Листья на ветру звенели как тарелки; ревом доносилось дыхание двух — нет, трех больших животных: его собственное, сестры Ариэль и чье-то еще. Листья тоже дышали. Кайлар уловил, как бьется сердце филина, затем — громоподобный удар... коленом о землю.

— Стоп! Хватит! — крикнула сестра Ариэль.

Она без сил рухнула на землю, однако магия продолжала струиться из нее.

Кайлар отдернул ка'кари и вернул обратно в тело.

Сестра Ариэль лежала, но он ее даже не заметил. Свет — магия — жизнь — ослепили, вырываясь из каждой поры его тела. Слишком много. До боли. С каждым ударом сердца вены промывались еще большей силой. Тело оказалось маловато.

— ИДИ-И-И, — сказала сестра Ариэль.

До смешного медленно. Он выждал, пока не замерли ее губы, и шепот прогремел дальше:

— СПА-А-СИ-И...

Спасти? Но кого? Почему бы не сказать сразу? Почему все так медленно, ужасно, бесконечно медленно? Кайлар едва себя сдерживал, истекая светом. В висках стучала кровь. Еще одна камера сердечной мышцы сократилась, а он все ждал и ждал.

Спаси короля, подсказало нетерпение. Надо спасти короля. Он должен спасти Логана.

Прежде чем Ариэль вновь заговорила, Кайлар уже бежал.

Бежал? Нет, это слишком прозаичный термин. Он бежал со скоростью вдвое быстрее самого быстрого человека. Втрое.

Это было чистое наслаждение. Чистый миг, потому что, кроме мига, все исчезло. Кайлар увертывался и петлял, смотрел вперед, насколько видели горящие глаза.

Он бежал так быстро, что даже воздух стал сопротивляться. Ноги не получали нужного сцепления, чтобы бежать еще быстрее. Еще чуть-чуть, и оторвется от земли.

Затем впереди Кайлар увидел лагерь, прямо на пути. Он прыгнул — и покинул землю. Пролетел сто шагов. Еще сто. И угодил прямо в дерево.

Кайлар швырнул ка'кари вперед и резко дернулся, пробив трехфутовый ствол. Щепки брызнули во все стороны, однако полет продолжался. За спиной послышался треск, но Кайлар был уже слишком далеко, чтобы уловить, как дерево падает.

Так он и бежал, выставив перед собой ка'кари, чтобы ветер не бил в лицо. Чтобы прижимало ноги к земле и он мог бежать быстрее.

Ночь растаяла, он бежал. Взошло солнце. Он все бежал, жадно поглощая мили.

Сестра Ариэль поползла к дереву, где связала Улиссандру. Это заняло уйму времени, но никуда не денешься. Уж не сон ли это и очнется ли она вообще? Вот и Ули. Девочка не спала: глаза красные, на щеках — высохшие слезы. Выходит, знала, что Кайлар ожил, что Ариэль ее спрятала, предала.

Что могла сказать сестра? Да ничего. Все равно уже ничего не поделаешь. Ариэль, точно соколов на охоте, выпустила Ви и Кайлара. Теперь не вернешь. Если она придет в себя и Ули еще будет здесь, то возьмет девочку в Часовню. Поездка будет долгая, она даст время обдумать только что пережитое.

О боги! Мальчишка высосал ее досуха и мог продолжать — места хватало. Ее! Одну из самых могущественных женщин Часовни! Он еще такой молодой, такой счастливый. И вселяет ужас.

Ариэль понадобилась вся сила воли, чтобы развязать Ули. Трогать магию сейчас — все равно что пить с похмелья. Однако спустя миг все закончилось, и она упала, обессилив.

49

Почему-то Логан верил, что человек он особенный. У него отняли все. Друзей и жену, надежды и свободу. Титул. Даже наивность Оставили только жизнь.

Теперь отнимут и ее. Король-бог его здесь не оставит. Однажды Логан уже умирал и воскрес. На этот раз Гэрот Урсуул захочет собственными глазами увидеть, как Логан умрет. Сначала, несомненно, будет пытка, ну да наплевать.

Будь он посильнее, испробовал бы последний, отчаянный план, но лихорадка его опустошила. Логан грустно размышлял в темноте. Хали, кем бы она там ни была, милостиво проехала дальше, и от чувства удушья, наполнившего Утробу, осталось только тупое давление. Все, что казалось в Дыре невыносимым, — вонь, жара, завывания — снова стало привычным, если не сказать комфортным.

— Эй, сука, иди сюда! — бросил Фин.

Лили встала и погладила плечо Логана. Что-то шепнула Зубастик, видимо, приказала следить за Логаном, и ушла.

Конечно, ушла. Он ее даже не осуждал, хотя почувствовал себя еще более одиноким. Лили хочет уцелеть. Он умрет, через час или два. Жизнь продолжается. Логан, может, и осуждал ее сердцем, но разумом не мог. В другой обстановке он и сам бы винил себя за то, что ел человеческую плоть.

Затем встал Зубастик и тоже пошел прочь.

«От меня что, так сильно несет смертью?»

Осуждать Зубастика и не осуждать Лили было несправедливо, но Логан не мог

совладать с собой. Он вдруг возненавидел уродливого простака. Да как он мог уйти? После всего, что потерял, Логан хотел по крайней мере верить, что приобрел друзей. Или друга.

Скорее всего, Зубастик даже не знал, что Логан вот-вот умрет. Он просто пошел к Фину поиграть концом его веревки из сухожилий — Фин был слишком занят, насилюя Лили, чтобы отвлекаться. Логан взглянул на Зубастика и попытался его пожалеть. Простофиля наверняка угодил в Дыру за куда меньший грех, чем Логан. И не предавал он его, а просто увидел, что можно поиграть с чем-то новым. Фин никому не позволял трогать веревку.

Логан улыбнулся, глядя, как Зубастик сел и схватил веревку обеими руками, сжимая ее так крепко, будто она собралась убежать. Простак явно жил в ином мире.

Логан сознавал, что остальные обитатели Дыры не спускают с него глаз. Даже мог сказать, что они думают. Король. Он назвался Королем, мрачно пошутив, когда прыгнул сюда, — глупая, безумная шутка. Правда, шутка человека, на глазах которого только что зарезали жену. Ему понадобилось время, чтобы понять: это все наяву.

Встал Таттс и обошел вокруг Дыры. Сел на корточки рядом с Логаном. Черные татуировки под глубоко въевшейся грязью напоминали вир. Он пососал десны и сплюнул кровь; цинга достала и его.

— Мне бы понравилось, — сказал Таттс, заговорив при Логане лишь в третий раз, — если бы ты стал королем. У тебя яйца не в пример другим отпрыскам королевской семьи.

— Яйца!

Фин сделал паузу и приподнялся на руках. Засмеялся. Страшный на вид: потный, грязный, рот окровавлен. Веревка из сухожилий наполовину размотана, вторая половина по-прежнему обернута вокруг голого тела.

— Скоро его яйца достанутся другому.

Логан отвел взгляд, до сих пор смущаясь, когда Лили делала то, что помогало ей выжить. И пропустил начало. Она оттолкнула Фина, тот вскрикнул, и Логан увидел его на краю Дыры. Фин лежал боком и шатко балансировал, скребя пальцами по камню.

Затем Лили со всей силы ударила его ногой в пах, и Фин упал в Дыру.

Она резко увернулась от колец веревки, туго хлопавших за спиной. Привязанная к Фину веревка кольцо за кольцом исчезала в Дыре.

Руки Зубастика дернулись вслед за веревкой, он всем телом подался вперед. Это повторилось, когда веревка с Фином вдруг замерла, потом опять рывком упала и вновь остановилась. Затем, под действием силы тяжести, веревка вокруг Фина стала разматываться с огромной скоростью.

Наконец тело, должно быть, ударилось о дно, потому что натяжение веревки ослабло.

Лили вскрикнула, крепко обняла и поцеловала Зубастика.

— Ты сделал все здорово! Просто здорово! — Она повернулась к Логану: — А ты мог бы принести куда больше пользы.

Логан был поражен. Он старался придумать, как убить Фина... ну, ровно столько времени, сколько пребывал в этом аду. Теперь Фина нет. Исчез, а Логан палец о палец не ударил.

— Теперь слушайте меня. Вы все, — сказала Лили. — Мы конченные люди. И всегда были такими. Что сделали, то сделали, и никому из нас доверять нельзя. Король из другого теста. Ему верить можно. Нам не выпало и полшанса. Чтобы его использовать, потребуется помощь каждого.

— О чем ты просишь? — послышался голос Деятипалого Ника.

— У нас был ключ. Теперь есть веревка Фина. Только нет времени. Давайте опустим Короля и Зубастика в Дыру. Короля — поскольку мы ему верим и он видел, куда упал ключ. Зубастика — потому что лишь ему хватит сил подняться, если нужно, наверх по веревке. Они спустятся, посмотрят, нет ли внизу выхода, или найдут ключ. Так или иначе, это может дать нам шанс выбраться отсюда раньше, чем вернутся бледнокожие.

— Почему бы не спуститься нам всем? — спросил Деятипалый Ник.

— Потому что мы все должны держать веревку, идиот. Ее здесь ни к чему не

привяжешь.

— Можем привязать к решетке, — сказал Ник.

— Веревка привязана к телу Фина. Придется сделать «башню» из трех человек, а затем поднять его вес. Это невозможно. А если Король спустится и отвяжет Фина, тогда сможем. Затем все выберемся отсюда. Или, если внизу не окажется выхода, он найдет ключ, и мы сумеем прорваться наверху.

— Нам придется пройти мимо той... штуки, — боязливо сказал Ник.

— Никто и не говорил, что шансы велики, — возразила Лили. — Хочешь остаться? Валяй. Умрешь наверняка.

Таттс кивнул.

— Я все-таки настаиваю, чтобы мы спустили кого-то еще, — упорствовал Ник.

— Я добыла веревку, — сказала Лили. — Либо делаем все по-моему, либо вообще никак.

— Брось, Лил...

— Ты нам поверишь, Ник, если мы будем держать тебя на веревке? Отпустим, и одним ртом станет меньше.

Ник заткнулся.

— Ты нам веришь, Король? — спросил Таттс.

— Верю.

«Мне терять нечего».

Несколько минут они объясняли Зубастiku, что к чему, но даже после этого Логан не был уверен, что простак все понял. Других обитателей Дыры построили, чтобы держать веревку. Лили встала первой и сразу объявила, что даже если все бросят веревку, она не отпустит. Лучше держать, если хотят и дальше пользоваться ее благосклонностью.

— Я обязан тебе всем, — сказал ей Логан.

Лили была далеко не красавицей, но сейчас вся сияла. Видно было, что она гордится собой — впервые на памяти Логана.

— Нет, Король, это я должница. Когда ты сюда пришел, я советовала тебе держаться чего-то хорошего, но только ты мне показал, как надо. Я не такая, и не важно, что натворила. Если умру сейчас, ну и пусть. Да, я испорчена, но ты — хороший, и я тебе помогаю. Это никому не отнять. Только обещай мне, Король, что, когда вернешь себе власть и зачастишь на балы-маскарады, будешь помнить: ты и наш король тоже. Король преступников.

— Я не забуду. — Логан шагнул на край Дыры. — Лили, как твое настоящее имя?

Лили заколебалась, словно почти его не помнила.

— Лилена. Лилена Розана, — стыдливо произнесла она.

Он выпрямил спину и заговорил:

— Властью, данной мне и королевской службе, да будет известно, что Лилене Розане даровано прощение за все преступления, совершенные ранее, вследствие чего все наказания смягчены. В наших глазах Лилена Розана невиновна. Да заберут ее грехи так далеко, как отстоит восток от запада. Да будет так записано, да будет так исполнено.

Нелепо, когда человек в лохмотьях обращается с такой речью к проститутке. Тем не менее Логан никогда не был так силен, как сейчас. Обитатели Дыры даже не хмыкнули.

Лили прослезилась.

— Ты даже не знаешь, что я сделала.

— Мне и не нужно.

— Я хочу все исправить. Больше не желаю быть такой, как...

— Тогда все в твоих руках. На сегодняшний день ты невиновна.

С этими словами Логан шагнул в Дыру.

несколько недель, и жители деревни хорошо ее запомнили. Хотя мало кто чувствовал себя уютно в присутствии сестры, она показалась им усердной, рассеянной и любезной. Такое описание безмерно обнадежило Элену. Значит, письмо не подложное.

Оставалось только выбрать, куда ехать. На север, за Ули в Часовню, или на запад, за Кайларом?

Элена решила, что должна отправиться за Ули. Сенария небезопасна. Да и какая из нее помощница? В Часовне спокойно, **И** наконец-то можно будет убедиться, что Ули вне опасности — если не забирать ее домой.

Поэтому следующим утром Элена продолжила путь на север. Мало того что скромные сбережения почти растаяли, так еще и ночь в постели только напомнила обо всех болячках. Не до веселья. Она бы попала в Часовню быстрее, если бы подстегнула бредущую лошадь, но от одной только мысли о легком галопе Элена застонала. Кобыла прынула ушами, словно желая знать, о чем идет речь.

Затем Элена увидела всадника, в сорока шагах. Черные доспехи, правда, без шлема. Ни щита, ни меча. Он сгорбился в седле на маленькой длинношерстной лошади и рукой зажимал рану в боку. Бледное лицо покрыто пятнами крови.

Когда воин поднял глаза и увидел Элену, та резко остановила кобылу. Губы его шевельнулись, но слова застряли в горле. Он попытался еще раз.

— Прошу, помогите, — раздался хриплый шепот.

Она щелкнула поводьями и подъехала сбоку. Красивый юноша, несмотря на искаженное болью лицо. Едва ли старше ее самой.

— Воды, — попросил он.

Элена схватила мех с водой, затем помедлила. У юного воина на седле висел полный мех вина. И бледность на лице — не от потери крови. Это был халидорец.

Его глаза ликующе зажглись, и он схватил ближайшую уздечку. Кобыла Элены затанцевала по кругу; маленькая лошадь быстро последовала за ней. Элена попыталась выпрыгнуть из седла, однако нога застряла между лошадьми.

Затем мелькнул бронированный кулак. Удар пришелся над ухом, и Элена упала.

Они спускались в ад. Логану не хватало сил и на половину работы по спуску в одиночку, но Зубастик с довольным видом взял на себя почти все труды, держа его под мышкой. Логан только наблюдал.

Первые двадцать футов отвесно шло черное огнеупорное стекло, из которого сделали Дыру, совершенно ровную и гладкую. Затем колодец раскрылся в огромную камеру.

К дальним стенам прилипли зеленые водоросли, свет которых позволял смутно видеть во мраке. Логан словно погружался в иноземный мир. Здесь запах тухлых яиц был резче, и клубы густого дыма поднимались к ним, заслоняя вид тысяч неровных сталагмитов, выраставших со дна каверны. Плакальщики затихли, и он молился, чтобы их и не было слышно. Спустя месяцы Логан потерял уверенность, что этот вой — лишь ветер, пронизывающий скалы.

Зубастик тяжело дышал, но поддерживал прежний темп, рука об руку. Повсюду вокруг, кроме как прямо под Дырой, ледяными ножами блестели сталактиты. Мерный звук капающей с них воды перебивали резкие порывы ветра. Поднимаясь из глубин, ветер чуть постанывал.

Они спускались еще минуты две, прежде чем Логан увидел первый труп. От горячих сухих ветров труп высох, но наверняка это был обитатель Дыры, который упал, прыгнул или его столкнули десятилетия, а может, и столетия назад. Тело покоилось так долго, нанизанное на сталагмит, что стало обрастать скалой. Камень медленно готовил человеку гробницу.

Потом были и другие. Зубастика пришлось несколько раз замедлить спуск, чтобы оттолкнуться от сталагмитов, и каждый раз они видели сокамерников, которым судьба не дала веревку. Попадались даже древнее первого; их тела прорезали глубокие раны от ударов о сталагмиты. У других не хватало частей тел, срезанных скалой или отвалившихся с годами,

однако гладкие и скользкие сталагмиты охраняли их от крыс, а суховей не давал гнить. Единственные неопознанные тела лежали рядом с более влажными местами у стены, приютившей водоросли. Они светились зеленым, будто призраки, которые стремились вырваться из камня.

Наконец Логан и Зубастик достигли выступов с одной стороны, тянуться до которых было слишком далеко. На одном из них, прислонившись к стене, сидел труп. Его высохшие кости остались нетронуты. Каким-то чудом человек смог выжить. То ли спускался по веревке, то ли просто упал, но удачно. Так здесь потом и умер. Пустые глазницы вопросительно взирали на Логана: «Ну как, можешь переплюнуть?»

Внезапно веревку из сухожилий тряхнуло. Логан глянул вверх. Одна чернота. Обзор внизу закрывал Зубастик.

— Зубастик, поторопись.

Тот проворчал что-то.

— Понимаю, ты очень стараешься. То, что ты делаешь, просто фантастика, но я не знаю, как долго Лили сможет держать веревку. Мы ведь не хотим здесь остаться, как те парни?

Зубастик стал спускаться быстрее.

Они миновали еще один выступ, и Логан заметил, что у основания сталагмитов вместо голой скалы появился толстый слой почвы. Почва? Здесь?

Не почва. Человеческое дерьмо. Поколения преступников ногами пинали экскременты в Дыру. Поэтому кругом стояла вонища, точно в открытой канализации.

Логан начал отворачиваться, когда заметил, как при спуске до следующего выступа что-то блеснуло. Взглянул еще раз. Ничего.

— Задержишься на секунду, Зубастик.

Логан сунул руку в шестидюймовый слой дерьма и пошарил внутри. Ничего. Он воткнул руку по локоть, не обращая внимания на слизь, стекавшую по коже. Ага, вот.

Он вытащил какой-то комок и обтер его о другую руку. Ключ.

— Удивительно, — сказал Логан. — Чудеса, да и только. Мы здесь точно не умрем, Зубастик. Теперь скорей на дно, отвяжем тело Фина и попробуем подняться наверх. Может, нас сумеют даже вытащить.

Вышло так, что они оказались почти у самого дна или, по крайней мере, у очередного выступа. Рядом, из трещины в скале, вырывалась струя пара, окутавшая их едким дымом. Пар заслонял все внизу, гасил свет водорослей, и Логан не видел, куда они попали. А впрочем, уместен ли такой вопрос в аду?

Зубастик остановился и что-то проворчал. Затем отошел от веревки и принялся разминать пальцы. Логан ступил на мягкую землю — дерьмо здесь было глубиной всего несколько дюймов — и с облегчением вздохнул. Он и близко не держал вес, какой пришлось вынести Зубастика, а все равно изнемог. Затем он увидел веревку. Она висела свободно.

— Зубастик! — крикнул Логан напряженным голосом. — Давно ли ослабла веревка?

Простак моргнул.

— Зубастик, Фин жив! Он может... Ах!

Что-то острое воткнулось Логану в спину.

На него сверху скорее упал, чем прыгнул Фин. Преступник двигался рывками, словно вывихнул бедро. Нога, плечи, голова и рот кровоточили. В правой руке он сжимал острый обломок сталагмита. Упав на Логана, Фин принялся колоть и резать. Раненый, ослабевший.

Логан был еще слабее.

Фин ударил его обломком в грудь, вспорол предплечье и прорезал рану через лоб до уха. Логан попытался столкнуть Фина с выступа, но сил не хватило.

Шум внезапного выброса из расселины внизу потонул в диком реве. Горячий пар и крупные капли кипящей воды пролетели мимо за секунду до прыжка Зубастика.

Тот сбил Фина в сторону и прокусил ему нос. Спустя мгновение поднялся — с окровавленным куском в острых клыках. Фин вскрикнул, на губах появилась пена. Не успел

крикнуть снова, как Зубастик схватил его за вывихнутую ногу и стал оттаскивать от Логана.

Раненый закричал. Громче. Выше. Попытался схватить хоть что-то. Затем тело Фина попало в капкан между двумя сталагмитами. Зубастик либо не видел, либо ему было плевать. Он решил оттащить Фина от Логана, и точка. Логан заметил, как вздулись мышцы плеч уродливого простака, жилистые узлы, полные сил. Зубастик напряг ноги, уперся и зарычал.

Раздался душераздирающий хруст — вывихнутая нога подалась. Зубастик оступился. Упав, он оторвал ногу Фина и отправил ее в бездну.

Фин остановил ненавидящий взгляд на Логане. Он судорожно глотал воздух. Из оторванного бедра хлестала кровь, а вместе с ней уходила жизнь. Последние вдохи. Бледное лицо призрака.

— Увидимся... в аду, Король, — прохрипел он.

— Я там уже побывал, — ответил Логан, поднимая ключ. — И ухожу.

Глаза Фина сверкнули ненавистью. Он отказывался верить, но сил говорить уже не было. Злоба медленно покидала его открытые глаза. Наконец Фин испустил дух.

— Зубастик, ты неподражаем. Спасибо тебе!

Простак улыбнулся. Он не замыслил ничего дурного, хотя оскал кровавых наточенных зубов был ужасен.

От потери крови Логана затрясло. Он не представлял себе, сдюжит ли, даже если без проблем удастся бежать из Дыры и Утробы. Только с какой стати умирать Зубастике или Лили? А ведь простак без него подниматься наверх не станет, Логан это знал.

— Отлично, Зубастик, ты сильный. Сможешь выбраться отсюда?

Зубастик кивнул и поиграл мускулами. Он любил, когда его называли сильным.

— Тогда давай выбираться из этого ада, — сказал Логан. Он схватил веревку и вдруг почувствовал слабость. Через мгновение вся веревка из сухожилий упала к их ногам.

Подъема наверх не будет, и драгоценный ключ бесполезен. Теперь не спастись. Обитатели Дыры бросили веревку.

— Где они, черт возьми? — требовательно спросил Тенсер Урсуул.

Обитатели Дыры едва его признали — в изящной тунике, чисто выбритого.

— Ну а сам-то как думаешь? Сбежали, — ответила Лили.

— Сбежали? Не может быть!

— Уж поверь, — сказала Лили.

На глазах у Нефа Дады и стражников Тенсер вспыхнул, смутившись.

В Дыре расцвел магический свет, осветив лицо каждого. Заглянул даже в выемку, где так часто прятался Логан. Там никого не оказалось.

— Логан, Фин и Зубастик, — назвал Тенсер имена пропавших. — Логан и Фин ненавидели друг друга. Что произошло?

— Король хотел... — начала Лили, но что-то хлестнуло ее по лицу, опрокинув навзничь.

— Заткнись, сука! — рявкнул Тенсер. — Я тебе не верю. Ты, Таттс. Что случилось?

— Логан хотел построить новую пирамиду. Он хотел привлечь внимание Горхи, постараться схватить его за ноги и выбить ключ. Фин отказался. Они подрались. Фин бросил Логана в Дыру, но потом на него напал Зубастик, и оба упали вниз.

Тенсер чертыхнулся.

— Почему ты их не остановил?

— Чтобы свалиться туда самому? — ответил Таттс. — Все, кто до сих пор дрался с Логаном, Финном или Зубастиком, уже на том свете, приятель... э-э, ваше высочество. Должны бы знать, проведя здесь столько времени.

— Могли они уцелеть? — ледяным голосом спросил Неф Дада.

Один из новеньких вскрикнул, и все обернулись.

— Нет! Умоляю!

Яркий шар магического света прилип к его груди, еще один — к спине, поднимая узника над Дырой. Затем он упал.

Все сгрудились вокруг Дыры, глядя, как свет исчезает в бездне тьмы.

— Пять... шесть... семь, — считал Неф.

Свет мигнул сразу перед «восемь». Вюрдмайстер посмотрел на Тенсера.

— Значит, нет. Что ж, вряд ли твой отец обрадуется.

Тенсер изрыгнул проклятия.

— Возьми их, Неф! Убей! Делай все, что хочешь, лишь бы мучились.

51

Хью Висельник пригнулся на крыше склада в глубине Крольчатника. В более благоприятные времена на складе хранили текстиль. Позднее его использовали контрабандисты. Сейчас в этих руинах нашли приют цеховые крысята Поджигателя.

Хью это не заботило. Правда, возникло одно неудобство. Надо убить десятилетнего мальчишку-часового. Или, может, это девчонка. Сказать трудно. Что действительно волновало Хью, так это каменная плита на полу, рядом с полуразрушенной стеной. На вид она весила полтонны, такая же щербатая и обветренная, как и остальные камни. Только плита была на петлях и откидывалась, о чем не знали даже цеховые крысята. Второй выход одного из самых больших домов-укрытий в городе.

Именно сейчас, если верить источнику Хью, в доме находились примерно три сотни шлюх, запасы воды и провизии на месяц, а также настоящие призывы: Мамочка К. и ее заместитель, Брэнт Агон. Правда, Хью не ожидал их здесь увидеть. Это вряд ли. Впрочем, надеяться можно всегда.

У него постоянно возникали проблемы с крупными заказами. Большая работа требует спокойствия. Наслаждение реками крови угрожало профессионализму. Так легко поддаться восторгу, наблюдая, как кровь льется, капает или бьет фонтаном. Кровь всех чудесных цветов — от светло-красного, из легких, до черного, из печени, и всех оттенков между. Он хотел до капли осушать любое тело, чтобы угодить Нисосу, но на большой работе времени обычно нет. Поэтому Хью казалось, будто он не доводит дело до конца.

К тому же потом Хью всегда впадал в депрессию. Выпустив кровь у тридцати или тридцати двух человек в имении Джайров, неделями ходил сам не свой. Имение Джайров стало апофеозом. Когда герцог вернулся, Хью все еще был там. Он наблюдал, как Регнус Джайр метался из комнаты в комнату, обезумев от горя, поскользываясь в лужах Нисоса, которые Хью оставил в каждом зале. Так возбудился, наблюдая, что даже не смог убить герцога. Хотя знал, что король-бог желал этой смерти.

Он, конечно, закончил работу следующей ночью, но это были сущие пустяки. Даже близко не сравнить.

Нынешняя работа будет несложной. Поначалу — да, несколько трудных минут. Во-первых, надо войти. Он убьет и детей, если надо, только цеховые крысята увертливы. Знают в Крольчатнике каждую дырку размером с грецкий орех, забьются туда, и еще хватит места для других. Будет лучше, если не дать им возможности кого-то предупредить.

После того как войдет, у черного входа будут часовые — один или два. Этим входом никогда не пользовались, да и человек не слишком-то долго может сверлить взглядом стену, прежде чем надоест или устанет. Часовые, возможно, тоже спят.

Затем надо убить часовых у главного входа, не поднимая тревога. Вход придется перекрыть или разрушить. После чего уже не важно, прознают шлюхи, что он в доме, или нет. С ними-то управится.

Потом... что ж, король-бог обещал ему сутки — делать, что душе угодно.

— Хью, — напутствовал Гэрот, — сотвори мне катаклизм.

Король-бог собирался открыть это место позже и провести по нему всех аристократов города. Когда трупы завоняют, туда начнут водить и остальных горожан. Жители

Крольчатника пойдут в конце. Напоследок Гэрот устроит публичную церемонию. Людей, выбранных наугад из Кроликов, ремесленников и знати, пошлют на место кровавой бойни. Когда все будут внутри, ведьмы короля-бога запечатают выходы.

Гэрот Урсуул ожидал, что это станет действенным средством устрашения для будущих мятежников.

Тем не менее Хью чувствовал себя неловко. Он же профессионал. Лучший мокрушник в городе, лучший в мире. Вообще самый лучший. Хью высоко ценил свое положение, которому угрожало только одно: он сам. Ведь он глупо рисковал в имении Джайров. По-дурацки. Да, все обошлось, но на самом деле он собой не владел.

Просто было чересчур много крови. Слишком щекотало нервы. Он ходил как бог на культовой оргии под названием «смерть». Чувствовал себя неуязвимым в те часы, когда резал Джайров и их слуг, как на скотобойне. Он уделил немало времени, созерцая трупы. Несколько повесил за ноги и перерезал им глотки, чтобы вытекла вся кровь, из которой он создал прекрасное озеро в последнем зале.

Его работа — убивать, и он уже переступил опасную черту. Пошел дальше. Дарзо был наемным убийцей. Отнимал жизни с бесстрастной точностью портного. Дарзо Блинт никогда не подвергал себя риску. Вот почему кое-кто считал его ровней Хью, который это ненавидел. Его боялись, а Блинта уважали. Беспокойство хоть и мелочное, но справедливость должна восторжествовать.

Вот почему эти триста человек, возможно, его погубят. Зверь внутри вырвется наружу. Три сотни — пожалуй, перебор.

Нет. Он же Хью Висельник. Лучший мокрушник в мире. Для него ничего не слишком. Тактически эта работа абсолютно проста, как и ряд других заказов, однако люди будут шептать его имя. Вот что они запомнят. Это станет его наследием. Весь мир запомнит. Навсегда.

Все цеховые крысята спали, группами жались друг к другу, чтобы согреться. Хью собрался прыгнуть вниз через дыру в крыше, когда что-то заметил.

Сначала он подумал, что показалось. Дунул легкий ветерок, и облачко пыли рассеялось в лунном свете. Однако пыль не осела, и сегодня было затишье. Тем не менее пыль кружилась на месте, собираясь на пяточке лунного света рядом с детьми. Кто-то один проснулся, захныкал и вскоре разбудил всех остальных.

Вихрь превратился в крошечный торнадо. Хотя ветра по-прежнему не было, что-то обретало форму; черные песчинки заслоняли видимость и бешено кружились на высоте в шесть футов. Торнадо переливчато сверкало, мерцая синим. Искры летели и плясали по полу, дети вскрикивали от страха.

Сквозь мглу торнадо проступил силуэт человека или его подобия. Фигура вспыхнула синим, разбрызгивая свет во все стороны, и даже Хью не успел прикрыть глаза.

Когда Хью Висельник снова глянул, дети съжились на полу, широко раскрыв глаза. Перед ними стояла фигура, подобной которой он не видел в жизни. Человек был то ли высечен из блестящего черного мрамора, то ли вылит из жидкого металла. Одежда? Разве что только кожа, хотя он явно носил башмаки. Бесполой. Все тело монотонно черное, каждый контур резко очерчен. Тощий. Каждый мускул словно выгравирован. Поначалу этот человек, демон или статуя из плоти отражал свет, как полированная сталь. Теперь же — лишь частично: округлые бицепсы, горизонтальные разрезы брюшного пресса. Остальное тело расплывчато чернело то глянцем, то матово.

Больше всего пугало лицо демона. Человеческого в нем было куда меньше, чем во всем остальном. Рот коротким разрезом, широкие скулы. Брови рельефные, осуждающе выгнуты над непомерно большими глазами из ночного кошмара. Глаза самой бледной синевы ледяного зимнего рассвета. В них застыл приговор без жалости, наказание без пощады. Пока фигура изучала детей, Хью все больше уверялся, что глаза и впрямь горят. Вверх тянулись струйки дыма от неведомого адского огня, пылавшего в этой дьявольской фигуре.

— Дети, — молвила фигура, — не бойтесь.

Кругом слышались судорожные глотки. Казалось, все цеховые крысяты вот-вот бросятся врассыпную.

— Я вас не трону, — продолжил демон. — Однако здесь вы в опасности. Идите к Гвинвере Кирене, той, что известна вам как Мамочка К. Идите и оставайтесь рядом с ней. Скажите ей, что вернулся ночной ангел.

Несколько детей кивнули, однако все будто приросли к земле.

— Идите же! — прикрикнул ночной ангел.

Он шагнул вперед через тень, прорезавшую лунный свет на полу, и случилось жуткое. Там, где тень наискосок закрыла ночного ангела, демон исчез. Он остался без головы, руки и части туловища выше разреза по диагонали. Только два горящих пятна повисли в воздухе — где должны были быть глаза.

— Бегите! — рявкнул ночной ангел.

Дети сорвались с места, как умеют только цеховые крысяты.

Хью понимал, что должен убить этого ночного ангела. Король-бог его непременно вознаградит. Кроме того, демон мешал Хью приступить к заданию. Ночной ангел стоял между ним и более чем тремястами сочными жертвами.

Дышалось с трудом. Хью не боялся, просто не делал работу задаром. Этого ангела он убьет, но сейчас уйдет и сначала заставит короля-бога расплатиться. Если ночной ангел знает о подземелье, значит, уже поздно. Если нет, шлюхи будут там и завтра. Сегодня Хью получит контракт на ночного ангела, а завтра вернется и прикончит его заодно со всеми проститутками. Абсолютно логично, и страх тут ни при чем.

Ночной ангел повернул голову; их взгляды схлестнулись. Тлевшие синим, его глаза вспыхнули жгучим пламенем. В следующий миг ночной ангел исчез, и остались только две горящие красные точки.

— Хочешь этой ночью узнать свой приговор, Хьюберт Мэрион? — спросил ночной ангел.

Холодный ужас парализовал мокрушника. Хьюберт Мэрион. Так никто не называл его уже пятнадцать лет.

Ночной ангел двинулся навстречу. Когда Хью уже решил бежать, демон споткнулся. Хью Висельник остановился, озадаченный.

Рубиновые глаза потухли, слабо замерцали. Ночной ангел поник.

Хью Висельник спрыгнул на пол и выхватил меч. Усилием воли ночной ангел встряхнулся, однако Хью уже не сомневался: это истощение. И атаковал.

Мечи зазвенели в ночи, скрестившись. Затем Хью ударил ногой и пробил защиту. Удар пришелся ночному ангелу в грудь. Существо отлетело назад, меч выскользнул из руки. Упав мешком, ночной ангел замерцал.

Спустя мгновения он исчез. На его месте лежал голый человек, почти без сознания.

Кайлар Стерн, ученик Дарзо Блинта! Хью чертыхнулся, его страх перешел в ярость. Что еще за фокусы? Опять иллюзии?

Он уверенно шагнул вперед и рубанул мечом по открытой шее. Однако лезвие целиком, без помех прошло сквозь голову, разрушая мираж. Хью едва остановил замах, когда почувствовал, как на лодыжках затягивают веревку и рывком сбивают его с ног.

В правый локоть впились пальцы, давя на болевые точки и лишая руку силы. Ладонь схватила его за волосы и хрястнула лицом об пол, разбивая нос. Затем еще и еще. В третий раз лицо Хью налетело на камень, и тот проколол ему глаз.

Он хлестнул всей силой *таланта*. Удар пришелся в пустоту. Руки оказались за спиной, их вздернули легким рывком, вывихнув оба плеча сразу. Хью вскрикнул. Когда он снова подумал об ударе *талантом*, то обнаружил, что связан по рукам и ногам.

Оставшимся глазом Хью Висельник увидел Кайлара Стерна. Тот явно обессилел. Шатался, но тащил мокрушника по полу за плащ. Хью нанес удар ногой, надеясь попасть хоть во что-то, попытался встать. Кайлар опрокинул его на спину, и Хью опять заорал от боли в вывихнутых плечах. Кайлар встал над ним.

Чем бы ни была черная кожа, иллюзией или чем-то другим, у Кайлара не осталось сил ее поддерживать. Он стоял голый, однако маска на лице не изменилась. Хью собрал *талант*, чтобы попытаться ударить вновь.

Первой мелькнула нога Кайлара, ломая мокрушнику голень. Боль разорвалась чернотой в мозгу. Хью вскрикнул, чтобы не упасть без сознания. Когда снова глянул, Кайлар уже пихал ногой плиту. Она открылась на невидимых петлях. Внутри крутилось потайное водяное колесо, движимое течением реки Плит. Должно быть, механизм, открывавший массивную дверь в дом-укрытие, догадался Хью. Могучие шестерни медленно вращались, не цепляя друг друга.

— Нисос — бог воды? — спросил Кайлар.

— Что ты надумал?! — заорал Хью в истерике.

— Молись, — безжалостно сказал Кайлар. — Возможно, он тебя спасет.

Кайлар что-то сделал с плащом Хью. Прошло мгновение, и вдруг плащ затянулся вокруг шеи и потащил Хью Висельника по полу.

— Нисос! — крикнул он, задыхаясь от тугой удавки. — Нисос!

Плащ затащил его в воду, и на долгий, блаженный миг шею отпустило. Хью лягнулся здоровой ногой и нащупал твердую поверхность. Затем удавка снова натянулась, плащ поволок его в шестерню. Колесо выдернуло Хью из воды за глотку и перекинуло, вновь утаскивая под воду. Он не мог дышать. Из воды. Через колесо. Обратно в воду.

На сей раз он толкнулся ногой, едва показавшись из воды. Натяжение ослабло, и удалось глубоко вдохнуть, прежде чем его снова перебросило и окунуло в воду. Хью попытался вырваться из веревок, но малейшее движение в плечах отзывалось адской болью. Руки были связаны так крепко, что он не мог вправить плечи в суставы и только бил здоровой ногой по воде.

Вынырнув из воды, Хью снова крикнул, а шестерня продолжала скрежетать. Вверх, вниз. Вверх, вниз.

Кайлар наблюдал, как шестерня вытаскивает Хью Висельника из воды, потом затягивает обратно. Снова и снова. Иногда тот молился, иногда откашливал грязную речную воду. Никакой пощады. Хью это заслужил.

Кайлара пошатывало. Он не притворялся, что измотан. Просто повезло, что хватило *таланта* одурачить Хью. В честной драке тот бы его одолел — на сей счет Кайлар иллюзий не питал. Однако Дарзо учил, что честной драки не бывает. Хью позволил застать себя врасплох, поскольку полагал, что он лучше всех. Дарзо никогда не воображал себя лучшим; он всего лишь считал, что остальные хуже. Может показаться, что разницы нет, однако это не так.

Наконец Кайлар нашел, что искал. Он схватил деревянный рычаг рядом с валуном и потянул вверх.

Вращающаяся шестерня заскользила вбок, пока ее зубцы не встретились с другой шестерней. Мгновение они скрежетали, потом зацепились и совершили оборот. Хью неумолимо выдернуло из воды. Он испуганно вскрикнул... голова попала между огромными зубцами, крик стал пронзительным... шестерни натужно застопорились.

Мгновение, и череп Хью лопнул, точно кровавый прыщ. Ноги судорожно дернулись, и все тело выгнулось над водой. Труп отбросило в сторону. Шестерни провернулись, и вода окрасилась кровью.

Огромный валун поднялся, открывая туннель под землю. Где-то в глубине прозвенел сигнальный звонок.

Тотчас по ступенькам загрохотали шаги двух стражей с копьями в руках.

— Надо... уходить, — с трудом произнес Кайлар. Его шатнуло, но часовые не сдвинулись, чтобы помочь. — Король-бог знает, что вы здесь. Передайте Мамочке К.

Затем он потерял сознание.

Могучий Фейр Коузат вжался в дерево, насколько мог. До рассвета оставалось два часа, и человек у костра лежал, не шевелясь, уже часами. Очень скоро Фейр узнает, стоит ли игра свеч.

Поиски Кьюроха привели его в Сенарию — через лагеря халидорских горцев в горы на границе с Кьюрой. Шли недели. Его надежда пополам с отчаянием заключалась в том, что особенный меч как в воду канул. Ни слуху ни духу. Это означало только одно. Если он на верном пути, то Кьюрох, скорее всего, у человека, который не имеет и понятия, чем владеет. Такой сценарий куда предпочтительней. Мысль о том, что придется отбирать меч у вюрдмайстера, совсем не грела. Любой вюрдмайстер, способный использовать Кьюрох, может убить Фейра, как душе угодно.

Похоже, он все-таки на ложном пути. Фейр проверил с десяток догадок, сокращая вероятный список. Сначала он переоделся халидорцем, вышел на форме знак отличия гонца и сидел у бивачных костров во многих лагерях. Еще в школе Дориан научил его халидорскому языку, поэтому, даже когда разговор переходил на древний язык (все юноши Халидора владели двумя языками; король-бог считал, что они будут лучше править, зная тайные интриги тех, кого завоевали), Фейр понимал, о чем речь.

Поскольку халидорцы не нашли Кьюрох сразу (если бы нашли, считал Фейр, то поползли бы слухи), значит, меч кто-то присвоил. Фейр обнаружил отряд, наводивший порядок на мосту. Большинство людей были из частей, почти разбитых в сражении. Позднее их собрали в новый отряд и послали домой — охранять возвращавшиеся в Халидор фургоны с награбленным добром. Фейр, Солон и Дориан отслеживали каждый такой обоз.

Раз Дориан послал его на юг, то Фейр знал, что меч не отправили с вещевым обозом. Поэтому спрашивал обо всех, кто домой не уехал. И нашел-таки одного.

Выяснить, куда исчез Ферл Халиус, оказалось не в пример сложнее. На самом деле Фейр его так и не нашел. Вместо этого он последовал за вюрдмайстером, которого отправили на юг. Вюрдмайстер наступал на пятки Ферлу Халиусу, Фейр — вюрдмайстеру. Он видел, как вюрдмайстер швыряет молнии в Ферла и похищенного им вельможу. Вюрдмайстер потерял интерес сразу, как только вельможа упал со склона горы Хезерон.

Пока вюрдмайстер управлялся с сигнальным жезлом, чтобы доложить королю-богу о неудаче, Фейр подполз ближе. Сосредоточенность юноши в работе с магией и поваливший снег скрыли маневр. Как только вюрдмайстер закончил, Фейр его убил.

Затем сделал то, чего больше делать никогда не будет. По снегу пересек разбитый уступ. Прыгнул через брешь в пять футов — со скользкого снега на скользкий снег. Ноги ехали и на крутых подъемах. В конце пути пришлось использовать магию, чтобы растопить участок льда еще для нескольких шагов. Да, он прошел, но был на волосок от гибели. Кьюрох этого стоил.

Фейр вытащил меч и шагнул вперед в чуть измененной боевой стойке, сохраняющей равновесие и ловкость на скользкой почве. Несколько быстрых шагов, и он настиг человека. Меч пронзил грудь жертвы — снеговика, завернутого в плащ.

Фейр чертыхнулся и сделал резкий поворот, когда настоящий Ферл Халиус напал, высоко подняв Кьюрох. Едва хватило времени увернуться. Удар горца с плеча рассек бы Фейра надвое, если бы тот не отклонился вбок. Кьюрох выбил из его руки клинок.

— Не слишком много чести — проткнуть спящего, — с сильным халидорским акцентом заметил Ферл.

— Для чести ставки слишком высоки, — ответил Фейр. Похоже, человек не понимал, за что его преследуют. — Отдай мне меч, и я оставлю тебе жизнь.

Немудрено, что Ферл взглянул на него как на сумасшедшего: он с мечом, Фейр безоружен.

— Я? Отдать тебе? Это меч военачальника.

— Военачальника? Меч стоит больше, чем весь твой клан, да и все другие на сто миль вокруг, вместе взятые.

Ферл не поверил, да и знать ничего не хотел.

— Он мой.

Перед Фейром возникли три белые точки света, каждая менее ногтя, и со свистом метнулись к Ферлу Халиусу. Тот был отличным воином, но успел только поднять меч.

Два заряда, которым Ферл преградил путь мечом, улетели в ночь. Третий угодил ниже рук, прямо в живот. Фейр с трудом дотянулся — магия издалека никогда не была его сильным местом — и продернул заряд выше. Он прожег путь до сердца Ферла.

Горец остановил взгляд на Фейре и повалился набок.

Фейр поднял меч без восторга. Он оказался прав. Все его риски и предположения оправдались. Если кто-нибудь вдруг услышит эту историю, она устами бардов превратится в легенду. Он только что вернул мощнейший из когда-либо созданных артефактов.

Почему же на душе так пусто?

В этот раз все прошло чересчур легко. Медленно, но легко. Видимо, Ферл прав — мало чести. Только не может быть драка честной, когда у кого-то в руках Кьюрох.

Правда, дело и не в этом. Он трижды возвращал проклятый меч. Только вдуматься — трижды! Его можно объявить официальным искателем проклятого меча. Кьюрох у него, но воспользоваться им Фейру не суждено. Он серая личность и совершил ошибку, заведя друзей среди аристократов.

Солонариван Тофьюсин Са'фасти был принцем империи Сет. Благодаря *таланту* он взошел на высшие ступени среди живых магов. Дориан — тоже принц. Вюрдмайстер и даже больше. Такой маг рождается раз в поколение. Фейр же — сын кожевника, со средним *талантом*, искусно владеющий мечом. Он был учеником кузнеца, когда в нем обнаружился *талант*, и позднее его приняли в школу творцов. Затем наняли кузнецом и инструктором по клинку в Шо'сенди, где Фейр и встретил Дориана и Солона.

Дориан от своего происхождения отрекся, и ни ему, ни Солону официально особых привилегий не жаловали. Однако Фейр понимал: это вовсе не значит, что они не извлекали пользы из своего благородного происхождения. Что бы ни случилось с Дорианом или Солонем, они знали, что особенные. Знали, что важные птицы. Чего не скажешь о Фейре. Он всегда был вторым, если не третьим.

Вспыхнул сигнальный жезл, и Фейр его вытащил. Юный вюрдмайстер, которого он убил, держал ключ при себе — жезл ему явно доверили впервые. Фейр перевел вспышки света в буквы. Они тоже были закодированы, причем по-халидорски. Расшифровать код оказалось просто. Первая буква соответствовала второй халидорской, вторая — третьей и так далее. Однако буквы передавались быстро, а у Фейра под рукой не оказалось ничего, чтобы записывать. Да и запас халидорских слов был ограничен.

Король-бог использовал жезлы в точности, как это бы делал Фейр. Координировал удаленные войска и мастеров. И просто, и давало огромное преимущество. Приказы доставлялись мгновенно, в то время как противники ждали гонцов часами, а то и сутками. Менялась обстановка, менялись планы.

Неудивительно, что он громил все армии, выступавшие против.

«Сбор... к северу... от...» — вспыхивал жезл. Затем он помедлил, и синий цвет сменился красным. Что это значит, черт возьми? Фейр разобрал буквы и интуитивно перевел их на общепринятый алфавит. «П. А. В. В. И. Л. С. Г. Р. О. У. В.». Паввилс-Гроув. Жезл снова засветился синим. Слишком быстро. Фейр не улавливал, но один раз сочетание повторилось. «Два дня. Два дня». Затем жезл потемнел.

Фейр шумно выдохнул. Он миновал Паввилс-Гроув по пути на юг. Небольшой городок, заготовки и транспортировка сенарийского дуба. К северу от города лежала равнина, удобная для битвы. Ясно, что именно там король-бог замыслил уничтожить армию мятежников.

Фейр мог добраться туда за два дня. До рассвета еще два часа. Как халидорцы считают дни — от полуночи или от восхода солнца? Два дня — это два? Или три?

Фейр чертыхнулся. Он взломал тайный шифр на чужом языке, но не способен посчитать до трех. Здорово.

Сигнальный жезл засветился желтым, чего еще не делал раньше.

— Вюрдмайстер Лорус, доложите... О нет!

Жезл мигал:

— Почему... идете... на юг?

Фейр побледнел. Выходит, жезл не только позволял держать связь, но и передавал его координаты. Хорошего мало.

— Наказание... когда вернетесь. Решат, как наказать, когда вернусь?

— ...Лантано... по слухам... рядом с вами. Не замечали?

Фейру захотелось схватить свое невежество за шкуру и вытрясти из него всю душу. Что там, по слухам, рядом с ним?

— Вюрдмайстер! Лорус?! Если ответа не последует...

Фейр закинул жезл подальше и бросился наутек. Ничего. Прошла минута. Ничего. Когда он почувствовал себя глупо, сигнальный жезл взорвался с такой силой, что стряхнул снег с деревьев в ста шагах.

«Ну вот, теперь проснутся соседи».

Соседи. Неуютная мысль. И что за Лантано? Вроде знакомое имя.

Фейр взобрался на скалистый холм неподалеку, чтобы лучше видеть окрестности. Лучше бы не видел. В четырехстах шагах к югу лагерем стояла армия. Числом, возможно, тысяч шесть. Еще тысячи четыре добавляло обычное сопровождение: жены и ветеринары, кузнецы и проститутки, повара и слуги.

На флагах армии виднелся черный вертикальный меч на белом фоне: символ Лантано Гаруваши. Теперь Фейр вспомнил: генерал, который не знал поражений. Сын незнатной семьи, выигравший шестьдесят дуэлей. Иногда, если верить историям, ради интереса дрался деревянными учебными мечами против стальных клинков.

Отряд из десяти всадников мчался в сторону Фейра. За ними следовала по меньшей мере еще сотня.

53

Кайлар открыл глаза в незнакомой комнате. Ничего необычного. Маленькая, тесная и грязная. Постель воняла так, будто солому не меняли двадцать лет. Сердце учащенно забилося. Что дальше?

— Успокойся, — сказала Мамочка К., подойдя к постели.

Несомненно, дом-укрытие. Судя по запаху, на северной стороне Крольчатника.

— Как долго? — хриплым голосом спросил Кайлар. — Как долго я был без сознания?

— Рада тебя видеть, — улыбнулась Мамочка К.

— Сутки с половиной, — послышался мужской голос.

Кайлар сел. Вот так сюрприз. Генерал Брэнт Агон.

— Похоже, новая огромная стена вокруг города — не единственное, что изменилось.

— Удивительно, чего могут добиться недомерки, затевая что-то созидательное, — заметил Агон.

Он опирался на костыль и двигался так, словно у него болело колено.

— Приятно тебя видеть, Кайлар, — сказала Мамочка К. — Уже поползли слухи, что ночной ангел убил Хью Висельника, но только моя стража знает, что это был ты. Они со мной уже давно. Не проболтаются.

Значит, его не опознали и все пока в тайне. Впрочем, расслабляться нельзя. Он явился издалека, летел быстрее ветра и пожертвовал так многим лишь с одной мыслью.

— Что вы знаете о Логане?

Мамочка К. и Агон переглянулись.

— Он мертв, — сказала Мамочка К.

— Нет, жив, — возразил Кайлар.

— По нашим проверенным данным...

— Он жив! Чтобы сказать мне об этом, Джарл прошел весь путь до Кернавона.

— Кайлар, — сказала Мамочка К. — Халидорцы узнали о Логане еще вчера. Наверняка его либо убил сокамерник, либо он бросился в Дыру, чтобы избежать мести короля-бога.

— Я этому не верю.

«Вчера? Пока я спал? Неужели я был так близко?»

— Мне очень жаль, — сказала Мамочка К.

Кайлар встал и на полу, в изножье кровати, нашел свежий комплект серых одежд мокрушника. Начал одеваться.

— Кайлар! — окликнула Мамочка К.

Он не обратил внимания.

— Сынок, — вмешался Агон. — Пора открыть глаза. Никому не нравится, что Логан мертв. Для меня он был как родной. Ты не можешь его вернуть, зато способен сделать то, что не под силу никому другому.

Кайлар натянул тунику.

— Дайте-ка угадаю, — горько сказал он. — Вы двое, похоже, уже смекнули, как использовать мои *таланты*?

— Через несколько дней армия Тэры Грэзин встретится с армией короля-бога к северу от Паввилс-Гроув. Она придет туда первой и будет иметь преимущество в численности и выборе позиции, — сообщила Мамочка К.

— И в чем вопрос?

— В том, что король-бог стремится к битве. Казалось бы, после Нокта Хемата он должен осторожничать вдвойне, однако лезет в самое пекло. Кайлар, наши шпионы ловят лишь намеки, но я уверена, что это западня. Тэра Грэзин слушать ничего не будет. Она решила не ввязываться в драку до тех пор, пока король-бог не подарит ей сражение, в котором невозможно проиграть. Ну вот, дождалась. Теперь ее ничто не остановит. Мы знаем только то, что он готовит что-то магическое. Неслыханно.

— Что вы говорите? — хмыкнул Кайлар.

— Мы хотим тебя нанять, Кайлар, — сказала Мамочка К. — Совершить убийство, достойное ночного ангела. Мы хотим, чтобы ты убил короля-бога.

— Да вы с ума сошли.

— Ты будешь легендой, — добавил Агон.

— Лучше все-таки живым.

Наваждение какое-то. Именно этого от Кайлара хотели, прежде чем он покинул город. То, о чем просил Джарл, заплатив жизнью. Убить короля-бога. Искупить всю боль и ненужность тренировок. Одно убийство, и можно повесить меч на гвоздь, радуясь, что сделал больше, чем предназначено. Убийство, которое спасет тысячи жизней. Похоже, это судьба.

— Пусть даже Логан жив. Какой смысл его спасать, лишая при этом всякой надежды вернуть королевство? — спросил Агон. — Если выдержал так долго, протянет и еще денек-другой. Убей короля-бога и спаси королевство, затем отправляйся на поиски нашего короля.

Кайлар выбрал оружие из обширного арсенала, приготовленного Мамочкой К., и молча разместил по всему телу.

— Ты всех нас обрекаешь на смерть, — в сердцах бросил Агон. — За ту силу, которая в тебе, я бы отдал жизнь, а ты не хочешь помочь. Будь ты проклят!

Генерал резко повернулся и, хромая, вышел из комнаты.

Кайлар взглянул на Мамочку К.

— Я тоже рад тебя снова видеть, — сказал он и глубоко вдохнул. — Ули осталась с Эленой. У них все будет хорошо. Оставил им денег столько, что до конца жизни хватит. Элена ее полюбит. Я сделал все, что мог... Джарл...

Внезапно на глаза навернулись горячие слезы.

Мамочка К. взяла Кайлара за руку, и он опустил глаза.

— Знаю, говорить об этом нет смысла, — сказал он. — Тем не менее я поклялся, что забуду прежнюю работу, и нарушил обет только ради Логана. Это стоило мне любви Элены и доверия Ули. Я покинул их не для того, чтобы забрать чью-то жизнь, а, наоборот, спасти. Понимаешь?

— Знаешь, кого ты мне напомнил? — ответила Мамочка К. — Дарзо. Когда тот был моложе. До того, как потерял дорогу в жизни. Он бы тобой гордился, Кайлар. И я... тоже тобой горжусь. Хотелось бы верить в то, что судьба не будет столь жестокой и не заставит тебя пожертвовать всем, только чтобы найти Логана мертвым, но во мне такой веры нет. Тем не менее скажу, во что я верю. Я верю в тебя.

Она крепко обняла Кайлара.

— Ты совсем другая, — заметил он.

— Это все твоя вина, — пошутила она. — К новой встрече я состарюсь.

— Мне это даже нравится.

Мамочка К. взяла в ладони его лицо и поцеловала в лоб.

— Иди, Кайлар. И пожалуйста, возвращайся.

Логан засыпал дважды, всякий раз ожидая, что уже не проснется. Еды нет, но тело Фина он ни за что не тронет. Логан перестал ощущать густой запах едкого воздуха. Перестал замечать легкие гримасы огорчения у Зубастика. Кровь запеклась, но было слишком поздно. Силы его покинули.

Когда Зубастик помог ему сесть спиной к сталагмиту, Логан увидел во мраке, не далее чем в десяти футах, еще один раздробленный труп. Наташа Грэзин. Теперь крики плакальщиков ее не пугали. Несмотря на искалеченное тело, лицо было спокойным. Глаза не обвиняли — в них застыла пустота.

Все чувства словно умерли. Ничто не пробуждалось в Логане, кроме простого сожаления. Ему было жаль Наташу, которая даже не рассказала, как здесь очутилась. Жаль всего, чего больше никогда не сделает. Он никогда по-настоящему не жаждал трона. Всегда подозревал, что быть королем куда труднее, чем это выглядит со стороны. В Дыре Логан иногда жалел, что его не запомнят, как совершившего что-то важное.

Теперь, привалившись спиной к сталагмиту, который однажды замурует его в склеп навеки, он желал чего попроще. Скучал по солнечному свету. Запаху травы. Освежающему дождю. Скучал по женщине. По Сэре Дрейк и ее банальным речам. По жене. Дженин была такая юная, прелестная, смышленная. Бриллиант, который он нашел и потерял навсегда. Скучал по Кайлару, его лучшему другу. Еще один бриллиант, которого он лишился.

Логан хотел любви, детей, мечтал управлять имением. Простая жизнь, большая семья и несколько близких друзей. Это принесло бы ему то бессмертие, к которому он стремился.

Какое-то время он молился старым богам. Все равно делать нечего, да и с Зубастиком не очень-то поговоришь. Старые боги отмалчивались. Он даже молился единому богу графа Дрейка, хотя сомневался: разве можно молиться богу всего, что ни есть на свете? С чего вдруг ему станет интересно? Логан отказался. В основном он старался не думать о боли. Логан почти закрыл глаза, чтобы попытаться снова умереть — или заснуть, какая разница? — когда Зубастик завыл. Высоко, пронзительно, раздражающе. Ничего подобного он еще не слышал.

Расселина изрыгнула едкий дым, и Логан мельком увидел фигуру, которую окутали мрак и густое облако. Когда облако рассеялось, из него шагнул демон.

Впервые Логан видел, что Зубастик струсил. Он попятился и съезжился рядом с Логаном, поскуливая. Однако дальше отступать не посмел. Верность простака не знала границ.

Демон медленно пошел вперед; горящие синие глаза буравили Логана. Плакальщик? Или смерть таки пришла за ним? Логан ее не боялся.

— Ну вот и ты, приятель, черт возьми, — сказала смерть знакомым голосом. — Уже решил, чтобы найти тебя, придется лезть на самый верх, в Дыру.

— Ты кто такой? — прохрипел Логан.

Лицо демона замерцало и расплавилось в физиономию Кайлара. Логан был уверен: он все-таки сошел с ума.

— О лице забыл. Прости, — сказал Кайлар, чуть усмехаясь, чтобы скрыть беспокойство. — Черт! Выглядишь как самая южная оконечность лошади, привязанной мордой к северу.

О боги! Одна из старых присказок Логана в прошлом, когда он знал едва ли десятую часть ругательств, которые выучил в Дыре.

Кайлар снова ухмыльнулся.

— А это кто такой большой и важный?

Зубастик дрожал как осиновый лист, и даже Логан не мог сказать, от гнева или от страха.

— Это ты? Мне не мерещится? — спросил Логан.

— Явился спасти положение.

Когда Логан не ответил, Кайлар приблизился и осмотрел друга; его лицо помрачнело.

— Гм, никак очередное чудо? До сих пор живой, — удивленно заметил он.

Когда Кайлар помог ему встать на ноги, Логан почувствовал, что сознание уплывает. Он смутно понимал: Кайлар говорит, не давая ему провалиться в забытие. Логан делал все, чтобы слушать только голос Кайлара, не внимая голосу боли и зову смерти.

— ...Потому что сейчас, черт возьми, почти невозможно проникнуть в Утробу. Не то что в старые времена... ходят слухи, будто кто-то или что-то надумало здесь устроить себе резиденцию. Именно резиденцию, точно Утроба — это дворец, никак не меньше.

— Хали... — прошептал Логан.

Кайлар вел их в глубь Утробы. Логан снова оступился, а когда открыл глаза, то обнаружил, что привязан к его спине. Что-то здесь не так. Хоть и потерял он изрядно в весе, Кайлар не должен был нести его так легко. Кайлар уходил вниз все дальше и дальше. Ни тропинки, ни светящегося мха. Тем не менее Кайлар шагал уверенно и продолжал говорить, отгоняя страх Логана перед тьмой.

— ...Однажды был уже в шахтах и запомнил, как дымовые трубы уходят прямо к центру земли. Я подумал: и Утроба, и вентиляционные каналы идут вниз. К тому же они рядом друг с другом. Что, если спуститься глубже? Может, туннели соединяются? Видел когда-нибудь эти трубы в шахтах, Логан? Чистый металл; устремляются строго вниз, будто в вечность. Большие, как у ветряных мельниц, крылья ловят восходящий поток и вращаются. Я решил, можно спуститься или быстро, или медленно. Ты меня знаешь; догадайся, что я выбрал? Взял щит, который сделал чуть похожим на санки — с ручным тормозом, чтобы хоть немного рулить... Адова вышла, скажу тебе, прогулка. Почти до самого конца. Хорошо еще, что потерял скорость перед последним вентилятором. Уверен, что вращался он быстрее, чем надо. Жаль тех бедолаг, которым предстоит спускаться вниз, чтобы его чинить.

Затем Кайлар остановился, глубоко вдохнул.

— Врать тебе не собираюсь. Сейчас будет хреново. Дальше придется плыть под водой. Это граница, Логан. То, что разделяет Дыру и шахты. Вода горячая и плотная; ощущение такое, словно тебя похоронили. Обещаю: если сумеешь пройти через эту смерть, выйдешь заново рожденным. Только удержи дыхание, остальное — моя забота.

— Зубастик... — прошептал Логан.

— Зубастик? Ах, этот здоровяк? Ну, Логан, судя по его физиономии, он не очень-то любит воду.

Логан не видел Зубастика. Здесь, внизу, было не просто темно. Полный мрак. Даже не более светлая темнота. Жесткая, всеобъемлющая тьма, хоть глаза выколи. Жаркая и влажная, тяжелая и угнетающая тьма, которая проникала в самые легкие. Он не представлял себе, как Кайлар умудряется видеть Зубастика, но здесь он его не бросит.

— Ты... вернешься забрать его? — спросил Логан.

Наступила долгая тишина.

— Да, мой король, — наконец ответил Кайлар.

— Я... я готов.

— Главное, считай. Я проплывал где-то за минуту. Вместе, наверное, чуть дольше. Минуту?

— Прежде чем нырнем... Логан, прости. За все, что случилось. Здесь во многом моя вина. Прости, что не сказал, кто я. Жалею, что не прикончил Тенсера, когда выпал шанс. Мне... просто жаль.

Логан промолчал. Он не мог найти слов и сил, чтобы оценить Кайлара по достоинству.

Кайлар ждать не стал. Он сделал несколько глубоких вдохов, и Логан последовал его примеру. Еще миг, и они вместе нырнули в воду. Логан прижался к Кайлару, стараясь делать тело обтекаемым и не попадаться под гребки.

Вода просто обжигала. Кайлар цеплялся за скалы, чтобы погрузиться глубже, — тем не менее двигались они быстро. Логану даже казалось, что быстрее, чем возможно под водой. Он знал, что Кайлар силен: они боролись вместе, проводили спарринги. Однако при той массе, которую Кайлар пробивал в толще воды, скорость была невероятная.

Десять. Одиннадцать. Вода жестко давила со всех сторон. В глубине души Логан восхищался тем, что Кайлар уже сделал в одиночку. Ведь он не знал наверняка, что туннели соединяются или как долго придется плыть. На четырнадцатой секунде легкие Логана уже горели.

Он держался, не слишком напрягаясь, чтобы не тратить силы. Боль — ничто, уверял он себя.

Спустя двадцать секунд Логан ощутил, что плывет горизонтально. Непонятно, что за чувство подсказало ему это. Кажется, вошли в туннель. Узкий, судя по тому, как двигался Кайлар.

Сорок. Сорок одна. Воздух давил на глотку, умоляя, чтобы выпустили. Отчаянно барабанил. Ну чуть-чуть бы, только маленькую щелку.

На счете «пятьдесят» они застряли. Движение вперед внезапно прекратилось. Потрясенный, Логан приоткрыл веки. Кислый, горячий раствор мигом впился в глаза, и он кашлянул. Огромный пузырь вырвался из легких, унося с собой живительный воздух.

Кайлар все тащил и тащил. Логан почувствовал, как что-то рвется: то ли истрепанная туника, то ли кожа. Затем они продолжили движение.

Воздуха в легких почти не осталось. Кайлар снова плыл с невероятной скоростью, но по-прежнему не вверх.

Логан ощутил, что Кайлар поворачивает, но всплывать не торопится. Вместо этого он яростным движением, освещенным голубым светом магии, выхватил из-за пояса короткий меч. Логана бросало в разные стороны, пока Кайлар рубил и колол нечто, сверкавшее в воде подобно серебряной молнии.

Больше Логан выдержать не мог никак. Кайлар начал подъем, но ждать еще двадцать секунд невыносимо. Слишком долго терпеть.

На шестьдесят седьмой секунде он выпустил последний воздух.

Они всплывали так быстро, что Логан ощущал, как воздух бьет его по лицу. Вот и пузырь. Пронесли мимо.

Легкие горели. Он не вытерпел и вдохнул.

Жгучая вода ворвалась в легкие. За нею — воздух. Логан все кашлял, и горячий, едкий раствор заполнил рот, прожег носовые пазухи. Однако спустя миг его вытеснил холодный свежий воздух.

Кайлар отвязал его и осторожно уложил на землю. Логан лежал на спине и дышал, дышал. Было по-прежнему темно, но высоко над головой, выше металлических труб и шахты, он увидел мерцающий свет далеких факелов. После мрачных вод он словно шагнул во вселенную света.

— Мой король, — сказал Кайлар. — В воде живет нечто. Какая-то ужасная гигантская ящерица. Если сейчас отправлюсь обратно, то не знаю, вернусь ли. Ты в одиночку не

справишься. Без меня здесь умрешь. По-прежнему ли ты хочешь, чтобы я спас простака?

Логана подмывало сказать «нет». Он важнее для королевства, чем Зубастик. И боялся остаться один. Жизнь вдруг стала такой близкой, и умирать не хотелось.

— Прости, Кайлар. Я не могу его бросить.

— Ты должен был извиниться, только если попросил бы его оставить, — возразил Кайлар и нырнул в воду.

Он исчез на целых пять мучительных минут. Когда же прорвался на поверхность, то плыл с такой бешеной скоростью, что его буквально вынесло в воздух. Кайлар приземлился на ноги. Сделав из веревки упряжь, он тащил за собой Зубастика. Перехватил веревку и стал быстро вытягивать ее.

Зубастик пулей вылетел из воды, затем глубоко вдохнул и улыбнулся Логану.

— Хорошо держу дыхание! — гордо заявил он.

Когда за их спинами нечто огромное выпрыгнуло из воды, Кайлар схватил Логана в охапку. Что-то с размаху ударило в него, и всех троих опрокинуло навзничь.

Пещеру осветило радужно-голубое сияние, исходившее от Кайлара. Мечась от сталагмита к сталагмиту, он крутил сальто в воздухе, непредсказуемо менял направление. От страха у Логана словно ком застрял в горле. С чем бы Кайлар ни дрался, оно было внушительно. Огромные перепончатые лапы крушили сталагмиты точно тростинки. Логан свернулся калачиком; повсюду дождем летели камни. Из пасти чудища, видимой, когда его зубы и глаза отражали голубое пламя Кайлара, мощно вырывался воздух. Серебристо-зеленый свет то вспыхивал, то гас.

Самый ужас заключался в том, что Логан ничего не видел. Яростная битва кипела в двух шагах, а он ничего не мог поделать, даже наблюдать. Слышал только звон и догадывался, что это меч Кайлара отскакивает от шкуры зверюги. Не представлял, как вообще Кайлар дрался с ней в кромешной тьме, и не надеялся ввязаться сам. Даже не знал, велико ли чудище и как выглядит.

Он потерял Кайлара из виду — возможно, тот исчез, замерев, поскольку, фыркая, насторожился и зверь. Мотая огромной головой, чудище принялось.

Внезапно оно ринулось к Логану и Зубастiku. Логан выбросил руки, и пальцы заскользили по липкой шкуре. Кругом летали обломки сталагмитов. Затем чудище осадило назад и повернуло голову. В зеленых глазищах холодных, как мрамор, расцвел серебристый лунный свет.

Скользкое рыло коснулось щеки Логана. Зверюга все сопела и фыркала. Пальцы Логана нащупали обломок сталагмита. Движение привлекло внимание чудища. Огромный кошачий глаз повернулся к нему, взгляд сосредоточился.

Логан всадил в глаз зазубренный камень и провернул взад-вперед. Зелено-серебристый прожектор плеснул на Логана кровью. Глаз потух, точно задули свечу, и жуткий вой наполнил пещеру, возвращаясь дальним эхом. Спустя миг темная неясная фигура промелькнула мимо Логана, атакуя ослепший глаз.

Зверь снова пронзительно взвизгнул и метнулся назад. Послышался мощный всплеск, и все затихло.

— Логан. — Голос Кайлара дрожал от нервной встряски. — Это... была Хали?

— Нет. Хали... другая. Гораздо хуже. — Логан неуверенно рассмеялся. — Это всего лишь дракон.

Он снова засмеялся, как человек, лишившийся рассудка. Свет кругом померк.

Когда Логан очнулся, все трое были связаны упряжью и Кайлар поднимал их веревкой, очевидно, перекинутой через ворот наверху. Они поднимались по центральному дымоходу шахт — огромной металлической трубе диаметром в тридцать шагов. Вентиляторы не вращались. Как только Кайлар со всем этим управился?

Путешествие заняло несколько минут, и все время Логан ощущал, что руку жжет и покалывает — там, куда пролилась кровь чудища. Смелости взглянуть не хватало.

— Здесь человек, который мне помог, — сказал Кайлар. — Са'каге теперь один из

самых важных союзников, мой король. Возможно, единственный.

Через несколько минут они достигли уровня, где трубы шли горизонтально. Кайлар с величайшей осторожностью развязал Логана, потом Зубастика. Обрезал веревки, и те упали в бездну. Кайлар повел их вдоль сужающегося горизонтального участка. Беглецы дошли до двери, и Кайлар постучал три раза.

Дверь открылась, и Логан столкнулся лицом к лицу с Горхи.

— Логан, встречай нашего парня, — сказал Кайлар. — Горхи, твои деньги...

— Ты! — бросил Горхи с той же ненавистью, которую испытывал и Логан.

— Убей его! — прохрипел Логан.

Горхи выпучил глаза. Схватился за свисток, который носил на шее, однако поднести его к губам не успел: голова слетела с плеч. Труп упал беззвучно.

Так быстро и так легко. Кайлар оттащил тело вниз по дымоходу, чтобы сбросить в шахту, и вернулся через минуту.

Логан только что отдал приказ о первой казни. Кайлар не спрашивал, что да почему. Это было жутко и ужасно. Но, как ни странно... замечательно. Вот что значит власть.

— Ваше величество, — произнес Кайлар, открывая дверь из шахты, из кошмара. — Королевство ждет вас.

54

Когда Калдроса Уин и еще десять девушек «Трусливого дракона» вышли из дома-укрытия Мамочки К., Крольчатник изменился. В воздухе царил нервное возбуждение. Нокта Хемата завершилась триумфом, однако последствия были не за горами. Это знали все. Мамочка К. предупредила девушек, что надо покинуть подземное убежище — его тайна раскрыта. Хорошо еще, что ночной ангел спас их от кровавой расправы Хью Висельника.

До Калдросы и раньше, сразу после вторжения, доходили слухи о ночном ангеле, только она им не верила. Теперь все девушки знали: он реально существует. Своими глазами видели труп Хью Висельника.

Мамочка К. сообщила девушкам, что тайно вывезет их из города. Постарается как можно быстрее, но это займет время. Все-таки триста женщин. Группу Калдросы Уин предполагалось выводить сегодня ночью. Мамочка К. сказала им, что если хотят остаться в городе, если есть куда вернуться — к мужьям, любовникам или в семью, — то на место сбора приходить не нужно. Только и всего.

Крольчатник выжидающе притих, когда женщины проходили к дому-укрытию. По-прежнему одетые в богатые наряды проституток, они, конечно же, бросались в глаза. Среда бела дня, на открытых улицах задумки мастера Пиккуна смотрелись непристойно. Что еще хуже, кое-где на костюмах бурыми мазками засохла кровь.

Однако стражников женщины не встретили, и вскоре стало ясно, что халидорцы еще не вошли в Крольчатник. Жители поглядывали на них странновато. Дорогу в одном из переулков перегородило здание, рухнувшее во время Нокта Хемата, что заставило Калдросу Уин с другими девушками идти напрямик через рынок Дурдун.

Рынок жужжал как улей, и только перед недавними шлюхами будто катилась волна тишины. Все как один провожали их взглядами. Девушки стиснули зубы и приготовились к насмешкам, которые, несомненно, вызовет их одежда. Однако вокруг молчали.

Дородная жена рыбака наклонилась через прилавок и сказала:

— Девочки, вы заставили нас гордиться собой.

Одобрение застало их врасплох, точно пощечина. Везде было одно и то же. Люди признательно кивали, здороваясь. Даже те женщины, которые неделю назад порицали шлюх, несмотря на то что завидовали их легкой жизни и приятной внешности. Хоть и ждали Кролики, когда король-бог раздавит их, они сохраняли единство. А в ту ночь Кроликов удивила собственная храбрость.

Чудесная в своем одиночестве двухдневная дорога в Сенарию имела лишь один недостаток. Да, не было рядом противного ребенка и деспотичной колдуньи. Никакой словесной перепалки и унижений. Тем не менее время предоставило Ви возможность увидеть, как хрупки ее планы.

Сначала она решила ехать к королю-богу. Минут пять казалось, что план отличный. Ви расскажет ему, что Кайлар убит. И Джарла тоже нет в живых. Затем назначит цену золотом и отправится восвояси.

Ага. Как же. Слишком уж определенны догадки сестры Ариэль о заклании, наложенном на Ви. И более чем правдоподобны. Ви будет на поводке, не важно, коротком или длинном. Гэрот Урсуул обещал ее сломать. Такое он не забывает.

По правде говоря, Ви уже ощущала себя разбитой, стала нервничать. Одно дело, когда скверно на душе от убийства Джарла. Друга, который никогда не домогался ее тела. Не угрожал — ни физической расправой, ни сексуально.

Кайлар — совсем другое дело. Даже сейчас, медленно проезжая по улицам Сенарии, Ви продолжала о нем думать, скрыв лицо под капюшоном. Ей было искренне жаль, что он мертв. Даже грустно.

Кайлар был чертовски хорошим мокрушником. Одним из лучших. Убит стрелой, возможно, из засады. Обидно! Даже не мокрушник мог бы увернуться.

— Ничего не поделаешь! — вслух сказала Ви. — Это может случиться с каждым. Заставляет понять, что ты сама тоже смертна. Просто обидно.

Нет, не просто. Она знала, что чувствует совсем иное. Кайлар привлекателен. Или обаятелен?

Ули, вот кто виноват. Все болтала и болтала о том, какой он герой. Проклятье!

Кайлар был мокрушником, но как-то ухитрился бросить это дело и стать приличным человеком. Может, и ей удастся, если он сумел?

Да, Кайлар был мокрушником, но ведь не шлюхой. «По-твоему, он способен такое понять? Простить? Давай, Ви, теряй голову. Реви, как маленькая девочка. Притворись, что ты могла бы стать Эленой и потихоньку жить в уютном гнездышке. Маленький дом и маленькая жизнь. Не сомневаюсь, было бы очень забавно кормить грудью отпрысков и вышивать детские одеяльца. Честно говоря, у тебя даже не хватило смелости признать, что ты влюбилась в Кайлара еще до того, как узнала, что он заведомо покойник».

Все, что Ви всегда ненавидела в женщинах, теперь вдруг пробудилось в ней самой. Во имя Нисоса, она даже скучала по Ули. Как какая-нибудь мамаша.

Ви сидела на лошади у входа в лавку Дриссы Найл. Сука-ведьма утверждала, что Узоры опасны, но Дрисса может освободить ее от магии короля-бога. Глядя на внешне скромную лавчонку, Ви подумалось, что лучше бы поставить на короля-бога. Верные деньги.

Он сделает ее рабыней. А Дрисса Найл либо освободит, либо убьет.

Ви вошла. Пришлось ждать полчаса, пока чета Найлов — оба тщедушные, в очках — занималась мальчиком, который рубил дрова и хватил топором по ноге. Когда родители забрали его домой, Ви сказала, что ее прислала сестра Ариэль. Найлы мгновенно закрыли лавку.

Дрисса усадила ее в одной из комнат для больных, пока Тевор отодвигал секцию крыши, чтобы впустить солнечный свет. Супруги были похожи друг на друга: невысокие и толстенные, в мешковатых одеждах. Каштановые волосы с сединой, прямые, как солома. Очки и серьги, по одной у каждого. Они двигались с легкой фамильярностью, навеянной долгим супружеством, однако Тевор явно полагался на жену. Обоим было за сорок.

Они сели по обе стороны от Ви, сцепив руки за ее спиной. Дрисса положила свободную ладонь на шею Ви, а Тевор взял пальцами за предплечье. Ви ощутила холодное поглаживание в коже.

— Откуда ты знаешь Ариэль? — спросила Дрисса, проницательно взглянув на нее сквозь очки.

Тевор, казалось, целиком ушел в себя.

— Она убила мою лошадь, чтобы я не попала в лес Эзры.

Дрисса кашлянула.

— Я так понимаю...

— Гваах! — вскричал Тевор.

Он отпрянул назад и упал со стула, ударившись затылком о камин.

— Ничего не трогай!

Тевор вскочил на ноги так же быстро, как и упал. Ви и Дрисса уставились на него, сбитые с толку. Он потер затылок.

— Клянусь сотней богов, я чуть не сжег нас всех дотла. — Тевор сел. — Дрисса, взгляни на это.

— Ой! — вспомнила Ви. — Ариэль говорила, что в Узоре есть несколько интересных ловушек.

— Что ж раньше-то молчала? — возмутился Тевор. — Интересных? Она называет это интересным?

— Ариэль сказала, вы лучше всех справляетесь с тонкими Узорами.

— Так и сказала? — Тевор мгновенно преобразился.

— Ну, точнее, что Дрисса.

Он всплеснул руками.

— Конечно, кто ж еще. Сестры, черт их подери, и на секунду не признают, что мужчина способен быть не хуже.

— Тевор! — одернула Дрисса.

— Да, дорогая?

— Я это не вижу. Можешь приподнять?..

Она разом выдохнула.

— Ну и ну! Подумать только! Да, не поднимай.

Тевор не ответил. Ви обернулась, чтобы посмотреть на выражение его лица.

— Дитя, будь добра, сиди тихо, — заметила Дрисса.

Десять минут они работали молча. Или, по крайней мере, так думала Ви. Не считая чего-то похожего на легкие прикосновения к позвоночнику, она ничего не ощущала. Наконец Тевор удовлетворенно хрюкнул.

— Вы закончили? — спросила Ви.

— Закончили? — удивился он. — Мы и не начинали. Я осматривал повреждения. Интересно ли? Я бы сказал, да. Основное заклятие прикрывают три побочных. Их я снять могу. Если ломать последнее, будет больно. Очень больно. Хорошо, что ты пришла к нам. Плохо другое — тронув Узор, я его надорвал. Если не управлюсь примерно за час, тебе разнесет голову. Могла бы и сказать, что заклятие накладывал вюрдмайстер, не иначе. Есть еще сюрпризы?

— Что собой представляет основное заклятие? — спросила она Дриссу.

— Заклятие принуждения, Ви. Тевор, продолжай.

Муж вздохнул и снова ушел в себя. Казалось, что он не может вымолвить и слова, пока занят работой. Дриссе, напротив, это не мешало. Ее руки слабо засветились.

— Скоро, Ви, будет больно, и не только физически. Мы не в силах лишить тебя чувств, потому что в том участке мозга стоит ловушка. Обычно любой лекарь первым делом бы тебя обезболит, что привело бы к смертельному исходу. Теперь сиди тихо.

Мир вспыхнул белым и таким остался. Ви ослепла.

— Слушай, Ви, мой голос, — подсказала Дрисса. — Расслабься.

Ви дышала часто и неглубоко. Внезапно мир вернулся. Она снова могла видеть.

— Еще четыре раза, и снимем первое заклятие, — пояснила Дрисса. — Будет легче, если закроешь глаза.

Ви зажмурилась.

— Гм. Значит, принуждение, — сказала она.

— Именно, — отозвалась Дрисса. — Магия принуждения крайне ограничена. Чтобы

заклятие держалось, тот, кто его накладывает, должен иметь власть над тобой. Ты все время чувствуешь, что должна ему повиноваться. Хуже всего, если это родитель или наставник. Либо генерал, если служила в армии.

Или король. Или бог. Проклятье!

— Впрочем, — сказала Дрисса, — хорошо уже то, что ты можешь избавиться от принуждения, если избавишься от человека, который тебя удерживает.

— Блестяще! — воскликнул Тевор. — Просто блестяще! Больной и безумный, но гений. Видела, как он прикрепил ловушки к ее собственному глору вирден? Он вынуждает ее поддерживать *его* заклęcia. Ужасно неэффективно, и все же...

— Тевор!

— Верно. За работу.

Живот Ви свело судорогой, будто ее тошнило. Когда ощущение прошло, она спросила:

— И как от него избавиться?

— От заклęcia? Надеюсь, сможем его снять к полудню. Хотя оно мудреное. Если начать распутывать с другого боку, станет только крепче.

— Почему... — Судорога в животе не позволила Ви закончить вопрос.

— Женщинам-магам запрещено использовать принуждение, но мы учимся защищать себя. Чтобы избавиться от заклęcia без нас, нужен внешний признак внутренних перемен. Символ, который покажет, что ты изменила объект своей преданности. Его тоже придется защитить, как только наденешь белое платье и кулон.

Ви тупо посмотрела на Дриссу.

— Когда поступишь в Часовню, — пояснила та. — Ты ведь намерена поступить в Часовню?

— Кажется, да, — пробормотала Ви.

Она не думала о будущем всерьез, только ведь в Часовне король-бог ее не достанет.

— Два! Ха, — победно сказал Тевор. — Расскажи ей о Пулетте Викрасин.

— Тебе нравится эта история, потому что она рисует Часовню в невыгодном свете.

— Ой, да ладно тебе, — сказал Тевор.

Дрисса закатила глаза.

— Короче говоря, двести лет назад глава одного из орденов использовала принуждение среди подчиненных, и те ничего не знали, пока одна из магинь, Пулетта Викрасин, не вышла замуж за мага. Новая верность мужу разбила принуждение, и нескольких сестер потом жестоко наказали.

— Самый худший пересказ, который я когда-либо слышал, — оценил Тевор и посмотрел на Ви. — Тот брак не только, вероятно, спас Часовню, но и уверил старых дев с заскоками, что женщина, которая выпит замуж, никогда не будет до конца преданна Часовне. С нетерпением жду, когда соберутся рабыни, и...

— Тевор! Ты опять за свое? — оборвала Дрисса, и толстячок вернулся к работе. — Прости, но скоро ты с лихвой узнаешь о политике Часовни. Тевор до сих пор простить не может, как со мной обращались после нашей свадьбы. — Она потянула за сережку.

— Так вот что они означают?! — воскликнула Ви.

Неудивительно, что она видела столько сережек в Уэддрине.

Обручальные серьги-кольца.

— Да, и к тому же на несколько тысяч куинов облегчают кошелек. Женщинам кузнецы говорят, что кольца сделают их мужей более послушными, а мужчинам — что жены будут более... ну, скажем, влюбленными. Утверждают, что в древние времена мужчину с кольцом возбуждала только жена, никакая другая женщина. Можешь себе представить, как хорошо они продавались. Все это вранье. Может, когда-то именно так и было, но сейчас в кольцах едва хватает магии, чтобы гладко, без швов запечатались да не теряли блеск.

«О Нисос!»

Записка Кайлара Элене стала вдруг куда осмысленней. Ви украла не просто драгоценность — обещание мужчины любить вечно. Она вновь почувствовала тошноту, но

на этот раз, похоже, не от магии Тевора.

— Ну как, Ви, готова? Сейчас будет очень больно, и не только физически. Ты заново переживешь самый важный опыт общения с повелителем. Сдается мне, приятного будет мало.

«Хорошая догадка».

Помочь теперь могла только Дрисса Найл. Логан был совсем плох. Кайлар довольно легко забрал его с острова Вое, но это заняло время. На сколько его хватит?

Логан получил удар в спину, всевозможные порезы, особенно вдоль ребер и по руке — красные, воспаленные, полные гноя.

За два последних десятилетия немногие маги обосновались в городе, но Кайлар начал верить, что Часовня никогда не покидала ни один уголок мира. Он знал женщину, слывшую в городе знаменитым лекарем. Уж если кто и был здесь магом, так это она. И лучше бы ей его не огорчать: Логан отчаянно нуждался в лечебной магии. Особенно с той штуковиной на руке.

Кайлар не знал, что и думать. Видимо, она прожгла плоть. А самое странное, что упала на руку Логана не случайно, а четким рисунком, хотя кровь била фонтаном. Кайлар терялся в догадках: надо ли промыть ее водой, перебинтовать или что. Как бы не стало хуже.

И что это была за чертова зверюга? Кайлар вырвал ее клык, однако спасло его не только мастерство, но и изрядная удача. Если бы не множество сталагмитов в пещере, скорость чудища превзошла бы все способности Кайлара. Даже силой *таланта* он не смог пробить неуступчивую кожу. Догадывался, что слабое место — глаза, но тварь защитила их, прежде чем отвлечься на Логана и Зубастика. А как она неслась за ним под водой — тихий ужас! Видно, будет сниться всю оставшуюся жизнь.

Ну да не важно. Главное, он спас Логана! Это лучший поступок в его жизни. Логан заслужил спасение, и выручить его мог только Кайлар. Цель, искупившая все, чем он пожертвовал. Вот почему он ночной ангел.

Кайлар добрался до Крольчатника со своим странным грузом и переложил его в крытый фургон. Затем поехал к лавке Дриссы Найл.

Лавка находилась в богатейшем месте Крольчатника, сразу за Ванденским мостом, — довольно большая, с вывеской, гласившей: «Найл и Найл, целители» — над рисунком лекарского жезла для неграмотных. Как и Дарзо, Кайлар избегал этого места, опасаясь, что маг распознает его нутро. Теперь выбора не было. Он остановился во дворе, вытащил Логана из фургона и понес к черному ходу в лавку. Следом шел Зубастик.

Дверь была закрыта.

Легкий всплеск *таланта* — и задвижка взорвалась, дерево в щепки. Кайлар внес Логана.

В лавке от центральной приемной расходились несколько комнат. На грохот отлетевшей задвижки из комнаты для больных выглянул мужчина, и Кайлар мельком увидел двух женщин. До того как лекарь захлопнул дверь, они вели беседу. Быстрый взгляд подтвердил, что закрыт и парадный вход.

— Что вы делаете? — возмутился лекарь. — Сюда нельзя врываться.

— Какой, к черту, лекарь среди бела дня запирает двери? — спросил Кайлар.

Глянув лекарю в глаза, он понял, что тот не преступник, однако увидел и кое-что еще. Теплый зеленый свет, подобно лесу после бури, когда выходит солнце.

— Вы маг, — определил Кайлар.

Сначала он решил, что это просто ширма, мужчина-лекарь, которого Дрисса Найл использовала, чтобы отвести пытливые глаза от своих чудотворных способов лечения. Что ж, он ошибся.

Человек оцепенел. Он носил очки, и правая линза была намного сильнее левой, придавая внезапно округлившимся глазам перекошенный вид.

Он промямлил:

— Я не понимаю, о чем вы говорите...

Кайлар почувствовал, как его быстро коснулись в надежде прощупать, однако ка'кари защитил. Маг так и не смог закончить мысль.

— Вы для меня невидимы. Это... все равно что покойник. Черт!

— Так вы лекарь или нет? Мой друг умирает, — сказал Кайлар.

В первый раз взгляд человека в очках упал на Логана. Кайлар укрыл короля одеялом, чтобы оградить от любопытных.

— Да, — сказал маг. — Тевор Найл, к вашим услугам. Будьте любезны, положите его вон на тот стол.

Они зашли в пустую комнату. Тевор Найл отдернул одеяло и вскрикнул. Кайлар положил Логана на стол лицом вниз. Целитель разрезал обрывок туники — грязный, потный, с запекшейся кровью, — чтобы взглянуть на рану в спине. Он уже покачивал головой.

— Слишком много, — сказал он. — Я даже не знаю, с чего начать.

— *Вы* же маг, начните с магии.

— Я не...

— Еще раз соврете, клянусь, убью на месте, — предупредил Кайлар. — Зачем еще в столь маленькой комнате такой большой очаг? Зачем раздвижная крыша? Потому что вам нужен огонь или солнечный свет для магии. Говорить я никому не собираюсь. Вы должны исцелить этого человека. Посмотрите на него. Узнаете?

Кайлар перевернул Логана, отбрасывая лохмотья туники. Тевор Найл охнул. Только смотрел он не Логану в лицо, а на руку, где светился отпечаток.

— Дрисса! — крикнул он.

Кайлар услышал обрывок беседы женщин в соседней комнате.

— ...по-вашему? Что значит, по-вашему? Оно исчезло или нет?

— Мы совершенно уверены, что оно исчезло.

— Дрисса! — завопил Тевор.

Дверь в соседней комнате хлопнула, и затем в их двери появилось недовольное лицо Дриссы Найл. Морщинистое, как и у мужа. Оба маленькие, с ученым видом, в очках и бесформенной одежде. Кайлар и в ней не увидел налета зла, однако было явно и что-то особенное. Наверное, тоже магия.

Два мага поженились. В Сенарии. Странно, конечно. Тем более здесь. Кайлар мог только надеяться, что это самая счастливая из возможных странностей. Если два лекаря-мага не поставят Логана на ноги, больше никому.

Недовольство Дриссы миг исчезло, стоило ей увидеть Логана. Ее глаза широко раскрылись. Целительница встала рядом, переводя изумленный взгляд со светящейся руки налицо и обратно.

— Где он это подцепил? — спросила она.

— Вы можете ему помочь? — вопросом на вопрос ответил Кайлар.

Дрисса взглянула на Тевора. Тот покачал головой.

— Только не после того, что мы уже сделали. Вряд ли мне хватит сил. Тем более на это.

— Мы попробуем, — сказала Дрисса.

Тевор покорно кивнул, и Кайлар впервые заметил кольца в их ушах. Обе серьги золотые, парой. У эддринцы. В другое время обязательно спросил бы, действительно ли в чертовых кольцах есть чары.

Тевор раздвинул крышу, впуская солнечный свет пасмурного утра. Дрисса тронула дрова, уже сложенные в очаге, и они запылали. Найлы заняли места по обе стороны от Логана, и воздух над ними замерцал.

Кайлар собрал ка'кари, подтолкнул его к глазам. Все равно что почти слепому надели очки. Узоры над Логаном, едва заметные, стали вдруг видны отчетливо.

— Травы знаете? — спросила у Кайлара Дрисса и в ответ на кивок продолжила: — В большой комнате на верхней полке возьмите лист тантана, мазь из грубея, серебролист,

амброзию и белую примочку.

Через минуту Кайлар вернулся со всеми ингредиентами, прихватив и несколько других, считая, что помогут. Тевор бросил на них взгляд и кивнул. Похоже, говорить он не мог совсем.

— Хорошо, хорошо, — похвалила Дрисса.

Кайлар начал лечить травами да примочками, пока Найлы работали с Узорами магии. Он видел, что они раз за разом погружают в Логана Узор — плотный, как гобелен. Прилаживают его к телу. Поднимают, восстанавливают и снова погружают в тело. Особенно удивило Кайлара действие трав. Он никогда не думал, что обычные растения могут реагировать на магию. Тем не менее это было очевидно. Серебролист, который Кайлар закладывал в рану на спине, в секунды почернел. Раньше он не видел ничего подобного.

Кайлар словно наблюдал за танцем. Супруги работали в изумительной гармонии, однако Тевор начал уставать. Через пять минут он сник. Его части Узоров становились тонкими и непрочными. По бледному лицу струился пот. Он часто моргал и поправлял очки на длинном носу. Кайлар видел, что маг выдыхается, однако ничего не мог поделать. Легко критиковать танцора. Попробуй выйди, станцуй лучше. Вот бы так суметь! Он каким-то образом знал, что Дрисса каждый раз проделывала все меньше и меньше изменений в Логане, хотя у того оставались ужасные раны. Через исцеляющий Узор все тело казалось нездорового цвета. Кайлар дотронулся. Горячо.

Он чувствовал беспомощность. Ведь есть же *талант*. Даже после всех испытаний. И им можно поделиться. Он пожелал отозвать ка'кари, пожелал остаться беззащитным и влить всю магию в Логана. Хоть бы что.

«Бери же, чтоб тебя! Лечись!»

Логан не шевельнулся. Использовать магию Кайлар не умел; он даже не знал, как связать хоть какой-нибудь Узор, не говоря уже о таких сложных, которые делали Найлы.

Тевор глянул, извиняясь, на Кайлара и погладил его руку.

Касание — и по всей комнате вспыхнул свет. Он горел вне магического спектра, отбрасывая их тени на стену. Узоры над Логаном, провисшие и тусклые, сошедшие на нет еще мгновение назад, теперь ослепительно сияли. Руку Кайлара пронзил жар.

Тевор глотал воздух словно рыба на суше.

— Тевор! — крикнула Дрисса. — Используй это!

Почувствовав, как хлынул из него *талант*, Кайлар тут же ощутил, что вся магия через Тевора устремляется в тело Логана. Повлиять он ни на что не мог. Тевор безраздельно управлял его *талантом*. Кайлар понял, что Тевор может и убить, обратив против него силу магии. Вынужденный подчиниться, он не остановит мага.

Пот выступил на лице Дриссы, и Кайлар чувствовал, что маги работают лихорадочно. Они продирались Узором сквозь тело Логана, точно гребешком по спутанным волосам. Трогали сияющий — даже спустя часы — шрам на руке, но, как ни странно, ничего плохого не случилось. Такое они вылечить не могли. Целебная магия проходила мимо.

Наконец Дрисса вздохнула, и Узор рассеялся. Логан будет жить. Более того, возможно, он стал даже здоровее, чем когда спустился в Утробу.

Тем не менее Тевор не отпустил Кайлара. Он повернулся и пристально смотрел на него широко открытыми глазами.

— Тевор, — предостерегающе произнесла Дрисса.

— Кто вы? Вюрдмайстер? — спросил Тевор.

Кайлар попытался вытянуть ка'кари, чтобы разорвать связь, и не смог. Попробовал налить мускулы силой *таланта* — эффект тот же.

— Тевор! — повторила Дрисса.

— Ты видела? Нет, ты видела? Я никогда...

— Тевор, отпусти его.

— Дорогая, он мог испепелить нас обоих таким мощным *талантом*. Он...

— Значит, ты готов использовать против него его же собственную магию? После того,

как он тебе ее предоставил? Как на это посмотрят братья? Разве за такого человека я выходила замуж?

Тевор уронил голову и одновременно перестал держать *талант* Кайлара.

— Извини.

Кайлар весь дрожал от слабости. Все. Выжат как лимон. Пустота. Возврат контроля над *талантом* лишил его самообладания почти так же, как и его утрата. Будто два дня не спал. Энергии хватило лишь на радость оттого, что Логан справится.

— Пожалуй, нам лучше осмотреть вас и вашего незнатного друга. Таким ранам подойдет и более земное лечение, — сказала Дрисса и понизила голос: — Гм... король... должен очнуться сегодня вечером. Почему бы вам не пройти со мной в другую комнату?

Она открыла дверь, и Кайлар шагнул в приемную. Зубастик спал в углу, свернувшись калачиком. Прямо перед Кайларом стояла красивая стройная девушка с длинными рыжими волосами. Ви. Она пристально смотрела вдоль по лезвию меча. Клинок упирался Кайлару в горло.

Он потянулся за *талантом*, но тот выскользнул из пальцев. Слишком устал. Остановить ее больше нечем.

Глаза Ви покраснели и опухли, точно ее пропустили через центрифугу. Как и почему, Кайлару было невдомек.

Миг показался вечностью. Взгляд зеленых глаз Кайлар прочитать не смог, уловил только что-то безумное.

Ви сделала три размеренных шага назад — «вальдедочки», «отход мечника». Посреди комнаты она встала на колени, склонила голову, отбросив хвостик волос набок, и положила обнаженный меч себе на руки. Затем подняла его, предлагая Кайлару.

— Я вся в твоих руках, Кайлар. Сдаюсь.

55

Семь из одиннадцати проституток покинули дом-укрытие, чтобы узнать, нет ли у них семьи, где можно остаться. Шестеро вернулись в слезах. Теперь одни из них вдовы, а других просто отвергли мужья, любовники и отцы, которые видели перед собой только шлюх. Позор.

Храбрость изменила Калдросе, а ведь она, не дрогнув, смогла взглянуть в лицо смерти. Кастрировала Берла Лагара и наблюдала, как тот истекает кровью — привязанный к постели, с кляпом во рту, гасящим крики. Затем оттащила труп, постелила свежие простыни и пригласила другого халидорского воина. Юношу, который обычно сначала занимался сексом, а уж потом неохотно бил и читал молитву. Казалось, он был противен сам себе.

Калдроса спросила:

— Зачем ты это делаешь? Тебе ведь не нравится меня бить.

Он ответил, не поднимая глаз:

— Ты не знаешь, каково это. У них повсюду шпионы. Твоя же семья тебя и сдаст, если не так пошутишь. Ом все равно узнает.

— Но почему вы бьете проституток?

— Не только их. Всех подряд. Нам нужны страдания. Для Чужих.

— В смысле? Каких еще чужих?

Юноша больше ничего не скажет. Спустя миг он устался на постель. Кровь на матрасе просочилась сквозь чистую простыню. Калдроса ударила его ножом в глаз. За все время, даже когда он, весь в крови, преследовал ее, рыча от ярости, она ни разу не испугалась.

Тем не менее встретиться лицом к лицу с Томманом было выше ее сил. Перед тем как уйти к Мамочке К., Калдроса с ним крепко повздорила. Он удержал бы ее силой, только его избили так, что он не сумел подняться с кровати. Томман всегда был ревнив. Нет, Калдроса не сможет посмотреть ему в глаза. Она со всеми уйдет в лагерь мятежников. Что там делать,

непонятно. На суше, где даже близко нет реки, вряд ли получишь работу капитана. И потом, если не достанет приличное платье, едва ли ей грозит честный труд. Хотя, после халидорцев, стать проституткой для сенарийцев, наверное, не так уж и плохо.

В дверь постучали, и все девушки напряглись. Стук не условный. Никто не двинулся. Дейдра вытащила из камина кочергу.

Снова раздался стук.

— Пожалуйста, — сказал мужской голос. — Я безоружен и не причиню вреда. Пожалуйста, впустите.

Сердце Калдросы чуть не выпрыгнуло из груди. Дыхание перехватило. Она, как в тумане, пошла к двери.

— Ты куда? — шепнула Дейдра.

Калдроса открыла смотровое окошко. Увидев ее, Томман просиял.

— Ты жива! О боги, Калдроса! Я-то думал, что, наверное, мертва. Что не так? Впусти меня.

Задвижка поднялась сама собой. Калдроса ничего поделать не могла. Дверь распахнулась настежь, и Томман сгреб ее в охапку.

— Ох, Калли, — вне себя от радости воскликнул он. Томман всегда соображал туговато. — Я не знал...

Только сейчас он заметил в комнате других женщин. Томман обнимал ее, и Калдроса не видела его лица, однако знала, что он глупо моргает при виде сразу множества прекрасных, экзотичных женщин. Причем почти раздетых. Даже у Дейдры платье девственницы дышало сладострастием.

Объятия становились крепче, и Калдроса обмякла.

Томман отступил на шаг и взглянул на нее. Ладони судорожно захлопали по ее плечам, словно рыба на причале.

Костюм был действительно хорош. Калдроса ненавидела свою тощую фигуру, считая, что выглядит как мальчишка. В костюме же, напротив, чувствовала себя пышной и нарядной. Разрез на блузке не только показывал, что Калдроса загорела до талии, но и открывал наполовину каждую грудь, создавая ложбинку. Брюки сидели как перчатка.

Одним словом, то, что Томману понравилось бы, носи это Калдроса дома.

Только здесь был не дом, а наряд — не для Томмана. Глаза его наполнились грустью. Он отвел взгляд. Девушки притихли. После мучительной паузы он выдавил:

— Ты прекрасна.

Затем с трудом сглотнул, и слезы потекли ручьем.

— Томман...

Калдроса тоже плакала, пытаясь прикрыться руками. Горькая ирония. Она старалась укрыться от глаз мужа, в то время как выставляла себя напоказ незнакомцам, которых презирала.

— Сколько их у тебя было? — отрывисто спросил он.

— Они бы тебя убили...

— Так что же, я теперь и не мужчина? — оборвал Томман.

Он уже не плакал. Всегда был смелым и горячим. За это Калдроса его и любила. Томман жизни бы не пожалел, чтобы вытащить ее отсюда. Он никогда не понимал, что даже если б умер, ей все равно пришлось бы идти в бордель.

— Меня избивали, — сказала она.

— Сколько?!

Голос Томмана стал резким и ломким.

— Я не знаю.

В душе она понимала, что Томман сейчас похож на собаку, которая, обезумев от боли, кусает хозяина. Однако видеть отвращение на его лице было невыносимо. Значит, она ему противна. Калдроса уступила апатии и отчаянию.

— Много. Девять или десять в день.

Его лицо исказилось болью, и он отвернулся.

— Томман, не покидай меня. Умоляю.

Он помедлил, но не обернулся. Затем вышел.

Как только дверь мягко закрылась, Калдроса разрыдалась. К ней подошли другие девушки. Ее горе — их горе. Подошли, зная, что она безутешна. Потому что, кроме них, больше никому. Да и у самих никого не осталось.

56

Мамочка К. вошла в лавку целителей, когда Кайлар взмахнул мечом. Слишком поздно, не остановить.

Ви не шелохнулась. Она неподвижно стояла на коленях; блестящие рыжие волосы убраны с пути клинка к шее. Меч опустился — и отскочил. Зазвенел от удара, точно колокол, и вылетел из слабой хватки Кайлара.

— Ты не совершишь убийства в моей лавке, — сказала Дрисса Найл.

Голос звучал с такой силой, а глаза горели таким огнем, будто в тщедушном тельце поселился великан. Хоть Кайлар и смотрел на нее сверху вниз, он испугался.

— Мы провели с этой женщиной отличный сеанс лечения, и я не позволю все испортить, — продолжила она.

— Вы ее лечили? — удивился Кайлар.

Ви по-прежнему не двигалась, глядя в пол.

— От принуждения, — вставила Мамочка К. — Я права?

— Откуда вы знаете? — спросил Тевор.

— В моем городе я знаю все, — ответила Мамочка К. и повернулась к Кайлару. — Король-бог связал ее магией, чтобы напрямую заставить подчиняться приказам.

— Как удобно, — заметил Кайлар. Он едва сдержал слезы. — Мне все равно. Она убила Джарла. Я похоронил его.

Мамочка К. тронула его за руку.

— Кайлар, Ви и Джарл росли практически вместе. Джарл ее защищал. Они были друзьями, понимаешь? Друзьями, которых не забывают. Только магия могла ее заставить причинить боль Джарлу. Не правда ли, Ви?

Мамочка К. взяла девушку за подбородок и подняла ее лицо. По щекам Ви немым признанием текли слезы.

— Чему, Кайлар, тебя учил Дарзо? — спросила Мамочка К. — Мокрушник — это нож. Чья вина: руки или ножа?

— Обоюдно, и будь Дарзо проклят за ложь.

На поясе у Кайлара висел кинжал, и он уже проверил лезвие. Как и предполагал, сестра Дрисса его затупила. Только та не знала о ножах в рукавах. К тому же не могла остановить другое оружие — его руки.

Ви прочитала его взгляд. Мокрушница. Она-то знала. Кайлар мог выхватить нож и перерезать ей горло, не успеет Дрисса и глазом моргнуть. Пусть тогда попробует вылечить от смерти. Глаза Ви почернели от вины и мешанины темных образов, которых Кайлар уразуметь не мог. Черные силуэты быстро промелькнули перед его мысленным взором. Ее жертвы?

«Она убила меньше людей, чем ты».

Мысль поразила его точно удар под дых. Вот так вина. Ну и судья, нечего сказать!

Ее вид, несмотря на слезы, выражал полную готовность. Ни жалости к себе, ни попытки избежать ответственности. За нее говорили глаза.

«Я убила Джарла и заслужила смерть. Если казнишь, осуждать не буду».

— Прежде чем решишь, ты должен знать и кое-что еще, — сказала Ви. — Ты был следующей жертвой. После... Джарла я не смогла...

— Что ж, похвально, — сказала Мамочка К.

— ...поэтому я и похитила Ули, чтобы ты наверняка последовал за мной.

— Ты... что? — опешил Кайлар.

— Я прикинула, что ты поедешь за мной в Сенарию. Король-бог хочет тебя живым. Однако меня и Ули взяла в плен сестра Ариэль. Когда мы нашли тебя, я решила, что ты мертв. Значит, я свободна. Поэтому сбежала от сестры Ариэль и явилась сюда.

— Где Ули?

— По дороге в Часовню. Ули *талантлива*. Она будет майя.

Новость шокирующая и в то же время приятная.

Ули станет сестрой. О ней позаботятся, дадут образование. Кайлар спихнул Ули на Элену. Он поступил нечестно, попросив Эле не взвалить на себя такое бремя. Теперь же, да с богатством, оставленным Кайларом, она будет свободна и опять займется своей жизнью. Все логично.

Кайлар вздохнул с облегчением.

Глаза Мамочки К. внезапно вспыхнули огнем при мысли о том, что дочь заберут в Часовню, но Кайлар не мог сказать, расстроена она или, напротив, рада, что Ули наверняка станет влиятельной дамой. В любом случае Мамочка К. быстро подавила чувства. Ни к чему незнакомым людям знать, что Ули — ее дочь.

Если все испытания останутся позади, Кайлар поедет в Часовню и навестит Ули. Он не гневался на сестер за то, что отобрали девочку у Ви. Скорее, он им обязан. *Талантливой* девочке — прямая дорога в Часовню. Ребенку опасно учиться на собственный страх и риск. Однако, если Ули не захочет остаться и ее попробуют удержать, сестрам не поздоровится.

Мысли об Ули заставили Кайлара думать об Элене, а мысли об Элене привели его чувства в смятение, и поэтому он спросил:

— Почему ты так стремишься спасти Ви?

Мамочка К. никогда не мыслила однобоко.

— Потому что, — ответила она, — если ты собрался убить короля-бога, без ее помощи не обойтись.

Что касается Кьюроха: маги не правы. Ему придали вид меча не только чисто символически. Сукин сын умел колоть и резать.

И это хорошо. Са'кьюраи безжалостны. Са'кьюраями, повелителями меча на староджэранском, их называли с полным правом.

Однако Фейр и сам был мастером клинка второй ступени. В первой же схватке он убил трех воинов Кьюры и завладел низкорослым, крепким пони.

Вскоре рост и вес Фейра сновагодились. Пони устал и сбавил прыть. Когда стемнело, Фейр отпустил животное. Увы, маленькую боевую лошадь обучали слишком хорошо. Пони встал, ожидая всадника. Фейр решил проблему, вложив под седло небольшой Узор магии, который иногда покалывал. Теперь будет бегать часами. Если повезет, са'кьюраи увяжутся за лошастью и потеряют след Фейра.

И действительно, повезло. Он получил часы отсрочки. Добрался до вершины горы. Прежде чем выйти на голые скалы, Фейр срубил молодые деревца и теперь работал мечом по дереву. Режущая кромка у Кьюроха — острее не придумаешь, но все равно не рубанок и не стамеска. Именно сейчас не помешали бы ни тот ни другой инструмент.

Однажды Дориан рассказал о виде спорта, почитаемом в племенах горцев. Чистое самоубийство. Они называли это «шлюсс». Пристегиваешь к ногам небольшие санки и — вниз по склону с невероятной скоростью. Причем стоя. Дориан утверждал, что можно рулить, но Фейр так и не понял как. Знал только, что надо двигаться быстрее преследователей, а смастерить настоящие санки не хватит времени.

Что не смог закончить клинком, доделал магией: он же творец, в конце концов. Солнце взошло, а стружка все летела.

Только засветился он, как глупец, стоя прямо на вершине горы. Силуэт был отчетливо виден на мили вокруг. Са'кьюраи заметили Фейра раньше, чем он — их. Они спешили и

теперь шли по снегу, привязав к ногам широкие плетеные лапти из бамбука. Чтобы не цепляться снегоступами, применили походку, которая смотрелась комично, — пока Фейр не осознал, насколько быстро идут кьюрцы. Тот путь, что Фейр одолел за полчаса, проваливаясь в снег, они покроют за несколько минут.

Фейр ускорил темп. Чудом вспомнил, что у каждой длинной, узкой деревяшки надо загигать конец. Он покачал головой. Эту ошибку понял, что еще упустил? Времени на застегивки не оставалось, и он сплел паутину магии вокруг обуви и ног, прикрепил их сразу к деревянным доскам. Фейр встал и...

...тут же упал, споткнувшись.

«Какого черта я спрямил края? Нет чтобы изогнуть их, точно корпус лодки».

Подняться оказалось непросто. Кьюрцы подбирались все ближе, и Фейр чертыхнулся. Мастер клинка второй ступени, и такой неуклюжий? Сумасшествие какое-то. Всего-то и надо, что сбежать вниз по склону.

Он перекатился на задницу и с помощью деревяшек сел на корточки. Затем встал и попытался шагнуть вперед. Гладкие, отполированные шлюссы вели себя, как и задумано: скользили взад-вперед, и Фейр почти не двинулся с места.

Он бросил взгляд через плечо. Са'кьюраи уже в какой-то сотне шагов. Если начнется бой, шлюссы его погубят. Задев скалу, Фейр остуился и выбросил ногу в сторону, чтобы не упасть. Пошатнулся — и заскользил вперед.

Радость была не меньшей, чем в тот миг, когда в Братстве его называли творцом. Фейр поставил шлюссы врозь и оттолкнулся.

Все шло замечательно, пока Фейр не перевалил через гребень и начал двигаться быстрее, чем шагал. Каждый шлюсс заскользил туда, куда его направили, — врозь. Ноги разъезжались, пока Фейр не бухнулся лицом вперед.

Склон был крутой. Снег, по счастью, глубокий. Фейр кубарем летел вниз; не хватало воздуха. Он смутно понимал, что надо бы направить шлюссы вниз по склону. После шести-семи кувырков это удалось.

Внезапно Фейр вынырнул из вездесущего снега. Сугробы в три фута, не меньше, но он — наверху.

Сердце бешено стучало в груди. Он мчался вниз по склону с невероятной скоростью. В считанные секунды превзошел самую резвую лошадь и все набирал и набирал обороты. Управлять двумя шлюссами независимо было почти невозможно, и Фейр быстро связал их вместе магией, спереди и сзади, оставив малый угол.

Еще не раз приходилось падать, и снег не всегда был великодушен, но в конце концов Фейр научился рулить. Обогнув скалистую смерть, он впервые глянул вниз, щурясь от ослепительной белизны. Моргнул. Что там за линия в снегу?

Фейр взмыл над пропастью. На две секунды шлюссы оторвались от снега. Мир затих, и только ветер свистел в ушах.

Он приземлился. Рухнул в море белого порошка — кувыряясь, руки-ноги как попало. Затем опять случилось чудо, и Фейр вылетел из снега, чтобы продолжить спуск. В висках стучала кровь. Он смеялся.

Кьюрох у него, и опасность миновала. Кьюрцы не станут спускаться за ним с горы. Внизу — Сенария. Он спасся!

— Невероятно, — проговорил Лантано Гаруваши.

Для кьюрца он был огромен. С рыжей гривы свисали десятки длинных тонких разноцветных прядей, сплетенных вместе. В Кьюре говорят, что по волосам можно прочитать всю жизнь человека.

Еще мальчиком, во время обряда посвящения, его побрили наголо, оставив одну прядь волос на лбу. Когда вихор вырос на три пальца, к нему привязали тонкое кольцо, и мальчика объявили мужчиной. Когда он убил первого воина, в прядку снова вплели кольцо, и Лантано стал са'кьюраем. Чем короче интервал между кольцами, тем лучше. После этого са'кьюраи,

убивая врага, добавлял к волосам прядь сраженного воина.

Вначале кое-кто из воинов даже думал, что у Лантано лишь одно кольцо, поскольку два первых соприкасались. Первого соперника он убил в тринадцать лет и за семнадцать следующих добавил себе пятьдесят девять прядей. Родись он чуть знатней, за ним бы пошла вся Кьюра. Но душа са'кьюрая — это его меч, и ничто не могло изменить ту истину, что Лантано родился с железным мечом крестьянина. Он стал военачальником лишь потому, что традиция Кьюры позволяла возглавить армию любому выдающемуся мастеру. Однако для Лантано это стало западней. Стоит только закончить драться, и его власти придет конец. Начинал он сражаться за правителя Кьюры, Хидео Ватанабе. Затем, когда тот приказал расформировать армию, стал наемным воином. Отчаянные люди собирались под его знамена только по одной причине: Лантано никогда не проигрывал.

Великан стал маленькой точкой на горизонте.

— Мастер войны, желаешь ли, чтобы мы его преследовали? — спросил кряжистый воин с двумя десятками прядей на лысеющей голове.

— Попробуем через пещеры, — ответил Лантано.

— В Сенарию?

— Только сотня са'кьюраев. Зима будет холодной. Убив великана, получим легенду, которая согреет.

57

Мамочка К. хотела, чтобы Агон и его армия взяли в лагерь мятежников и Логана. Будущему королю нужна армия. Кайлар отказался покинуть друга, по крайней мере пока тот не очнется. Когда он тоже потерял сознание, Агон спросил Мамочку К., не отнести ли Логана в фургон. Она прокляла все на свете, но сказала «нет».

Мнения Ви никто не спрашивал. Та ничуть не возражала, желая искупить вину за все, что натворила. И ни о чем не хотела думать.

Даже когда она села рядом с Кайларом, Мамочкой К. и Агоном, что-то внутри подзуживало ее убить их. Король-бог щедро награждал тех, кто хорошо служил, а Ви за минуту могла ликвидировать все главные угрозы правлению Гэрота.

Она не подчинилась этой мысли. Приговор ей — невиновна. Совесть теперь чиста.

Почти. Она прикарманила записку и пару сережек, которые Кайлар оставил Элене.

Только сегодня Ви узнала, что это обручальные кольца. Дрисса и Тевор подробно разъяснили обычай. Взяв и кольца, и записку, она оставила Элену ни с чем.

Не хватило смелости сказать это Кайлару?

Слишком горькая правда. Она готова была принять смерть от руки Кайлара, но не знала, что делать, если он будет ее презирать. Знал бы ее лучше, точно презирал бы. Любви не все дано преодолеть.

«Любви? Да что я себе вообразила? Скромнее надо быть, Ви. Твой удел — лишь трахаться и драться. В этом ты преуспела».

Дверь в комнату для больных открылась, и вышел Кайлар. Из другой появился Логан.

Она впервые увидела улыбку Кайлара. Когда он так улыбался, внутри Ви происходило нечто странное — а ведь Кайлар на нее даже не глянул. Он низко поклонился.

— Ваше величество.

— Мой друг, — ответил Логан.

Выглядел он ужасно. Болезненная худоба, только кости торчат. Тем не менее его окружала безошибочная аура человека, набирающего силы. В богатых одеждах Логан смотрелся красавцем — несмотря на то что пережил тяжелые испытания. Он быстро подошел и обнял Кайлара.

— Прости, — сказал Кайлар. — В ту ночь я появился слишком поздно. Увидел кровь и подумал, что... Мне очень жаль.

Логан молча сжимал его в объятиях, пока эмоции не улеглись. Наконец отступил на

шаг и взял Кайлара за плечи.

— Ты здорово постарался, мой друг. Это мне очень жаль. Жаль, что усомнился в тебе. И недалек тот день, когда мы сядем и поговорим. Ты... там, внизу, такое вытворял, что... — Логан осмотрелся, понимая, что вокруг люди, — мне ужасно любопытно. К тому же, видно, в моей памяти есть пробелы. Например, откуда у меня вот это?

Он закатал рукав, и Ви с Мамочкой К. дружно ахнули. Глубоко в руке сияло нечто похожее на серебристо-зеленую татуировку. Логан показал лишь часть, но, на взгляд Ви, линии создавали не хаотичный, а стилизованный и абстрактный рисунок.

— Ваше величество, — заметила Дрисса Найл. — Я бы... не советовала это показывать.

— Извините, что вмешиваюсь, — сказала Мамочка К., — но нам нужно принять кое-какие решения.

— Вы хотите сказать, что их должен принять я, — капризным тоном ответил Логан.

— Да, ваше величество. Простите меня.

Логан первым обратился к Кайлару.

— Ты сослужил нам службу, о которой мы не могли и надеяться, да и не требовали. Я не приказываю, но сейчас, надо полагать, определяющим...

Его взгляд стал рассеянным, и мысль оборвалась.

— Ваше величество?

Логан быстро вернулся в реальность.

— Странно. Я месяцами ругался с самыми мерзкими обитателями Дыры, и теперь вновь эти «надо полагать» и суждения, что «определяющее». — Он покачал головой и горестно ухмыльнулся. — Кайлар, все сводится к одному. Если сможешь убить короля-бога раньше, чем наши армии сойдутся в битве, мы, скорей всего, ее предотвратим. Я не приказываю, но прошу. Ты и так уже, чтобы меня спасти, пожертвовал очень многим. Я знаю, ты не доверяешь этой девушке, но если она в силах помочь, прими ее помощь. Она сдалась, когда могла нас убить, и этого доказательства ее добрых намерений мне достаточно. Ви такое же оружие, как и ты, и я не могу себе позволить, чтобы в моем скудном арсенале что-либо лежало без дела.

— По-твоему, это правильно? — уточнил Кайлар.

Логан бросил на него оценивающий взгляд.

— Да.

— Тогда по рукам, — сказал Кайлар. — Что намерен делать ты?

— Я собираюсь просить армию у Тэры Грэзин. Затем вернуть нашу страну.

— Это будет не просто, — заметила Мамочка К.

Логан слабо улыбнулся.

— В последнее время я привык к трудностям.

58

Элена очнулась. Ужасно болела голова. Она не могла шевельнуть ни руками, ни ногами; когда пыталась, ступни и ладони горели. Открыв глаза, Элена увидела трех других пленников, связанных, как и она, по рукам и ногам. Еще одна веревка связывала их вместе. Пленники лежали в темноте, их тела освещало только дрожащее пламя костра. Элена находилась ближе всех к шести халидорцам. Те смеялись и выпивали, перемежая халидорскую, как ей представлялось, речь словами, которые Элена понимала.

Она не смела двигаться, поэтому видела только юношу, который взял ее в плен. Из разговора Элена уловила, что его зовут Горран. Остальные высмеивали его за то, что дал себя ударить какой-то женщине.

Серьезность положения потрясла Элену. Кайлар не знает, что она здесь. Никто не знает. И не собирается ее спасать. Эти люди вольны сделать с ней все, что им заблагорассудится. Что их остановит? Сердце в груди сжалось от страха. Элена не могла ни

думать, ни дышать.

Затем стала молиться, напоминая себе, что богу все-таки известно, где она. Ему ведь ничего не стоит ее спасти. Наконец Элена успокоилась. К тому времени часть солдат отправилась спать, оставив Горрана с кем-то невидимым. Они говорили полупрошептом.

— По-моему, вюрдмайстер Дада даже не сказал его святейшеству, чем мы занимаемся, — начал Горран. — Черный курган считают запретной землей неспроста. Что с нами будет, если его святейшество узнает?

— Неф Дада великий человек, ревностней всех служит Хали. Если он служит Хали, а его святейшество — нет, чью сторону ты возьмешь? — спросил другой.

— Я слышал, он хочет воскресить Титана. Ты на это намекаешь?

Второй тихо засмеялся.

— Вюрдмайстер хочет делать сразу сотню дел. Конечно, ему подавай Титана, но ведь не за этим нужна ему юная девственница?

— Халивос рас ен ме, — в благоговейном страхе прошептал Горран. — Хали живет во мне.

— Воистину.

— Неужели это возможно?

— Вюрдмайстер считает, да.

Горран тихо выругался.

— Тогда что насчет мальчишки? Он-то зачем?

— Гм, не так уж важно. Его убьют и посмотрят, что можно вырастить из тела. Майстерам нужна плоть.

Элена слышала о Черном кургане. Древнее, мертвое поле битвы. Говорили, что там до сих пор ничего не растет. Остального, правда, она не поняла, кроме того, что вюрдмайстер Неф Дада уготовил ей нечто похуже рабства. Элена откинула голову и увидела, что пленный рядом с ней не спит. Мальчишка. В его глазах застыл ужас.

59

Сегодня Мамочка К. спасла жизнь Логану.

Маленькая армия в составе лорда генерала Агона, его Псов и Мамочки К. въехала в лагерь мятежников под бурное ликование. Было бы совсем иначе, если бы Мамочка К. не распустила слух, что Логан возвращается, победив самые мрачные ужасы Утробы. Без слухов-предвестников отряд бы встретили, как неизвестную армию, и Тэра Грэзин могла убить Логана. После чего, несомненно, пролила бы немало слез. Как же, такая ужасная ошибка.

Прежний, наивный Логан не поверил бы, что Тэра Грэзин на такое способна. Логан — обитатель Дыры считал иначе. Он изменился, стал спокойней, хладнокровней. Знал слишком хорошо, как поступают люди, которым что-то угрожает.

А Тэре Грэзин приходилось видеть в Логане угрозу. Последние три месяца она заручалась поддержкой. Пережила покушения на свою жизнь и потеряла членов семьи. Собрала армию и подвела ее к битве. Все ради того, чтобы стать королевой.

Появление Логана означало, что в канун триумфа ее амбиции того и гляди лопнут. Его право было бесспорным: Логан вышел из ведущего рода страны, объявлен наследником Гандеров и женился, став членом их семьи. Множество родов присягнули на верность Тэре Грэзин только потому, что считали себя свободными от прежней клятвы Джайрам.

В другое время Логан поехал бы в Гавермер и выслал гонцов во все семьи королевства, включая Грэзинов. Предоставил бы Тэре возможность увидеть, как рушится ее коалиция, а затем предложил бы подходящую должность.

Увы, другого времени не было. Армия мятежников стояла менее чем в миле от войска короля-бога. Сенарийцы превосходили армию Халидора вдвое. Да, у тех были мастера и вюрдмайстеры, но все равно победа казалась верной.

Хорошо, что выпал хмурый день. После трех месяцев в Дыре глаза не выдерживали света солнечного дня. Не слишком королевский будет вид, если все время щуриться.

Они приближались к скоплению шатров знати, когда с десятков всадников выехали им навстречу. Вел их офицер с алитэрским длинным луком без тетивы. Логан и его армия остановились.

— Кто вы такие? — спросил сержант Гэмбл.

— Это, — громко сказал Агон, чтобы слышали окружающие, — король Логан Джайр, по закону и обычаю наследник трона и ныне король нашей великой страны. Король мертв, да здравствует король!

Тем самым он объявил войну. Слово за минуты облетит весь лагерь. Ранее Мамочка К. послала весть распорядителю Логана, и тяжеловооруженные всадники Джайров уже заняли позицию рядом с шатрами знати. Они ликовали.

— Королева сейчас вас примет, мой господин, — сказал сержант Гэмбл.

Логан спешил перед шатром Тэры Грэзин. Когда Мамочка К. и Агон попытались пройти вслед за ним, их остановила стража.

— Только вы, сэр, — объявил один из них.

Логан вперил в него взгляд. Помолчал. На миг позволил зверю внутри пробудиться. Он пережил ад не для того, чтобы его останавливал стражник. Решимость быстро обратилась в ярость. Он почувствовал, как дернулось предплечье.

Стражник отступил и судорожно глотнул.

— Мой господин, — слабо возразил он. — Только знати позволено...

Логан посмотрел на него в упор, и слова замерли на губах. Мамочка К. и Агон вошли в шатер.

Шатер королевы был огромен. Столы, военные карты и вельможи, немалым числом, разместились по всему пространству. Кто-то выглядел явно комично, втиснув жир в доспехи, которые не надевал лет двадцать. На одном из столов в двух чашах лежали черные и белые плитки.

«Во имя всех богов, они голосуют за план сражения!»

Брэнт Агон за спиной Мамочки К. сдавленно вскрикнул от возмущения.

Мамочка К. быстро оглядела комнату, подсчитывая союзников, верных и потенциальных, и непримиримых врагов. Она знала, что могла принести Логану корону, дай он ей две недели. За день же до генеральной битвы против единственного, ненавистного всем врага ставки решительно меняются. Теперь надежда лишь на то, что кто-нибудь подходящий первым нападет на нее, Брэнта Агона или Логана. Тогда она его уничтожит, сделает из него заклятого врага, и Логану это лишь на пользу.

— Ба, Логан Джайр! Как низко пало величие. — Тэра Грэзин вышла из-за спин более высоких лордов и плавно заскользила по роскошным коврам. — Кто мог ожидать тебя в обществе шлюх и бывших? Или то все куртизанки да калеки?

Вельможи хихикнули.

— Ищешь, как бы войти в дело? — спросила Мамочка К.

Можно было слышать, как во внезапной тишине упало гусиное перо. Мамочку К. меньше всего беспокоило замешательство в их рядах. Тэра Грэзин встретила Логана, выпустив когти. Это не к добру.

Из толпы вперед пробился юноша.

— Еще раз так скажешь, убью лично! — выпалил Люк Грэзин, семнадцатилетний брат Тэры. Красивый, но дурак дураком.

«О Люк, ты себе даже не представляешь. Твой секрет я знаю. Могу покончить с тобой в два счета. Здесь и сейчас».

Увы, не может. Здесь и сейчас абсурдной правде без разминки не поверят. Тэра Грэзин только закусит удила.

— Прощу меня извинить, — сказала Мамочка К. — В последнее время титулы так

быстро переходят из рук в руки, что я забыла, что беседую с герцогиней.

— Королевой! — рявкнул Люк. — Твоей королевой!

Мамочка К. подняла брови, словно тот пытался нахлобучить королеву ей на голову. Легкое напоминание всем, как далеко и быстро Тэра Грэзин собиралась возвыситься.

— Вот стоит законный король, — проговорила Мамочка К., — благословенный королем Гандером Девятым и получивший всеобщее одобрение. Человек, которому вы уже обещали верность.

Тэра Грэзин вспыхнула.

— Хватит, Гвинвера, — сказал Логан.

Она улыбнулась и отступила — внезапно покорная, с опущенной головой.

— Могу я всем напомнить, — раздался чей-то голос рядом с картами, — что завтра мы встретимся лицом к лицу с королем-богом и его ведьмами?

Граф Дрейк, вечный миротворец.

— Обойдемся без напоминаний, — ответила Тэра Грэзин. — У нас есть армия и поле битвы, за нами преимущество. Еще немного, и будет готов план сражения.

— Нет, — вмешался Агон.

— Что нет, простите? — негодуя спросила герцогиня.

— У вас есть армия его величества, — сказал Агон. — Достопочтенные лорды, многие из вас были на пиру перед штурмом замка. Гаррет Уруэр, ваш отец погиб рядом со мной, в северной башне. И ваш дядя тоже, Брен Брэтон. Они сложили головы, чтобы спасти нашего короля, Логана Джайра. Вы там были...

— Хватит! — крикнула Тэра. — Мы все помним, что сказал безумный король.

Ах вот так. Значит, король был сумасшедшим, когда назначил Логана своим наследником. Не безупречный план атаки, но вполне достойный. Будь время, Мамочка К. напомнила бы всем о выборе часа штурма, о том, что неуместно сравнивать здравомыслие короля и законность его указов, о браке Логана с Дженин. Будь время, Мамочка К. надавила бы со всех сторон, чтобы заставить Тэру отказаться от притязаний. Теперь это все не играло роли. Остается только ждать неизбежного.

— Моя госпожа, — сказал герцог Хэврин Уэссерос, — они говорят лишь то, о чем, будь время, шушукались бы за кулисами и в залах резиденций по всему королевству. Мне кажется, сейчас все созрели для решений. Вот только времени слишком мало, чтобы их принять.

— Я не намерена выслушивать их ложь, — прошипела Тэра.

— Разве вы не видите, — убеждал герцог Уэссерос, — что, если не дать им слова, Логан уйдет. Но не один. Он заберет с собой пол-армии, если не больше. Найдется ли чудак, который с остатками армии примет вызов халидорцев?

Агон сказал:

— Говорите, король был перед смертью не в себе? По приказу Са'каге его отравили на пиру.

— Отравили? Вы его убили, Брэнт! — крикнул Гаррет Уруэр.

— Да, я его убил, — ответил Агон. — Не буду сейчас оправдывать деяние. Важно другое. Халидор хотел уничтожить королевскую семью, чтобы вызвать именно то, что мы сейчас и наблюдаем. Они хотели расколоть сопротивление в самом зародыше. Король Гандер видел, к чему все идет, и поэтому — не в ночь штурма, когда был отравлен, а днем раньше — выдал свою дочь Дженин замуж за Логана. Многие из вас дали клятву верности леди Грэзин, однако сначала уже присягнули Логану Джайру. Следовательно, вы свободны от клятвы герцогине.

— Никто не свободен, ясно?! — взвизгнула Тэра.

Разразился скандал. Вельможи орали друг на друга, собираясь в кучки для переговоров с советниками и лордами. Одни жались к Тэре Грэзин, другие — к Логану. Сам Логан безмятежно взирал на зрелище. Он тоже все понимал.

— Пойдите, — сказал лорд Уэссерос.

Хэврин как две капли воды походил на его сестру Налию, последнюю королеву. Лорд еще до штурма выехал из города, чтобы проверить земли восточной Сенарии, которые захватили лэ'ноты. Он поднял руки, и вельможи не сразу, но поостыли.

— Время позднее, и нас ждет армия, — продолжил лорд Уэссерос. — Встаньте рядом с тем, кто, по-вашему, должен нами править.

— Почему бы вместо этого не голосовать камнями, чтобы люди могли честно выбрать, за кем действительно пойдут? — спросила Мамочка К.

Про себя она чертыхнулась. Хотела ведь, чтобы это предложил кто-нибудь из других лордов. Однако Уэссерос так быстро призвал голосовать, что у Мамочки К. шансов не было. Без тайного голосования все пустая болтовня.

— Завтра нам придется встать на поле битвы. Думаю, сегодня всем должно хватить мужества встать в шатре, — сказала Тэра Грэзин.

Умная, стерва.

Снова повисла тишина. Еще миг — и люди задвигались.

Мамочка К. с тоской наблюдала, как сбываются ее прогнозы. Дворяне помельче, судя по их виду, в основном предпочли бы пойти к Логану, однако не смели ослушаться своих лордов. Вот почему она хотела голосовать тайно. Тэра прежде всего подкупила сильных.

Так или иначе, люди разделились на три группы. За Логана, за Тэру и не принявшие решения.

— Как я и предполагал, — сказал герцог Уэссерос, возглавив лагерь нерешительных, — риторика ни к чему не привела. После убийства Гандеров в стране остались только три ведущих рода, и так мы и стоим. Мне кажется, есть золотая середина. Логан Джайр, Тэра Грэзин! В тот час, когда на карте судьба соотечественников, не отложить ли вам в сторону эгоистичные амбиции?

Вот клоун. Идиот. Сифилитик-пустозвон. Решил, что самый умный. Да если бы герцог не создал третий лагерь, Логан имел бы большинство. У них бы еще оставалась надежда.

— О чем ты говоришь? — удивилась Тэра.

Но Логан уже знал, куда тот клонит. Мамочка К. прочитала это на его каменном лице.

— Этой ночью, в канун битвы, которая определит будущее нашей страны, намерены вы расколоть наши силы или объединить их? Логан, Тэра! Вы поженитесь сегодня?

Герцогиня быстро огляделась вокруг, считая союзников. Группа поддержки таяла. Она взглянула на тех, кто дерзко стоял вместе с Логаном и покорно — рядом с Уэссеросом. Затем посмотрела на Логана. Явно не взглядом девушки на жениха. Проверка на слабость.

— Ради страны, которую я люблю, да, — сказала Тэра.

— Логан?

— Да, — безжизненно ответил Логан.

Боги ему благоволят.

60

Чтобы вся армия наблюдала венчание, соорудили помост. Воины уже собрались, отойдя от костров, и командиры, когда взошла луна, начали строить их в шеренги для церемонии. Помимо армии вокруг помоста столпилось несколько тысяч простолюдинов и сторонников лагеря.

— Логан, — сказал граф Дрейк, закрывая полог небольшого шатра, где тот готовился. — Ты не можешь жениться.

Логан долго не отвечал. Когда же заговорил, голос звучал тихо и сурово.

— У меня нет другого выхода.

— Единый бог говорит, что дает избавление от любого соблазна.

— Я не верю в твоего бога, Дрейк.

— Истина не зависит от того, веришь или нет.

Логан медленно покачал головой, точно истощенный медведь, пробудившийся от

зимней спячки.

— Брак с Тэрой не соблазн. Мой отец женился на прелестной злодейке, и я видел, что с ним случилось.

— Урок, который хорошо бы усвоить. Разница в том, что твоя мать и близко не обладала такой разрушительной силой.

Глаза Логана сверкнули: медведь, медленно поднимающий голову, чтобы возвыситься над всеми.

— Если существует выход, который нас не уничтожит, так скажи! Я не хочу жениться...

— Я не говорил, что брак — это соблазн.

— Тогда что соблазн?

— Власть! — Граф Дрейк стукнул тростью.

— Черт возьми, дружище! Либо я на ней женюсь, либо мы все обречены. Думаешь, я не просчитал, как получить большинство тех людей? Ничего подобного! Я мог взять с собой почти две трети и покинуть лагерь. После чего еще треть сложит здесь головы. Мне что, просить тысячи умереть, чтобы я избежал дурного брака? Ты этого хочешь?

— Нет, Логан. — Граф Дрейк оперся на трость, словно не мог обойтись без ее поддержки. — Вопрос в том, можешь ли ты быть достойным королем рядом с такой королевой? Сегодня Тэру Грэзин захватили врасплох. Ты поймал ее в минуту слабости. Больше такого не случится.

— Что ж. Спасибо за иллюстрацию мрачного будущего, которое меня ждет, — ответил Логан. — Если ты не в силах помочь мне его избежать, то помоги хотя бы одеться.

— Мой король, — сказал граф Дрейк, — иногда, чтобы выбраться из Дыры, лучше сидеть на месте.

— Убирайся! — рявкнул Логан.

Граф Дрейк печально поклонился и вышел из шатра.

Логан взял венец и надел на голову. Мамочка К. позаботилась о том, чтобы он выглядел королем. Его побрили и постригли, умастили маслами и украсили мехами. Одели в отличную темно-серую тунику и плащ, отороченный белой венецианской парчой. Логан стал совершеннолетним буквально перед самым штурмом замка, но забыл выбрать себе символ. Теперь он видел, что Мамочка К. сделала за него и это. Белый кречет Джайров на черном фоне. Только у его кречета на лапах болтались разорванные цепи, а фоном служил черный круг, напоминавший о Дыре. Крылья птицы были расправлены. Символ что надо. Отец бы гордился.

«Как бы ты поступил, отец?»

Отец женился еще юношей. Женился, чтобы спасти семью. Сделал бы он еще раз то же самое, памятуя о прошлом?

Полог шатра откинулся, и вошла Мамочка К. Она взглянула на Логана с легким, но искренним сочувствием. Где ей понять? Разве знает она, что такое любовь? По ней, так выбор очевиден. Жениться на Тэре, потом разбираться с проблемами. На его месте она занялась бы интригами и манипуляциями. Дошло бы дело — и покончила бы с Тэрой.

— Пора, — сказала Мамочка К.

— Символ безупречен, — похвалил Логан. — Спасибо.

— Обратил внимание на крылья? — спросила она. — Кончики выходят за круг, ваше величество. Кречет всегда будет парить свободно.

Они вместе вошли на круглый, размером почти с Дыру помост. Круг, символ идеальной, вечной и нерушимой природы супружества. Ощущая на себе тысячи взглядов, Логан поднимался, чтобы занять место в центре. Сердце вдруг екнуло. Он словно очутился в замкнутом пространстве, его стало подташнивать. Логан вспомнил, как старался вытянуться над Дырой, да подальше. Ради чего? Ради куска хлеба пополам с мочой, которым в другое время не стал бы кормить даже животных.

Заиграла музыка, и его хлеб пополам с мочой изящно ступил на помост.

Отчасти Логан был голоден до нее, хотел ненасытно, как еду в Дыре. В последние три месяца, озабоченный только тем, как бы выжить, он так ослаб и отощал, что едва ли думал о сексе. Хотя перед Дырой едва ли думал о чем-то другом, кроме секса. Теперь, на свободе, силы прибывали, и прежний Логан возвращался. Тэра Грэзин была высокой и гибкой. С почти мальчишескими формами, зато очень женственной улыбкой. Она и двигалась как женщина, которая знает, что любят мужчины. И знает, что у нее это есть. Изголодавшийся Логан сгорал от желания.

Буханка с мочой всегда была на вид аппетитна — пока не откусишь. Но она, по крайней мере, насыщала, и неважно, что ты чувствовал потом. Что ж, зато теперь у него будет секс. Ей-богу, уже двадцать один год — и все еще девственник.

Ирония мысли заставила его мрачно улыбнуться. Тэра заметила и улыбнулась в ответ. Выглядела она потрясающе. Волосы уложены в нечто затейливое. Интересно, подумалось Логану, сколько портных, браня друг друга два последних часа, ухитрились переделать одно из ее платьев в подвенечное? Ушитый до стройной фигурки Тэры наряд был традиционного зеленого цвета, символа богатства и новой жизни. С витиеватыми завязками на спине и длинным разрезом юбки — явно не по обычаю, зато соблазнительным. Довершала ансамбль элегантная вуаль, символ целомудрия, идеально сочетавшаяся с платьем, если уж не с женщиной, на которую платье было надето.

«Что ж. Секса будет, сколько захочу, если ее репутация хоть в малой степени заслуженна».

Мысль теплой струей ударила в живот. Нет, о репутации лучше не думать.

Что бы он ни чувствовал, Тэра Грэзин осуществила то, что казалось невозможным. Она и сексуальна, и в то же время царственна. Для нее все это власть, которую давали положение, личность или тело, средства навязать свою волю.

Власть. Граф Дрейк сказал, что это и есть искушение.

Тэра встала рядом и застенчиво взяла его за руку. Народ возликовал. Взяла точь-в-точь как Дженин Гандер, когда ее отец объявил об их женитьбе. Логан сглотнул подступившую к горлу тошноту. Дженин вела себя искренне. Тэра была на том званом обеде и видела, что делала Дженин и как это одобряли люди. Она сознательно подражала Дженин.

— Расслабься, — шепнула Тэра. — До исполнения всех твоих желаний осталось пять минут.

«Тэра, ты просто дура, если этому веришь».

Логан изобразил улыбку на лице и повелел телу расслабиться. Нет, это не то, что он выбрал бы по собственной воле. Однако он сумеет все изменить. Сможет победить Урсуула. Искоренить Са'каге. Отменить плохие законы. Он сможет...

Вот оно. То, что имел в виду граф Дрейк. Искушение властью. Логан мысленно перевернул свои амбиции вверх тормашками. Это не для меня, говорил он себе, а для людей. А не лукавит ли он? Логану понравилось отдать приказ о казни Горхи; понравилось, как он выпроводил за порог графа. Логан требовал, и все свершалось на глазах. Люди подчинялись. Он так долго был беспомощен в Дыре, что мысль «никогда ни от кого не зависеть» звучала медом на устах.

«Отлично, граф Дрейк, я понимаю. И где же теперь выход?»

Слишком поздно. По правую руку стоял гекатонарх в богатых одеждах: сто цветов для ста богов. По левую — человек в простом коричневом плаще, патриарх единого бога. Герцог Уэссерос занял место посередине. Тэра проследила, чтобы церемония носила тройственный смысл. Овации зазвучали крещендо, когда пятнадцать тысяч людей взревели до хрипоты — ради пары, которая их спасет.

— Могу я обратиться к людям с речью? — спросил Логан.

— Исключено, — отрезала Тэра. — Что еще за уловка?

— Это не уловка. Я просто хочу говорить с теми, кто за нас прольет кровь или сложит голову. У меня такой возможности еще не было.

— Ты задумал настроить их против меня, — сказала Тэра.

— Как насчет того, — рассудил герцог Уэссерос, — чтобы Логан поклялся не говорить о тебе ничего плохого? Если обмолвится, я выйду и остановлю его. Это приемлемо, мой господин?

— Да.

— Моя госпожа? — сказал герцог Уэссерос. — Он все-таки их король.

— Только быстро.

— Логан, пять минут, — объявил герцог, затем подошел ближе и понизил голос: — Да вдохновит тебя дух Тимэуса Ринддера.

Возможно, это свидетельство поддержки. Тимэус Ринддер был столь искусным оратором, что превращал фиаско в бегах на колесницах в удачный ход, хотя его и связывали те же ограничения, которые герцог Уэссерос наложил на Логана. Определив такие правила игры, герцог как бы заявлял: «Сумеешь переманить людей на свою сторону, я тоже присоединюсь».

— Друзья мои, завтра мы встанем бок о бок в грохоте битвы.

Едва Логан произнес первые слова, как они зазвучали громче вдвое, вчетверо. Он смолк, затем увидел улыбку мастера Найла в первом ряду. Логан притворился, что это не важно, и остальные тут же последовали его примеру.

— Завтра мы встретимся лицом к лицу с врагом, которого отлично знаем. Вы видели его, бросавшего тень на ваши двери. Его сапоги, оставлявшие грязь на ваших полах. Его факелы, поджигавшие ваши поля. Вы на собственной шкуре ощутили его плоть, кулаки и презрение, но отказались сдаться!

Нервы Логана и самокритика: «Мог ли я сказать лучше? Не дрожит ли голос? Почему так трудно дышать полной грудью?» — сошли на нет, едва он глянул на поднятые кверху лица людей. Его людей. Несколько месяцев назад он и представления не имел, кто такие люди Сенарии. Да, он знал и любил простых подданных Джайров, однако разделял светское презрение аристократов к черни. Легко просить безликую и безымянную толпу идти на смерть.

— Друзья мои, три последних месяца я провел в глубинах Утробы. Попал в капкан с дерьмом и вонью рода людского. Все время боялся смерти и того, что похуже. У меня забрали одежду. Забрали достоинство. Я видел, как добро страдает от зла. Видел женщину, которую насиловали, и женщину, которая себя убила, чтобы никто не мог изнасиловать ее снова. Видел людей, хороших и плохих, совершавших сделки с тьмой. Я заключил свою сделку. Чтобы выжить.

Друзья мои, меня заточили в темницу под землей. Вас держат в тюрьме наверху. Вы познали те же страхи, что и я. Видели те же зверства, если не хуже. наших друзей убили. Мы знали, что сопротивляться — значит умереть... и, друзья мои, глядя на обстоятельства против нас, мы не видели надежды. Мы бежали. Попрятались кто куда.

Логан помедлил, и люди притихли.

— Не вы ли были там, со мной? — спросил он. — Не вы ли чувствовали ярость и беспомощность? Не вы ли наблюдали, как творится зло, и ничем ему не воспротивились? Не вам ли было стыдно?

Люди не смотрели ни вправо, ни влево, боясь, что соседи увидят слезы в их глазах. Лишь кивали: да, да.

— Мне было стыдно, — продолжил Логан. — Позвольте, я скажу вам, чему научился в Дыре. Тому, что в страданиях мы находим точную меру наших сил. Тому, что человек сегодня может струсить, а завтра — стать героем. Тому, что я не настолько хорош, как считал раньше. Однако вот что важнее всего: я понял, хоть мне это и дорогого стоило, что могу измениться. И то, что сломано, можно заново починить. Знаете, кто меня этому научил? Проститутка. В хлебнувшей горя женщине, которая вела постыдную жизнь, я нашел отвагу, честь и верность. Она вдохновила меня и спасла.

Сегодня здесь есть женщины, которые преподали вам тот же урок. Многие из вас стыдятся матерей и дочерей, которых изнасиловали, которым навязали сексуальное рабство

в замке. Они продали себя в бордели, чтобы выжить. Вы их чурались, отвергли.

Однако я утверждаю, что ваши жены, матери и дочери показали нам, как надо бороться. Они подарили нам Нокта Хемата. Придали нам храбрости. Указали дорогу от позора к чести. Пусть каждая женщина, сражавшаяся в ту ночь, выйдет вперед!

Несколько женщин шагнули сразу. Глядя на них, осмелели и другие. Мужчины молча расступились. В считанные минуты перед помостом собрались три сотни женщин. Не все могли сдерживать слезы, но голову держали высоко, расправив плечи. Воины в шеренгах открыто плакали. Не только те, кто знал этот маленький пример, но и сельские жители. Мужчины, которые знали, что их женщин обесчестили, и теперь стыдились сами себя.

— Сегодня, — сказал Логан, — я объявляю вас первыми членами ордена Подвязки. Именно подвязки, потому что вы позор обратили в честь. Носите их с гордостью и беспрестанно говорите внукам о своей храбрости. И ни один мужчина не вступит в орден, пока не проявит беспримерный героизм и отвагу.

Народ разразился ликующими криками.

— Только боюсь, — продолжил он, успокаивая толпу, — что ваши подвязки еще не готовы. Сдается, под рукой нет нужных тканей. Но мы намерены сделать их из боевых знамен Халидора!

Люди приветственно зашумели.

— Что скажете, мужчины? Выручим их?

Толпа восторженно взревела.

— Теперь же, братья, будьте добры, встречайте своих возлюбленных. Вы им нужны. И вы, сестры, приветствуйте этих пристыженных мужчин с разбитыми сердцами. Они тоже в вас нуждаются.

— Скажу и еще кое-что. — Логан глубоко вдохнул. Он уже вел речь дольше, чем собирался. И не для того учредил орден Подвязки, чтобы заручиться поддержкой. Что-то надо было подправить и поставить точку. Куда бы он ни глянул, везде видел лица, полные надежды.

— Еще несколько месяцев назад я не хотел быть королем, — начал Логан, — однако в Дыре что-то меня изменило. До тюрьмы я расценивал вас как чернь. Теперь же вижу перед собой сестер и братьев. Я могу просить вас биться вместе со мной до крови, не на жизнь, а на смерть — и прошу. Завтра многие получают раны, кому-то суждено умереть. — Он посмотрел вниз. На Дыру. — Я могу просить вас пролить кровь, чтобы сбросить свои оковы, однако не могу просить ради моих амбиций.

Толпа притихла.

— В Дыре я понял, что мужчина или женщина могут обладать властью над жизнью и смертью, но ничто не властно над любовью. Друзья мои, я люблю и вас, и эту страну, и свободу, которую мы завоюем. Но я не чувствую любви к этой женщине. Я не женюсь на Тэре Грэзин — ни сегодня, ни вовеки.

— Что?! — завопила герцогиня и шагнула вперед. — Останови его, Хэврин!

Однако герцог Уэссерос придержал Тэру сзади, а мастер Найл не усилил ее голос.

— Тэра, — заметил герцог, — если вздумаешь остановить его сейчас, прямо здесь начнется гражданская война.

По толпе прокатился рев, и люди стали оглядываться на соседей, расчехляя оружие и пытаясь выяснить, кто на чьей стороне.

— Стойте! — вскричал Логан. Его голос пророкотал над собранием, и он поднял руки. — Я не позволю, чтобы хоть один погиб за то, чтобы сделать меня королем, не говоря уже о тысяче. — Он повернулся. — Леди Грэзин, вы присягнете мне на верность?

В ее глазах вспыхнул огонь, и на этот раз мастер Найл усилил ее голос.

— Нет и нет, даже пеной тысяч и тысяч жизней!

Логан снова поднял руки, опережая всплеск безумия.

— Друзья мои, мы не сможем победить Халидор, если будем разобщены. Поэтому, — он повернулся к Тэре Грэзин, чья красота заметно поубавилась от пятен ярости на лице, —

дайте согласие, что учредите орден Подвязки и простите моим сторонникам все преступления вплоть до сегодняшнего дня... дайте согласие, и я присягну вам на верность.

Тэра Грэзин колебалась лишь секунду. В широко раскрытых глазах застыло неверие, однако она пришла в себя раньше любого выкрика из толпы.

— По рукам, — сказала она. — Теперь давай клятву.

Логан преклонил колени у центра помоста, где стояла Тэра. Наперекор кречету, который расправил крылья за черный круг покорности и несвободы, он протянул руку обратно в круг. В этом-то все и дело.

Иногда, чтобы выбраться из Дыры, лучше сидеть на месте. Логан коснулся ее ноги в обете покорности.

— В знак признания твоей доблести, — ядовито объявила королева Грэзин, — оказываю тебе честь возглавить первую атаку. Твои медоточивые речи несомненно поразят вюрдмайстеров.

61

Калдроса Уин стояла среди сотен женщин впереди толпы. Слезы, шок и неверие — все реагировали по-разному. Слишком много эмоций, чтобы держать их в себе. Обычно Калдроса ненавидела плакать. Теперь слезы облегчали душу.

Ей казалось, будто сердце ее стало втрое больше. Герцог Джайр удивил ее. Вот человек, который ради любви оставил в стороне величайшие на свете амбиции. Он пробил твердую накипь горечи, которой обрастало ее сердце. Превратил их из шлюх в героинь. Да он святой, а та сука посылает его на верную смерть!

Затем вокруг нее и других женщин образовалась толпа. Мужчины пропихивались в строй, чтобы найти отвергнутых возлюбленных. Рядом с Калдросой всхлипывала Дейдра. К ней через толпу ломился человек-медведь. Увидев его, она зарыдала громче. Отец. Глаза его покраснели, по огромным пушистым усам текли слезы. Не успел отец и слова вымолвить, как Дейдра упала в обморок. Он подхватил ее и поднял на руки легко, словно ребенка. Еще одна парочка молча обнималась рядом, все крепче и крепче сжимая друг друга.

Калдроса старалась не испытывать к этим женщинам ненависти за то, что им радостно. Она чувствовала себя другой, обновленной. Гора стыда с плеч долой. Томман наверняка в Сенарии. Простит ли он ее так быстро? Доведется ли ей еще лежать в его объятиях после ночи любви теперь, когда все по-новому?

Толпа начала редеть, и женщины, не нашедшие любимых, собирались вместе. Они смотрели друг на друга и узнавали даже тех, с кем ни разу не встречались. Ведь теперь они как сестры. И даже здесь не одиноки: добропорядочные жены, слушавшие речь издалека, наконец пробрались сквозь ряды мужчин и — все чужие друг другу — обнимались и плакали вместе.

Калдроса Уин заметила Мамочку К., которая стояла чуть поодаль и наблюдала. Ни слезинки в глазах великой женщины. Прямая, как стрела. Несмотря на горделивую осанку, казалось, она тоже ждет, когда и к ней через толпу пробьется мужчина. Калдроса шагнула к ней, восхищаясь собственной храбростью — пойти утешать саму Мамочку К.! — когда увидела его.

Он всматривался в толпу. Судя по форме, один из охотников генерала Агона за ведьмами: доспехи из вареной кожи поверх темно-зеленой туники с желтым кантом. В одной руке странный короткий лук, на спине — колчан. Ее свирепый, вспыльчивый Томман выглядел испуганным. Затем их глаза встретились.

Точно кукла, у которой обрезали ниточки, Томман рухнул на колени. Лук упал в грязь, забытый. Лицо исказилось болью. Он простер к ней руки, глаза наполнились слезами. Вряд ли он выглядел бы таким жалким, умоляя о прощении словами.

Калдроса бросилась к нему.

— Такое чувство, будто на острове я был дольше, чем люди, которые здесь живут, — сказал Кайлар.

— Тихо, — шикнула Ви.

Отправляясь за Логаном, Кайлар взял ялик, такой небольшой, что еле выдержал их обоих. Зато невероятно быстрый. Он смог уйти от единственной патрульной лодки у острова Вое. Теперь охрану несли три судна, и Кайлар собирался попасть на остров тем же способом, каким приходил спасать Элену.

Следуя за Ви, он закинул ногу на веревку, которая висела под мостом, согнул колено и стал подниматься, перебирая руками. Выстрел Ви был точен, и теперь им удалось натянуть веревку гораздо лучше, чем в прошлый раз Кайлару. Миновав обломок стрелы арбалета, застрявшей в дереве после ужасного выстрела Кайлара четыре месяца назад, Ви остановилась.

— Круто, клянусь моей задницей, — пробормотала она.

Отчего Кайлар переключил внимание на ее зад. В который раз. Попка Ви смотрелась весьма аппетитно. Приятная округлость, достойная облегающего костюма. В отличие от многих женщин спортивного сложения, Ви могла похвастать формами. У нее были крутые бедра и приводящие в трепет груди.

«Но почему я думаю о грудях Ви?»

Кайлар нахмурился, продолжая перебирать руками. Совсем не время отвлекаться. Он снова бросил взгляд на задницу Ви. Покачал головой. Глянул еще раз.

«Почему меня привлекает ее зад? Что за нелепость? Отчего мужчинам всегда нравится женский зад?»

Ви достигла стены замка и отпустила веревку. Затем что-то прошептала, и ее скрыли сумерки. Так себе сумерки, не чета тому, что умел Дарзо, не говоря уж о Кайларе. Лишь одна темнота, что размывает знакомые очертания человеческой фигуры. И все же не так бросается в глаза, как полуголая уличная девка, тело которой кричит: «Посмотри на меня!»

Последовав примеру Ви, Кайлар быстро соскользнул с веревки. Они вжались в скалу, когда внизу прошла патрульная лодка.

— Ты ничего не сказал про мои серые одежды.

Кайлар поднял бровь.

— Что? Хочешь услышать от меня, делают ли брюки твою задницу аппетитной? Не сомневайся. Довольна?

— Значит, все-таки смотрел на мой зад. Как тебе остальное?

— Нам что, больше не о чем поговорить? Именно сейчас?

Кайлар опять взглянул на ее грудь — и был застукан.

— Надменный вид и взгляд свысока пойдут тебе лучше, если не будешь краснеть, — сказала Ви.

— Шикарно, — ответил Кайлар, затем кашлянул. — В смысле, одежда. И дело даже не в груди — безусловно подходит стиль. Чуть выше грани сексуальности и бесстыдства.

Она не обиделась.

— Сначала внимание жертвы, затем — жизнь.

— Что-то холодно.

На этот раз он не взглянул на ее грудь. С трудом.

— Я женщина и одеваюсь не для комфорта.

— Не могу поверить, что так долго болтаю об одежде.

— И это, по-твоему, долгий разговор о тряпках? — спросила Ви. — Не слишком много было у тебя любовниц.

— Только одна. И то, по твоей милости, недолго, — ответил Кайлар.

Это ее заткнуло. Слава богу.

Он встал и продолжил путь. Каждый раз, когда под ними проплывала патрульная лодка, они прятались: Ви — чтобы не заметили, Кайлар — чтобы Ви не узнала, что он может стать невидимкой. Кайлар и сам носил довольно тесную одежду из той старой пары, что

принесла ему Мамочка К. Чем больше кто-либо будет знать о пределах его могущества, тем он уязвимей.

Они достигли подземного хода в Утробу в час ночи. Его никто не охранял.

Кайлар проверил задвижку. Не заперто. Вот так сюрприз! Он взглянул на Ви: их мысли явно совпадали. И все же. Откуда король-бог мог узнать, что они придут? Кайлар хотел уже открыть дверь, когда Ви тронула его за руку. Указала на ржавые петли, заставив его повременить.

Ви, что-то бормоча, по очереди коснулась каждой петли, затем кивнула.

Он толкнул ржавую дверь, и она тихо распахнулась.

— Надо же, будь я проклята! — чертыхнулась Ви.

Кайлар закрыл дверь и пристально посмотрел на Ви.

— Ви, прежде чем войдем, должен кое-что спросить.

— Валяй.

— Я занялся мокрым делом из-за ребенка по имени Крыс. Он был сыном Гэрота Урсуула и, лишь бы угодить отцу, порезал лицо Элены, изнасиловал Джарла и пытался изнасиловать меня.

— Я не знала, — сказала Ви. — Мне жаль.

— Это не важно, — резко бросил Кайлар. — Я убежал.

— А я — нет, — спокойно ответила она, погружаясь в себя, в те кошмарные годы. — Для меня это были любовники матери. Она все знала, но ни разу их не остановила. Всю жизнь ненавидела меня за то, чего я ей стоила. Можно подумать, это я трахнулась неизвестно с кем, забеременела и вынудила ее сбежать. Уж не знаю, хотела она ребенка поначалу или просто струсилась принять спорынью или настой пижмы.

Ви понимала, что страх матери был обоснован. Чтобы вызвать аборт, требовалась почти смертельная доза. Каждый год, утверждал Хью, тысячи девушек, те, что «захворали и сошли в могилу», на самом деле хвятили с отравой через край. Другие принимали слишком мало и рожали уродцев.

— Сбежав, мать могла выжить только благодаря телу и внешности. Открыто гордилась, что шлюха, и путалась с кем попало. Один ублюдок за другим. Так и не смогла сделать, что нужно.

— И этим ты от нее отличаешься?

— Да, — тихо сказала Ви.

Затем она пришла в себя. Что-то разболталась. Странно — почему? Ведь никогда и никому про это дерьмо не рассказывала. Да и кому? Всем до лампочки.

— Прости, тебе не стоило это слушать. Ты о чем-то хотел спросить?

Кайлар не ответил. Он смотрел на нее так, как никто прежде. Взглядом матери на своего ребенка, который упал и разбил коленку. Сострадание запало ей в душу, минув сарказм и браваду. Пронзило лед и мертвую плоть — Ви казалось, ничего в ней больше нет — и где-то нашло живой уголок, заливая его теплым светом. Кайлар видел гниющую мерзость, которой она себя оградила, и не отшатнулся, хотя должен был.

— Хью Висельник заставил тебя ее убить?

Она опустила глаза, более не в силах принять тепло открытого сердца. Молча — боялась, что голос выдаст.

— Второе убийство? Сначала ты убила одного из любовников?

Она кивнула.

Это просто смешно. Такой разговор — и у входа в Утробу?

— О чем хотел спросить? — повторила она.

— Когда я покончил с работой мокрушника, то забыть об этом все равно не смог, и лишь теперь знаю почему. Когда в дверях показался Джарл, я вздохнул с облегчением. У меня было все, что душе угодно, до конца жизни. Кроме одного — счастья. Был ли когда рядом с тобой тот, кто смотрел на тебя, понимал и принимал? И по какой-то причине ты не могла принять его расположение?

Ви сглотнула. Сердце наполнилось тоской.

— Вот кем была для меня Элена. В смысле, и есть. Я обещал ей больше никого не убивать, но не могу быть счастлив, если не закончу это дело. Когда уезжал, я оставил ей пару обручальных колец, чтобы знала: я по-прежнему ее люблю и хочу с ней остаться навсегда. Только я уверен, что разгневал ее.

Груз в кармане Ви жег немилосердно. Она велела языку шевельнуться, поведать правду, но тот словно отсох.

— Будь то любое другое убийство, она бы меня никогда не простила. Если сумею, халидорцы проиграют, Логан станет королем, Крольчатник изменится навсегда и смерть Джарла не будет напрасной. Если есть единый бог, как неустанно твердит Элена, он сотворил меня для этого убийства.

«Джарл? Да как он может так спокойно говорить о нем? Мне!»

— Так что за вопрос-то?

Голос прозвучал чуть воинственно даже для нее самой — Джарл! О боги! Чувства захлестнули; даже не понять какие, — но Кайлар ответил спокойно:

— Мне нужно было знать, со мной ты или нет. На всем пути к королю-богу. Если придется, к смерти. Пожалуй, ты уже ответила.

— Я с тобой.

— Знаю. И верю.

Он снова повернулся к двери.

— Кайлар! — окликнула Ви.

Сердце учащенно билось. Сначала она расскажет ему о Джарле, потом о записке и сергах. Без утайки. Упадёт к его ногам и заставит все это принять.

— Прости. О Джарле. И в мыслях не было...

— Знаю, — прервал Кайлар. — Я не вижу в тебе его убийства.

— Что?

— Ви... — тихо проговорил он и положил ей руку на плечо.

По ее телу пробежала дрожь. Взгляд Ви нашел его губы, он шагнул ближе. Она чуть откинула голову и приоткрыла губы. Ощутила его близость как ласку на обнаженной коже и закрыла глаза, и его губы коснулись ее... лба.

Она моргнула.

Кайлар уронил руку, словно плечо обьяло пламя. В его глазах мелькнуло что-то черное.

— Что это было, черт возьми? — требовательно спросила Ви.

— Извини. Я почти... ты о моих глазах? Проверь, не используешь ли чары. Прости. Я только... гм, давай покончим с этим.

Теперь она смутилась не на шутку.

«О чем ты, Ви, думала? Кайлар, прости, что я убила твоего лучшего друга. Хочешь, займемся сексом?»

Кайлар открыл дверь, и Ви увидела зияющий вход, за который Утроба получила свое название. Точно дракон разинул пасть, чтобы их проглотить. Красные стеклянные глаза, с факелами позади, зловеще горели. Все остальное было вырезано из черного огнеупорного стекла: черный язык, по которому они шли, черные клыки над головой. Стоило шагнуть в пасть, и наступила тьма.

— Что-то не так, — заметил Кайлар и остановился. — Совершенно все по-другому.

Когда он спасал Ули с Эленой, скат в Утробу вел в короткий туннель, затем раздваивался. Камеры для знати были справа, для прочих — слева. Повсюду высота потолков составляла семь футов, вызывая чувство клаустрофобии.

— По-моему, ты был здесь пару месяцев назад, — сказала Ви.

— Сдается, ведьмы не теряли времени даром.

Они вошли в огромную подземную камеру. Скат, который некогда уходил вниз на тридцать футов, теперь опустился на сотню. Камеры для знати и камеры первого и второго уровней Утробы исчезли. Ширина ската позволяла проехать четверем лошадям бок о бок; он

закручивался спиралью вокруг огромной ямы в центре. На дне они разглядели золотой алтарь, к которому был привязан человек. Вокруг него собрались мастера.

— Черт! — выдохнула Ви. — Мы должны туда спуститься.

Кайлар проследил за ее взглядом. Внимание Ви привлек не человек на золотом столе, а южный конец ямы, откуда небольшой туннель вел в замок.

Место словно подменили. Такое чувство давал не алтарь и не мрак Утробы. Здесь стоял плотный запах Дыры, и по земле стелился серный дым. Это напомнило Кайлару о его схватке с Дарзо.

Помимо дыма воздух насыщали и другие запахи — старой крови и разлагающейся плоти. Кроме тьмы, странного монотонного распева ведьм и пронзительных криков боли из глубин туннеля было и что-то еще.

Тяжесть. Подавленность. С тех пор как Кайлар нашел приют в ночи, прошло слишком много лет, чтобы бояться тьмы, — так ему казалось. Однако здесь в самом воздухе, которым он дышал, витало нечто более мрачное, древнее и мерзкое. Трудно и представить. Даже запах вони пробуждал в нем память об убийствах. Кайлар вспомнил постыдную радость, когда на лодыжке Крыса затянулась петля. Вспомнил, как отравил тушеное мясо шорника, который не был голоден и отдал его сыну. В точности вспомнил оттенок багрового лица мальчика, когда у него распухла глотка и он задохнулся. Вспомнил еще сотню позорных деяний и сотню других, что не сделал, хотя был обязан. Он стоял, словно парализованный, и вдыхал воздух скверны.

— Пошли, — бросила Ви. Взгляд затравленный, зрачки расширены. — Дыши через рот. Не думай, просто действуй.

Глупо моргнув, Кайлар пришел в себя и последовал за Ви. Все дело в близости Хали. Как и предупреждал Логан.

Они начали спускаться в яму. Кайлар шел по краю, глядя вниз. Подойдя ближе, увидел, что мастера не приносили человека в жертву — по крайней мере, не в привычном смысле. Жертвой был лодрикарец с татуировками по всему телу. На большом, иссохшем скелетообразном теле мешком висела тонкая кожа. Он лежал на золотом столе лицом вниз, раздетый до пояса и связанный толстыми цепями.

На полу, инкрустированном шестиконечной золотой звездой Лодрикара, скрестив ноги, сидели шесть мастеров и что-то бубнили, закрыв глаза. Еще двое стояли по обе стороны алтаря. Один держал молоток, а второй...

Кайлар не поверил глазам, пока не ступил на последнюю спираль, почти у самого пола. Первый мастер держал столярный молоток и золотые гвозди, а второй прилаживал хребет лошади к копчику татуированного человека.

Мастер уложил хребет как надо, и напарник, скрипя зубами, поставил сверху шестидюймовый золотой гвоздь. Затем шарахнул по нему молотком. Лодрикарец вскрикнул и рванулся. Еще два тяжелых удара, и гвоздь вошел по шляпку. Оба мастера отошли, и Кайлар впервые рассмотрел их жертву как следует.

Что-то было не так с кожей лодриканца. Поначалу, из-за татуировок, Кайлар затруднялся сказать, что именно, однако потом увидел между ними красные пятна. Вены вздулись, словно человек поднимал огромный вес. Вроде и понятно, учитывая, что терпела жертва, однако сосуды были явно не на месте. Толстые вены и артерии, красные и голубые, вздулись повсюду. Да и кожа выглядела странно рябоватой, будто все тело усыпали оспины.

Мастера отступили и выкрикнули приказ. Из северного туннеля, где Кайлар видел следственную камеру с десятком заключенных, вывели узника. Человек по рукам и ногам был закован в кандалы. Вокруг шеи — веревка. Юная, хорошенькая мастерша начала распускать веревку, следя за тем, чтобы ни единой частью тела не пересечь магический круг, и встала на дальней от узника стороне. Человек что-то блеял от страха. По лицу катился холодный пот, по ноге стекала моча. Взгляд прикован к телу на алтаре.

Юная мастерша натянула веревку, подтаскивая узника к магическому кругу. Первый неловкий шаг — и человек стал сопротивляться. Слишком поздно. Он потерял равновесие и,

чтобы не упасть, переставил ноги вперед. Когда увидел, что дорожка ведет прямо к татуированному лодрикарцу, рванулся в сторону.

Жертва, руки которой сковали за спиной, при всем желании не могла удержаться на ногах. Узник упал лицом на пол из вулканического стекла.

Майстеры, те, что не сидели и не бубнили, чертыхнулись. Девушка сменила позицию, перекинув веревку через алтарь. К ней на помощь пришел майстер, и они снова взялись тащить полуживого узника к алтарю.

«Почему бы им просто не использовать магию?»

Глянув через ка'кари, Кайлар решил, что понял причину.

Всю камеру доверху заполняла магия. Она вздымалась от майстеров, точно клубы серного дыма над Дырой. Сочилась через землю. Плотно насыщала воздух — везде, кроме алтаря. Там пространство было мертвым. Майстеры создавали нечто такое, что сопротивлялось магии — даже их. Однако, присмотревшись, Кайлар заметил, что магия все же касалась жертвы. Майстеры совместно сплетали что-то в воздухе над алтарем и погружали Узор в тело в двух местах. В шею, по обе стороны позвоночника, были вживлены два бриллианта, каждый размером с большой палец. В видимой части спектра их скрывали кровь, ввевшаяся грязь и волосы человека. В магической части спектра они сверкали. Только через них майстеры могли воздействовать на тело.

Наконец два майстера дотащили узника, вздернув его на ноги. Тот давился и кашлял. Кайлар почувствовал, что Ви тянет его за тунику, однако оставил знак без внимания. Узник пошатнулся и упал вперед, на алтарь, поперек татуированного человека.

Хотя упал он под углом и должен был скатиться, но тем не менее словно прилип. Майстеры бросили веревку и быстро отошли, почти бежали. Бормотание стало громче, выше тоном. Узник вскрикнул, но Кайлар не понял отчего. Мышцы татуированного человека напряглись, кожа покраснела еще сильнее. Еще миг — и всю спину залило кровью.

Узника рывком подняло в воздух и присосало к татуированной спине. Затем с него сорвало тунику, и Кайлар увидел, что кожу лодрикарца будто сводит судорогой. Каждая из тысяч оспин открылась крошечным зубастым ртом. Татуированная кожа повсюду вгрызалась в жертву.

По мере того как спина поглощала узника, человек на алтаре кричал в муках наравне с жертвой. Сквозь ка'кари Кайлар наблюдал, как от узника отрываются целые ребра, втягиваются через волнообразную спину и соединяются с новым хребтом. Кожа распухала и тоже нарастала над позвоночником. Майстеры все бубнили, и Кайлар видел, что они управляют процессом роста. Однако что бы ни представлял собой татуированный зверь, они его не создавали. Чудовище уже существовало. Майстеры только придавали ему форму, годную для войны.

Еще секунд десять, и узник исчез. В каком-то смысле. Его части стали единым целым с новым существом. Чудовище на алтаре вобрало в себя почти половину массы узника. Позвоночник жертвы укрепил хребет. Кости удлинити туловище. Кожа растянулась по новой длине и теперь тоже была покрыта мелкими оспинами-ртами. Перемолотые кости узника удвоили толщину черепа существа.

Главный майстер что-то пролаял — видимо, одобрил — и пошел за новым узником.

Ви снова дернула Кайлара за рукав. Он повернулся и глянул во мрак — туда, где ее глаза.

— Иди вперед, — шепнул он. — Я догоню.

— Уж не надумал ли сделать какую глупость?

Кайлар мрачно усмехнулся. Ви только покачала головой.

Лантано Гаруваши вывел своих окровавленных, но ликующих людей из пещер, по которым прошел через горы. В последней пещере спали двести халидорцев. Четыре ведьмы

устроились в самой глубине, видимо, считая, что безопасней места нет, и погибли даже раньше, чем халидорцы подняли тревогу. Остальные в суматохе положили своих же людей не меньше, чем воины Гаруваши.

В предрассветной тьме са'кьюраи вышли к юго-востоку от Паввилс-Гроув. На равнине друг против друга стояли лагерями две армии. Гаруваши удивило, что в пещерах засели именно халидорцы. В битве на своей территории там надлежало укрыть резервы сенарийцам. Если брать эту пещеру за пример, то король-бог мог легко спрятать еще тысяч пять, чтобы потом минут за десять развернуть их в боевой порядок.

Этого вполне хватало, чтобы заставить Гаруваши повернуть назад. Если в рукаве у сенарийцев не найдется козырей получше, Халидор станет вечным соседом Кьюры на севере.

И все же. Как-никак последняя битва. Если он дождется исхода, то будет знать, сумеют мятежники сделать перегруппировку сил или их уничтожат. Своими глазами увидит тактику халидорцев, что, возможно, спасет его в будущем.

— Развернуться всеором! — приказал Гаруваши лысеющему капитану Отару Томаки.

Он шагнул к выходу из пещеры, быстро и точно — что значит долгая практика! — подвязывая четыре прядки черных волос.

— Мастер войны, ты не согласишься нашей удаче, — вдруг сказал Томаки.

Гаруваши поднял бровь.

— Сэр, вот он, — указал Томаки.

Не далее как в трехстах шагах Гаруваши сквозь деревья увидел преследуемого здоровяка. Тот бежал вверх по холму к полю битвы, в сторону лагеря сенарийцев. Оглянулся. Гаруваши не сразу понял почему — мешали деревья. Затем на холм из-за деревьев вырвались четыре халидорских всадника.

Видя, что его настигнут раньше, чем он успеет подняться на холм, здоровяк остановился и вытащил меч.

— Сами боги привели его ко мне, — сказал Лантано. — После того как он убьет всадников, посмотрим, достоин ли он Лантано Гаруваши.

— Когда за мной бросятся в погоню, придется действовать быстро, — прошептал Кайлар. — Захвати туннель.

— Что ты собрался делать? — шепотом спросила Ви.

В яму ввели очередного узника. Этот брел, как овечка.

— Иди и все, — шепнул Кайлар.

— Я тебе не лакей, черт возьми, — сказала Ви, опасно поднимая голос.

— Ну тогда делай, что считаешь нужным, — отозвался Кайлар.

Ви бросила сердитый взгляд и — пошла.

Майстеры недолго спорили, затем сорвали с узника одежду. Кайлар выжидал. Он представлял себе, что делать, но всему свое время. Надо ждать, пока Ви не захватит туннель. И не погибнет узник.

Он это ненавидел. Но ждал.

«Черт возьми, борись! Это даст мне все, что нужно».

Голый узник ничего не делал. Он с ужасом взирал на массу, что корчилась на золотом алтаре.

«Почему ты не борешься? Что тебе сделают? Убьют, да и только».

В последний миг человек сдавленно всхлипнул и попытался устоять, но веревка на шее дернула его вперед. Бедняга прилип к чудовищу и закричал. Бормотание снова стало громче; остальные майстеры из углов звезды Лодрикара широко раскрытыми глазами наблюдали, как тварь пожирает узника. На этот раз даже быстрее прежнего.

Кайлар целиком завернулся в плащ, и ка'кари метнулся по коже, облекая тело подобно сильно поношенной тунике. Он бросился к алтарю, мимо бубнящего майстера.

Кайлар шагнул в круг, который очерчивал звезду, и кожу чуть не сожгло от мощи магии в воздухе. Его пронзил крик Хали — голос отчаяния, позора, гибели и разврата.

Еще шаг, и он прыгнул, делая сальто над алтарем — переворот без рук в стойку, — и чудовище впилося в его тело. В каждую клеточку — по иголке, вливая энергию во все вены. Точно прыжок сквозь молнию. Пролетая над уродливой башкой чудовища, Кайлар схватил алмазы.

Камни соскользнули с кожи твари, как по маслу. Он приземлился по другую сторону алтаря и отшвырнул бриллианты, словно горящие угли. Еще секунда, и Кайлар, покинув звезду, прыгнул к стене, изрезанной рунами и рисунками так глубоко, что можно цепляться. Что бы ни случилось дальше, он был доволен, что убрался к чертям с дороги и теперь мог наблюдать невидимкой.

Майстеры вокруг звезды очнулись, хлопнув глазами. Тварь продолжала всасывать узника, однако магия повисла в воздухе, точно щупальца медузы.

Маги один за другим прерывали заклинание и... поворачивались к Кайлару. Уставились, разинув рты, словно видели что-то невероятное.

Они меня видят! Кайлар пауком прилип к стене, втиснув руки и ноги в трещины за спиной. Замер, ожидая первой атаки.

Тишину нарушил звук рвущихся цепей и хриплый, почти человеческий рев. Похожее на огромную гусеницу чудовище с длинной спиной встряхнулось, и остатки цепей стрельнули, как хлопья с горячей сковородки. О Кайларе тут же забыли.

Встав на шесть человеческих рук, тварь метнулась и задавила майстера. Шесть рук разорвали мага и прилепили его конечности к телу чудовища. Крохотные рты давали фору любому клею. От шкуры зверя отскочила шаровая молния. Еще три шаровые молнии, одна за другой, попали в зверя и улетели, взрываясь о стены или пол. Майстеры вскрикнули. Одна из них, девушка, побежала вверх — по спиральной лестнице из ямы. Тварь кинулась за ней, но не следом, а наперехват, через круглый зал. Попыталась достать. Майстерша вжалась в стену, как можно дальше от хватающей руки.

Довольно далеко. На такой высоте чудовище дотянуться не могло. Девушка стала быстро отползать на четвереньках вверх по лестнице. Когда Кайлару показалось, что она спасется, существо вдруг просело. Его руки-ноги обмякли. Длинные кости рук, одна за другой, скользнули под кожей к руке, тянувшейся к девушке. Рука обособилась и стала плавно удлиняться. Каждая новая часть соединялась с тошнотворным хлопом переставляемых с места на место суставов. Рука мгновенно удлинилась впятеро. Чудовище схватило девушку и притянуло к себе. Ее крики разом стихли.

Существо округлилось и сокрушило о стену еще трех майстеров. Затем сделало передышку, пока крошечные рты пережевывали их одежду и плоть. Четвертый маг схватил за руку одного из трех, пытаясь выволить. Чтобы создать себе рычаг, поставил ногу на шкуру. Хотя тварь, похоже, этого и не заметила, видно, сама кожа обладала разумом или, по крайней мере, неутолимый голодом. Майстер вдруг выпучил глаза и бросился назад, однако нога уже прилипла к шкуре. Он с криком упал навзничь. На секунду показалось, что сумеет вырваться — ценой ступни.

Бок чудовища задергался — как у лошади, отгоняющей мух, — и зубастая кожа волной накрыла ногу майстера по лодыжку. Еще судорога — и заглотнула пол-икры. Волна за волной, и вот тварь уже пожирала сразу четверых.

Кайлару перерыв пришелся кстати. Он спрыгнул со стены и помчался к южному туннелю в замок, мимо четырех майстеров, с которыми расправилась Ви. Он нашел ее, когда она перед внушительной дубовой дверью рылась в кошельке убитого стражника. Кайлар беспечно улыбнулся. Ви смотрела на него, широко раскрыв глаза.

— Черт возьми, Кайлар, ты весь горишь!

— Еще бы! Прямо из пекла, — бросил он, забывая, что должен быть невидим.

— Нет, черт возьми. В самом деле горишь.

Кайлар глянул вниз. Он был словно охвачен огнем, весь пурпурно-зеленый в магическом спектре и тускло-красный, точно пламя в горне, для обычного глаза. Немудрено, что майстеры пялились. Он прыгнул в самое сердце их магии, и ка'кари, не сумев поглотить

так много, кровоточил излишком в виде света.

Не задумываясь, он попытался вобрать в себя ка'кари. Все равно что по горло влил расплавленный свинец.

— Ай! Ой!

— Ну что? Убил? — спросила Ви.

Кайлар посмотрел на нее как на сумасшедшую.

— Разве ты не видела, что эта... штуковина вытворяла?

— Нет. Я подчинилась приказу и захватила туннель. — Ви могла быть настоящей язвой. — Толку, правда, ни хрена, поскольку нет ключа. Должно быть, они боялись этой... штуковины, — передразнила она. — Надо возвращаться. По мне, так лучше бы тайком, да ты тут вместо факела.

Кайлар отстранил Ви и приложил ладони, одну над другой, к ближнему краю дубовой двери.

— Что ты задумал? — спросила она.

Боги, какая толстая! Но раз уж он не смог вобрать магию в себя, почему бы не выдать ее наружу? Кайлар ощутил всплеск магии и глянул вниз. Через дверь в фут толщиной и железные петли шли насквозь два магических туннеля — точно по форме ладоней.

Сглотнув — «Как я это сделал, черт возьми?» — Кайлар толкнул дверь. Хоть бы что. Лишь когда он использовал силу *таланта*, дверь взвыла, выворачивая замки, и рухнула на пол.

Кайлар перешагнул через дверь. Когда Ви не пошла следом, обернулся. Она смотрела так красноречиво, что Кайлар знал точно, что вертится у нее на языке.

— Да кто же ты, черт подери? Хью не учил меня подобным штучкам. Он и не знает ничего такого.

— Я всего лишь мокрушник.

— Нет, Кайлар. Уж не знаю, кто ты, только не похож ни на кого.

63

— Почему ты отказал мне в моих королевских одеждах? — требовательно спросила девушка.

Принцесса надела серое просторное платье и собрала волосы в простой хвостик. Король-бог отказывал ей даже в гребешках.

— Веришь ли ты в зло, Дженин?

Гэрот сел на краешек ее постели в северной башне. Скоро наступит рассвет того дня, когда он наконец уничтожит Сопротивление сенарийцев. Славный предстоит денек. Гэрот был в приподнятом настроении.

— С тобой да не верить? — Она сплюнула. — Где мои вещи?

— Красивая женщина одевается для мужчины, юная леди. Ты прекрасна и без нарядов. Мне будет неприятно, если тебя так рано лишат девственности.

— Ты что, не властен над своими людьми? Тоже мне, бог. Нечего сказать, король.

— Я говорю не о своих людях, — тихо заметил Гэрот.

Она хлопнула ресницами.

— Ты меня возбуждаешь. У тебя есть то, что мы называем «юшай». Жизнь и огонь, твердый дух и радость жизни. Раньше я подавлял это в моих женах; вот почему тебя заточили в башню и отказали в подобающей одежде. Вот почему я удовлетворял себя с одной из твоих фрейлин — чтобы тебя защитить. Ты будешь моей королевой и поделишь со мной ложе, но время еще не пришло.

— И не придет!

— Вот видишь? Это юшай.

— Катись к черту! — отрезала Дженин.

— Упрямая ты девушка. Мой королевский род для тебя уже третий по счету — и у

первых двух дела шли неважно, помнишь? Сколько протянул твой муж? Около часа?

— Клянусь богом единым и сотней богов, — сказала она. — Пусть твою душу ввергнут в ад. Пусть каждый плод в твоих руках сгниет и зачервивеет. Пусть твои дети предадут тебя...

Он хлестнул Дженин по щеке. Та секунду пошевелила челюстью, сморгнула слезы.

Затем продолжила:

— Пусть...

Он ударил ее сильнее и ощутил приятный, мощный всплеск у паха. Проклятая Хали.

Когда она собралась в него плюнуть, Гэрот заткнул ей рот виром.

— Никогда не искушай мужчину за гранью того, что он способен вынести. Тебе ясно? — спросил он.

Она кивнула, глядя круглыми глазами на черный вир, скребущий по его коже.

Вир отпустил ее. Гэрот Урсуул разочарованно вздохнул, отказывая Чужим. Дженин выглядела напуганной.

«Хорошо. Может, это научит ее осторожности».

Когда Неф Дада, извиняясь за неприятности в Сенарии, в качестве подарка предъявил принцессу, Гэрот был сражен на месте. Сначала он отправил принцессу Гандер в Халирас — с обозом, в котором увозили лучшее награбленное добро, — однако выкинуть ее из головы не смог. И — приказал вернуть назад. Риск был безумный. Если сенарийцы прознают, что она жива, и спасут Дженин, то получают законную правительницу. И ведь правила бы эта девочка, будь у нее возможность и немного удачи. Бесстрашная.

— Возвращаюсь, Дженин, к вопросу. Ты веришь в зло? — повторил король-бог. Лучше чем-то занять мысли, если, конечно, эта беседа не закончится для нее слезами, а для него — отвращением. — Кое-кто считает злом, когда мои солдаты стучат ночью в дверь, спрашивают у хозяина, где его брат, и хозяин в испуге отвечает. Или когда женщина видит на дороге тугой кошелек и кладет его в карман. Я не спрашиваю, веришь ли ты в слабость или невежество, которое вредит другим. Я спрашиваю, веришь ли ты в зло, что упивается разрушением и торжествует в извращениях. То зло, что смачно плюет в лицо добродетели.

Видишь ли, когда я убиваю одного из моих отпрысков, это не злонамеренный акт. Я знаю, что, вырывая горячее сердце из груди мальчишки, не просто убиваю. Я вселяю такой страх в других, что становлюсь при этом больше, чем просто человеком. Я бесспорен и непостижим. Как бог. Это хранит мою власть и королевство. Когда хочу взять город, то сгоняю перед моим войском жителей близлежащих деревень. Если горожане решат применить против моих людей военные орудия, сначала им придется убить своих друзей и соседей. Жестоко? Да. Но порочно ли? Можно сказать, это спасает жизни, так как обычно города сдаются. Либо мне откроют ворота, когда начну при помощи катапульты забрасывать их живыми людьми. Ты удивишься, узнав, что творит с солдатами обычный крик, который переходит в пронзительный вопль и завершается глухим стуком. Каждые тринадцать минут. Только и ждешь, только и задаешься вопросом — знакомый ли голос? Но я отвлекся. Видишь ли, я не называю все это злом. Наше общество покоится на основе власти короля-бога. Не будет у него абсолютной власти, и все рухнет. Затем грядут хаос, война, голод и чума, которая не выбирает между виновными и невинными. Все мои деяния это предотвращают. Легкая жестокость нас оберегает, как нож хирурга сохраняет жизнь. Мой вопрос таков: веришь ли ты в чистое зло? Или же любой поступок предполагает толику добра?

— Зачем ты меня спрашиваешь?

Дженин стала мертвенно-бледной. По-халидорски. Если бы не зеленый оттенок.

— Я всегда общаюсь с женами, — ответил король-бог. — Во-первых, потому что сами с собой регулярно беседуют только безумцы. Во-вторых, есть ничтожный шанс, что у женщины все в порядке с интуицией.

Он искушал Дженин и был вознагражден, когда та вновь обрела частичку юшая. Принцесса напоминала ему мать Дориана. И мать Мобуру.

— По-моему, у зла есть посредники, — сказала Дженин. — Мы позволяем ему нас использовать. Не важно, знаем ли, что творим зло, или нет. Если мы, выполнив его волю, чувствуем за собой вину, зло может это использовать, чтобы осудить нас в собственных глазах. Если нам хорошо, зло мгновенно использует нас для своих дальнейших целей.

— С тобой, дитя, не соскучишься, — заметил Гэрот. — Такую мысль я еще не слышал.

Идея ему не понравилась. Он терял в величии: простое орудие, которое всегда лишь соучастник, осознанно либо не ведая того.

— Знаешь, я почти оставил этот трон. Почти отверг все то, на чем держится род богов.

— Неужели?

— Да, причем дважды. Впервые, когда был этелингом, и позже, когда стал отцом. Назад меня оба раза возвращала сила. Нон такуулам. «Я не должен служить». Понимаешь, был у меня сын по имени Дориан. Весь в меня. Я видел, что он тоже сворачивает с пути божества. — Гэрот помолчал. — Ты стояла когда-нибудь высоко, думая: смогу ли прыгнуть?

— Да, — ответила Дженин.

— Так у всех, — сказал Гэрот. — А стояла ли с кем-нибудь вместе, думая, смогу ли его толкнуть?

Она испуганно покачала головой.

— Я тебе не верю. Ну да неважно. Именно так и получилось с Дорианом. Я решил, что могу его толкнуть. И толкнул. Не потому, что мне это помогло, а просто — мог и сделал. Он доверился мне и почти увел меня с пути божества, а потому я предал его самым изощренным способом, какой мог себе представить. Именно в этот миг я ближе всего подобрался к чистому злу. Понимаешь, на мой взгляд, в мире есть только две тайны. Первая — зло. Вторая — любовь. Я видел, как любовь используют. Преувеличивая, выставляют на посмешище. Извращают, обманывают и предают. Любовь хрупка, ее легко разрушить. Тем не менее я видел и ее необычайную силу. Это за гранью моего понимания. Любовь — это слабость, которая время от времени, пусть и крайне редко, но побеждает силу. Загадочно. Как считаешь, Дженин?

С каменным лицом она ответила:

— О любви я ничего не знаю.

Он фыркнул.

— Не огорчайся. Одна интересная мысль — это гораздо больше, чем я вытягиваю из большинства моих жен. Власть что шлюха. Взяв ее, понимаешь, что она соблазняет всех мужчин поблизости.

— В чем же цель всей твоей власти? — спросила Дженин.

Он наморщил лоб.

— Что ты хочешь сказать?

— Что именно в этом твоя беда.

— Сейчас ты говоришь интуитивно, как я и жду от женщин. Все равно что ни о чем.

— Спасибо, разъяснил.

Ах вот как. Говорили же, большая умница. Он изумился, когда услышал, что она просит книги. Женщинам лучше не давать читать.

— Пожалуйста. На чем я там остановился?

Она ответила, но Гэрот ее уже не слышал. Что-то случилось с ферали Тенсера. Он чувствовал это сквозь паутину магии, которой опутал весь замок. Кто бы ни вмешался, он был сильнее, чем предполагал Гэрот.

— Могу сказать, что ты здесь несчастлива, поэтому я отправляю тебя в Халирас, — бросил он, направляясь к двери. — Если передашь кому записку или вздумаешь бежать, я соберу в одно место всех твоих друзей, добавлю еще сотню невинных и — убью.

Гэрот прошел по комнате и страстно поцеловал Дженин. Ее губы оказались холодны и неотзывчивы.

— Прощай, моя принцесса, — сказал он.

Гэрот подождал за дверью, затем услышал, как девушка разрыдалась, шорох покрывал,

когда она бросилась на кровать и, похоже, произнесла имя Логана. Насчет этого надо распорядиться. Если Дженин узнает, что Логан жив, она никогда не подчинится воле Гэрота. Рывки паутины тянули за собой, а он все медлил. Обычно слезы женщины для него — ничто, но сегодня... Он повертел чувство, будто камушек необычного цвета. Что это? Вина? Угрызения совести? Откуда такое безумное желание извиниться?

Любопытно. Надо подумать об этом позже. Когда Дженин будет на безопасном расстоянии отсюда.

Он приказал шести огромным горцам из личной стражи доставить ее в Халидор немедленно, затем сошел вниз по лестнице.

64

Фейр в сумраке изучал сенарийскую армию, выискивая Солона или Дориана. Не нашел ни того ни другого. Когда спросил, почему здесь нет гарнизона Ревущих Ветров, граф по имени Римболд Дрейк поведал ему о бойне и разделил его опасения: если Хали уничтожила опытных воинов, что же будет, когда ее привезут сюда?

Отчаявшись, Фейр поехал дальше. Жаль, что он не ясновидец, по крайней мере в полезном смысле. Вблизи — да, различал Узоры магии, словно через ладешское увеличительное стекло. Однако поставь человека, даже с таким *талантом*, как у Солона, на полсотни шагов дальше, и Фейр видел только проблески, не более.

После лихорадочных расспросов он нашел двух магов: жену и мужа, не слишком *талантливых*, зато целителей. Они сказали, что во всей армии не видели больших *талантов*. Тевор Найл беспомощно огляделся вокруг и вдруг замер.

— Дрисса! — окликнул он.

Она подошла и взяла его за руку. Супруги сосредоточили внимание на предгорье в сотнях шагов от лагеря.

— Одолжи нам свою силу, и взамен мы дадим тебе наше зрение, — сказала Дрисса Фейру.

Дело щекотливое, с Кьюрохом-то в руках. Все же он сдался на их милость, и предгорье засияло ярким светом.

Люди были слишком далеко, чтобы Фейр узнал их в лицо, и они позаботились, чтобы не мелькать на горизонте, но характерный, как и радужки их глаз, *талант* каждого сверкал. С этими людьми Фейр встречался и со всеми ломал копья в беседах. Шестеро самых могущественных магов Шо'сенди. Он знал, зачем они сюда пришли. Несомненно, мерзавцы свято верили, что Кьюрох принадлежит им по праву. Как же. Правда, они умеют обращаться с мечом, а он — нет. Если отдать им Кьюрох и взять с них клятву, что вернут его на определенных условиях, любой из шестерки может сжечь дотла всю халидорскую армию. У Фейра нет красноречия Солона, ну так с Кьюрохом в руке сойдет и его косноязычие.

Одолжив у Найлов лошадь, он сломя голову помчался к братьям, молясь успеть до тех пор, пока армии не сомкнут шеренги. Если доскачет вовремя, Сенария может победить, не потеряв и человека.

Тропинка завела его в лощину, вне поля зрения магов, и он тут же нарвался на конный авангард халидорцев. Лошадь под ним была убита лучником, и к нему поскакали уланы, брезгуя стрелами ради забавы убить пехотинца.

Теперь трое лежали мертвыми, и у Фейра забот прибавилось. Позади халидорцев — невероятно! — шли са'кьюраи.

Сражаясь с последним из всадников, он попытался выйти на линию прямой видимости магов. Боги, они всего в ста шагах! Только бы увидели. Даже тысяча са'кьюраев не станет преградой между той шестеркой магов и Кьюрохом.

Са'кьюраи не позволят Фейру прорвать их строй. Слишком дисциплинированны. Уж наверняка они оценят его умение драться, а у них взгляд на то, как должен драться воин, весьма оригинальный.

У Пути меча собственные взгляды на сражение. Он допускает, что, каждый раз вступая в битву, ты умрешь, и презирает смерть, коль скоро ты погиб достойно. Окончательный способ уничтожить врага — поразить его за долю секунды до того, как он нанесет смертельный удар.

Фейр считал, что это хорошо и практично, когда силы примерно равны, как в бою двух лучших воинов. Будешь слишком беречь себя, чтобы не ранили, никогда не хватит смелости получить урон, необходимый, чтобы затем убить лучшего. Значит, неминуемо дрогнешь. Если дрогнешь, то умрешь и — что на взгляд кьюрца еще хуже — проиграешь.

Убить трех всадников — бесспорно, немалый подвиг. Опытный всадник стоит десятка пехотинцев. Только маг без лошади — не просто пеший воин, и Фейр не раскаивался, используя помощь магии, чтобы убить первых трех. Он знал, что может убить и последнего нападавшего халидорца. Но вот способ? Какое впечатление хотел бы он оставить у этих повелителей меча? Бой для кьюрца сродни общению. Слова обманчивы, однако тело скажет правду.

Он вложил Кьюрох в ножны — еще одна задача, надо бы обдумать позже — и побежал к улану. В битве воин с удовольствием позволил бы его горному пони сбить Фейра, но тот уже не сомневался: попробует убить собственноручно. И... как по заказу!

Улан отклонился вбок и нацелил десятифутовое копьё. Фейр прыгнул в воздух. Не блестящий прыжок, но халидорец скакал на горном пони, а не на могучем боевом коне алитэрцев. Все же метр двадцать, а не метр восемьдесят. Фейр взметнулся над уланом и нанес боковой удар ногой в лицо халидорцу.

Он понял две вещи сразу. Во-первых, крестьяне Кьюры, которые изобрели удар, чтобы выбить всадника из седла, видимо, его не пробовали, когда лошадь скачет галопом. Во-вторых, что-то хрустнуло, и то была не шея халидорца.

Фейр рухнул на землю. А когда встал, лодыжку пронзила боль и в глазах потемнело. Не показать бы слабость, только не перед са'кьюраями! Они замкнули круг. Один из са'кьюраев, с ножом в руке, чтобы добить, проверил халидорца, однако тот уже был мертв.

Фейр надменно стоял в тишине, сложив на груди ручки. Сердце Фейра было холодным. Его и магов на холме разделял один выступ скалы. Еще десять шагов, засветить *талант* — увидят и сквозь деревья. Только десять шагов он пройти не мог. Даже пяти.

За кругом натянутых луков и обнаженных мечей каждый из четырех трупов осматривал са'кьюрай. Повсюду в его волосах висели пряди поверженных соперников. Большинство были привязаны с двух концов — убитые им са'кьюрай. Остальные же — только к его волосам. Чужеземцы. Круг железа расступился, и Лантано Гаруваши взглянул на Фейра.

— Ты стоишь величественно и сражаешься как нефилим, хотя даже не окропил свой меч кровью этих псов. Кто ты, великан? — спросил Лантано.

Нефилим? Фейр напряг извилины, вспоминая все, что знал о Кьюре. Слава богам, изрядно. Большинство мастеров клинка о Кьюре знали немало, поскольку многие их учителя были кьюрцами, которых изгнали за то, что в бесконечных войнах служили не той стороне. Но нефилим? Это Путь меча. Первые люди, которых создали из... железа? Душа человека — его меч...

«Не могу я драться! Ведь я хромой! Лантано Гаруваши видел меня в бою и теперь захочет доказать, что более велик, чем этот „великан“».

Вот оно! «То были герои и великие люди древности». Нефилимы — дети, которых рождали смертные женщины от сыновей богов. Или это сам бог? Ах, черт, он не мог припомнить, были ли кьюрцы сторонниками многобожия.

— Не бойся, — ответил Фейр.

Он видел, как ужас пробежал по их суровым лицам. Кто посмел сказать Лантано Гаруваши «не бойся»? Фейр решил: если блефовать, так уж до конца. По самую рукоять.

Кстати, о рукоятях. Не пора ли Кьюроху проделать свои трюки? Отчасти скрытая магия Кьюроха заключалась в том, что по желанию хозяина он мог принимать любую форму. Меч вполне способен помочь Фейру, у которого внезапно зародилась мысль взять на себя роль

божественного посланника. Он читал описания кьюрского меча и пожелал, чтобы Кьюрох принял верную форму. «Это все, что мне нужно сделать?»

Он медленно вытащил меч, не спуская глаз с Лантано Гаруваши, пока тот не глянул вниз. По всему кругу люди ахали, широко раскрыв глаза, челюсти отвисали — и это его, Лантано Гаруваши, элита!

Фейр проследил за взглядами. Кьюрох не только понял тип меча, который от него хотели, но знал и сам меч. Фейр вообразил, что меч «с небесными огнями вдоль клинка» означал либо образцы совершенной стали, либо гравировку огня. Другой перевод означал: «С небесным огнем в клинке». Кьюрох выбрал последний подход.

На обеих сторонах лезвия рядом с рукоятью были выгравированы драконы-близнецы, неуловимо разные. Фейр знал, не глядя, что будут похожи. Каждый выдыхал огонь к кончику меча. Только то была не гравировка, а живое пламя. Внутри меча. Там, где горел огонь, и на пару дюймов дальше меч стал прозрачным как стекло. Фейр будто держал в руке полоску пламени. Длину меч не менял, хотя огонь внутри играл в зависимости от... Фейр не знал отчего, только именно сейчас пламя драконов полыхнуло до кончика меча, на три с половиной фута от рукояти. Затем огонь погас.

Фейр надеялся поразить, однако са'кьюрай, судя по их виду, его чуть ли не боготворили. Он с трудом скрыл изумление, прежде чем взоры обратились к нему вновь.

Лантано Гаруваши выглядел так, будто его впервые в жизни пронзил страх. Затем это ушло, и среди всех он один казался рассерженным.

— Почему нефилим владеет Кьюр'келестосом? Небесный меч.

Фейр вдруг заподозрил, что как-то уж слишком легко Кьюрох стал этим особенным клинком. Словно знал, как должен выглядеть.

«Что, если он не притворяется Кьюр'келестосом? Что, если и впрямь — тот самый? У меня получился самый священный для этих людей артефакт. Ну и как я теперь отсюда похромаю? Уже поздно давать задний ход».

— Я всего лишь слуга. У меня к тебе послание, Лантано Гаруваши. Чтобы его принять, надо быть достойным са'кьюраем. — Фейр украсил голос магией, изменил его, добавил важности и глубины, подобающих голосу Небес. — Пред тобой лежит путь. Сразись с Халидором и стань великим королем.

Не бог весть какое послание. Зато краткое, не то вдруг блеснет его косноязычие. Добавив мощи и тонов, Фейр решил: пожалуй, хватит, чтобы повергнуть в трепет.

Однако Гаруваши что-то не трепетал. Он медленно вытащил меч. Тот повис в его вялой, безвольной руке. Фейр слишком поздно осознал ошибку. Зачем он предложил эту особую награду? Зачем сказал, что Гаруваши станет королем? Ведь для сына простолюдина это невозможно. Меч у Гаруваши был чисто железный — жалкий, весь избитый. Железному мечу не править никогда. И обмена не будет. Меч са'кьюрая — его душа. Для кьюрцев это не теория, а факт.

Жалкая полоска меча стала ярким свидетельством лжи Фейра. Хватка Гаруваши на железной душе окрепла, и кончик лезвия вызывающе поднялся. Са'кьюрай в кольце по-прежнему держали оружие, но луки уже не были натянуты, о мечах забыли. Они выглядели так, будто этот миг обязан был оставить в их памяти неизгладимый след. Мастер войны, величайший са'кьюрай всех времен, против нефилима с легендарным мечом. И Лантано Гаруваши не выказывал и тени страха.

— Достойный ли я са'кьюрай? — переспросил Лантано. — Да лучше я умру, чем приму насмешку, пусть и от самих богов. Я вполне са'кьюрай, чтобы принять смерть от Небесного меча или убить посланника богов.

Затем он напал — со скоростью, овевшей Гаруваши легендой.

Биться Фейр не мог. С таким человеком да на одной здоровой ноге? Самоубийство. Он отразил первую атаку Гаруваши, затем магией дернул его на себя.

Кьюрец влетел в него, и воины встали почти нос к носу, скрестив мечи. Кьюрох — или Кьюр'келестос? — ожил, вспыхнув. Драконы выдохнули пламя до кончика меча.

Фейр надеялся лишь на то, что его могучие руки сильнее, чем у Гаруваши. На расстоянии тот убил бы Фейра, зато вблизи оставалась надежда. Однако, прежде чем кто-либо смог что-то сделать, свет начал распускаться во вторую полосу между воинами. Это заняло лишь секунду, но на этот короткий миг сражение остановилось. Они стояли, просто напрягаясь, чтобы кто-то из них потерял равновесие, и старались не замечать то, на что каждый отчаянно хотел взглянуть. Фейр ничего не делал — возможно, Кьюрох реагировал на магию, которую тот использовал, чтобы притянуть к себе Гаруваши. Меч Лантано раскалился докрасна, затем побелел. Горел даже ярче, чем Кьюрох. Затем взорвался.

Горящие осколки меча хоть и не прошли Фейра, но силу волны погасить было нечем. Он кувырком полетел назад и упал вниз лицом, в добрых пятнадцати футах от места схватки. Попытался встать. Его пронзила такая дикая боль в лодыжке, что наверняка, если б встал, потерял бы сознание. Фейр остался стоять на коленях. Он поднял глаза на холм и собрал последние силы.

«Взгляни же, Люциус, черт возьми! Взгляни!»

Да, он по-прежнему скрыт за деревьями, но хватит и мимолетного взгляда одного из провидцев, чтобы его увидели.

В тридцати футах от Фейра поднялся на ноги Лантано Гаруваши. Он держал в руке свой меч. Невероятно! Хотя нет, не свой. Его железный меч исчез, точно испарился. Не осталось и дымящихся осколков. С бесконечным удивлением в глазах он сжимал Кьюр'келестос, и смотрелся тот прекрасно, будто Лантано был рожден для этого меча, который выковали тысячу лет назад с мыслью о Гаруваши.

Если раньше са'кьюраев зрелище поразило, то теперь они просто онемели. Воины упали на колени, подобно Фейру. Один из них промолвил:

— Боги дали Лантано Гаруваши новый меч.

Он имел в виду, что боги дали Лантано новую душу. Душу легенды. Короля. В каждом взгляде Фейр читал одобрение. Воины это знали. Они служили Лантано Гаруваши задолго до того, как он, вызвав на бой нефилима, посрамил его и стал королем Лантано.

Теперь Фейр стоял на коленях, не в силах встать. Глаза Лантано Гаруваши судьбоносно горели, когда он опустил их на великана.

— Все в точности как и предвидели боги. Кьюр'келестос твой, — проронил Фейр.

Что еще он мог сказать?

Лантано Гаруваши тронул лезвием подбородок Фейра.

— Нефилим, посланник и слуга богов, у тебя лицо алитэрца, но говоришь ты и сражаешься, как умеет только са'кьюрай. Ты будешь мне служить.

Или, скорей всего, умрешь, читалось в его глазах.

Чтобы узнать свою судьбу, Фейру не нужен был нефилим от богов. Он вновь взглянул на холм, однако помощь не пришла. И немудрено: Фейр уже навеки стал другим — маленьким человечком, который служил великим людям. И навеки будет тем, кто потерял Кьюрох. Он склонил голову, побежденный.

— Я... буду служить.

65

В четырехстах шагах от себя Агон услышал взрыв и быстро покрутил головой, пытаясь определить источник. Он взглянул на капитана.

— Я пошлю гонца к лорду Грэзину, — сказал капитан.

Королева назначила младшего брата Люка командовать разведкой, видимо полагая, что юного кретина надо чем-то обязать и уж здесь-то он не напортачит. Семнадцатилетний юнец решил, что все разведчики будут докладывать только ему лично. Лишь после этого, ожидая своей очереди на доклад иногда по часу и более, разведчики могли идти к лордам, которым действительно требовались их донесения.

Это, и не только, вызывало поток проклятий от командиров Агона. Никто не озвучивал

свои страхи. Не было нужды. Каждый опытный воин понимал, что в бой идет сырая армия. Да и армией-то ее называть — немалая натяжка. Отряды не проводили совместных учений, чтобы действовать слаженно. У каждого лорда имелись свои сигналы, а ведь в пылу битвы и какофонии звуков голоса часто не различить. Командир, выполняя приказы лорда или даже реагируя на новую обстановку, не сможет передать сигнал жестом младшему по рангу. Все это, не говоря уже о расстановке отрядов королевой, заставляло любого ветерана скрежетать зубами.

Агону повезло. Он получил под свое начало тысячу воинов. Только потому, что, прося об этом, герцог Логан Джайр растратил весь политический капитал. Да и люди, прежде служившие Агону, угрожали бунтом, если их не возглавит генерал.

В итоге Агон располагал десятой частью сенарийской армии. Королева поставила его в середину строя, хотя делала вид, что все почести — лорду на соседней позиции.

— Забудь, — ответил он. — Битва закончится раньше, чем мы снова услышим разведчика. Как люди?

— Готовы к бою, лорд гене... мой господин, — сказал капитан.

Агон поднял глаза на светлеющее небо. Похоже, будет денек, который лучше провести у костра с чашечкой оотая. Или бренди. Темные облака закрывали восходящее солнце, продлевая время тьмы и задерживая начало неизбежной битвы. Ровное поле, которое на самом деле состояло из десятка крестьянских хозяйств, было голым. Урожай пшеницы сняли, овец перегнали на зимние пастбища. Все поле боя пересекали низкие каменные загоны для овец.

Место для сражения грязное, скользкое и неудобное как для одной, так и для другой стороны. Между заборами да в грязи тяжелая кавалерия халидорцев будет медленной и осторожной. Заставить лошадь в тяжелой сбруе, с рыцарем в тяжелых доспехах прыгнуть в грязь через забор — хороший способ убить обоих. С другой стороны, это замедлит и людей Агона, что даст халидорским ведьмам больше времени метать огонь и молнии.

Генерал осадил лошадь перед лучниками и пехотинцами. Кроме стражи Са'каге и охотников на ведьм, других всадников у него не было.

Слушая речь Логана прошлой ночью, Агон знал, что, будь сейчас герцог здесь, он бы заставил этих людей видеть себя частицей большого и доброго дела. Подарил бы каждому сердце героя. Ведомые Логаном, они бы отдавали жизни, не колеблясь ни секунды. Те, кто выживет, даже если на всю жизнь останутся калеками, будут счастливы, что делили с ним поле битвы. Агон не таков.

— Человек я простой, — заявил он людям, построенным, чтобы встретить лицом к лицу ужасы магии и смерти. — И у меня для вас есть только простые слова. Многие из вас сражались со мной раньше, и... — Уж не слезы ли то? Он сморгнул их. — Мне выпала большая честь, что я снова поведу вас вперед. Битва будет нелегкая, вы и сами знаете. Но мы боремся со злом, которому нельзя дать победить. Мы должны его остановить! Когда еще, как не сегодня? Воины, если победа будет за нами, меня отстранят от командования. Поэтому если будете выполнять то, что я намерен требовать, вас могут наказать. И все равно я буду требовать. Герцогу Джайру предоставили... честь возглавить первую атаку.

Люди недовольно зароптали. Они-то знали, на что надеется королева. Агон поднял руку.

— Если он выживет после первой атаки, я требую, чтобы вы охраняли его своими жизнями.

Больше ни слова, решил Агон. Если они победят, королева, несомненно, услышит все, о чем он говорил.

Его воины остались хладнокровными и послушными и пребывали в полной готовности. Агон желал быть лидером, речь которого зажгла бы огонь ярости в их глазах, вызвала овацию, но с такими людьми это излишне.

Он поехал к совещавшимся лордам — получить последние указания. Не то чтобы генерал собирался их выполнять. Агон долго и мучительно думал над тем, как атаковать

войска, усиленные ведьмами, и был уверен, что ни один из этих надутых индюков не предложит стратегию лучше. Просто хотел в последний раз увидеть Логана.

— Мой господин, — окликнул Агон.

Логан улыбнулся.

— Генерал, — приветствовал он.

В родных доспехах Логан выглядел эффектно, хоть и пришлось их немного переделать, чтобы не болтались на костлявом теле.

Агон с трудом подбирал слова.

— Сэр, — сказал он. — Вы навсегда останетесь моим королем. Логан положил руку на плечо генерала и посмотрел ему в глаза. Ничего не ответил, но Агон все прочитал на его лице.

Затем из строя пробилась женщина, уроженка Сета. Агон ее не узнал. Верхом на лошади, в доспехах. С мечом на поясе и копьем в руке.

— Мой господин, — обратилась она к Логану. — Капитан Калдроса Уин. Мы прибыли.

— Вы это о чем? — удивился герцог.

Она подняла руку, и ряды мужчин расступились, когда тридцать женщин в доспехах, как у Калдросы, прошли сквозь строй, ведя лошадей. Не все красавицы и не все юные, зато каждая — член ордена Подвязки.

— И что вы здесь делаете? — спросил Логан.

— Мы здесь, чтобы драться. Хотели прийти все, но я взяла только тех, у кого есть опыт. Среди нас пираты и стража торговцев, гладиаторы и лучники. Располагайте нами. Вы вдохнули в нас новую жизнь, мой господин, и мы не позволим ей пустить в расход вашу.

— Где вы взяли доспехи и оружие?

— Помогли все те женщины, что сражаться не могут, — пояснила капитан Уин.

— А тридцать лошадей?

— Мамочка К., — нахмурившись, предположил Агон.

— Да, — раздался за ними голос Мамочки К. Слава богам, хоть она-то безоружна. — Герцог Джайр, ваш распорядитель нашел несколько отличных боевых лошадей, которых ревизоры королевы... проглядели. Вот увидите, эти дамы готовы исполнить любой приказ, который бросит их в бой.

— Эти женщины не... — Логан осекся. Не хотелось бы их обижать. Он понизил голос: — Их же просто перебьют.

— Мамочка К. не просила нас воевать, — сказала Калдроса Уин. — Напротив, обозвала дурами. Только мы ни перед кем не дрогнем. Сэр, вчера вы смыли наш позор. И вернули честь. Пока это непрочное. Умоляю, не лишайте нас доброго имени!

— Что здесь происходит? Что делают эти шлюхи на виду у моей армии? — крикнула Тэра Грэзин, злобно осаживая лошадь рядом с Агоном.

— Они за вас воюют, — ответил генерал. — И ни черта вам с этим не поделать.

— Это мне-то? Неужели? — возмутилась Тэра.

— Да, потому как... — Агон указал на запад.

В туманной дымке рассвета халидорская армия двинулась вперед.

По мере того как Ви и Кайлар поднимались из Утробы в Сенарийский замок, вонь и жара спадали, и даже незримый дух Хали давил не так тяжело. Кайлар проходил эти залы всего четыре месяца назад, когда шел убивать Рота Урсуула. Иногда выбирал те же коридоры. Однако на этот раз применил другую стратегию.

Теперь халидорцы знают все секреты замка: черные ходы и ложные стены, глазки и потайные двери. По туннелям, ведущим прямо в тронный зал, уже не пройти. Здесь, вдалеке от королевских покоев и тронного зала, туннели безопасней для Ви, которая не может стать невидимой. Войдя в лабиринт коридоров за час до рассвета, они тихо продвигались над головами и за спинами десятков солдат.

Кайлар надеялся, что Гэрот Урсуул просто усилил охрану.

Королевские покои находились в западном крыле. Кайлар и Ви покинули туннели и вошли в комнату для слуг рядом с последним лестничным пролетом в апартаменты короля. Кайлар высунул голову в коридор.

Дверь в спальню короля была в конце длинного и широкого коридора. Вход охраняли два горца с копьями. И снова у Кайлара мелькнула мысль, что, пожалуй, не стоило брать с собой Ви. И с чего Мамочка К. решила, что без девушки не обойтись? Кайлар решил сам убрать обоих стражников. Все бы ничего, да только рядом с каждым висел шнурок звонка, чтобы поднять тревогу. Кайлар не сомневался, что может убить обоих, но как их отвлечь?

Шагнув обратно в комнату, он бросил:

— Почему бы тебе здесь не подождать, пока они...

Ви стояла перед ним, голая по пояс, и расправляла платье, которое достала из мешка. Ахнув, Кайлар застыл. Затем, покраснев, отвернулся. В живот ему ткнули мешок.

— Будь любезен, достань корсаж, — сказала Ви.

Пока она, извиваясь, влезала в тесное платье служанки, Кайлар вытащил из мешка корсаж и, не глядя, протянул ей. Ви наклонилась и закатала штанины брюк под платье. Кайлар смущенно кашлянул.

Она вырвала корсаж из его дрожащих пальцев.

— Кайлар, в самом деле, перестань корчить из себя девственника...

Девственник! Он терпеть не мог это слово!

— Уверена, тебе не впервой видеть голую женщину.

Если бы... Впрочем, Кайлар скорее бы умер — и не понарошку! — чем признался в этом Ви. Елена никогда не демонстрировала ему грудь, хотя не всегда останавливала руки, забредавшие на райскую территорию. Берегла себя до настоящего замужества.

С Ви все иначе. Ей ничего не стоит показать грудь. Даже не отвернулась, когда укладывала ее в корсаж, чтобы смотрелись как можно аппетитней. Кайлар считал, что лучшей груди, чем у Элены, нет на свете, а вот у Ви груди больше, полнее. Такую грудь не пропустишь. И все же... для нее это просто сиськи. Инструмент.

Элена не так сексуальна, это факт. Однако сексуальность Ви отдавала дешевкой, и что-то говорило Кайлару, что девушку это не радует. Развратные любовники матери, Хью Висельник, клиенты Мамочки К. и случайные связи не прошли даром.

Ви взяла плетеную корзину для белья и доверху набила одеждой, включая и свою тунику. Под туникой она спрятала кинжал.

— Как я выгляжу?

Странно знакомый наряд. Правда, в тот день ложбинка смотрелась куда скромнее, с учетом строгости дома Дрейков, но одежда именно та, в которой была Ви, когда пыталась его убить.

— Ужасно, — сказал Кайлар.

Она фыркнула и покрутилась перед ним.

— Как мой зад в этом платье? Большой?

— Выдвигай-ка свою большую задницу в коридор.

Она рассмеялась и положила корзину на бедро. Вызывающе дерзкая, соблазнительная. Просто великолепна. Черт, он едва не поцеловал ее! Ви эффектно пошла по коридору, приковав к себе взгляды халидорцев. Один из них восхищенно выругался.

— Привет, — сказала Ви, встав перед стражем слева. — Я здесь новенькая и хотела бы знать...

Ее кинжал так глубоко прорезал шею горца, что чуть не обезглавил его.

Кайлар резким движением сломал шею напарнику. Позвоночник сочно хрустнул.

Ви оглянулась туда, где он был — или не был.

— Невероятно, черт возьми, — обронила она, затем вытерла кинжал и положила обратно в корзину. — Ладно, входи на счет десять или сразу, как услышишь мой голос. Если король-бог проснется, я отвлеку, и ты его убьешь. Если нет, справлюсь и сама.

Она тихо открыла дверь и шагнула в покои.

А спустя несколько мгновений вышла. С позеленевшим лицом.

— Его там нет.

— Что-то не так?

Кайлар попытался ее обойти, но Ви преградила путь.

— Нечего тебе там делать.

Он протолкнулся к двери.

В комнате повсюду были женщины. Они стояли как статуи, застыв в различных позах. Одна, на четвереньках, голая, держала на спине лист стекла, изображая стол. Другая, высокая аристократка, которую Кайлар узнал, но не мог припомнить имя, стояла на цыпочках и, обольстительно вытягиваясь, рукой и ногой обвивала столбик полого массивной кровати короля-бога. Челлина ло-Джайр, в ночной сорочке, сидела в кресле с подголовником, закинув ногу на ногу. Кайлар знал о ней лишь то, что она славилась необузданным нравом — о чем красноречиво говорил ее вид, всклокоченные волосы и напряженные мышцы. Большинство женщин были обнажены, остальные слегка прикрыты. Двое, стоя на коленях, держали умывальный таз. Еще двое — зеркало. Одна была прикована к стене, на шее висел платок.

У Кайлара перехватило дыхание.

Сэра Дрейк. Как и все, не живая, а мертвая статуя. Тихо вскрикнув, Кайлар тронул ее лицо. Губы, которые однажды целовал. Мягкие, будто живая плоть, но холодные. И открытые блестящие глаза не лучились жизнью. Ее и остальных убитых женщин заморозили магией, а потом оставили здесь. Слово произведения искусства.

На шее Сэры под платком Кайлар увидел синяк от веревки. Он отвел глаза. Когда вешают, умираешь двумя путями: либо, если падаешь далеко, ломаешь шею и умираешь быстро, либо тебя медленно душит веревка. Сэра расставалась с жизнью в муках.

Он отступил, но повсюду, куда бы ни кинул взгляд, видел жуткую картину. Женщины в наручниках, прячущих порезанные запястья; ночные сорочки, скрывавшие пробитые сердца. Если одежд было больше, они скрывали дефекты чучел тех женщин, которые бросались вниз с балконов. Кожа у них шла буграми там, где не должна бы.

Кайлара пошатывало, как пьяного. Ему не хватало воздуха. Вот-вот стошнит. Он вырвался на широкий балкон короля-бога.

Она сидела на каменной оgrade, отклонившись далеко назад и для равновесия зацепив ногами столбики. Голая, с ночной сорочкой в руке, трепыхавшейся на ветру как флаг. Мэгс!

Кайлар вскрикнул. Сквозь ярость просочился талант, и крик прокатился по замку, отражаясь дальним эхом во внутреннем дворе. Все в замке замерло, но Кайлар этого не заметил. Как не заметил, что ка'кари стремительно приливает к коже, а маска приговора на лице скрывает боль.

Он ударил ладонью по оgrade, сокрушая камень. Справа от Мэгс, потом слева. Затем поднял девушку и отнес ее в спальню. Ощущение кожи, точно живой, было отвратительно. Он уложил Мэгс на постель, затем вырвал стрелы арбалета, прибившие к стене Сэру Дрейк. Положил ее рядом с сестрой. Укрывая их, заметил на левой ноге у каждой девушки надпись пузырчатым шрифтом, будто подписи на картинах: «Трудана Джадвин».

Широко раскрытыми глазами Ви смотрела на проломы в шестидюймовой каменной оgrade.

— Ни хрена себе... — прошептала она. — Кайлар, это ты?

Он неохотно кивнул. Снять бы маску приговора, да нельзя. Как раз сейчас она нужна.

— Я осмотрела комнаты наложниц, — сказала Ви. — Пусто. Должно быть, он уже в тронном зале.

У Кайлара сжалось сердце. Он невольно вздрогнул.

— Что? — спросила Ви.

— Скверные воспоминания, — отозвался Кайлар. — К черту. Пошли.

Близился рассвет. Убив двух стражей, они перевернули песочные часы. Скоро — видимо, с восходом солнца — кто-то проверит пост. Хуже, если песок уже струится в часах

сенарийской армии. Скоро грянет битва, и тогда жди сюрпризов. Неприятных. Чтобы у Логана появился шанс стать королем, Кайлар должен принести ему победу. Убийство Гэрота лишит халидорцев мужества.

Они бесцеремонно расхаживали по залам. Ви — служанкой, Кайлар — невидимкой. Тем не менее он был крайне осмотрителен на случай, если по залам бродят мастера. Войдя в последний коридор, они прошли мимо шести самых здоровущих горцев, которых когда-либо встречал Кайлар. Увидев, что горцев сопровождают два вюрдмайстера, он спрятался за какой-то статуей. Странно, получалось, такую охрану приставили к девушке — явно одной из жен или наложниц короля-бога, — с ног до головы закутанной в плащи и вуали. Ни дюйма тела напоказ.

Когда Кайлар вытащил ножи, Ви тронула его за руку. Под его осуждающим оком она вздрогнула, хотя и была права. Схватка здесь отвлечет, поставит под угрозу настоящую миссию. Ничто не должно задержать Кайлара на пути к Гэроту Урсуулу.

Девушка вместе с сопровождающими завернула за угол. В тот самый коридор, где Кайлар стоял вместе с Ули и Эленой, когда отправился навстречу своей первой смерти.

Он взял себя в руки. Гэрот Урсуул куда могущественней, чем Рот, но и Кайлар сейчас сильнее. Увереннее. Тогда он был мальчишкой, стремившимся доказать, что уже возмужал. Теперь он мужчина, который делает выбор, понимая, чего это может стоить.

Кайлар беспечно улыбнулся.

— Ну что, Ви? Ты готова убить бога?

66

Шесть самых могущественных магов-са'кьюранцев устроились на вершине холма к югу от поля битвы. На вид обычные торговцы: четыре алитэрца, уэддринец и модаец. Их крепкие выючные лошади даже везли изрядное количество товара. Правда, верховые лошади были чуть лучше, чем у большинства торговцев, однако не настолько хороши, чтобы привлечь внимание. Выдавала магов манера держаться. Эти люди шагали по земле с уверенностью богов.

— Приятного будет мало, — обронил модаец.

У круглого, как бочонок, коротышки Антониуса Уэрвела были багровый нос картошкой и клочок каштановых волос, зачесанный на блестящую лысину. В стиле модайцев он краской обвел глаза, удлинил и сделал темнее брови, что придавало ему зловещий вид.

— Сколько, по-твоему, у них мастеров? — резко повернулся он к одному из близнецов-алитэрцев, Кэдану. Долговязый юнец вздрогнул. Кэдан был в группе одним из провидцев. — Прости, прости. Я всего лишь... а что, у того мужчины все телохранители — женщины?

— Нет, конечно.

— Так и есть, женщины, — возразил лорд Люциус, второй провидец, глава экспедиции. Впрочем, его больше интересовал противник. — У халидорцев по меньшей мере десять мастеров. Возможно, двадцать. Стоят вместе, тесной группой.

— Лорд Люциус, — робко заметил Кэдан. — По-моему, у них шесть вюрдмайстеров, глубоко в тылу, посередине. Похоже, они собрались вокруг... не могу сказать, что это.

Бочонок хмыкнул.

— Много ли тронутых сражается за Сенарию?

Он сказал так, чтобы позлить алитэрцев. На модайском языке «тронутый» — значит, *талантливый*, а не сумасшедший, как в Алитэре.

Рассеянный Кэдан не заметил.

— В рядах сенарийцев есть мужчина и женщина, оба умелые, стоят бок о бок. Остальные, их несколько, необучены.

— А среди рейдеров Кьюры?

— Я не видел кьюрцев с тех пор, как они скрылись за поворотом.

Другой молодой алитэрц, Джэдан, выглядел несчастным. Еще бы! Брат-близнец юного провидца, те же красивые черты лица, те же висящие черные волосы — и совершенно разные дары.

— Почему они так глупы? — спросил он. — Мы все видели армию лэ'нотов, которая идет с юга. Пять тысяч улан, которые больше всего на свете ненавидят халидорцев. Почему сенарийцы их не ждут?

— Возможно, не знают, что лэ'ноты на подходе, — ответил лорд Люциус.

— Или те вовсе не идут, а сами ждут, чтобы перебить победителей. Или Тэра Грэзин хочет присвоить себе все лавры, — предположил Уэрвел.

Джэдан не мог поверить.

— Неужели мы собираемся тут сидеть сложа руки?! Клянусь светом! Сенарийцев уничтожат. Двадцать мастеров. Нам они вполне по зубам. Я один справлюсь с тремя-четырьмя.

— Ты забываешь о нашей миссии, Джэдан, — сказал лорд Люциус. — Нас послали не за тем, чтобы мы ввязывались в чью-то войну. Халидорцы нам не угрожают...

— Халидорцы угрожают всем! — возразил Джэдан.

— Тихо!

Джэдан умолк, с прежним вызовом на лице. Сенарийский строй двинулся вперед медленной трусцой, позволяя армии, как огромному зверю, набрать инерцию.

Кэдан вздрогнул.

— Вы... кто-нибудь это почувствовал? — спросил он.

— Что именно? — уточнил Уэрвел.

— Я не знаю. Просто... не знаю. Будто взрыв? Могу я, лорд Люциус, пойти взглянуть, что делают кьюрцы?

— Нам нужно, чтобы ты следил за битвой. Наблюдай и учись. Редкая возможность увидеть, как сражаются халидорцы. Ты тоже, Джэдан.

Армия Халидора наступала неплотными рядами, оставляя место для лучника рядом с каждым воином. Лучники вышли на боевую позицию, разложив стрелы на земле. На лошадях перед строем восседали по два мастера.

— Что они предпримут, Кэдан? — спросил лорд Люциус.

— Огонь, сэр? И следом молнии?

— А зачем?

— Чтобы до смерти напугать сенарийцев. То есть, гм, подорвать их моральный дух, сэр, — ответил Кэдан.

Сенарийский строй по-прежнему трусил вперед. Теперь он был в четырехстах шагах. Вдруг отряд под началом генерала Агона вырвался вперед и разделился. Причем не на две или три группы. Пехотинцы и несколько всадников создали рваный строй вдоль всего сенарийского фронта.

— Что он делает, черт возьми? — удивился один из алитэрцев.

Ответом было долгое молчание. Столь редкой цепью Агон не мог надеяться прорвать строй халидорцев. К тому же его уход оставил брешь в центре сенарийцев. Впрочем, пока маги наблюдали, еще один сенарийский генерал, герцог Уэссерос, приказал своим воинам закрыть брешь.

— Гениально. Он сводит потери к минимуму, — заметил Уэрвел.

Сразу уточнять никто не стал. Маги никогда не показывают, что чего-то не поняли.

— Коим образом? — наконец спросил Джэдан.

— Рассуждай как мастер. У тебя есть вир для скольких — пяти? десяти? — шаровых молний, прежде чем иссякнешь. Обычно каждым шаром можно убить от двух до пяти человек. При таком редком строе убьешь одного. А то и вовсе промажешь. Агон знает, что рискует. Если основной строй поддержит его слишком поздно, генерала разобьют в пух и прах. Зато если нагонят секунд через пять или десять, он спасет сотни жизней и сведет к нулю воздействие на моральный дух. Похоже, мы нашли генерала, который знает, как

воевать против мастеров. А значит, для Сенарии есть проблеск надежды.

За двести шагов строй увеличил скорость.

Лучники в рядах халидорцев выпустили первый залп, и две тысячи стрел с черным оперением разом отправились в полет. На долгую секунду они затмили бледное небо, бросая тень смерти на рассвет. Нырнув вниз, стрелы вонзились острыми наконечниками в землю, в доспехи и плоть людей и лошадей.

И снова рассредоточенный порядок спас жизни сотням, однако по всему сенарийскому строю то здесь, то там люди падали на колючую стерню полей, вмиг завершая стремительный бег покоем смерти. Другие падали, раненые, с пронзенными руками и ногами, их тут же затапывали друзья и соотечественники. Лошади теряли ездовых и продолжали атаку просто потому, что лошади справа и слева еще рвались вперед. Всадники на огромной скорости падали на землю, поднимаясь, чтобы опять бежать вперед. Либо застревали в седле и погибали под лошадиными тушами.

Халидорская армия демонстрировала выучку, присущую только опытным воинам. Лучники в считанные секунды выпускали тучу стрел и отступали по команде. Шеренги стояли идеально ровно, позволяя каждому лучнику укрыться от рукопашного боя за мечниками и копьеносцами. Задние ряды мгновенно восполняли брешу после лучников. Маневр обычный, зато исполнялся он необычайно быстро, невзирая на приближающегося врага.

Мастеры поддерживали огнем. Их начальный замысел рухнул; кто-то метал шары пламени в лошадей, другие, надеясь на эффект от огненного смерча, сгустками огня поджигали стерню полей. То, что обычно в решающие секунды перед столкновением разбивало весь вражеский строй и вносило сумятицу, даже не замедлило сенарийцев.

Когда сошлись две армии, маги явственно слышали грохот. Люди и лошади натывались на копья, и сила инерции вносила их в шеренги халидорцев. Сенарийцам в первом ряду опыта было не занимать. В большинстве армий — не важно, что говорят командиры — многие перед столкновением замедляют ход. Мысль о том, что надо всей мощью ударить в строй, который ошетинился копьями и мечами, невольно парализует людей. Эти люди не ведали сомнений. Они ворвались в халидорские шеренги, нанеся сокрушительный удар. Страшное и грандиозное зрелище.

Тем не менее от передовых отрядов мало что осталось, когда в халидорцев ударили основные шеренги сенарийцев. Весь халидорский строй тряхнуло и отбросило назад на добрых десять футов.

Мастеры жгли вокруг себя огнем и молнией, однако вдаль от передовых шеренг сенарийцев за ними охотились лучники на лошадях. Разъезжали взад-вперед, останавливались, выпускали стрелы из коротких луков и продолжали движение. Странно, неужели можно убить из короткого лука с двухсот или трехсот шагов? Кэдан опять проверил лучников, но они не были *талантлив*ы — в этом он не сомневался. Тем не менее мастеров выбивало из седел, и в глазах мага словно одну за другой задували свечи.

Ряды воинов колыхались волной то вперед, то назад, распадаясь на тысячи мелких стычек. Лошади кружили и топтали, лягались и кусали. Мастеры прожигали в людях дыры, перекидывали огонь на других, били направо и налево дубинками или мечами чистой магии и... время от времени падали замертво, пронзенные стрелами.

Всего за пять минут семнадцать из двух десятков мастеров изрешетили стрелами, и строй халидорцев просел в середине. Огромный сенариец, который вел первую атаку, казалось, вдохновлял остальных. Куда бы он ни шел, сенарийцы там усиливали натиск. И теперь великан сметал врагов, чтобы прорвать халидорский строй.

Кэдан пробормотал ругательство.

— Эти-то откуда взялись? — спросил он.

Маги проследили за его взглядом. По обеим сторонам поля битвы одну за другой формировали шеренги халидорские горцы.

— Из пещер, — сказал Уэрвел. — Что они задумали?

Развернувшись, горцы потрусили к флангам и в тыл сражения.

Их было не меньше пятисот, но они не вступали в битву. Похоже, горцы ничуть не переживали, что теряют преимущество внезапного маневра. Они все растягивали и растягивали цепочку, словно чашей охватывая тыл сенарийцев.

— Сэр, — обратился Кэдан. — Я полагал, что пытаться окружить врага можно, только если превосходишь его числом.

Лорд Люциус казался встревоженным. Он смотрел в тыл халидорского строя, где собирались вюрдмайстеры.

— Что это там, между вюрдмайстерами, скованное цепями?

— Уж не... — проронил один маг.

— Конечно нет. Они лишь легенда и предрассудок.

— Господи помилуй... — прошептал Уэрвел. — Он самый.

67

— Нет, — сказала Ви. — Я не могу. Кайлар повернул к ней лицо в маске.

— Ты... не знаешь, что это за человек. Никогда не смотрел ему в глаза. Когда в них видишь себя, смотришь в лицо собственным несчастьям. Я тебя умоляю.

Кайлар заскрипел зубами. Отвел глаза. Сделал сознательное усилие, чтобы ужасающая маска медленно растаяла и появилось его собственное лицо — взгляд по-прежнему ледяной.

— Знаешь, мой учитель в тебе ошибался. Он присутствовал, когда Хью Висельник представлял тебя Са'каге. Потом рассказывал, как ты поносила остальных мокрушников. Предупредил, что, если не буду начеку, ты станешь лучшей среди нашего поколения. Назвал тебя чудо-ребенком. Уверял, что во всем королевстве не найдется и пяти мужчин, способных тебя побить. Только им это не нужно. Ты побила сама себя.

— Да пошел ты! Ты не знаешь...

— Ви, это важно. Если ты сейчас не со мной, все слова — чушь.

Пока он сверлил Ви взглядом, она чувствовала: что-то происходит. Ви злилась на себя, потом на него. И снова на себя. Она не должна подвести Кайлара. Прошло время, когда превыше всего она ставила себя; теперь, в слепой и безрассудной страсти оказалось, что уважение этого человека ей дороже жизни.

— Черт с тобой! — Она даже сплюнула. — Повернись ко мне спиной.

— Кинжал взяла? — поворачиваясь, спросил Кайлар.

— Заткнись, самодовольный сукин сын!

Блестяще, Ви. Он тебе нравится, вот ты и оскорбляешь его. Как будто это поможет найти в себе мужество. Она скинула платье и надела тунику мокрушницы. Что и говорить, отъявленная стерва.

— Ладно, — сказала она. — Можешь повернуться. Извини за... прошлое. Я надеялась...

На что? Произвести впечатление? Обольстить? Увидеть огонек страсти в холодных глазах?

— ...тебя поразить, — закончила она.

— Тебе это, гм, удалось.

— Знаю. — Ви невольно улыбнулась. — Ты, Кайлар, не похож на тех мужчин, которых я когда-либо встречала. В тебе есть какая-то... невинность, что ли. — (Он нахмурился.) — Когда ты рядом, это... классно. Нет, правда. Никогда не думала, что есть вообще такие парни.

С чего она вдруг завела такие речи?

— Ты меня почти не знаешь, — буркнул Кайлар.

Ви разволновалась. Он что, нарочно строит из себя непроходимого тупицу?

— А, к черту! — бросила она. — Как считаешь, сможем мы когда-либо поладить?

— Что?!

Один тон его голоса мог заставить ее примолкнуть.

— Сам знаешь. Ты и я. Вместе.

— Нет, — ответил Кайлар. — Нет, я так не думаю.

«Нет, ты испорченный товар».

Вот что он имел в виду, Ви не сомневалась.

Тема закрыта. Она сжала губы.

— Ты прав. — Раз уж шлюха, значит, навсегда. — Что ж, пора и за работу. У меня есть план.

Кайлар явно собирался что-то сказать. Ви застала его врасплох. Черт, ну а на что она рассчитывала?

«Нисос, он так смотрел на твои сиськи. Значит, нравишься. И все же именно ты убила его лучшего друга, похитила его дочь и разлучила всю семью. Черт, Ви, о чем ты думала?»

— Значит, так, — сказала она прежде, чем он открыл рот. — Если пойдем в обход, они поймут, что это атака. Мы не представляем ни их силу, ни количество. Однако если я войду прямо в тронный зал, чтобы сообщить о твоей, э-э-э, смерти, они вряд ли что-то заподозрят. Если войдешь через боковую дверь, сможешь решить, когда напасть. Как только я увижу, что бледнокожиедохнут — лучше начни с короля, — тоже вступлю в бой. Согласен?

— На мой взгляд, слабовато, — ответил Кайлар. — Правда, и я ничего лучше не придумал. Вот только...

Он умолк.

— Что еще?

Она уже рвалась вперед. Хватит болтать.

— Ви, если он меня убьет... вынеси оттуда мое тело. Оно не должно попасть им в руки.

— Тебе-то что?

— Просто сделай.

— Но зачем?!

Сейчас она срывала на нем свое разочарование. Здорово.

— Я возвращаюсь. Не остаюсь мертвецом.

— Ты с ума сошел.

Кайлар показал ей черный блестящий шарик. Тот расплавился и обволок ладонь словно перчаткой. Кисть руки исчезла. Спустя миг шарик опять появился.

— Вместе с *этим* Урсуул заберет и мои способности. Причем все.

Ви нахмурилась.

— Если дело у нас выгорит, тебе придется ответить на кучу вопросов.

— Ладно. — Кайлар помедлил. — Ви, с тобой было приятно работать.

Не дожидаясь ответа, он сжал шарик и исчез.

Ви отвернулась и пошла по коридору. словно в насмешку, до самых дверей в тронный зал ей не встретился ни один патруль. У парадного входа стояла стража. Четверо солдат взирали на Ви, не веря глазам. Казалось, даже про оружие забыли, разглядывая то, что и предполагалось.

— Скажите королю-богу, что Ви Совари пришла за своей наградой.

— Король-бог приказал его не беспокоить, кроме как...

Ви наклонилась вперед, чтобы взгляд часового уперся в ложбинку, и прошипела:

— Сейчас как раз тот самый момент.

Затем возникшим в руке кинжалом вздернула его подбородок кверху. Он сглотнул.

— Да, мадам. — Стражник открыл громадные двойные двери. — Ваше святейшество! Ви Совари просит ее принять. — Потом отступил в сторону и проводил ее жестом. — Удачи, — шепнул он, виновато улыбаясь.

Стоя в последнем коридоре, Кайлар вызвал ка'кари к глазам. Никаких магических сигналов тревоги. Невидимкой он прошел к двери. Петли смазаны хорошо.

— Входи, входи, Виридиана, — услышал он голос короля-бога. — Давно не виделись. Я уж боялся, что буду в одиночку наслаждаться смертью десяти тысяч мятежников.

Пока король-бог говорил, внимательно рассматривая девушку в серых одеждах мокрушницы, Кайлар открыл дверь и прокрался в тронный зал. Он скользнул за одну из огромных колонн, державших потолок. Вход для слуг, который он использовал, был рядом с лестницей — четырнадцать ступенек к помосту. Урсуул сидел наверху, на черном стеклянном троне.

Посреди огромного зала лежала холмистая равнина у подножия гор. По обеим сторонам равнины дружно двигались крошечные фигурки. Кайлар понял: это армии в миниатюре, которые на рассвете выстраивают свои порядки. И это вовсе не картина и не вышивка. Настоящая битва. Пятнадцать тысяч малюсеньких фигурок шагали по равнине. Кайлар различил даже флаги дворянских семей. Ряды сенарийцев шли за... Логаном? Он что, ведет их в атаку? Безумие! Как Агон мог позволить королю подвергать себя такому риску?

Король-бог махнул Ви рукой, чтобы входила, и громадные двери за ее спиной закрылись. Кайлар никогда не видел этого человека, даже не слышал, чтобы кто-то его описывал. Он ожидал встретить дряхлого старика, сторбленного и опухшего от жизни, посвященной злу, однако Гэрот Урсуул пребывал в отличном здравии. Лет, возможно, около пятидесяти, хотя выглядел по крайней мере на десяток моложе. Несмотря на плотное телосложение и холодную кожу халидорского горца, у него были руки воина и худое лицо с напыленной черной бородой. Бритая наголо голова. С виду мужчина, который мало того что первый протянет тебе руку, так еще и крепко пожмет ее мозолистой ладонью.

— Не обращай внимания на битву, — сказал король-бог. — Можешь смело пройти насквозь; это не помешает магии. Только поспеши. Мятежники вот-вот начнут атаку. Моя любимая часть.

Через ка'кари Гэрот Урсуул представлял собой жуткое зрелище. За его спиной светилось облако искаженных, кричащих лиц. Убийства наслаивались на нем так плотно, что смазывали черты. На руках и ногах — предательства, изнасилования и случайные пытки. Все это, словно ядовитый зеленый дым, пронизывал вир. Он каким-то образом подпитывал и сгущал этот мрак. Вир настолько мощный, что заполнял всю комнату.

Стоя за колонной, Кайлар заметил небольшую группу крошечных людей, сражавшихся в трех футах от него. За границей поля боя какого-то великана топтали четыре халидорских всадника.

Только не затоптали. В секунды он убил троих улан. Что-то больно знакомая личность.

«Фейр Коузат!»

Кайлар понимал, что надо быть предельно осторожным, однако драма, которая безмолвно разворачивалась всего в нескольких дюймах, увлекла его. Вперед вышел вождь кьюрцев. Фейр вытащил меч, который смахивал на полоску огня. Это поразило кьюрцев. Фейр и вождь сражались полсекунды, не больше. Скрестили мечи, и — вспышка света. Кьюрец ушел с мечом.

— Что это было? — спросил король-бог.

— То есть? — не поняла Ви.

— Нечто из ряда вон выходящее, девочка.

Когда Фейр встал на колени перед кьюрцем (на колени? Фейр?), образ битвы внезапно описал полукруг. Халидорские шеренги оказались у ступенек, сенарийские — ближе к громадным дверям.

Гэрот хмыкнул.

— Всего лишь какие-то рейдеры.

Кайлар привлек часть ка'кари к кончикам пальцев, заострил в когтистую лапу и проверил ее на колонне. Пальцы вошли, точно в масло. Он вернулся в режим магии и попробовал еще, пока не сумел погрузить их в колонну и сжать. То-то будет веселье!

Он покачал головой. Похоже, у ка'кари нет ограничений. Отправив часть ка'кари к ногам, Кайлар залез на колонну. Каждый шаг, едва шурша, оставлял за собой дымчатый след, но взбираться было легко, как по лестнице. Кайлар достиг потолка за секунды.

Приспособить когти для работы на потолке заняло еще несколько секунд. Зато теперь

он прилип к высокому сводчатому потолку тронного зала не хуже паука. Сердце комком застряло в горле. Кайлар прополз по потолку и завис прямо над тронном, скрытый одной из арок. Только высунул невидимую голову.

Король-бог комментировал происходящее для Ви.

— Нет, — говорил он, — я не знаю, почему сенарийцы применили такое построение. По мне, так чересчур открыто.

Кайлар наблюдал, как шеренги сенарийцев мощно ударили в халидорский строй. Первая линия была очень редкой. Неужели такие большие потери от лучников? Однако секундами позже в пехоту Халидора врезались новые шеренги.

Король-бог чертыхнулся.

— Блестяще, будь они прокляты! Просто блестяще.

— Что там? — спросила Ви.

— Знаешь, Ви, зачем я все это сделал?

С бьющимся сердцем Кайлар отпустил потолок руками и медленно расправил тело. Вися на потолке летучей мышью, вытащил кинжалы. Гэрот Урсуул шагнул прямо под него.

Страх не было, лишь холодная уверенность. Кайлар упал с потолка.

Одно из мрачных лиц, искаженных в миазмах вокруг короля-бога, вскрикнуло. Во все стороны от Гэрота разлетелись черно-зеленые колючки вира. Кайлар попал в одну, и они разом взорвались.

Ударной волной его сбilo с курса. Развернуло боком. Он полетел вниз по ступенькам, через площадку и дальше, по второму лестничному маршу. Когда Кайлар скатился на пол, в ушах звенело. Он попытался встать и тут же рухнул.

— Я это сделал, потому что и богу нужна забава. Что, Кайлар, не согласен?

Гэрот хищно улыбнулся. Казалось, он ничуть не удивлен.

— Итак, Ви, ты выполнила то, что обещала. Убила Джарла и привела ко мне Кайлара.

И Кайлар ей поверил! Как он мог так сглупить? Уже второй раз он попадает в ловушку именно в этом месте. На него вдруг снизошло необъяснимое спокойствие. Смерть Гэроту! Не для того он зашел так далеко, чтобы потерпеть неудачу. Это убийство — его судьба.

— Я не предавала тебя, Кайлар, — б отчаянии прошептала Ви.

— Ах да. Он наложил на тебя заклятие! Ви, я дал тебе возможность. Ты могла стать другой.

— Она тебя не предавала, — сказал король-бог. — Ты выдал себя сам.

Он извлек откуда-то два бриллианта, каждый размером с большой палец. Те самые, что держали на месте чудовище внизу.

— У кого, кроме мокрушника, есть удаль, мастерство и физическая сила, чтобы похитить эти бриллианты? Кто может уцелеть после магии, если не носитель черного ка'кари? Я знал, что ты здесь, еще час назад.

— Тогда почему ты намерен ее отблагодарить? — спросил Кайлар.

— Что, хочешь, чтобы убил?

Кайлар нахмурился.

— Хотел, теперь нет.

Король-бог рассмеялся.

— Ты ведь сирота, Кайлар?

— Нет.

Кайлар встал. Мало-помалу в голове прояснялось. Он мог поклясться, что ощущает, как тело залечивает ушибы.

— Ах да. Дрейки. Мне об этом рассказывала Магдалина. Она считала, что ты ее спасешь. Печально. Убив Хью Висельника, ты меня всерьез расстроил. Вот я ее и убил.

— Лжец!

— Хью мертв?! — переспросила Ви.

Новость поразила ее как громом.

— Кайлар, ты когда-нибудь задавался вопросом, кто твой отец?

— Нет.

Кайлар попробовал шевельнуться. Все тело было крепко сковано магией. Он проверил Узоры: простые, однообразные. Ка'кари их легко разрушит. Давай улыбайся и дальше, изверг.

Гэрот улыбнулся.

— Я знал, Кайлар, что ты идешь сюда. Это неспроста. И тому, что ты исключительно талантлив, тоже есть причина. Я твой отец.

— Что?!

— Шучу, — засмеялся Гэрот Урсуул. — Я не слишком гостеприимен, не находишь? Ты ведь пришел, готовый биться не на жизнь, а на смерть?

— Пожалуй, да.

Гэрот был в приподнятом настроении.

— Хорошо бы размяться. Что скажешь, Кайлар? Хочешь сразиться с ферали?

— Разве у меня есть выбор?

— Нет.

— Что ж. Тогда, черт возьми, с удовольствием, Гэри.

— Гэри? — повторил король-бог. — Тридцать лет никто меня так не называл. Прежде чем начнем... — Он обернулся. — Ви, пора решать. Будешь служить добровольно, найду, как отблагодарить. Хотелось бы. Все равно служить будешь, ведь мы связаны одной цепью. Принуждение не позволит тебе и пальцем меня тронуть. Более того, заставит, пока ты жива, не допускать, чтобы мне вредил и кто-либо еще.

— Твоей служанкой я не буду никогда! — крикнула Ви.

— Согласен. Хотя как знать.

— Поцелуй меня в зад!

— Этим мы займемся позже, детка. — Гэрот сделал жест, и дверь за его спиной открылась. — Таттс, почему неходишь?

Ферали пошаркал в зал. Теперь он приобрел вид громадного человека; на рябоватой коже все еще виднелись татуировки. Кайлар заметил, что, несмотря на рост — не меньше девяти футов — и могучие конечности, ферали не так огромен, как час назад. Морда тоже была слишком человеческой, и чудище стыдливо прятало глаза.

— Обещаю, сейчас мигом все поправим, — сказал король-бог.

Он вдавил бриллианты в позвоночник ферали. Чудище взревело, уже нечеловеческим голосом, и затихло. Гэрот внезапно потерял к нему интерес.

— Знаешь, почему ты никогда не слышал о ферали? Они слишком дорого обходятся. Сначала нужны бриллианты, иначе окаянной тварью невозможно управлять. Да ты уже и сам понял. Опять же, надо взять человека и пытаться его, пока не останется ничего, кроме ярости. Обычно, чтобы найти подходящий типаж, перепробуешь сотни людей. Но и это еще не все. Без посторонней помощи даже королю-богу не под силу создать такую магию. Ферали требуют прямого вмешательства Хали. Здесь цена особая.

— Не понимаю, — проронил Кайлар.

Он изучал ферали. Больше ни у кого нет такой огромной массы. Только ферали может так быстро менять форму. Если это твердо усвоить, все получится.

— Вот и Мобуру с Тенсером тоже. Теперь-то понимают. На сей раз я заставил их заплатить сполна. Видишь ли, Хали питается страданием, поэтому мы посвящаем ей всю жестокость, на которую способны. Взамен она дает нам вир. Для чего-либо более мощного Хали и требует больше.

Когда я воевал с братьями, она предложила мне помощь в создании ферали, если приму Чужого. Не знаком с ними? Первого называли Гордыней. Замечу, я дешево отделался, чтобы обрести божественность. К сожалению, Хали не сказала мне, что ферали пожирает себя, если не давать ему другое мясо. Второго ферали я не делал, пока меня не предал сын Дориан, и Похоть оказалась куда более гнусной спутницей. Ви предстоит узнать, что мои аппетиты растут как на дрожжах. Сплошная экзотика. Постойте, никак тот строй еле сдерживает

атаку?

На иллюзорном поле битвы шеренги халидорцев под напором Логана выгнулись полумесяцем.

— Гмм... — протянул король-бог. — Гораздо быстрее, чем я ожидал.

Он вытащил жезл, и тот замигал в его руке. По краям поля битвы новые тысячи халидорских войск стали поджимать армию сенарийцев с флангов. Другие шеренги двинулись, чтобы укрепить просевший участок обороны.

Гэрот не пытался выиграть сражение. Он просто хотел огородить сенарийцев, чтобы спустить на них ферали Мобуру. У Кайлара засосало под ложечкой. Что сделает это чудище с неограниченным числом жертв?

— Еще несколько минут, и они займут позицию, — сказал Гэрот. — На чем я остановился?

— По-моему, на схватке до последнего вздоха, — подсказал Кайлар.

— О нет, нет. — Гэрот поднялся к резному трону, сел. Кайлар наблюдал, как он расправляет вокруг себя охранные круги магии. — Сами по себе ферали почти безмозглые твари. Однако — и это чудесно! — ими можно управлять. Ну скажи, разве не забавно?

— Было бы куда забавней, если бы я мог двигаться, — ответил Кайлар.

— Знаешь, почему я взял на себя такие хлопоты, чтобы доставить тебя сюда?

— Из-за моего блестящего ума?

— У твоего Пожирателя есть другое имя. Помощник. Лечит всех, кто боится смерти.

— Тебе это не поможет, — сказал Кайлар.

— Уж поверь. Я знаю, как разорвать связь с ка'кари. У меня в мозгу чудовищная опухоль. Она меня убивает, и ты принес на блюдечке то единственное, что меня спасет.

— Ах вот что. От опухоли, может, и избавит, — заметил Кайлар, — но тебя убьет самонадеянность.

Глаза короля-бога сверкнули.

— Как смешно. Полноте. Делу ночного ангела пришел конец.

— Конец? — усмехнулся Кайлар. — Я только начал разминку.

68

Ви вступила в бой. Она непрерывно шептала проклятия, чтобы использовать *талант*, но ярости не испытывала. Всегда считала себя холодной, безжалостной сукой. Держалась за образ, который придавал ей силы против еженощной пустоты и духовного краха. Жила так, сколько себя помнила, и — терпела. Объявив, мелодраматично или нет, что никогда не будет служить королю-богу, она ощутила, что сделала первый вклад в сокровищницу своей души.

Теперь Ви дралась за что-то. Нет, за кого-то. И впервые делала это бескорыстно.

Ферали согнулся, и под кожей быстро забегали кости. Пока Ви защищала себя магией, существо превратилось в подобие кентавра, только с туловищем не лошади, а кугуара. На четырех лапах, короче и подвижней. С руками и торсом человека. Держа в руках копьё, оно метнулось к Кайлару, который нырнул за колонну.

Ви бежала вверх через три ступеньки, чтобы атаковать короля-бога. Сейчас он выяснит, как сильно ошибался насчет принуждения. Пусть Кайлар борется со зверем; она отрежет ферали от источника.

Ви вытаскивала меч, когда в десяти футах от короля-бога с ходу налетела на пузырь защитного поля. Словно уткнулась в стену. Пришла в себя на лестнице — даже не заметила, как скатилась немного вниз по ступенькам. Из носа текла кровь, в голове шумело. Она из-под ресниц взглянула на Кайлара.

Дрался тот виртуозно. Пока ферали атаковал с копьём наперевес, Кайлар ждал до последнего. Затем бросился вперед, пролетел над зверем. Сверкнули ножи. Копьё прошло в дюймах под ним, не задев. Однако он не закончил. Выбросил руку и как-то зацепил мраморную колонну, процарапав в ней дымящуюся борозду. Когда зверь крутнулся, чтобы

его поймать, Кайлар, уже с другой стороны колонны, пролетел над спиной ферали. Вновь блеснули лезвия.

Кайлар приземлился на корточки: одна ладонь на полу, другая — на мече в ножнах. Ферали стоял, обливаясь кровью. Кожа с ненасытными ртами была разрезана на плече, сзади на одной из рук и вдоль задних лап кугуара. Кровь, как у человека, была красная. Однако на глазах у Ви рваные раны затянулись в шрамы. Ферали метнул копье. Кайлар отбил его рукой, но чудище уже атаковало.

Когда Кайлар прыгнул к стене, ферали выбросил руку, и та удлинилась в мгновение ока. Кости, пощелкав, встали на место, и огромная лапа с серповидным когтем махнула, рассекая воздух. Оттолкнувшись от стены, Кайлар угодил прямо под коготь. Мощный удар сбил его на пол.

Ви решила: мертв наверняка. Он упал, но в тот же миг коготь обломился и запрыгал по полу, в сторону от ферали. Каким-то чудом Кайлар ухитрился вытащить меч и отразить хлесткий удар. Ферали с обмякшей, бескостной левой задней лапой выглядел потрясенным. Он втянулся сам в себя, превращаясь в огромную кошку.

Прежде чем зверь опять напал, Ви наконец собрала всю силу воли и с криком атаковала его. Ферали развернулся. Она танцевала вне досягаемости его когтей. Кайлар встал на ноги, но его сильно шатало. Ферали отпрянул от Ви и брюхом коснулся пола, где лежал мертвый коготь.

Вмиг этот кусок плоти снова стал частью ферали. Кости заскользили, и перед Ви и Кайларом возник высокий человек с костяными мечами вместо рук. Могучие мускулы, почти все тело в костяной броне.

Теперь Кайлар и Ви бились вместе. Кайлар в воздухе исполнял движения, которых Ви не могла даже постичь. Кувыркаясь, он отлетал от стен и колонн и всегда, словно кошка, приземлялся на ноги, оставляя стальными когтями кровавые разрезы. Ви была слабее, зато проворней. Ферали то и дело менял форму. Вдруг стал худощавым, с живой цепью, которой размахивал над головой, обвивая колонны, — в надежде, что кого-нибудь да ухватят звенья с маленькими ртами. В разгар боя одно из звеньев зацепило рукав Кайлара. Он потерял равновесие и рухнул на пол. Ферали втягивал цепь, пока в зазор между рукавом и кожей не скользнул меч Ви. Кайлар не медлил и секунды. Просто вскочил и продолжил схватку.

Затем ферали вырос в великана с боевым молотом. Огромным оружием он бил направо и налево, круша мрамор. Кайлар и Ви носились по иллюзии битвы на полу тронного зала, сражаясь так же отчаянно, как и крошечные сенарийские мужчины и женщины.

Теперь они вели бой как единое целое. Ви и Кайлар дрались вместе. Прикрывали друг друга, спасали жизнь. Кайлар срезал головку костяной булавы, от которой Ви уже не могла увернуться. В свою очередь она прошептала: «Граакос» — и челюсти на руке Кайлара не сомкнулись.

Для нее это был момент истины. Ви ни с кем никогда не общалась по-дружески, только с Кайларом. Никому не доверяла так слепо, как ему. В процессе битвы она понимала в нем то, что не выразили бы и тысячи тысяч слов. Между ними царила полная гармония, все выходило само собой.

В то же время ее все больше охватывало отчаяние. Они нанесли ферали уже сотню резаных ран. Двести. Атаковали рот, глаза. Отсекали куски тела. Зверюга полегчала на несколько фунтов, из нее хлестала кровь — но и только. Они кромсали, тварь залечивала. Права на ошибку не было. Стоит ферали задеть их кожу — считай, погибли.

«Я тоже могу резать».

Кайлар приземлился на колонне и замер. Вдоль руки, на черном ка'кари, обрамленном синим, горели руны. Он уставился на них.

— Ты... что? — спросил он.

— Я ничего не говорила, — ответила Ви.

Ее взгляд был прикован к огромному пауку, надвигающемуся на нее.

— Вот болван! Неужели я такой тупой? — бросил Кайлар, прыгивая на пол.

«Это риторический вопрос?»

Ка'кари пролил темную жидкость из руки прямо на меч. Потом затвердел, превращаясь в тонкий клинок. Кайлар рубанул им направо, затем налево, и у паука отлетели лапы. Рассек их, словно и не было костей. Как масло.

Он отступил, и паук собрал все лапы, но на сей раз обрубки продолжали кровоточить. Они дымились, что не давало расти новым лапам. Ферали снова предстал человеком с мечами вместо рук, но раны теперь зияли на груди, по-прежнему дымясь и выпуская кровь. Чудище взревело и бросилось на Кайлара.

Кайлар махнул мечом, и руки-мечи полетели на пол. Он вонзил ка'кари в грудь ферали и рывком прорезал тело до паха. Дым повалил клубами, хлынула кровь. Кайлар вздернул меч вверх, сделав еще один большой разрез.

Он заметил это слишком поздно. Кожа ферали, подобно воронке от камня, брошенного в пруд, разошлась на пути меча. Всплеск — она вдруг устремила по мечу.

И поглотила ладонь Кайлара.

Он рванулся назад, но ферали, теперь обмякший, упал вместе с ним, прилипнув к ладони. Кайлар дергал меч туда-сюда, потроша ферали. Тот всюду дымил, однако не отпускал.

Кайлар потянулся за ножом. Пусто. Все использовал в битве.

— Ви! — крикнул он. — Отсеки!

Она в нерешительности застыла.

— Отсеки мою руку!

Кожа, вздрогнув, заглотила руку до предплечья.

Кайлар вскрикнул и извернулся. Лезвием ка'кари в левой руке отсек себе правую. Затем упал навзничь, свободный от хватки умирающего ферали.

Он держал кровоточащий обрубок левой рукой. Спустя миг в каждой срезанной вене замерцал черный металл, и фонтан крови иссяк. Обрубок закрыло черным колпаком. Кайлар молча посмотрел на Ви.

В десяти футах от него исчезал ферали. Труп разваливался по мере того, как расплетались узоры магии. Кожа с маленькими ртами, зарябив, испарилась. Остались только волокна смердящих мышц, сухожилия и кости.

— Впечатляюще, Кайлар, — раздался голос короля-бога. — Ты показал мне возможности ка'кари, о которых я не знал. Очень поучительно. Что же до тебя, Ви, ты будешь служить мне превосходно, и не только в постели.

Что-то в душе Ви надломилось. В последние два дня она изменила все. Новая Ви сражалась, чтобы родиться заново, — и теперь король-бог заявляет, что ничего не изменилось. Новая Ви будет мертворожденной. Снова станет шлюхой. Вернется к себе прежней — холодной и жестокой стерве.

Ей казалось, что другой жизни для нее не существует, и Ви терпела нестерпимое. Но, увидев путь стать женщиной, к которой не питала ненависти, уже не могла повернуть назад.

— Вбей в свою дурью башку, Гэри! — крикнула она, чувствуя, как магия вновь по рукам и ногам сковывает ее и Кайлара. — Я не буду тебе служить.

Гэрот улыбнулся благосклонной улыбкой бога.

— На пылких и дерзких у меня отлично стоит.

— Кайлар, очухайся, — проговорила Ви. — Ты должен помочь мне убить этого извращенца.

Король-бог рассмеялся.

— Принуждение, Ви, держит не каждого. Магия Найлов способна освободить большинство людей. Лет эдак девятнадцать назад, во время дипломатической поездки, я совратил одну кьюрскую шлюшку. Когда узнал, что она беременна, то послал людей, чтобы ее забрать. Однако та сбежала раньше, чем они туда добрались. Узнав, что родила девочку, я

и думать о ней забыл. Обычно дочерей топили — хорошая практика для моих сыновей, воспитывает в них жесткий характер, — но здесь игра не стоила свеч. Принуждение, Ви, возможно только в семье и действует не только на мальчишек. Ты...

— Ты мне не отец! — оборвала Ви. — Ты просто больной урод, которому пора сдохнуть. Кайлар!

— Давай-ка, Ви, не будем нюни разводить, — сказал Гэрот Урсуул. — Для меня ты всего лишь пять минут удовольствия и ложка спермы. Хотя нет, лукавлю. Видишь ли, ты мокрушница, которой я могу доверять. Никогда не ослушаешься и не предашь.

Ви охватил ужас — крепче, чем оковы магии.

Кайлар шевельнулся. Взгляд стал осмысленным. Он подмигнул ей. Светло-голубые глаза Кайлара словно говорили: «Ты со мной?»

Она ответила полным яростной, отчаянной радости взглядом, не нуждавшимся в переводе.

Кайлар сказал вполголоса:

— Тебе — его внимание, мне — жизнь.

Он улыбнулся, и остатки страха Ви исчезли. Улыбка была настоящая, не безрассудная. Глаза Кайлара не лгали. Его судьба — убить короля-бога.

— Ты не оставил мне выбора, — поджал губы Гэрот Урсуул. — Дочь, убей Кайлара!

Ка'кари взялся задело, поглотив оковы Ви и Кайлара. Девушка мгновенно начала эффектный трюк, фигуру высшего пилотажа и...

...все остановилось.

Она представила, как прыгает в воздух. Летит к королю-богу. Вот опускается кинжал, лицо Гэрота искажает страх при виде треснувших щитов. Рот открыт. Он с ужасом понимает, что Ви победила его принуждение...

Но это лишь ее фантазии.

Удар встряхнул руку Ви. Запястье согнулось так, чтобы наконец вонзить клинок в сердце, но она ничего не видела и не понимала. Только пустота вокруг.

Разрыв исчез, и Ви опять пришла в сознание. Знакомая хватка любимого кинжала. Пальцы разжимались. Кайлар — ужасно, мучительно медленно — падал. Темные волосы встряхнуло, голова плавно откидывалась назад — от удара кинжалом в спину. Лишь когда Кайлар рухнул на пол, Ви поняла, что он мертв. Она его убила.

— Вот это, моя дорогая дочь, — заметил Гэрот Урсуул, — и есть принуждение.

69

Кайлар в спешке протолкнулся сквозь туман. На короткий миг время будто распалось. Он снова попал в смутную комнату, представ перед человеком, один висок которого побелел. Волк.

— Через пару дней будет поздно, — выпалил Кайлар. — Чтобы покончить с этим навсегда, мне нужно вернуться сейчас.

— В прошлый раз надерзил, в этот — требуешь, — заметил человек.

Он поднял голову, как бы слушая, и Кайлар вновь осознал, что вокруг есть и другие. Невидимки.

— Да, да, — ответил Волк голосу, которого Кайлар не слышал.

— Кто они?

— Бессмертие, Кайлар, должно быть одиноким. Безумие — нет.

— Безумие?

— поприветствуй великую компанию моего воображения, тщательно подобранную из тех глубоких душ, что я встречал за долгие годы. Они не призраки. Хотя, боюсь, лишь копии.

Человек-Волк снова кому-то кивнул и фыркнул от смеха.

— Если они ненастоящие, то почему ты разговариваешь с ними, а не со мной? — спросил Кайлар. Он все еще кипел от гнева и на этот раз не собирался принимать упреки

Волка или вникать в его тайны. — Мне нужна твоя помощь. Прямо сейчас.

— Трудно обеспечивать такую срочность, когда перед тобой пролетают столетия...

— Будет не в пример труднее, если Гэрот Урсуул возьмет мое бессмертие себе.

Волк сложил пальцы домиком.

— Бедный Гэрот. Верит, что он бог. Это его и погубит, как некогда меня.

— И еще, — сказал Кайлар. — Мне нужна рука на прежнем месте.

— Я заметил, что ты умудрился ее потерять. Взял и вытянул ка'кари из каждой клеточки руки. Умышленно?

— Не хотел оставлять его ферали.

«Клеточки?»

— Разумная мысль, чего не скажешь о выборе. Помнишь, как называют твой ка'кари?

— Пожиратель, — ответил Кайлар. — И что?

Волк поджал губы, выжидая.

— Ты шутишь... — У Кайлара засосало под ложечкой.

— Боюсь, что нет. Можно было и не драться. То, что ка'кари сделал, покрыв твой меч, он бы повторил, покрыв твое тело. Ты мог спокойно пройти через ферали.

— Так просто?

— Так просто. Поскольку вместо этого ты отрезая себе руку, сначала убрав из нее ка'кари, она больше не вырастет. Извини. Надеюсь, ты сможешь драться одной левой.

— Иди ты к черту! Верни меня обратно, или Урсуул победит.

Человек широко улыбнулся.

— Вернуть тебя на два дня раньше? Это будет стоить мне, — его глаза блеснули, — трех лет и двадцати семи дней моей жизни. Похоже, богатый грабит бедного. Тебе не кажется, бессмертный? — Он поднял вверх обожженную, узловатую руку, прежде чем Кайлар осыпал его бранью. — Верну, если дашь мне клятву. Есть один меч. Называется он Кьюрох, и я бы был не прав, если бы не сказал, что его сильно жаждут несколько могущественных группировок. Знаешь город Тора-Бенд?

— Торрас-Бенд?

— Он самый. Достань меч и возьми его туда. Пройди дубовую рощу, остановись в сорока или в полусотне шагов от края старого леса и забрось в него Кьюрох.

— Ты что, живешь там? — спросил Кайлар.

— О нет, — ответил Волк. — А вот кое-что другое точно живет. То, что будет охранять Кьюрох от мира человека. Дашь клятву, верну тебя сейчас. Когда доставишь меч, сделаю так, что рука снова вырастет.

— Кто ты? — спросил Кайлар.

— Один из хороших парней. По крайней мере, стараюсь. — В золотистых глазах плясали искорки. — Но хочу, чтобы ты понял то, чего так и не уразумел Акелус: со мной, — он помедлил, усмехаясь, и Кайлара поразило, сколько человечности за этими волчьими глазами, — шутки плохи.

— Усек.

— Готов поклясться?

— Странно, — пробормотал король-бог, стоя над трупом Кайлара. — Где же ка'кари? Я чувствую... он в его теле?

— Да, — вырвалось у Ви помимо воли.

— С ума сойти. Ты знаешь, что он делает?

К ужасу Ви, она вдруг стала отвечать. Вопрос был задан не в лоб, и она юлила как могла.

— Не совсем. Знаю, что оно делает его невидимым.

Ви пыталась сказать «делало», но не смогла заставить себя впихнуть в предложение прошедшее время. Хорошо, если не заметил.

— Что ж. Так или иначе, твой любовничек подождет. Надо проследить за бойней.

Вскрикнув, Ви схватила меч Кайлара. Гэрот наблюдал за ней с любопытством. Меч описал дугу и — замер. Она сама остановила руку. Не сумела закончить взмах.

— Не правда ли, удивительно? — сказал он. — Самое смешное, что изучить принуждение мне помог один из обрядов бракосочетания южан — с кольцами. Ваши люди поняли превратно его истинную силу. Все равно, не стесняйся, наблюдай за битвой — и прекрати ворчать, дорогая. Это неприлично.

Внезапно его взгляд стал безучастным. Ви попыталась шевельнуть мечом, но тот словно застыл. Принуждение было нерушимо.

Как только ведьмы отпустили ферали, Ви присела на ступеньки перед тронем, чтобы наблюдать. Однако даже это жуткое зрелище не завладело ее вниманием.

Должно быть, она сдалась давным-давно. Вся ее битва — сплошной фарс. Сделано все, что хотел от нее король-бог. Убит Джарл, убит Кайлар. В будущем ей, несомненно, предстоит убить еще сотни. Тысячи. Неважно. Больше никто для Ви не будет иметь такого значения, как Джарл и Кайлар. Единственный друг, Джарл, погиб от ее руки. Кайлар. Человек, который как-то пробудил в ней... что? Страсть? Может, просто согрел теплом холодное, мертвое сердце? Человек, который мог стать... ближе.

Ви ненавидела всех мужчин, которых когда-либо знала. Это мужчинам свойственно убивать и разрушать. Женщина дает жизнь, воспитывает. И тем не менее... Кайлар.

Он опровергал все ее представления о мире. Легендарный мокрушник, которому полагалось быть квинтэссенцией гибели, спас маленькую девочку, приютил ее, спасал вельмож, которые не заслужили такой чести, и пытался оставить жестокое ремесло.

«И оставил бы, если бы не я».

Если бы не она, Кайлар жил бы сейчас в Кернавоне, ведя открытый образ жизни, о котором Ви и не мечтала. А Элена? Кайлар мог пожелать себе любую женщину, однако выбрал девушку, обезображенную шрамами. По опыту Ви, мужчины стремились найти на свой член самую похотливую сучку. Если находили, их уже не волновало, что она сучка. О Кайларе такого не скажешь.

Вспышка интуиции вдруг озарила Ви. Она увидела Элену — которую ни разу не встречала — как своего двойника и противоположность. У Элены были шрамы глубиной в дюйм, но под ними скрывались красота, любовь и грация. Ви же — воплощение мерзости и уродства, не считая тонкой вуали кожи. Любовь Кайлара более не являлась тайной. Человека, которого не смутило убийство Джарла, не могли смутить и несколько шрамов. Кайлар видел дальше. Конечно, он любит Элену. Точнее, любил — до того, как Ви его убила.

Он сказал, что вернется? Нет, не вернется. Король-бог победил.

Ви выдернула кинжал, перевернула Кайлара на спину. Глаза его были открыты. Пустота и смерть. Она закрыла эти обвиняющие глаза, положила его голову к себе на колени. Затем повернулась, чтобы досмотреть, как король-бог уничтожит последнюю надежду Сенарии.

70

Все притворство схоластичной отрешенности как рукой сняло. Вначале магам пришлось напрячься, чтобы увидеть ферали. Он вступил в битву практически незаметно.

Спустя минуту один из магов проронил:

— Маккалкин был прав. А мне казалось, он все выдумал.

— Мы все считали, что это выдумка. Что означают в его письменах строки про всякие другие живые существа?

— О боги! Прямо как и говорил. Существо подвластно людям, им управляют.

Весть о присутствии некоего зверя разлетелась по всему полю боя. Ферали принял форму огромного быка, который перепыхивал ряды сенарийцев. Раны, какие бы ему ни наносили, быстро затягивались, и существо росло.

Грохот битвы, звон стали, крики ярости и боли, понемногу затихая, смещались к

холмам над равниной. Теперь явственно слышались новые звуки: вопли ужаса.

Громадный бычище тяжело ступал рядом с халидорским строем. Полдюжины людей, кое-кто еще живой, прилипли к зверю. Ферали взял паузу, усваивая добычу, и начал себя перестраивать. Свернулся в шар, и на коже вдруг появились листы брони. Потом развернулся и встал.

Теперь он принял форму тролля. Втрое выше человека. Кожа — пластинчатые доспехи, кольчуга и разинутые маленькие рты. Помимо самих жертв ферали вбирал в себя их мечи и копья, которыми теперь ошетинился со спины и по бокам.

Первая реакция сенарийцев была поистине удивительной. Они героически атаковали зверя.

Тщетно. Ферали пробивал себе дорогу через их шеренги — медленно, чтобы строй халидорского войска не сомкнулся за спиной. Где бы тролль ни проходил, сея смерть, он осторожно, одной из четырех рук поднимал каждую жертву, убитого или покалеченного, и прилеплял ее к коже либо насаживал на копья, торчавшие в спине. Переваривал одного, затем другого, третьего. Еще и еще.

Ранили ли воины зверя хоть раз, маги сказать не могли. Он терзал шеренгу за шеренгой, без передышки.

Перед лицом неминуемой гибели генерал Агон, всеми силами пытаюсь спастись, атаковал часть халидорского строя. По счастливой случайности или благодаря умелому руководству за ним последовали сотни людей. Атаковали все сразу, в одном месте. Отчаянно. Шеренги халидорцев прогнулись, Агон почти прорвал их оборону. Однако кавалерия принца Мобуру усилила строй до подхода ферали. Сенарийские генералы внезапно свернули атаку и попытались собрать воинов для прорыва в новом месте. Но грохот битвы, сумятица в рядах, окруженных халидорцами, и ужас при виде неумолимо растущего зверя перевесили.

Сенарийцы сражались до безумия отчаянно. Они были на грани паники.

— Мы должны помочь им, — заявил Джедан.

Маги посмотрели на него как на сумасшедшего.

— Что вы смотрите? Мы едва ли не самые могущественные маги в мире! Если не поможем, они все умрут. Не выступим против Халидора сейчас, потом будет поздно.

— Джедан, — тихо сказал Уэрвел. — Ферали почти невосприимчив к магии, причем к магии древних. Уже слишком поздно.

Не собиравшись утешать юношу и лорд Люциус.

— Нас послали найти великий меч, — добавил он, — или хотя бы молву о нем. Если Кьюрох здесь, то поверь мне, Джедан, мы вскоре об этом узнаем. Если он у сенарийцев, они его сейчас используют. Высший совет...

— Здесь нет никакого совета! — крикнул Джедан. — Мое мнение...

— Твое мнение неуместно! Воевать мы не будем. Точка. Ты понял?

Джедан стиснул зубы, чтобы удержать слова, о которых впоследствии пожалел бы. Он вновь обратил свой взор на людей, умирающих из-за равнодушия лорда Люциуса.

— Понял, сэр.

Единственное, о чем всегда умалчивают истории о сражениях — истории, которые так любил в детстве Логан, — это запах. Он думал, что после Дыры его уже ничем не удивить, однако ошибся. Логан потерял счет людям, которые на его глазах умирали в Дыре, но, каким бы ни было их число — двенадцать? пятнадцать? — это не могло сравниться с количеством убитых здесь только в первой атаке. Запах! Возбуждение и страх, дождь и грязь. Запахи едва уловимые — рядом с блеском стали, видом ретивых лошадей и яростными лицами женщин.

Халидорцы окружили их. Не имея флагов и условных сигналов рукой, чтобы общаться с командирами издали, сенарийцы были обречены. Если в атаку шло слишком мало воинов, она захлебывалась. Если слишком много, их уничтожали с тыла. Сенарийскую армию парализовало, в то время как халидорцев становилось все больше и больше — откуда?

Какого черта никто не доложил об этом? Люк Грэзин, он что, не справился с задачей? Или предал? Сейчас уже не важно, лишь бы избежать кровавой бойни.

Ноздри Логана заполнил смрад.

Смрад плотной толпы людей, их тепла, пота и страха, которые смешивались с ужасом охваченных паникой лошадей. Клоака, ибо напуганные и мертвые теряли контроль, опорожняя кишечники. Желудочные соки из вспоротых животов, разрезанные кишки. Умирующие лошади, которые дико ржали и судорожно брыкались на земле. Кровь, столь обильная, что вместе с дождем собиралась в лужи. Сладковатый запах женского пота. Их ряды таяли, но они не ведали страха, пока Логан был бесстрашен.

Куда бы он ни шел, сенарийские ряды дрались сплоченней. И боевой дух поднимало не только его присутствие. Скорее, те замечательные женщины. Все в крови, ругаясь не хуже матросов, они одним только видом смущали халидорцев.

Если бы не орден, Логан погиб бы в первой атаке. Чтобы оставаться рядом с ним, женщины бились неистово, почти самоубийственно, и заплатили за это высокую цену. Из тридцати осталось только десять. С таким малочисленным отрядом телохранителей Логана наверняка сразили бы насмерть, если бы не более сотни мужчин, примкнувших к ним сразу после первой атаки — Псы Агона. Он дал им слово, и теперь они отдавали ему свою жизнь.

Логан уже потерял счет времени с начала битвы, когда вдруг учуял новый запах. Какая-то тухлятина? Непонятно. Сегодня армии оставят гнить на поле мяса в избытке, однако пока еще разлагаться нечему. Он услышал и почувствовал, как сенарийцы реагируют, задолго до того, как увидел причину их нового страха. Сидя на лошади, он заметил нечто похожее на быка, который, пробиваясь сквозь шеренги, утаскивал за собой людей. Бык исчез из виду.

Затем вернулся совсем другим существом. Это был тролль с четырьмя руками, двумя парами глаз, бугристой сероватой кожей и торчащими из спины клинками. Не испытав ни малейшего страха, Логан удивился. А ведь должен был испугаться! Видно, страх давно исчез.

Стало ясно: теперь битва сводится к одному. Все просто. Эта тварь убивает его людей. Он обязан ее остановить.

Генерал Агон повел воинов в новую атаку. Его люди ударили в ряды халидорской кавалерии, словно огромный кузнечный молот по наковальне. Только так мог избавиться Агон от алитэрских мундиров, алитэрских лошадей и проклятого офицера кавалерии с кожей ладешца.

Логан бросился на зверя. Тот, казалось, еще добавил в размерах. Одна из рук целиком превратилась в косу, и тролль махал ею по полю футам в трех над землей, пожиная богатый урожай. Увернуться было практически невозможно. Кто-то прыгал, иные прикипали к земле, но большинство людей резало надвое. Тролль шел вперед, поднимая руками мертвых и накалывая их на мечи и копья по всему телу.

Когда сенарийцы отпрянули от тролля как можно дальше, Логан двинулся вперед. Белая строевая лошадь нервно танцевала под ним.

Тролль остановился, разглядывая Логана. Затем издал невнятный рев, от которого лошадь едва не вырвала поводья из рук Логана, и встряхнулся. Из чрева тролля вылезла человеческая голова.

— Логан, — с легким халидорским акцентом проговорила голова и высунулась из брюха еще дальше.

— Урсуул! — зарычал Логан.

— Тебе следует знать кое-что о Дженин.

К началу битвы Логан был слаб. Месяцы в жестокой нужде лишили его сил, истощили. Сегодня он выжил благодаря удаче и дикой ярости, с которой дрались орден Подвязки и Псы Агона, а не собственной силе и мастерству. Однако когда с мерзкого и вонючего языка этого зверя сорвалось имя Дженин, Логан ощутил в себе силу праведного гнева.

— Твоя прелестная красавица-жена жи...

Блеснул меч, и Логан отрубил голову. Она разлетелась по земле клочками гниющей плоти.

Зверь на мгновение застыл. Не шевельнул и мускулом. Еще мгновение, и сенарийцы вдруг возликовали, решив, что Логан все-таки его убил.

Затем тролль поднял руки к небу и взревел так, что дрогнула сама земля. Не спуская с Логана глаз, он отвел назад огромную костяную косу.

71

Нежными пальцами Ви гладила волосы Кайлара. Она почти не замечала, как ферали перед ними превратился в тролля, как безнаказанно бродил он по рядам сенарийцев. Ее взгляд был прикован к мертвому лицу Кайлара. Молодому, спокойному. Ви его убила. Отдала бессмертие королю-богу.

Что-то капнуло на щеку Кайлара. Ви моргнула.

«Что за черт?»

Капля по щеке скатилась к уху. Она снова моргнула, быстрее, отказываясь верить, что плачет. Как там про нее говорила сестра Ариэль? Эмоциональная калека? Ви посмотрела на слезу, блестящую на ухе Кайлара, и смахнула ее.

«Эта сука обозвала меня дурой».

Так и есть! Палец замер.

Точно боевой конь на полном скаку врезался в Ви. Никуда она от Ариэль не делась.

Внезапно стало трудно дышать. Только сейчас Ви увидела ловушку, расставленную для нее сестрой. В каждом слове. Вот приманка, вот последствия. Не выход, но спасение от короля-бога.

Нужно сделать кое-что с Кайларом. Она нетвердой рукой залезла в сумку и нашла коробочку именно там, куда и положила. Открыла ее и взглянула на обручальные кольца из Уэддрина.

Это ведь все равно что изнасилование.

Тем не менее другого выхода нет. Сестра Ариэль заставила Найлов внушить Ви все необходимые знания. Они же говорили: чтобы разбить принуждение, Ви должна показать «внешний признак внутренних перемен». Передать свою верность другому человеку. Говорили и о сильной магии в некоторых старых кольцах, о том, как они держали чары принуждения. А сука-ведьма поманила морковкой: быстрое продвижение, частное обучение. В общем, важная персона.

Наплевать. Она сделает это не для себя. Просто если не сделает, король-бог обретет бессмертие. Ви станет его любимой ручной убийцей, единственной женщиной-чумой, умерщвляющей тех, кто посмеет бросить ему вызов. Она сделает это для тех несчастных, кого сейчас живьем поедают на поле боя. Сделает, потому что иначе Кайлар умрет, и теперь уже навечно.

Только он ее не простит. Никогда.

Ви пробежала пальцами по волосам Кайлара. Посмотрела в его лицо, холодное и спокойное. Словно осуждающее. Она-то спасется, изменит себя, но заплатят за это Кайлар и Елена.

Сережка пронзила левое ухо Ви, и кольцо спаялось в единое целое. От боли заслезились глаза. С мокрым от слез лицом она другой сережкой пронзила ухо Кайлара.

Волна тепла окатила Ви с головы до пят. Она почувствовала, как принуждение вдруг съежилось и лопнуло. Ничто не могло сравниться с внезапно охватившей ее тоской. Она едва не задохнулась. Каждой клеточкой кожи, позвоночником и сердцем Ви ощущала Кайлара. Шло излечение, но Кайлар страдал так жестоко, что ей стало больно. Когда Ви коснулась его лица, пальцы покалывало. Кайлар был красив как никогда. Она хотела, чтобы он узнал ее, хотела рассказать всю правду и быть прощенной. Хотела вернуть его любовь. Чтобы он обнял, тронул щеку, пробежался пальцами по волосам и...

Невыносимо! Ви грубо спихнула Кайлара с коленей и, шатаясь, встала на ноги. Всплеск эмоций оказался слишком сильным, чересчур широким, чтобы их понять, но не казался чуждым. И притворным. Словно кто-то очищал ее любовь, подул на тлеющие угли, и они вспыхнули ярким пламенем. Ви не хватало воздуха. Но теперь она была свободна. Принуждение исчезло.

Свободна! Свободна от короля-бога. На полу перед громадным троллем стоял одинокий всадник. Ви взяла кинжал и, шатаясь, пошла к отцу. Схватила его под руки и заставила встать. Встряхнула.

— Отец! Отец! — кричал кто-то.

Кто, черт возьми, мог кричать это на поле битвы? Спустя миг Гэрот понял, что к чему, и вернул сознание в тронный зал. Несколько секунд Логан подождет. Черт с ним, если не хочет знать, что Дженин жива.

— Отец, — сказала Ви, — ты можешь мне кое-что объяснить?

Раз она его трогает, значит, явно смирилась с принуждением.

— Тебе что, невдомек, что я в самой гуще событий? Голова идет кругом, а ты — «отец».

— Ты заставил меня убить Джарла? Это было принуждение?

Он улыбнулся. Ложь так и просилась на язык.

— Нет, мулина. Ты убила его сама.

— О!

Единственный звук слетел с губ, точно лопнул маленький пузырек.

Гэрот усмехнулся и скользнул обратно в ферали. Взревел в небеса и отвел назад костяную руку-косу. Логан ехал прямо на него, пока лошадь не встала. Он дергал поводья и бил ее по бокам, но лошадь отказалась подчиниться. Она круто повернула назад, совершив отчаянный полукруг, споткнулась о чье-то тело. Когда Гэрот махнул огромной косой, чтобы расцезь Логана надвое, в просвет ворвался один из конных охотников на ведьм и выпрыгнул из седла, увлекая Логана за собой. Коса срубила головы обеим лошадям, и те рухнули на землю, орошенную двойным фонтаном крови.

Логан перекатился через голову и вскочил на ноги. Лучник рядом с ним уже натягивал тетиву. Он поразил один глаз Гэрота, затем другой. Тролль мигнул, и новые глаза вытолкнули старую пару. Теперь уже все равно. Логан стоял, непокорный, но беззащитный. Следующим взмахом Гэрот разрежет крохотного человечка пополам...

Как вдруг что-то горячее вошло королю-богу в спину. Раз, другой, третий. Снова и снова. Он поднял руки ферали к спине, недоумевая, что могло пробить такую толстую кожу и почему другая пара глаз не видела атаку. Однако в спине не было ни стрел, ни копий.

Тролль слабел на глазах. Когда Логан бросился вперед и воткнул ему меч в живот, Гэрот вдруг осознал, что истекает кровью не ферали.

Ранен он сам!

Гэрот услышал всхлипы и вернулся в тронный зал.

Ви прижимала его к груди и раз за разом всаживала ему в спину кинжал, словно хотела, чтобы лезвие пронзило Гэрота насквозь до самого ее сердца.

Он приказал рукам двигаться, но те висели безвольными кусками мяса. Тело умирало — умирало! — в глазах потемнело, почернело...

Гэрот вызвал заклятие смерти. Риск ужасный — пытаться перебросить сознание в другое тело. Если Хали позволит, цена будет жестокой. Но терять нечего.

Вир вырвался из рук и охватил Ви лесом черных пальцев. Они притянули ее ближе.

Еще ближе! Похоже, действует!

Как вдруг... каждый палец вира отсекло радужным лезвием, пролетевшим между Ви и Гэротом. Вир, отрезанный от источника, застыл, треснул и превратился в черный дым. Гэрот обернулся и увидел невозможное.

Кайлар был жив. Он стоял, сжимая в руке черное лезвие ка'кари, и в каждой черточке

его лица читался приговор. Осознание волной захлестнуло Гэрота.

Пожиратель пожирал саму жизнь. Помощник помогал самой жизни. То было не просто лечение или продленная жизнь, а настоящее бессмертие. Вот он, шанс стать истинным божеством, и Гэрот позволил ему ускользнуть сквозь пальцы. Его охватила бессильная ярость.

А затем ка'кари-лезвие Кайлара опустилось еще раз — на голову короля-бога.

Логан вонзил меч в брюхо тролля, и тот качнулся назад. Затем существо упало на колени, словно вдруг потеряло координацию. Логан отпрыгнул, едва избежав участи быть раздавленным. Он не понимал, что случилось, но реакция тролля казалась странной. Логан видел, что существо получало раны куда серьезней и даже не вздрогнуло.

Взоры обеих армий были прикованы к поединку Логана со зверем. Он ударил снова, затем в третий раз, однако стоило ему вытащить меч, как рана затягивалась.

Пока ферали стоял на коленях, пластины, закрывавшие почти весь его живот, съехали набок, скрипя и хлюпая, будто сломанный нос, только во сто крат сильнее. Из зазора между пластин стало выпучиваться липкое месиво. Еще секунда, и оно приняло форму. На чреве тролля живым барельефом проступила женщина. Лицо ее дрогнуло, и появился рот.

— Король, я не могу с этим бороться. Ужасно голодна. Как в Дыре. Король, я не могу остановиться. Посмотри, что со мной сделали. Оно не позволит мне себя убить, Король. Так хочется есть. Как тот хлеб. Ужасно голодна.

— Лили? Я думал, это Гэрот, — удивился Логан.

— Его нет. Он мертв. Скажи, Король, что делать. Я не могу себя остановить. Так голодна, что ем себя.

Логан вдруг осознал, что с тех пор, как из тролля высунулось лицо Гэрота Урсуула, существо заметно усохло. Оно пожирало себя. Надо что-то делать, и быстро. Убить ферали они не смогут — чудище лечило раны, не задумываясь. Черты Лили расплывались.

— Лили, — сказал Логан. — Лили, послушай меня.

Она собралась с духом и показалась вновь, хотя на сей раз — без рта.

— Лили, ешь халидорцев. Ешь их всех подряд и беги в горы. Хорошо?

Она уже исчезла. Пластины щелкнули на место, и тролль тяжело поднялся на ноги. Глядя в упор на Логана, поднял руку-косу. От Лили не осталось и следа.

Логан подошел к нему вплотную.

— Ты ведь хотела, Лили, все исправить? Помнишь, Лили? — спросил он, надеясь, что сможет вернуть ее, называя по имени. — Хочешь, Лили, заслужить прощение? Я твой король или нет?

Ферали мигнул, помешкал. Голос Логана, неожиданно для него самого, звучал как никогда властно. Указывая на халидорцев, он крикнул:

— Иди! Убей их! Я приказываю!

Ферали все моргал и моргал. Затем, движением настолько быстрым, что не уследить, махнул рукой по халидорцам за спиной. Логан обернулся и увидел, что тысячи людей уставились на него, не веря собственным глазам.

Логан Джайр, человек, дал приказ ферали остановиться, и чудище подчинилось.

В битве наступило затишье. Халидорцы и сенарийцы стояли друг против друга — и не сражались. Всеобщее внимание привлек ферали, который вырос футов до тридцати. Он даже не повернулся. Просто на мгновение стал студенистым, и то, что было задом, обернулось передом.

Огненный шар, описав дугу от мастера, рикошетирует от ферали, не причинив вреда. Еще с десятков следом — хоть бы что. Спустя миг сверкнула молния, оставив на шкуре лишь темную отметку. Ферали согнулся и напряг каждый мускул. Оружие и доспехи, которые Гэрот сосредоточил в звере, брызнули во все стороны. Сотни стрел, нагрудные щиты и кольчуги, копы и мечи, боевые молоты и кинжалы, гремя, посыпались на землю, образовав широкий круг.

Из рядов халидорцев вылетел сверкающий белый шар. Между вюрдмайстером и фантомом воздух забурился, искажая все будто в кривом зеркале. Шар прочертил кипящий след к фerals.

В десяти шагах от фerals искаженный воздух разорвало красное пламя. Адский червь нанес удар, однако фerals явил невероятную прыть. Миножий рот захлопнул пустоту. Адский червь с черно-красной огненной шкурой извернулся, выползая еще дальше в реальность. Сорок футов. Шестьдесят. Тело и не думало сужаться.

Логан услышал, как на землю из ослабевших пальцев воинов стало падать оружие.

Однако битва титанов длилась всего миг. Адский червь снова промахнулся — в отличие от фerals. Огромный кулак смял голову червя и переломил его тело, словно хворостину. Тело рухнуло на шеренги халидорцев позади, распадаясь на бескровные черные и красные сгустки. Они шипели на земле, точно капли воды на горячей сковородке, испаряясь зеленым дымом.

Фerals повернулся к халидорским рядам. Из его тела мигом выросла дюжина рук, и он стал хватать солдат, точно ребенок — леденцы.

Люди по обе стороны вспомнили наконец о битве. У сенарийцев засверкали клинки, у халидорцев — пятки. Чтобы бежать быстрее, они побросали оружие и щиты.

Когда халидорцы кинулись от фerals врассыпную, из глоток сенарийцев вырвался победный крик. Логан не мог поверить в происходящее. Это было невероятно!

— Кого ты хочешь послать им вдогонку? — спросил генерал Агон.

Он вырос как из-под земли — вместе с окровавленным герцогом Уэссеросом.

— Никого, — ответил Логан. — Она не отличит врага от друга. Наша битва окончена.

— Она? — удивился герцог Уэссерос.

— Не спрашивай.

Агон отъехал, выкрикивая приказы, и Логан повернулся к воину, который выбил его из седла.

— Ты спас мне жизнь. Кто ты? — спросил он.

Женщина с острова Сет, Калдроса Уин, которая всю битву была рядом с герцогом, вышла вперед.

— Это мой муж Томман, о повелитель, — с нескрываемой гордостью сказала она.

— Ты смелый воин, Томман, и отличный стрелок. Какой просишь милости?

Томман поднял глаза, и они вдруг заблестели.

— Мой господин, вы и так уже вернули мне больше, чем я заслужил. Вы вернули мне любовь. Разве есть что-то дороже этого?

Жена взяла его протянутую руку.

Генералы перестроили ряды сенарийцев в максимально плотное каре и только наблюдали, как истребляют противника. Отступление превратилось в беспорядочное бегство. Остатки кольца рассыпались; халидорцы разбежались кто куда. Фerals прорвал их ряды, обернулся змеем и опрокидывал целые шеренги. Люди, крича, прилипали к змею. Затем он превратился в дракона. Неизменно быстрый и ужасный, фerals всегда орудовал множеством рук. Отовсюду неслись жалобные крики. Люди в панике топтали друг друга. Одни припадали к земле, другие съеживались под защитой валунов. Кто-то лез на деревья, там, где кончалось поле. Однако тварь в своей жестокости была дотошной. Она доставала людей везде — живых или мертвых, раненых или притворявшихся убитыми, тех, кто сражался или прятался, — и пожирала их.

Не все халидорцы бежали. Кое-кто поворачивал назад и сражался. Другие собирали друзей и атаковали даже с большей храбростью, чем сенарийцы. Храбростью, порой для них самих невероятной. Впрочем, перед лицом этого воплощения ужаса храбрость была неуместна. Смелые и трусы, знать и простолюдины, добряки и злодеи — все умирали одинаково. Сенарийцы, открыв рты, смотрели, не забывая ни на секунду, что эта бойня предназначалась им. Когда то здесь, то там кто-то из сенарийцев ликовал, никто не подхватывал победный крик. Фerals свирепствовал повсюду. Не гоняясь за отдельными

группами халидорцев, он хватал всех подряд и всегда — всегда! — маневрировал вдалеке от сенарийской армии, точно боялся соблазна подойти слишком близко.

Наконец, поглотив последнюю группу халидорцев, ферали бежал к горам. То ли Сенарию благословили боги, то ли бедная женщина решила исполнить приказ Логана — но ферали устремился туда, где на сотни миль не было ни деревни.

Кто-то в тишине издал возглас. На секунду он одиноко повис в воздухе. Логану подвели новую лошадь, и, вскочив в седло, он повернулся, чтобы вновь ощутить на себе взгляды тысяч пар глаз. Почему они все на него смотрят?

Затем кто-то снова ликующе крикнул, и наконец-таки до Логана дошло. Они победили. Непонятно как и вопреки всему. Победили!

Впервые за долгие месяцы Логан почувствовал, как рот растягивается в усмешке. Внезапно будто река прорвала плотину, и никто уже не мог сдержаться: люди улыбались, радостно вопили и колотили друг друга по спине. И не важно, под флагом какого знатного рода кто сражался. Псы Агона обнимали новобранцев города Сенарии: бывших воров и стражников, сражавшихся вместе насмерть. Вельможи стояли рука об руку с крестьянами, крича в один голос. Логан оглядывал плотные ряды армии, и казалось, что нарушенные связи, некогда объединявшие страну, укрепляются. Меняются к лучшему. Они победили. Ужасной и горестной ценой, но все же устояли против мощи чудовища и магии бога. И победили.

Перекрывая ритмичный звон мечей и копий о щиты, нарастал новый крик.

— Что они говорят? — крикнул Логан генералу Агону, но, задав вопрос, тут же разобрал слова.

С каждым ударом меча по щиту воины скандировали:

— Король Джайр! Король Джайр! Король Джайр!

Это звучало как измена. Дерзко, но прекрасно.

Логан взглядом искал в толпе Тэру Грэзин. Не нашел и улыбнулся.

72

Мертвый бог упал, как мешок пшеницы. Окутанную виром девушку трясло, но, похоже, тот не причинил ей вреда. Кайлар все смотрел на труп Гэрта Урсуула, не в силах поверить.

Судьба Кайлара лежала перед ним мертвой, и убил ее не он.

Волк исполнил свою часть сделки: Кайлар жив. Однако что-то было не так. Ви, еще дрожа от пережитого, не сводила с него глаз; по щекам текли и текли горячие слезы. Он поднял глаза и во всем ее облике прочитал страх и потрясение... с легкой примесью надежды?

«Что за черт? Я вижу, что чувствует женщина? С каких это пор?»

Ви была забрызгана кровью короля-бога, незаметной на фоне темно-серых одежд мокрушника. Однако вид влажных красных пятен в ложбинке между грудями пробуждал в Кайларе ужас.

Ви была в таком смятении, что, глядя на девушку, Кайлару хотелось ее обнять. Она нуждалась в его любви, в том, чтобы он вывел ее из долины смерти, по которой пролегал Путь теней. Теперь-то Кайлар знал, где выход. Любовь. Они разыщут Ули, и он вместе с Ви пойдет по этому пути...

«Вместе с Ви?»

Ее глаза широко раскрылись от страха и угрызений совести. Ви плакала. На короткий миг Кайлар захотел понять, в чем дело, однако рука уже медленно тянулась к уху. Серьга! Идеальное кольцо без зазора, налитое магией такой мощной, что покалывало кончики пальцев.

— Прости, — проговорила Ви, отступая. — Я виновата. Но другого выхода не было.

Она повернулась, и Кайлар увидел свой последний подарок Элене — его обет любви,

ради которого он продал свое неотъемлемое право! — сверкающий в ухе Ви.

— Ты что наделала? — взревел он и почувствовал, как сережка усиливает ярость.

Когда гнев встряхнул Ви, Кайлар ощутил ее раскаяние и ужас, смущение и отчаяние, отвращение к себе и... черт, ее любовь? Любовь! Да как она посмела его любить?

Ви бежала без оглядки.

Кайлар ее не преследовал. Ибо не знал, что сделает, если поймает.

Ви вырвалась через парадную дверь тронного зала. Стражники проводили ее удивленными взглядами.

Развернувшись, они увидели Кайлара над телом короля-бога.

Потом все смешалось: свистки и сигналы тревога, атаки горцев и бормотание мастеров. Кайлар был только рад, что нашел забвение в битве. Она стерла мысли о будущем, в котором нет места Элене, захватила его целиком. Убивать одной рукой — тяжелый труд.

Лантано Гаруваши то и дело невольно трогал меч Небес, хотя, конечно же, держал его в ножнах. Если са'кьюрай обнажит меч, он уже не зачехлит его, пока тот не почувствует вкус крови. Вечерело, и его люди укрыли вход в пещеру, чтобы торжествующие сенарийцы не заметили бивачных костров. Переговорив со шпионом, который вернулся из сенарийского лагеря, Гаруваши встал на выступ скалы.

В пламени костров глаза его воинов блестели. Вот она, судьба! Перед ними открылись чудеса, которые отрицали их отцы и деды. Меч Небес вернулся!

Гаруваши начал без предисловий:

— Сенарийцы не выиграли битву. Победу им принесло то чудовище. Сегодня они пьют. Завтра будут ловить разрозненных халидорцев. Хотите знать, что мы будем делать, пока эти шуты прихлопывают мух?

Воины кивнули. Они владели мечом Небес и шли за Гаруваши. Теперь они непобедимы.

— Ночью мы снимем форму с мертвых халидорцев. На рассвете атакуем и нанесем сенарийцам ощутимые потери, чтобы их разъярить. Постоянно ускользая из-под носа сенарийцев, вытащим их армию к востоку. Через три дня сюда придут основные силы нашей армии. Еще спустя два дня они займут незащищенный город Сенарию. Эта страна будет нашей за месяц. Весной мы вернемся в Кьюру и дадим им нового короля. Что скажете?

Ликовали все воины — кроме одного. Фейр Коузат сидел молча. Его лицо было точно высечено из мрамора.

ЭПИЛОГ

Одолев подъем на последний холм, Дориан увидел Халирас. За его спиной послышался цокот копыт. Он отступил в сторону и терпеливо ждал, захваченный видом. До города оставалось еще два дня пути, но между Дрожащими Горами и Скалой Рабов простирались широкие равнины. Город и замок вместе со скалой возвышались одиноким пиком в океане пастбищной земли. Когда-то здесь был его дом.

Верховой отряд на великолепных лошадях проехал мимо Дориана. Он преклонил колени и отвесил почтительный поклон. На обычный дозор не похоже. Как и на воинов регулярной армии, хотя доспехи утверждали обратное. Людей выдавали оружие и лошади. Шесть огромных горцев состояли в страже короля-бога. Мало того, судя по запаху, несмотря на короткие плащи, мастера, их сопровождавшие, на самом деле были вюрдмайстерами. Они могли явиться только из Сенарии. Отряд вез с собой несколько сундуков. Видимо, несметные богатства.

Дориан поглядывал украдкой, когда заметил настоящее сокровище. Рядом с майстерами ехала женщина, закутанная в плотные одежды, с вуалью на лице. Что-то странно знакомое было в том, как она себя держала. А затем он увидел ее глаза.

Это была девушка, которую он предвидел. Его будущая жена. Дрожь пробежала по всему телу, и Дориан вспомнил обрывки старых пророчеств — что-то блокировало память о них во время прижигания дара.

Когда Дориан пришел в себя, то все еще стоял на коленях. Мышцы свело судорогой; солнце висело над самым горизонтом. Он был без сознания полдня. Отряд ушел вперед на мили, теряясь меж лугов.

«Где ты, Солон? Ты нужен мне здесь».

Впрочем, Дориан знал ответ. Если Солон выжил в Ревущих Ветрах, он, скорее всего, уже плывет домой в Сет, чтобы встретить потерянную любовь. Та женщина, императрица Кайде Вариямо, будет в ярости. Солон из-за пророчеств Дориана в трудный для империи час покинул родину. Дориан мог лишь надеяться, что путь Солона не так одинок, как его собственный.

Ибо даже без пророчества Дориан знал: какую дорогу ни выбирай, он пойдет по ней один, во тьме, мучительно страдая.

Объятый страхом, Дориан встал, дрожа как в лихорадке. Взглянул на дорогу перед ним, обернулся назад. Путь в Халирас, к своей будущей жене — Дженин, так ее звали! — или обратно, к друзьям. Любовь и смерть — или жизнь и одиночество. Бог, видно, так же далек, как и лето во Фризе.

С каменным лицом и прямой спиной Дориан продолжил долгий путь в Халирас.

Горран неусыпно следил за Эленой напряженным и мрачным взглядом. В первый день проблем не возникло, потому что ей не хотелось справлять нужду. На второй день — пришлось. Елена пошла за ним в лес, недалеко, и уединилась за кустом. Горран выждал, когда она сядет на корточки и поднимет юбки, и шагнул к ней. Просто чтобы вогнать в краску. Конечно, при нем она не смогла оправиться.

В тот вечер, как и в каждый другой, и по утрам халидорцы молились:

— Хали вас, Хативос рас ен ме, Хали мевирту раит, реку виртум дефите.

Горран, бросив Элену на землю, сел на нее верхом и в ходе молитвы вдавил пальцы в болевые точки за ушами девушки. Вскрикнув, она почувствовала, как от теплой мочи намокает платье. Не утерпела.

Молитва закончилась. Горран встал, влепил Элене затрещину и процедил:

— Ты воняешь, грязная сука.

Ей не дали помыться, когда они пересекали небольшой горный поток. В тот вечер, когда Горран отвел ее в сторону, Елена задрала юбки и справила нужду у него на глазах. Наблюдая, он не испытывал особого восторга, пока девушка не покраснела и не отвернулась.

— Завтра, — пригрозил он, — я заставлю тебя ходить с дерьмом на лице. Своим или чужим. На выбор.

— Почему ты так делаешь? — спросила Елена. — Разве в тебе нет ничего порядочного?

Однако утром их разбудили ни свет ни заря. Они тут же отправились в путь. Пленники, связанные вместе, выстроились цепочкой за халидорцами. Елена замыкала цепочку из шести пленников, и перед ней шел Герральд, мальчишка. Она не сразу поняла, что так встревожило халидорцев, которые били пленников, едва те открывали рот.

Этим утром халидорских солдат оказалось только пятеро вместо семи.

В ту ночь Горран, видимо, забыл об угрозе. Отведя Элену в сторону, когда ей вновь приспичило, он держал весь лагерь в поле зрения. Елена присела среди лиственниц, с началом осени ронявших золотистые иглы, и сделала вид, что ее не беспокоит присутствие Горрана.

— Возможно, завтра нас встретят мастера, — сказал он, не сводя взгляда с лагеря. — После чего передадим всех вас в их руки. Этот подонок Хаавин, вероятно, трусливо сбежал.

Элена встала и не более чем в десяти шагах от рассеянного Горрана увидела за деревом человека. Незнакомец носил целый ворох плащей, камзолов, рубашек с карманами и был

увешан переметными сумами из лошадиных шкур — всех размеров, только темно-коричневого цвета, — изрядно потертыми от долгой службы. На спине за поясом — два гуркских ножа кхукри с изогнутыми вперед лезвиями. За спиной висел искусной резьбы футляр для лука, и среди одежд торчали разномастные рукояти. Лицо приветливое; раскосые миндалевидные глаза и прямые черные волосы: охотник из Иммура. Он приложил к губам палец.

— Закончила? — Горран бросил взгляд в ее сторону.

— Да, — ответила Елена.

Она поискала глазами охотника, но тот исчез.

Когда они устраивали той ночью привал на опушке леса, чтобы, если что, укрыться за деревьями, солдат осталось только четверо. Халидорцы едва не поссорились, споря о том, надо ли торопиться и продолжать идти в темноте, или о том, действительно ли Хаавин и второй пропавший воин сбежали. Ночь была коротка: Горран разбудил Элену в предразсветном сумраке.

Он молча отвел ее в лес. Елена, как ни в чем не бывало, подняла юбки.

— Откуда на груди такие раны? — спросила она.

— Одна бешеная сука ударила меня вилами после того, как я убил ее мужа и выпустил кишки ее сучатам.

Он пожал плечами, словно тот удар — лишь досадное недоразумение. Так, минутная беспечность.

Горран не придавал особого значения тому, что потрошил детей. Он бил и оскорблял Элену; она могла это простить. Однако равнодушный жест плечами заронил в ее сердце искорку ярости. Впервые после Крыса Елена ненавидела.

Горран взял с собой лук и теперь натягивал тетиву.

— Сегодня мы доберемся до лагеря, — сказал он. — То, что проделает с тобой Неф Дада, ужасно. — Горран облизал сухие губы. — Я могу тебя спасти.

— Спасти? Меня?

— Не следует делать то, что он задумал. Для лодрикарца нет ничего святого. Если сейчас побежишь, я пушу тебе в спину стрелу и избавлю от адских мук.

Его понятие о милосердии было столь причудливым, что ненависть Элены сразу испарилась.

В полусотне шагов за их спиной тьму над лагерем разорвала вспышка света, бросая тени на деревья. Послышался вскрик, затем топот лошадей.

Элена обернулась и увидела с десятков незнакомых халидорских всадников, ворвавшихся в лагерь с севера. Рановато они пожаловали, чтобы забрать своих рабов.

— Беги! — раздался крик, громче того, на что способен человек.

Сквозь деревья Елена видела, как охотник из Иммура ведет бой с халидорцами. Одним движением он рассек сразу двоих. Из рук какого-то всадника вырвался огонь, но охотник увернулся.

Горран натянул тетиву, но между ним и иммурцем было слишком много деревьев и халидорцев. Затем из леса, всего в нескольких шагах от них вылетел мальчишка, Герральд, и побежал прочь от лагеря.

Горран повернулся и нацелил стрелу, ведя новую мишень. О нет! Только не это! Ни о чем другом Елена уже не думала. Она выхватила из-за пояса Горрана кинжал и вонзила лезвие ему в горло. Он вздрогнул, и выпущенная из лука стрела просвистела над головой мальчишки.

Лук выпал из пальцев Горрана. Они с Эленой взглянули друг на друга; от потрясения его зрачки расширились. Удар пришелся точно в середину глотки, и широкое лезвие перекрыло трахею. Он выдохнул, легкие напряглись. Послышался свист. Горран поднял руку к горлу и, все еще не веря, нащупал кинжал.

Затем попытался вдохнуть. Диафрагма работала как кузнечные мехи, но воздух не поступал. Халидорец упал на колени. Елена стояла, оцепенев.

Горран вырвал кинжал из глотки и судорожно вдохнул. В горле забулькало, и он кашлянул на Элену кровью.

Халидорец еще пытался дышать, пока легкие наполнялись кровью. Спустя мгновения он рухнул на лесной настил.

Несмотря на кровь у себя на лице, руках и платье, несмотря на жалобный взгляд Горрана и ужас при виде умирающего человека, Элена ни о чем не жалела. Лишь минуту назад она ненавидела халидорца, но убила не из ненависти. Его просто надо было остановить. Вернись все назад, поступила бы точно так же. Вот тогда-то Элена и поняла.

— Боже мой, какой же душой я была, — произнесла она вслух. — Прости меня, Кайлар.

Элена бежала, оставляя за спиной разрывы магии и охваченные огнем деревья.

В северной части острова Вое, пасмурным и дождливым осенним днем Кайлар стоял, глядя на сложенную им из камней безымянную надгробную пирамидку. Могила Дарзо.

В серых одеждах мокрушника, изрезанных клинками и прожженных магией, Кайлар был с ног до головы забрызган кровью. Многие часы он яростно сражался, убивая каждого халидорского солдата и мастера, на которого падал его взгляд. Медленно угасающая на полу тронного зала магия показала ему поединок Логана с троллем. Он видел, как ферали повернул, и стал свидетелем разгрома халидорской армии. Кайлар заметил, как на Логана смотрели люди. Хотя фигурки были крошечными, сомнений в их чувствах быть не могло.

Логан поведет свою армию домой и через два дня, как прибудет, найдет замок свободным от присутствия халидорцев. Все выметены — за исключением Хали, единственного существа, которого Кайлар предпочел бы избежать. Пусть уж сам король Джайр пригласит каких-нибудь магов, чтобы позаботились о ней.

— Надеюсь, мы выиграли, — обратился он к могиле Дарзо.

Кайлар знал, что сетовать на жизнь бесполезно. Ночной ангел не ищет славы. Как давным-давно говорил ему Дарзо, он всегда будет одинок. Сам по себе.

«Просто очень трудно быть бессмертным», — подал голос ка'кари.

Кайлар слишком устал, чтобы удивиться или обидеться. Ка'кари, вспомнил он, заговаривал и раньше, пытаясь спасти ему жизнь.

— Значит, можешь говорить, — буркнул он.

Ка'кари лужицей стек в его ладонь и застыл стилизованным лицом. Физиономия улыбнулась и подмигнула Кайлару. Вздохнув, он втянул ка'кари обратно в кожу.

Кайлар уставился на обрубок руки. Потерял ни за что. Напрасно дал клятву Волку. Все, что он когда-либо узнал и вытерпел, было только ради одного. Его судьба — убийство Гэрота, мрази, от которой проистекали все беды Кайлара, Джарла и Элены. Так уж совпало, что человек, из-за которого Кайлар стал мокрушником, оказался его последней жертвой. Без Гэрота не было бы Рота. Без Рота у Элены не было бы шрамов, Джарл был бы цел и невредим, а Кайлар — что? — ну, был бы кем угодно, только не мокрушником.

Однажды граф Дрейк сказал ему: «Есть божество, что высекает красоту из наших неотесанных жизней». Ложь. Такая же, как и судьба Кайлара. Может, именно поэтому все было так сложно: он начал верить в божественный промысел Элены. Теперь он не просто потерял девушку, которая сразу стала частичкой его души, заставив Кайлара поверить, что в нем есть и хорошее. Он потерял судьбу. А ведь вместе с судьбой появилась бы и цель: жемчужина, растущая вокруг зла, которое он вынес или причинил. Был бы Кайлар создан для какой-то цели, тогда, наверное, был бы и создатель. Имя которому, возможно, единый бог. Который, возможно, и есть тот мостик над бездной между наемным убийцей и святым. Бездной, разделявшей Кайлара и Элену. Только не было ни моста, ни бога, ни создателя. Ни цели, ни судьбы, ни красоты. И нет пути назад. Его обманом лишили всего сразу: справедливости и мести, любви и цели.

Он думал, что может измениться, ценой древнего меча купить мир и покой. Однако меч Возмездия был только инструментом справедливости. Вершить правосудие жаждал сам Кайлар. Сегодня он убил немало людей, но не мог заставить себя об этом пожалеть. Вот что

значит быть ночным ангелом. Возможно, лучший человек сохранил бы меч. Кайлар не смог, даже при том, что это стоило ему Элены.

Когда он думал о ней, ее лицо все время превращалось в лицо Ви. Когда думал о Ви, то всякий раз фантазии, в которых он определял ей наказание, сменялись фантазиями совсем другого рода.

— Учитель, — сказал он пирамидке. — Я не знаю, что делать.

«Закончи работу».

Он точно знал, как произнес бы эти слова Дарзо: сердито, но твердо.

Что верно, то верно. Волк исполнил свои обязательства по сделке: Кайлар вернулся к жизни мгновенно. Похоже, что обмен неравноценный, но уговор дороже денег. Он найдет и выкрадет Кьюрох, затем поедет в Торрас-Бенд и получит обратно свою руку. Звучало довольно просто. В конце концов, украсть нетрудно — когда можешь стать невидимкой. И глазом не успеешь моргнуть, как рука будет на месте. Обрубок ныл, но Кайлар не вспоминал бы о нем, если бы потеря руки не нарушала равновесие, в том числе и душевное.

«Ты здесь не потому, что не знаешь, что делать, мальчик. Ты всегда знал, что делать».

Тоже верно. Закончив сделку, Кайлар разыщет Ви и убьет ее.

— Не убьешь, — возразил ка'кари.

— Что-то ты больно разговорчив, — ответил Кайлар.

Ка'кари не ответил. Хотя он прав. Кайлар здесь не для того, чтобы получать инструкции. Вовсе нет. Он просто скучал по учителю. Впервые со дня смерти Дарзо Кайлар пришел к нему на могилу.

Слезы потекли по щекам. Кайлар знал одно: это слезы потерь. Он потерял учителя и девушку, ради спасения которой его предал. Потерял дочь учителя. Потерял все надежды на мирную жизнь. Тихий и безобидный знаток лекарственных трав! Сладкая иллюзия! Но ведь сладкая. Кайлар был одинок и устал от одиночества.

У подножия могилы вырыл норку суслик. Учитель разозлится, узнав, что вечность суждено провести в обществе сусликов, ковыряющих его труп. Кайлар раздраженно взглянул на дыру. Такая глубокая, что для нормального глаза выглядела бы просто черным пятном. Однако он увидел отчетливый блеск металла на дне.

Кайлар встал на колени, оперся обрубком — ох! — затем локтем — уже лучше — и дотянулся до дна. Он стоял, держа в руке запечатанную коробочку. На металлической крышке было выгравировано одно слово: «Азот». По телу пробежала дрожь. Сколько людей знали это имя? Кайлар неловко вскрыл коробочку, зажав ее между обрубком и второй рукой. Внутри лежала записка.

«Привет, — гласила она твердым почерком Дарзо. — Я тоже считал, что это моя последняя жизнь. Он сказал, что есть еще одна, во имя прошлого...»

Глаза Кайлара застилала пелена. Он не мог поверить. Строчки длинного письма бежали, но взгляд был уже прикован к заключительным словам:

«Не иди на сделки с Волком».

В конце записки стояла дата. Месяц с того дня, когда Кайлар убил учителя. Дарзо был жив!